ВАЛЕНТИН

ВАРЕННИКОВ



НЕПОВТОРИМОЕ

2


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во второй книге воспоминаний известного русского генерала В.И.Варенникова рассказывается о первых послевоенных годах и о службе в Заполярье.

Автор книги, генерал армии Валентин Иванович Варенников, Герой Советского Союза, выдающийся военачальник, лауреат Ленинской премии, в 1942 году получил назначение на Сталинградский фронт и воевал до победного конца. Он был участником исторического Парада Победы, а перед Парадом как начальник почетного караула принял на Центральном аэродроме Знамя Победы. В. И. Варенников пишет в своей книге не только о Великой Отечественной войне, но и о происходящих в нашей стране после распада Советского Союза экономических и политических процессах. Страстно и нелицеприятно он говорит о разрушительных тенденциях, прежде всего, в современной армии. Кадровый военный, отдавший армии больше шестидесяти лет, крупный общественный деятель и патриот, В.И. Варенников, безусловно, заслужил право быть услышанным.

- Валентин Иванович Варенников
  - Предисловие ко второй книге
  - Часть III
    -
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
  - Фотографии

Валентин Иванович Варенников
Неповторимое
Книга 2

Посвящается соотечественникам и особо — офицерскому корпусу

Предисловие ко второй книге

Вторая книга включает только третью часть «Неповторимого» — «Жизнь без войны. Север».

Показаны непростые условия перехода армии в целом на «мирные рельсы» после тяжелой и длительной войны. Особо сложно это было делать войскам за рубежом, далеко от своего Отечества.

В Группе Советских оккупационных войск в Германии наши войска в первый послевоенный год наводили в своей зоне элементарный порядок — собирали оружие и боевую технику противника, отлавливали скрывающихся нацистов и задерживали подозрительных лиц, убирали руины и помогали немецкому населению налаживать работу коммунального хозяйства и вообще создавать нормальную жизнь.

Личный состав частей и соединений Группы Советских оккупационных войск в Германии постепенно втягивался в боевую учебу. Одновременно началось крупное сокращение войск. В связи с этим проводилось значительное перемещение и увольнение офицерских кадров, а отсюда и возникновение проблем. Главнокомандующим Группой Советских оккупационных войск в Германии назначается наш командарм генерал армии В. И. Чуйков. В целях улучшения воинской дисциплины и порядка в войсках он максимально повышает требования. Мы это приветствовали, хотя и было трудно (младшие офицеры были переведены на казарменное положение).

Моя первая встреча с Брежневым. Учеба в Военной академии имени М. В.Фрунзе. Смерть Сталина, похороны. Рассуждения о вожде. Хрущев насильственно навязал партии и народу мысль о том, что якобы необходимо бороться с культом Сталина. Фактически это была его личная гнусная месть. Вместе с так называемой «борьбой с культом» мы растоптали все свои знамена, уронили честь и достоинство советского народа и страны в целом.

Служба в Заполярье — тоже романтика. Север заворожил меня почти на 15 лет. Но в награду командую четырьмя разными полками, мотострелковой дивизией и армейским корпусом (корпусом уже после Военной академии Генерального штаба). На Севере познакомился с замечательными личностями: А.Н.Косыгиным, Н.И.Крыловым, А.А.Чабоненко, М.И.Казаковым, Б.В.Поповым, А.С.Дрыгиным, Г.В.Романовым.

Все, что пришлось мне на Севере делать, с кем довелось мне в это время служить, конечно, являлось для меня лучше всякой

академии. Служба была тяжелая, но не в тягость — душа пела. Далеко не комфортные коммунальные условия, исключительно суровый климат требовали, а внимательная и без опекунства позиция начальников обязывала меня (и стимулировала) проявлять инициативу во всех вопросах жизни, быта и деятельности войск. Фактически я был полностью поглощен заботами о подчиненных. И это было не напрасно — дела оценивались высоко.

Часть III
Жизнь без войны
Север

Знать меру в радости,
В беде не огорчаться,
И неизбежное
С достоинством нести.

Основные вехи (события) второй книги

Переход Вооруженных Сил к мирной жизни. Группа Советских оккупационных войск в Германии. Учеба в военных академиях. Долгая служба на Севере. Личные суждения об исторических личностях.

Глава I
Первые послевоенные годы

Мы на юге Германии в Тюрингии. Контрольные проверки населения и объектов. Поймали «Гитлера». «Картинки» будней. Расформирование 35-й Гвардейской и других дивизий. Неустойчивость и колебания. Чуйков проявляет характер как Главнокомандующий. Казарма. На перепутье. Мои обращения в кадровые органы продолжаются.

Вернувшись в родную дивизию после обоих парадов Победы, я застал свой 101-й Гвардейский стрелковый полк уже в Плауэне — крупном немецком городе, расположенном на границе Тюрингии и Саксонии. Это на юге страны. Вообще у Германии есть два Юга — один на границе с Чехословакией, а второй — на границе с Австрией и Швейцарией. Второй Юг южнее первого на 400–500 километров. Но и первый, условный Юг, куда относился и Плауэн, конечно, значительно отличался от центра, востока и тем более севера страны. Это красивая, всхолмленная и даже гористая местность, достаточно сильно расчлененная реками и речушками, с множеством небольших озер, прудов и с крупными лесными массивами. В лесах преобладали благородные виды деревьев: сосна, ель, пихта, граб, бук, а в поймах рек — клен, береза, ольха. Большинство лесов окультурены, ухожены, а многие и искусственно выращены. Несмотря на войну и боевые действия, в этих, как и в других районах Германии, сохранился животный мир — это преимущественно косуля, олень, кабан, заяц. Земля богата разнообразными месторождениями полезных ископаемых, вплоть до железных, свинцово-цинковых, медных и урановых руд. Плюс большие залежи бурого угля. Руками трудолюбивых, пунктуальных и дисциплинированных немцев десятилетиями и веками на этой земле создавались обустроенные населенные пункты, развитая промышленность и сельское хозяйство. Все это в основном сохранилось, несмотря на войны, развязанные германскими предводителями. Сохранились даже тяжелые дворцовые часовни — капеллы, мощные соборы, храмы с величественными башнями, а также многочисленные замки по всей стране. Немецкий народ отличается достаточно высокой культурой, о чем свидетельствуют его наука, и искусство, и литература, и музыка, и зодчество.

Все это уже тогда, в 1945 году, возбуждало в сознании

молодого офицера множество вопросов, которые в итоге сводились к одному — почему Гитлер развязал войну, ведь немцам всего хватало, жили они нормально. Строя разумно внешнюю политику, а на ее основе и международную торговлю и т. д., можно было бы обеспечить хорошую жизнь народу без всяких потрясений. Война же якобы за жизненное пространство, как внушали миру Гитлер и Геббельс, — это бред и политическая бутафория, которыми германская элита прикрывала и оправдывала агрессивную политику Германии в отношении других народов. Германский фашизм, стремясь уничтожить многие народы, а их территории и богатства захватить для обеспечения процветания арийской расы, к сожалению, находил значительную поддержку у немецких обывателей. Почему? Да потому, что Гитлер играл на чувстве расового превосходства арийца, якобы призванного самим Богом быть владыкой мира, а следовательно, и все народы, и все блага должны быть у ног немецкой расы. Тем самым Гитлер развивал у своих соотечественников это чуждое нормальным людям человеконенавистническое качество. Расизм в Германии был принят официальной идеологией, и, если кто-то пытался этому противостоять, тот был раздавлен.

Все это мне виделось еще в 45 году. Мы частенько обсуждали эту проблему среди товарищей и, наблюдая благожелательное к ним отношение со стороны немецкого населения, прекрасно понимали, что народ Германии неповинен в войне. Поэтому и наше отношение к нему тоже было благосклонным.

Несмотря на то что на исходе был уже второй месяц после окончания войны, Советское командование после встречи наших войск и войск союзников на Эльбе и окончательного решения вопроса о сферах и зонах контроля германской территории оккупированными войсками приняло решение о проведении тщательной проверки всех и вся, что было в нашем ведении. Главная цель — изъятие оружия, боеприпасов, боевой и иной бесхозной техники, разминирование объектов и дорог и, что особо важно, недопущение укрытия военных преступников. Работа проводилась при активном участии работников «СМЕРШ» — представителей КГБ.

Город Плауэн тоже был в сфере этого контроля. Он был поручен нашему 101-му Гвардейскому стрелковому полку 35-й Гвардейской стрелковой дивизии. Город и его окраины были разбиты на три сектора. На каждый из них поставили заместителя командира полка, в ведении которого находились определенные подразделения для решения практических задач. Один из секторов оказался в моем ведении. Подразделения полка

относились к выполнению задачи весьма ответственно. Причем мы не скрывали от местных жителей целей проведения мероприятий. Наоборот, стремились возможно популярнее и шире довести эти цели до населения и привлечь его к нашим действиям. Мы разъясняли, что в основе всего лежит создание безопасности как для воинских частей Советской Армии, так и для местных жителей.

Действительно, было много случаев, когда с помощью немцев мы находили склады (или нечто вроде складов) оружия и боеприпасов. Обнаружили шесть неисправных бронетранспортеров. Все это было найдено в прилегающих лесах. Но самое главное — то, что удалось обезвредить один крупный фугас непосредственно в Плауэне, на машиностроительном заводе, и разминировать крохотную фабричонку в Эльснице — небольшом населенном пункте южнее Плауэна. В обоих случаях положительную роль сыграла информация, полученная от местных доброжелателей. И поскольку обезвреживание было, в первую очередь, в интересах населения, мы старались в меру своих возможностей поощрять этих информаторов. Одновременно сообщали по местному радио и в газетах о самоотверженных поступках немцев, стремившихся своими действиями не допустить возможные человеческие жертвы.

Когда закончилась эпопея с контрольными проверками, то нашему полку было поручено принять службу на временно определенной границе с союзниками в районе Хиршберга. Моя оперативная группа, отвечающая непосредственно за охрану границы в Хиршберге и прилегающих районах, располагалась в Гефеле — это до десяти километров от границы. Командование и штаб полка с подразделениями обеспечения и обслуживания находились в Целленроде, а штаб дивизии — уже в крупном городе Грейце.

Хиршберг расположен на берегу небольшой, но бурной в этом месте реке Заале. По ту сторону реки, фактически почти против каждого нашего поста, стояли американские посты. Но если мы несли службу как полагается, круглые сутки, сменяясь через каждые два часа, то у американцев это выглядело совершенно иначе.

Они развернули палатки прямо у реки, как туристы, и предавались в основном развлечениям, в том числе и с девицами. День и ночь звучала танцевальная музыка, подпившие солдаты вовсю горланили песни. А охране обозначенной границы — никакого даже формального внимания.

Наблюдая картину столь поразительной беспечности и безответственности и видя, что все это разлагающе действует на

наших солдат, я вынужден был приблизительно через неделю пригласить к себе сержанта американской армии и сказать ему, что хочу увидеть их начальника — офицера. Сержант охотно взялся немедленно выполнить мою просьбу — вернулся к себе, сел на мотоцикл и помчался к своему руководству. Но после нашего с ним разговора, перед тем как уехать, допытывался — не может ли он, сержант, решить все возникшие у меня вопросы и следует ли беспокоить начальство. Я вынужден был сказать ему, что должен разобрать некоторые проблемы именно с офицером. Часа через полтора приезжают уже знакомый мне сержант на мотоцикле и на джипе — два офицера — капитан и лейтенант. Оба навеселе.

Капитан за рулем, еще не остановив машину, кричит на ломаном русском языке:

— Хеллоу, сосед! Я каждый день ждал, что ты меня пригласишь. Ну, как живет русский капитан и его солдаты?

— У нас все прекрасно, — отвечаю я, поддерживая взятый капитаном тон, — вот решил с тобой встретиться, познакомиться, а то получается как-то неудобно: союзники, несколько дней стоим на одном участке, а друг другу в глаза еще не смотрели. Русские любят, чтобы все было ясно и открыто.

— Да, да! Мы в этом убедились. И еще мы знаем, что они очень выносливые и мужественные люди — такую войну вынести на своих плечах мог только русский…

— Не просто вынести на плечах, но и победить, в прах повергнуть врага.

— Именно в прах. И это мы сделали вместе, все союзники.

Не желая развивать мысль, как мы это «сделали вместе», и тем более о роли и месте каждого союзника в победе, я перевел разговор на другую тему:

— Капитан, ты откуда знаешь русский? Жил в России?

— О, это интересная история, но прежде, чем о ней говорить, нам надо выпить за встречу и за союзничество, — засмеялся капитан и сказал лейтенанту по-английски, чтобы тот организовал все в машине, а потом снова обратился ко мне: — Ты же любишь виски? Это прекрасный напиток!

— Во-первых, если давать оценки напиткам, то у каждой нации есть на этот счет свои взгляды. Для русских лучше русской водки ничего не существует. Вот почему мы делим нашу водку только на два сорта: «хорошая» и «очень хорошая».

— Это прекрасные категории, — снова засмеялся капитан.

— Во-вторых, — продолжал я, — сейчас время рабочее. Надо нести службу, а мы вдруг организуем «чаепитие». Я вас обоих приглашаю к себе в штаб в Гефель, и мы все это отметим в

нормальных условиях.

— Нет, нет, спасибо. У меня сегодня встреча со своими начальниками, с тобой мы еще встретимся не один раз. А сейчас просто символически надо отметить прямо на границе, — не отставал капитан.

— В-третьих, — мгновенно сориентировавшись, сказал я, — любой военный обязан принимать решение, исходя из сложившейся обстановки. Поэтому я решил принять «вызов» моего союзника и выпить за совместную хорошую службу на границе.

Похлопывая друг друга по плечам, мы устроились в джипе, где лейтенант уже все приготовил. Мой собеседник взял какой-то сосуд типа термоса и наполнил пластмассовые стаканчики доверху. Мы произнесли речи и выпили. Капитан, не закусывая, стал разливать виски, приговаривая:

— Как у вас говорят, посуда не терпит пустоты.

— Тем более что решено отметить встречу только «символически», — продолжил я, а сам все время думал о главном: надо выяснить — почему американцы не несут службу, а только предаются развлечениям.

Капитан и лейтенант, которым он переводил сказанное мною, искренне и заразительно смеялись. Им особенно понравилось, что водка у нас только двух сортов. Однако, несмотря на установившуюся нейтральную обстановку в нашем небольшом застолье, я вынужден был все-таки прояснить о службе на границе и спросил капитана, не мешают ли наши солдаты, патрулирующие на своих участках, американским солдатам веселиться? Тот долго хохотал, вытирая слезы. А когда я добавил, что они, американцы, наверное, считают, что нет смысла нести службу с двух сторон, потому что советский Иван не пропустит никого ни туда, ни обратно, американские солдаты уверены в их надежности и поэтому занимаются только личными делами и, наверное, вообще не знают, где граница и зачем они здесь, — капитан вообще покатился со смеху и долго не мог прийти в себя. Наконец он привел себя в порядок, мы еще раз чокнулись, и тут вдруг заговорил лейтенант:

— Меня многие уверяли, что русские — это суровые, неразговорчивые люди. А они, оказывается, очень общительные и к тому же интересные юмористы.

— Думаю, что ваши коллеги, которые давали нам характеристику, имели к тому основание. Но им просто не повезло — они видели, очевидно, нас только в работе. А любую работу мы выполняем, как правило, молча, очень серьезно и капитально. В том числе, если кому-то надо набить морду, мы

делали это основательно, чтобы запомнил на всю жизнь.

Американцы опять принялись смеяться, но уже более сдержанно. Наконец после моих настойчивых просьб капитан рассказал историю, которая прояснила, откуда он знает русский язык.

— Мои далекие предки проживали во Львове, точнее, в Бродах. Там жило много русских, украинцев и белорусов. Когда произошло первое разделение Речи Посполитой, то они вместе с соседями перебрались в Сандомир и образовали вблизи города на берегу Вислы несколько хуторов. Как ни странно, среди переселенцев были и русские. Моим повезло, — они сколотили капитал и переехали вначале в город, т. е. в Сандомир, а затем в Лодзь. Там открыли свое большое дело — мануфактуру. В 1905 году прокатилась волна восстаний. Она началась у вас в России и дошла до нас. Мои родители и родственники вынуждены были покинуть Польшу и уехать в Штаты к своим знакомым. Они поселились в штате Джорджия. Там есть такой городишко Саванна. Он стоит в устье одноименной реки Саванна на берегу Атлантического океана. Это моя Родина. Там красиво, богатая растительность. Круглый год лето. В декабре и январе температура немножко понижается и льют дожди. Но в целом у нас всегда тепло. И народ приветливый. Среди наших друзей было две русских семьи, которые прибыли в эти края почти одновременно с нами. Переселенцы создали общину, которая помогла всем обустроиться. Туда входили и русские. Родителям и здесь повезло — их дело процветало. Русские работали у моих на фабрике. Со временем я окончил военный колледж и стал офицером. Для меня высадка морского десанта на севере Франции было великое дело. Сейчас командую батальоном. Мой штаб и штаб полка стоят в Хофе. Приезжай к нам — всегда будем рады. Так вот, общение с русскими в Америке помогло мне узнать русский язык. Отец знает русский гораздо лучше меня. Летом 1918 года, мне тогда был всего один год, он побывал с нашими войсками в Архангельске. Много об этом рассказывал, когда я уже подрос. У вас были большие беспорядки в стране, и американцы вместе с европейцами — англичанами и французами хотели помочь вашему народу. У отца осталось много друзей и приятелей в Архангельске.

— Извини, капитан, я не знаю, что тебе рассказывал твой отец, но это была открытая военная интервенция. Ее целью была ликвидация молодой советской власти. Однако у них ничего из этого не получилось. Им дали по зубам, и они отправились восвояси.

— Куда, куда отправились?

— Во-сво-яси! Это значит вернулись к себе домой.

— Да, именно так. Они вернулись домой, а русские сами наводили порядок.

Чувствуя, что я и так уже перегнул и надо было смягчить обстановку — на такой встрече можно было бы обойти острые углы, — решил потихоньку закруглять:

— Ваш папаша хоть и вернулся домой целый и невредимый, но, как я понял, эта экспедиция не была для него бесплодна — он совершенствовал свой русский язык.

— Да, — посмеивался капитан, но уже без той прыти, как это было вначале, — и он привез много впечатлений.

— Так как, уважаемый союзник, мы будем дальше нести службу на «границе»? — спросил я его под конец.

— Доложу своим начальникам. Возможно, они согласятся, и мы отведем свои посты несколько глубже. Поставим их на основных дорогах, которые выводят к демаркационной линии.

— Вам виднее, какое решение следует принять. Мы ожидаем также, что вы посетите наш штаб в Гефеле. А сейчас хочу поблагодарить вас, капитан, и вашего коллегу за встречу, за угощение и пожелать вам всяческих успехов.

— Мы тоже рады были этой встрече и благодарны за любезность, которую вы проявили.

Расстались мы хорошо. Но меня одолевали разные думы, в том числе о снятии американских постов непосредственно с границы: хорошо это для нас или плохо? Пришел к выводу, что будет лучше, если их уберут. Во всяком случае, для наших солдат обстановка будет благоприятной. Расставшись с американскими офицерами, я совершенно не предполагал, что через несколько месяцев обстоятельства сведут нас вновь.

Вернувшись к себе, связался с командиром полка, а к этому времени командиром был уже назначен подполковник Дегтярев (подполковник Андреев как пришел к нам в дивизию незаметно, так незаметно и ушел, о чем никто не сожалел, а даже наоборот). Доложил по телефону об обстановке. Он потребовал, чтобы я приехал и сделал ему доклад лично. Условились, что я сделаю это утром на следующий день, так как уже вечерело. Что и было сделано. Мои оценки и решения командованием были утверждены.

Подполковник Дегтярев был прямой противоположностью Андрееву. И хотя на фронте не был или был, но непродолжительное время, его чисто человеческие и командирские качества были высоки. Мы его между собой называли «Старик», хотя ему было всего 42 года, но для нас это число в то время было астрономическим. Дело даже не в возрасте,

главное — его внешний облик, особенно лицо с впалыми щеками и большими залысинами. Они-то и делали его старше своих лет. Но он был очень энергичный. Казалось, работал круглые сутки. Везде успевал, все знал, толково, по делу проводил совещания. Жестко контролировал исполнение отданных распоряжений. Очень переживал, если что-то не получалось. Одно время в дивизии (возможно, это было не только в нашей, но и в других) как прорвало: одно происшествие за другим, ежедневно или даже по два-три в день. И главным образом дорожные катастрофы. Офицеры всех рангов и некоторые солдаты понахватали мотоциклов, в основном брошенных немцами или купленных по бартеру (обмен шел на табачные изделия, сахар и масло), а навыков в езде практически не было, прокатиться же с «ветерком» норовил каждый. В итоге — или убивался, или калечился.

Обстановка была критическая. Простояв несколько месяцев на границе и сменившись, мы расположились по-батальонно вокруг Целленроды. Всесторонне обеспеченная полковая артиллерия с тремя батареями стояла в двух километрах от города в небольшом, барачного типа, городке, что было очень удобно. Но мотоциклы для полка были сущим бедствием. Командир полка отдал приказ — всем, кто имеет мотоциклы, сдать их на полковой склад и получить справки. Все знали, что при убытии из части каждый мог свой мотоцикл получить. Однако охотников сдавать мотоциклы было очень мало, поэтому командир полка лично, его замы, командиры батальонов буквально вылавливали нарушителей, и в этом случае мотоциклы конфисковывались и разбирались по частям. А число происшествий между тем не уменьшалось.

Однажды утром Дегтярев вызвал меня и мы с ним отправились к полковым артиллеристам — он решил проверить, как они живут. Был выходной, занятия не проводились. Мы ехали и мирно беседовали. Свернув с основной магистрали на дорожку, которая вела уже непосредственно в военный городок, мы заметили, что ворота, до которых оставалось еще метров 200–250, почему-то распахнулись, хотя никто не сообщал, что командир полка поехал именно сюда. Однако навстречу нам из военного городка выезжает на мотоцикле как ни в чем не бывало командир 57-мм батареи капитан Гутник. Командира полка взорвало:

— Вы посмотрите, ведь это же Гутник?! Каков подлец! Ведь только вчера разбилось два человека, об этом всем сообщили телефонограммой, еще раз, и это уже, наверное, в сотый раз, приказано категорически немедленно сдать мотоциклы и прекратить все поездки, покончить с этим несчастьем. А он?! Это же открытый вызов, прямое неповиновение и нарушение приказа!

В это время наша машина уже подкатила к контрольно-пропускному пункту и стала поперек дороги, чтобы нельзя было проехать. Гутник, издалека заметив машину командира полка, подрастерялся. Заглушив двигатель и опустив подножку, чтобы мотоцикл не падал, сам встал рядом, потупив голову. Командир полка вылетел из машины, подскочил к пожарному щиту, что был прибит к стене КПП, сорвал с него топор и помчался к Гутнику. В первый миг я подумал, что он сейчас Гутника зарубит. А тот, вконец обалдев, стал медленно поднимать руки вверх, будто сдавался в плен. Я тоже опешил и никак не соображу, что надо делать. А Дегтярев уже у «жертвы», которой оказался мотоцикл. Не обращая внимания на стоявшего рядом с поднятыми руками Гутника, он обрушил залп ударов по колесам. Мотоцикл упал. Топор, резко ударяясь по резине колеса, отскакивал, но тут же снова опускался на это же или на другое колесо, не причиняя никакого ущерба. Смотреть на все это было неприятно. Гутник, придя в себя, бубнил одно и то же:

— Не надо, не надо… Я же ехал сдавать мотоцикл.

Конечно, он врал. Если он решил это сделать, то мог выполнить приказ еще неделю назад. Командир полка, видя нулевой эффект от своих ударов по резине колес, начал крушить все остальное: двигатель, свечи, провода, фару, спицы и т. д. Обессилев, Дегтярев швырнул топор в кювет, молча сел в машину, развернулся и уехал обратно.

Мы долго смотрели ему вслед. Потом я наказал солдатам вырыть у обочины яму поглубже, закопать в ней остатки мотоцикла, забить осиновый кол и доложить, а сам вместе с Гутником отправился к нему в канцелярию.

— Как скверно получилось! — начал я неприятный разговор. — Ведь вы меня уверяли, что ни у кого мотоциклов нет, а сами лично изволите раскатывать?! Я же, надеясь на вашу честность, в свою очередь, тоже фактически втирал очки командиру полка. Почему вы так поступили?

— Да я же гнал мотоцикл сдавать на полковой склад… Обнаружил только сегодня утром и хотел отыскать хозяина, но никто не признается, — врал Гутник. — А вы с командиром полка, сразу не разобравшись…

— Ваши оправдания выглядят очень бледно, — сурово отчитывал я проштрафившегося Гутника. — Вы боевой командир, получив приказ, обязаны его выполнить точно и в срок. Ну, допустим, вдруг обнаружили мотоцикл. Могли немедленно доложить мне или в штаб полка? Вне всякого сомнения. Тем более вокруг этого вопроса максимально обострена обстановка. Я не хочу никаких объяснений. Ваша задача сейчас сесть и

подробно в рапорте доложить командиру полка, как все произошло и что вы намерены делать. Чтобы через 15 минут рапорт был готов!

Гутник остался со своим заданием, а я отправился на конюшню. Там стоял мой Нептун. Дежурный доложил, что за время его дежурства происшествий не произошло, все в порядке и через час он будет раздавать корм. Дневальные делали уборку. Я поинтересовался, где стоят верховые кони. Один из солдат повел меня в торец помещения. Нептун меня сразу узнал, заволновался, стал двигаться, фыркать и бить копытами, поднял хвост трубой, глаза — навыкате. Я погладил его по шее, почесал за ухом. Он одобрительно замотал головой.

— Как часто выводите коня на прогулку? — спросил я дежурного.

— Да почти каждый день, — ответил он.

— Так каждый день или почти?

Дежурный мялся. Было видно, что или он не знает, или коня вообще не выводят.

— Я редко бываю в наряде по конюшне, точно доложить не могу.

Поскольку командир полка уехал, а мне все равно надо добираться до штаба, я приказал дежурному оседлать коня и подвести к канцелярии, а сам пошел к Гутнику. Тот уже стоял у крыльца:

— Плохо, конечно, получилось. Вот мой рапорт, но устно прошу передать командиру полка, что очень сожалею обо всем и что этого больше не повторится.

— Передам, — коротко бросил я и, распрощавшись, вскочил на коня и шагом отправился к выходу. Как только я оказался в седле, сразу почувствовал, что Нептун очень напряжен. Я погладил и похлопал его по шее, чтобы успокоился. Шея была влажная. Это меня насторожило. Потрогал грудь, бока — они тоже были слегка потными. Тут я понял, что что-то произошло. Иногда ретивые ездовые перед поездкой верхом «вливают» коню еще в стойке пять-семь хороших «битюгов» по крупу, бокам, брюху, чтобы он «не спал» под седлом, а играл, и ведут после этого к командиру. Мол, поездка будет что надо. Продолжая успокаивать взвинченного коня, я спустился с поросшей лесом горки, где располагался военный городок, проехал несколько сот метров по магистральной дороге, а перед въездом в населенный пункт решил спешиться и, держа крепко поводья, пройти всю Целленроду пешком. И хотя это было далековато, так как штаб полка находился на противоположной окраине, но ехать на взвинченном коне по большому населенному пункту было опасно.

Однако Нептун разгадал мой замысел. Только я попытался было натянуть поводья, чтобы остановиться, он словно взбесился: закусив удила коренными зубами и поднявшись почти вертикально на дыбы, рванул с места в карьер и, делая гигантские скачки, понес меня по булыжной мостовой центральной улицы Целленроды. Мои самые решительные и самые тяжелые для коня попытки перевести его на рысь или хотя бы на нормальный галоп ни к чему не привели. Это был, как у нас в ту пору говорили, аллюр три креста…

Нептун нес меня быстрее ветра. Мгновенно оценив обстановку, я понял, что может произойти беда, тем более если навстречу или из соседней улицы выедет большой грузовик, или группа пешеходов будет переходить улицу и т. п. В какие-то доли секунды сообразил, что есть только два выхода: или я должен застрелить коня, но сделать это в бешеном скачке было очень трудно, или, приноровившись к этому бешеному аллюру, ждать, когда мой Нептун выдохнется и сам перейдет на спокойный бег. Конечно, я должен быть готов «вылететь» из седла, если Нептун столкнется с препятствием. Я выбрал второй вариант. Обстановка была критическая. На булыжнике в таком аллюре конь в любой момент мог завалиться. Мысли летели одна за другой: «Вот прошел всю войну и остался жив, а теперь придется погибнуть так нелепо или покалечиться».

Между тем наш «полет» пока проходил без происшествий, хотя люди и небольшие машины при виде скачущего Нептуна с всадником шарахались в разные стороны. Однако впереди уже просматривался плавный поворот главной улицы влево, а прямо шла дорога поэже, но зато асфальтированная. Она вела к штабу полка и далее к офицерскому городку. Никаких признаков того, что после пятнадцати или двадцати минут дикой скачки Нептун начал уставать, не было. Наоборот, казалось, он только что стартовал.

Перед штабом полка стоял шлагбаум и аккуратная будочка, где нес контрольно-пропускную службу наряд (сержант и два солдата), который пропускал гражданских лиц, в основном немцев, только по пропускам или по разрешению дежурного по полку. Солдаты на КПП издалека увидели скакуна с седоком и, очевидно, намеревались поднять шлагбаум. Мигом оценив обстановку, я что было мочи закричал:

— Не поднимайте шлагбаум! Не поднимайте шлагбаум!

Видимо, солдаты поняли, однако были в нерешительности. Но я продолжал кричать одно и то же. Нептун, перемахнув через шлагбаум, как через низенькую соломинку (хотя шлагбаум был на уровне человеческого роста), продолжал нестись с той же

скоростью. Впереди нас ожидал Т-образный перекресток — дорога шла строго направо и строго налево к коттеджам, в которых жили офицеры штаба полка и подразделений обслуживания. Прямо начинался луг (точнее, луговина) с хорошим травяным покровом, который кончался кустарником, а дальше — 15–20-метровый обрыв. Внизу проходила железная дорога. Это мне было давно известно. Выскочив на луг, конь продолжал нестись наметом строго по прямой — как заколдованный. Нет, пожалуй, как автомобиль, у которого заклинило рулевое управление, не работают тормоза и вышла из строя кулиса переключения скоростей. Я понял, что надо прыгать, иначе мы оба полетим с обрыва в пропасть, на железную дорогу. А это конец.

Сдвинув ноги в стременах так, чтобы кончики сапог, т. е. носки только чуть-чуть касались дужки стремян, и собравшись в пружину, я руками оттолкнулся от луки седла и ногами — от стремян в расчете вылететь из седла по ходу влево. Получилось все, как было задумано. Но в момент отталкивания левая нога соскользнула со стремени, и я не выпрыгнул, а завалился на левую сторону и, перевернувшись в воздухе всем телом, падая плашмя, точнее навзничь, очень сильно ударился спиной о землю. Хорошо, что Нептун не зацепил меня задними ногами. Падение было резким и сухим. Практически ничто не самортизировало удар — травяной покров был очень тонкий со многими пролысинами, почва, давно не видевшая дождей, спеклась и была тверда, как камень. Правда, мне повезло — я не запутался и не завис в стремени. Иначе конь поволок бы меня, в считанные секунды разбив всего копытами.

Ну, а что же Нептун? Сделав еще два-три прыжка, он сразу остановился, подняв облако пыли. Затем развернулся и медленно пошел ко мне. Остановившись рядом и склонив голову к моему лицу, стал шершавыми губами толкать меня, очевидно, давая понять, что хватит валяться, пора вставать — накатались. А я не мог не только встать, но и пошевелить рукой, чтобы погладить его по морде. Любая попытка пошевелиться вызывала острую, пронизывающую боль во всем теле — так бывало и в прошлом. Однако сознание меня не покидало.

Стояла ясная, солнечная погода. Я смотрел в голубое небо, по которому медленно плыли одиночные кучевые облака причудливых форм, и думал: вот так, глупо, можно погибнуть. Конечно, Нептун выкинул этот номер неспроста, ведь он всегда вел себя послушно. Что же с ним случилось теперь? И снова мои мысли вернулись к Гутнику. Уже после боев столько у него было различных эпизодов, причем с «тенью», что пора и меры принимать. То он организовал судилище над солдатом, а затем

его «расстреливал», то у него на марше от демаркационной линии к пункту постоянной дислокации пропало орудие с расчетом, пришлось двое суток вести поиски; то на 23 февраля 1946 года организовал в батарее великое торжество с множеством различных мясных продуктов сомнительного происхождения и т. д. Не говоря уже о его «перлах» во время войны. Но каждый раз он выходил «сухим из воды», как, к примеру, и в этих трех случаях.

Первый произошел с судилищем. Был у него один боец, который держал длительное время всю батарею в напряжении. В то время в оккупационных войсках был строжайший приказ Главкома о недопущении самовольных отлучек. А этот каждую неделю куда-то бегал. Солдат пропадал — естественно, в батарее объявлялась тревога и весь личный состав шел на поиски. Все этого бойца просто возненавидели. Никакая гауптвахта на него не действовала — он мог улизнуть уже на второй день после отсидки. Но когда этот тип ушел и отсутствовал целые сутки — у всех терпение лопнуло. Ведь из-за этого ЧП в батарее весь личный состав замордовали во время поиска. После чего Гутник решил его судить с участием всей батареи. Об этом «цирке» уполномоченный особого отдела рассказывал командиру полка в моем присутствии.

Дело было так. На вечерней проверке, которую проводил сам капитан Гутник, объявили, что через час после отбоя вся батарея должна собраться в Ленинской комнате — будет проводиться важное мероприятие. Ровно в 24 часа все были в сборе. Заходит командир батареи. Старший на батарее офицер рапортует, что вся батарея собрана. Гутник проходит к главному столу. Затем вызывает самовольщика и ставит его под военной присягой, текст которой написан на стенде, смонтированном на торцевой стене у входа. Далее Гутник обращается к личному составу:

— Товарищи офицеры, сержанты и солдаты! Мы длительное время старались поставить рядового Иванова (назовем его так) на правильный путь, пытались помочь ему, чтобы он не попал в беду. Однако Иванов не только пренебрег всеми нашими советами, увещеваниями и даже дисциплинарными взысканиями, но чем дальше, тем больше вел себя вызывающе. А в последний раз он вообще ушел на целые сутки. Вы представляете — на сутки! Ну, а как же с присягой, в которой он клялся своему народу? А как с приказом Главнокомандующего, который требует пресечь самоволки?

Тут Гутник зачитывает этот приказ Главкома, комментируя каждую фразу, а затем спрашивает:

— Что нам делать с этим злостным нарушителем?

Поднимается старшина батареи и заявляет:

— Иванова надо судить по всей строгости.

Раздаются одобрительные возгласы. Гутник соглашается и приглашает к своему столу сержанта и солдата из того расчета, откуда рядовой Иванов.

— Судить будем всей батареей, но вести суд будем мы втроем. Никто не возражает?

Далее Гутник разбирал подробно все похождения Иванова, показывал, как реагировала на его выходки батарея, как он над ней измывался и почему терпение у всех кончилось. Вывод: Иванов должен нести кару.

Суд длился три часа. В итоге тот же старшина внес предложение расстрелять Иванова. Суд поддержал, батарея согласилась. Иванов взмолился, чтобы пощадили, но Гутник был неумолим. Назначили конвой — командир взвода и пять солдат с боевым оружием — карабинами и патронами. Дело было зимой, холодно, шел дождь, надели шинели. Иванову дали лопату, чтобы он сам себе отрыл яму-могилу, и суд во главе с Гутником и конвой — он же расстрельная команда — отправились в лес для исполнения приговора.

Дождь продолжал идти. Он то усиливался, то переходил в изморось, однако лил, не переставая. Никто плащ-накидок не взял. Батарея вышла из казармы и проводила своего сослуживца в последний путь. Впереди шли Гутник, за ним суд, затем подсудимый с лопатой и, наконец, вооруженная стража. Кругом кромешная тьма. Шли спотыкаясь. Гутник себе подсвечивал фонариком. Пришли к лесу. Гутник говорит:

— Рядовой Иванов, разрешаю тебе выбрать место для могилы. Это тебе дается последнее послабление!

Иванов не двигался. Сказал, что ему все равно. Тогда Гутник приказал рыть там, где он стоит. Иванов снял шинель и приступил к работе. Рыл два часа. Все молчали, только покуривали. Разожгли костер. Гутник все это время ходил взад-вперед. Когда было отрыто больше метра, он сказал, что достаточно, и далее продолжил:

— Вылазь из ямы! Ну, Иванов, давай прощаться. Воевал ты неплохо, а кончил плохо. Позорно. Домой напишем, что за нарушение Военной присяги и приказов командиров был осужден товарищами и расстрелян, как предатель. Тебя же сбросим в эту яму, прикроем шинелью без погон, зароем и никакого следа не оставим, где ты лежишь. Вот так.

Подошел к Иванову и сорвал с него погоны. Затем скомандовал конвойным, чтобы они зарядили оружие и приготовились к стрельбе. Добавил:

— Я буду освещать предателя фонарем, чтобы вы не промахнулись. Внимание, приготовились…

Солдаты прицелились. Вдруг Иванов упал на колени и, рыдая, стал выкрикивать, чтобы его простили и что он никогда в жизни не нарушит дисциплину. Гутник приказал оружие опустить.

Затем собрал всех около Иванова и спрашивает:

— Ну, что будем с ним делать? Может, поверим в последний раз?

Приняли решение не расстреливать, но яму не зарывать, может, она еще потребуется. Все построились и в том же порядке двинулись к себе в батарею. В казарме никто не спал, все ждали возвращения командира батареи. Уже светало, когда Гутник вернулся вместе со всеми. Построив батарею, он объявил, что Иванов поклялся больше не нарушать приказы и что суд решил ему поверить, о чем и докладывается батарее. Затем он объявил отбой и разрешил отдыхать до 12 часов. Все молча разошлись.

Гутник позвонил дежурному по полку:

— Батарея вернулась с ночных занятий, и я разрешил личному составу отдыхать до 12 часов дня.

— Хорошо, но у меня никаких ночных занятий по расписанию не числится.

— Это я по своему плану — дополнительно.

Казалось, поставлена точка. Но нет, в тот же день уполномоченный особого отдела, получив информацию об этом событии, повстречался с Гутником, удостоверился и уточнил детали, а вечером доложили командиру полка. Последний пригласил начальника штаба, заместителя по политчасти и меня, чтобы выслушали всю эту историю.

— Ну, что он, с ума сошел, этот Гутник? — не дождавшись окончания рассказа, возмутился командир полка. — Что будем делать? — посмотрел на меня Дегтярев.

— Воспитывать будем, — ответил я уклончиво, хотя меня этот случай тоже возмутил до глубины души.

Но тут вдруг за Гутника заступился заместитель командира полка по политчасти майор Уткин. Он сказал:

— Конечно, Гутник поступил неправильно и этот случай надо разобрать, но и солдат хорош. Я его лично знаю, дважды с ним беседовал и предупредил, что окажется под трибуналом. Он вывел Гутника из терпения. Я поддержал замполита и сказал, что тоже несколько раз беседовал с Ивановым, однако он продолжал нарушать дисциплину.

Закончилось все тем, что Гутника как следует «пропесочили» по партийной линии, а солдата вообще не трогали, так как он

стал служить исправно. Но осадок от поступка Гутника, конечно, остался тяжелый. Стоило представить всю эту разыгранную трагикомедию, как уже становилось не по себе. В работе с людьми нельзя допускать издевательства и унижение личности. А здесь эти «методы» были налицо.

Случай с пропавшим орудием и расчетом вообще выглядел глупо. Во время совершения марша от Хиршберга (где мы несли службу охраны демаркационной линии) в район Целленроды, где нам определили постоянное место дислокации, расковался коренной конь. Конечно, его надо было убрать из упряжки и, заменив на выносного, продолжать марш. А раскованного привязать сзади к телеге, и пусть ковыляет. Дома разберемся. Дороги хорошие, поэтому все могло кончиться нормально. Но Гутник оставил расчет, дал ему карту с маршрутом и поставил задачу: перековать коня и догнать батарею. Колонна ушла, а бойцы остались. В расчете, в том числе среди ездовых, не было толкового кузнеца, чтобы он мог перековать коня. Возились, возились — ничего не получается. Уже вечерело. Командир расчета принимает решение свернуть с дороги и расположиться на ночь у одного бауэра. А там начали через немцев «промышлять», есть ли у них кузнец-коваль.

Между тем батарея прибыла в пункт постоянной дислокации, а орудия нет. Гутник прискакал ко мне:

— Товарищ капитан, у нас отстало одно орудие.

И доложил, что произошло. Я приказал, чтобы один офицер и два ездовых на рысях отправились навстречу и чтобы ночью батарея была собрана. Среди ночи Гутник докладывает, что расчета нет, а посланная им группа вернулась ни с чем — никого не нашла. Я беру старшего адъютанта, ординарца, сажусь в машину и отправляюсь на поиски, предварительно доложив об этом командиру полка и начальнику штаба. Проехал до Хиршберга включительно. В самом городе объехал все, предполагая что они могли вернуться назад, не зная дороги. Но поиски были безуспешны. С наступлением рассвета отправился в Целленроду, тщательно проверяя по пути все населенные пункты. Лишь к исходу дня приехал в штаб полка. Там в свою очередь тоже отправили несколько команд на машинах и верхом, кое-кого из них я встречал. День кончился, а ни орудия, ни расчета нет. Командир полка доложил комдиву, а тот — вверх. Скандал! Без войны пропало орудие. Но как можно потерять орудие? Это же не иголка!

А эти «артисты» не торопились. Немецкий крестьянин — бауэр их хорошо кормил, а они, довольные, ждали, когда привезут кузнеца. К концу следующего дня кузнец появился со

всей экипировкой, привел коня в порядок, и среди ночи расчет отправился в путь. Командир расчета заставил бауэра взять свою легкую тележку с одной лошадью и провести их до Целленроды. Рано утром расчет отыскал батарею, и сержант доложил Гутнику:

— Товарищ капитан, ваше приказание выполнено: коня подковали, расчет с орудием прибыли, происшествий не произошло.

Гутник подошел к сержанту, взял его за шиворот, притянул к себе и, крепко поцеловав, сказал:

— Надо было тебе набить морду, но пока я ограничусь и этой мерой. Но учти…

Позвонил мне и доложил, что орудие нашлось. Я — командиру полка, и так понеслось по цепочке вверх: «В 101-м Гвардейском стрелковом полку орудие нашли». И хотя все окончилось мирно, но ведь какой позор! А с Гутника как с гуся вода — уже на второй день он как ни в чем не бывало даже в приподнятом настроении докладывал мне свои соображения, как он мыслит облагородить военный городок, где расположилась полковая артиллерия.

Не менее странным выглядело у него и торжество 23 февраля 1946 года по случаю 27-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота. У солдат батареи на столе и в завтрак, и в обед, и в ужин: колбасы разных видов, мясо жареное, мясо вареное, пирожки с мясом и т. д. Это вызвало у всех удивление, а у других батарей и возмущение. Стали разбираться. Гутник вначале сказал, что они во время учений на стрельбище случайно подстрелили оленя, мясо которого частично отдали немцу на изготовление колбас, а часть — пустили в котел. А когда это не подтвердилось, то сказал, что еще в пригороде Берлина им попался немецкий продсклад, где они взяли два мешка сахара и еще кое-что по мелочи, и вот сейчас обменяли у бауэра один мешок на бычка, которого закололи и организовали праздничный стол солдатам.

Уполномоченный особого отдела сообщил мне, что и эта версия не подтверждается. Я вызвал Гутника к себе и в присутствии уполномоченного пристыдил его за нечестный поступок и строго предупредил, что вынужден буду принимать меры. Он пообещал больше не «отличаться». У меня же от всех его «художеств» остался в памяти плохой осадок. А теперь еще история с этим мотоциклом… Если бы не этот случай, то я бы не лежал сейчас беспомощно на траве после бешеного аллюра своего Нептуна. Хорошо хоть жив остался, хотя неизвестно, что будет дальше.

Нептун по-прежнему стоял рядом и своим красноватым

большим глазом смотрел на меня, периодически трогая губами лицо, волосы. Фыркал, но не уходил, словно чего-то ждал. И дождался. Минут через десять к нам прибежали два офицера и два солдата.

— Что с вами?

— Да вот неудачно приземлился, не могу подняться, все болит.

— Может, носилки или врача?

— Пока не надо. Попробуем добраться к моему дому.

Хорошо, что дом был рядом. С большим трудом и муками мы прошли небольшое расстояние, офицеры вместе с ординарцем раздели меня и отправились за врачом. Я улегся спиной вверх. Все тело ныло. Приказал ординарцу взять у меня в кармане рапорт Гутника, отнести начальнику штаба полка майору Кауну и изложить мою просьбу — передать этот рапорт командиру полка. Ну, а Федору Ивановичу Кауну рассказать обо всем, что произошло со мной. Проверить, где Нептун, и переправить его в конюшню.

Вскоре появился один из офицеров штаба, который мне помогал, с ним хирург и медсестра. Врач внимательно осмотрел меня, протер всю спину спиртом и сказал, что у меня вся спина припухла, кожа поднялась, как тесто. Это очень опасно, и было бы лучше, если бы меня отвезли в медико-санитарный батальон в Грейц. Там имеется рентген, и можно будет хоть в общих чертах представить картину с костями, особенно с позвоночником, и внутренними органами.

Я категорически отказался, но попросил, чтобы он проконсультировался с дивизионным врачом полковником Сорокиным, с которым мы были в близких отношениях, когда лечились в медсанбате на Одере в марте 45-го года. Учитывая отсутствие полкового врача майора Гулина (был в какой-то поездке), я сказал хирургу, что он вправе сам или вместе с командиром медроты полка обращаться в дивизию.

В обед я уже начал пить какую-то микстуру, а вечером врач, снова протирая мне спину, сказал, что припухлость увеличилась и появилась синюшность. Врач так же сообщил, что переговорил и с дивизионным врачом, и с ведущим хирургом. Оба просили передать, что к утру пришлют новое, очень сильное средство — пенициллин, и его надо будет инъекциями вводить три дня. Врач сказал, что это самый мощный антибиотик, и, чтобы не развивались какие-либо воспалительные процессы, это будет хорошей профилактикой. Разумеется, я был рад такому вниманию и просил передать полковнику Сорокину мою искреннюю благодарность.

Появились командир полка и начальник штаба. Оба повздыхали, что я пострадал, и выразили надежду, что все обойдется, тем более к моему лечению подключились медики дивизии. Затем подполковник Дегтярев переключился на Гутника и в сердцах сказал:

— Я теперь ни одному слову капитана Гутника не верю. Он нечестный человек и допускает большие нарушения. Ни один офицер в полку не доставляет столько хлопот, как он. Ведь у вас остальные командиры батарей — совершенно другие люди, нормальные, дисциплинированные офицеры.

Мысленно оценивая тревожные оценки командира полка, я, конечно, не мог не согласиться с ним. Да иначе и быть не могло. И в то же время нельзя было сбрасывать со счета боевые заслуги Гутника — он два года воевал, был ранен, имеет ордена за боевые подвиги. Видно, командир полка ждал, что я выскажусь по этому поводу, но меня выручил майор Каун:

— Да, с ним придется повозиться. Хоть он и заслуженный человек, но допускать такие нарушения ему никто не позволит.

— Полностью с вами согласен, товарищ командир, — добавил я, обращаясь к командиру полка. — Первое, с чего начну, как поднимусь, — это Гутник. Думаю, мы его решительно поправим.

Удовлетворенный нашей беседой, командир полка ушел, а майор Каун задержался еще немного, и мы с ним обсудили ряд проблем, хотя я и был далеко не в рабочем состоянии. Федор Иванович уже собирался уходить, как вдруг в комнату заходит ординарец и докладывает, что прибыл капитан Гутник. Мы с Кауном переглянулись, я сказал: «Проси». У Гутника был угрюмый вид. Проштрафившийся сразу же начал о мотоцикле. Я его перебил:

— К чему все это? Ваш рапорт я передал командиру полка. Возвращаться к этому вопросу нет смысла. Если есть какие-то проблемы, требующие немедленного разрешения, выкладывайте…

— О каких проблемах может идти речь в такой час и в таком положении? — закипел майор Каун. — Вы, капитан, даже не поинтересовались у своего начальника, как он себя чувствует, а приехали, как всегда, с оправдательными нотами. — И, обращаясь ко мне, сказал: — Валентин Иванович, позвольте мне забрать капитана, и мы разберем в штабе все его вопросы.

Я кивнул. Мы попрощались. Они ушли, а я остался со своими мыслями, представляя, как эти два крупных украинца будут вести «собеседование», а у обоих — крутой характер. Но не сомневался, что Каун капитану «рога обломает».

На следующее утро врач пришел с медсестрой. Он был в хорошем настроении, сообщил, что ночью привезли пенициллин, и он уже сейчас начнет активное лечение. Однако, сняв с меня простыню, сразу приуныл:

— Валентин Иванович, мы, конечно, будем делать все, что нам сказали. Кстати, сегодня по указанию полковника Сорокина приедет ведущий хирург. Но у вас спина очень плохая, вся фиолетового цвета и сильно опухшая. Думаю, что такая же ситуация зеркально внутри. Может, мы все-таки решимся на медсанбат?

— Доктор, не тяните время, делайте укол и другие процедуры. К нам едет ревизор, он все и определит.

На том и порешили.

То ли принятые медиками меры, то ли молодой организм, а может, сказалось отсутствие серьезных повреждений, но уже через три дня я был на ногах, еще через день — на службе. Но, конечно, все болело, а спина была цвета Черного моря во время шторма.

Жизнь между тем шла своим чередом. Мы занимались боевой и политической подготовкой, правда, по усеченной программе, т. е. только тем, что минимально необходимо для поддержания боевой готовности, организованности и порядка. Было у полка стрельбище, где проводились одиночные стрельбы, а также в составе отделения и взвода. Артиллеристы обычно выезжали на дивизионный полигон, но крупных учений не проводили. Все понимали, что в ближайшее время должны произойти кардинальные изменения в составе Вооруженных Сил. Прошел год, как кончилась Великая Отечественная война, и, естественно, держать армию и флот в том составе, какой был необходим для войны, надобности не было. Вполне понятно, что уже в 1945 году, особенно после разгрома милитаристской Японии, были проведены некоторые сокращения, но они не носили массового характера.

Мы готовились к майским праздникам. Но особенно знаменательным должно было быть, по нашим задумкам, торжество, посвященное первой годовщине Дня Победы. Однако, как ни прискорбно, но накануне этих праздников нас не миновало еще одно не очень-то приятное событие.

Прихожу как-то к начальнику штаба полка майору Кауну. Тот со злым лицом расхаживал по кабинету, а у стола стоял понурив голову начальник связи полка капитан Кагал. Федор Иванович будто ожидал меня:

— Валентин Иванович, ты посмотри на этого начальника — как он воспитывает своих связистов и какие они ему в порядке

благодарности пишут любовные письма. Цыганский табор, а не войско. Вот на, почитай, — и он протянул мне исписанный лист бумаги.

Я взглянул — написано было очень аккуратно, без ошибок и помарок. Федор Иванович продолжал ходить и ворчать, а я читал:

«Дорогой товарищ капитан!

Все народы мира торжествуют победу над фашистской Германией. Это торжество особенно характерно для народов Европы, которые были в оккупации. Мы видели искренне радостные лица поляков. Уверены, что так же рады своему освобождению и все остальные, в том числе и французы.

Товарищ капитан, если бы не Красная армия, конечно, все были бы под сапогом у Гитлера. Но мы раздавили фашизм и гитлеровскую военную машину и вправе гордиться тем, что помогли другим. Мы, русские солдаты, хотели бы посмотреть, например, и на французов, как это было в начале XIX века. Поэтому приняли решение — в течение недели съездить в Париж, пообщаться с жителями и вернуться в полк.

Не сердитесь на нас, товарищ капитан, мы очень Вас уважаем и любим.

Рядовые Ларин и Куценко».

Я с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться и выдержать суровое выражение лица. Ничего себе, воспитанники! Им Берлин уже не нужен — они там были. Подавай Париж! Ну, а если на такую «экскурсию» рванут все или хотя бы половина? Надо, конечно, срочно их задержать и пресечь всё в зародыше, несмотря на их «любовь» к начальнику.

— Ну, что скажешь? — не выдержал Федор Иванович.

— Здесь решение может быть только одно: немедленно принять меры по их задержанию. А для этого надо установить, где эти солдаты несли службу, когда полк стоял на демаркационной линии, и выстроить версию — на каком участке они могли ее пересечь. Затем доложить командиру полка о необходимости создания оперативной поисковой группы, выехать в различных направлениях, повстречаться с нашими офицерами, а если потребуется, то и с американцами. Но медлить нельзя.

— Верно, медлить нельзя! Иначе все эти влюбленные в своих начальников, а еще больше — в Париж, вообще разбегутся. Слушай, Кагал, — обратился Федор Иванович к капитану, — твои подчиненные вообще имеют представление о Военной присяге

или у вас, связистов, все построено только на любви?

Капитан Кагал молчал, стойко перенося иронию своего начальника. Когда же разговор приобрел деловой характер, выяснилось, что эти «туристы» во время нашей службы на демаркационной линии дежурили на узле связи, который располагался на южной окраине Хиршберга. Следовательно, наиболее вероятно, что они в районе этого города и могли по мосту или вброд (река мелка) перебраться на другую сторону. Хотя нельзя отбрасывать и другие варианты.

Договорились, что Федор Иванович сам пойдет к командиру полка и доложит обстановку. Минут через пятнадцать он вернулся расстроенный, бросил блокнот на стол и в сердцах выругался. Затем сказал:

— Конечно, командир полка прав. Мы даже накануне праздника не можем создать стабильную обстановку. Он решил, что нам надо немедленно ехать втроем: тебе, мне и замполиту Уткину.

Я начал возражать, что вместо меня мог бы поехать Кагал, он хорошо знает своих солдат.

— Ни черта он их не знает. Я сам их знаю как облупленных. А он пусть сидит и сторожит, чтобы остальные не разбежались от чрезмерной «любви». Сейчас Владимир Васильевич Уткин подойдет.

Затем начальник штаба полка отправил капитана Кагала в подчиненную ему роту связи «проводить день и ночь воспитательную работу, пока они не поймут, к чему их долг обязывает». Вскоре пришел Уткин и сразу предложил:

— Ну, что, поехали? Я уже знаю всю эту историю.

— Куда ехать?

— Как куда?! В Хиршберг. Предварительно надо узнать, чей там сейчас стоит полк, связаться с начальником штаба и все ему рассказать. Предупредить, что мы скоро подъедем.

На все эти перезвоны и справки потратили почти два часа. Выехать смогли только после обеда.

Отправились на двух машинах: со мной, на «фиате», — майор Каун, за нами, на «Оппель-Олимпии», — майор Уткин. Набрали побольше бензина и кое-что из продовольствия — на всякий случай. Во второй половине дня добрались до Хиршберга. Повстречались с командованием нашего полка, с которым до отъезда по телефону договорились о совместных действиях. Оказывается, они уже навели справки у американцев. Те ничего существенного не сообщили, но предупредили все свои посты. Одновременно якобы высказали пожелание встретиться с нами, чтобы получить информацию из первоисточника. Замполит Уткин

сразу загорелся:

— А как это практически осуществить?

Командир полка, не задумываясь, ответил:

— Надо приехать в Хоф. Это около семи — десяти километров от границы. Там располагается штаб полка и штаб батальона, который непосредственно несет службу против Хиршберга, где как раз и есть мост через Заале. Я уже у них там бывал несколько раз. И они ко мне приезжали.

Едва командир полка обмолвился, что уже бывал у американцев, как Владимир Васильевич Уткин решительно встал и объявил:

— Друзья, нечего мешкать, надо немедленно отправиться в Хоф. Надеюсь, что командир полка туда нас проведет.

Тот с удовольствием согласился. Но мы с Кауном заупрямились и даже выразили свое неудовольствие:

— Владимир Васильевич, ну что ты всегда решаешь за всех? — возмутился Федор Иванович. — Я думаю, что можно было бы ограничиться договоренностью с командиром полка: в случае обнаружения наших солдат по ту или другую сторону провести их задержание и сообщить нам.

Я, естественно, поддержал Федора Ивановича, тем более что меня совершенно не радовала поездка без санкции на американскую сторону, хотя мы с американцами и были союзниками и друзьями. Однако все дело испортил командир полка.

— Конечно, я приму все меры к тому, чтобы на моем участке да и на участках моих соседей, которых я уже предупредил, нарушители не могли просочиться, — сказал он. — Но ведь это ваши солдаты, и если открывается дополнительная возможность для их отыскания, то, на мой взгляд, ее, конечно, надо использовать. Одно дело — я буду говорить американцам, что надо отыскать их, а другое дело вы — непосредственные начальники этого солдата.

Уткин улыбался. Приобретя в свои союзники командира полка, больше нас уговаривать он даже и не пытался — мол, все ясно, надо ехать. Федор Иванович вопросительно посмотрел на меня.

— Если ехать, — начал я, — то надо сразу условиться, что «гостить» там не будем. Попросим командование американской части о повышении контроля с целью задержания нарушителей и сразу отправимся обратно.

Все согласились.

Сборы были недолгими. Командир полка позвонил в нашем присутствии начальнику штаба дивизии и сразу получил

разрешение на выезд в Хоф, что у всех нас вызвало нескрываемое удивление. Он отдал также некоторые распоряжения, не касающиеся нашего дела, приказал адъютанту готовить машину и, расстелив карту на столе, решил немножко пофилософствовать — видимо, в основном для того, чтобы произвести впечатление:

— Судя по тому, что ваши солдаты здесь служили, им должно быть известно все: и место, где можно перейти вброд или переехать через реку на мелководье, и условия выхода на берег на той стороне, и режим службы и охраны границы нашими войсками, и возможность проникновения в глубину американской зоны и т. д. Все это они прекрасно могут уточнить у местных жителей — немцев, с которыми наверняка у них в свое время были завязаны самые короткие отношения. А если учесть, как вы сказали, что солдаты намерены поехать в Париж, то отсюда самый короткий путь: от Хофа на Франкфурт-на-Майне и далее — Париж.

Уткин не выдержал:

— Уже наступают сумерки, может, отправимся?

Никто не возражал. Колонна состояла из трех машин. Первым ехал командир полка с адъютантом и переводчиком, на второй — я с Кауном, на третьей — Уткин. У командира полка был «додж» три четверти — очень удобный для военных целей американский автомобиль, который мы получали по ленд-лизу, как и «студебекеры». Их мы использовали в основном в противотанковой артиллерии, поскольку у них мощный двигатель. Имея небольшие габариты, машина вместе с противотанковым орудием на прицепе быстро передвигается по бездорожью. К тому же она без тента, и поэтому не является хорошей целью для артиллерии и танков, особенно во встречном бою.

Мы двинулись в путь. На границе никаких препятствий не встретили. Километрах в трех от границы на дороге стоял контрольно-пропускной пункт. Путь перекрывал шлагбаум. Рядом стояла табличка, где на английском и немецком языках было написано: «Стой! Предъяви документы». Мы остановились. «Додж» посигналил. Из будки, не торопясь, вышел сержант американской армии без головного убора, расстегнутый, в зубах сигарета. Медленно обошел «додж», заглядывая внутрь, вернулся к водителю и, не обращая внимания на сидящих в машине офицеров, затеял с ним разговор. Переводчик-лейтенант показал на полковника — очевидно, представил его старшим. Между ними начался диалог. Мы не могли слышать разговора, но, судя по позе сержанта, понимали, что этот невоспитанный тип корчит из себя «фараона». Не дослушав полковника, он так же лениво

отправился обратно и скрылся в будке. Потянулись минуты томительного ожидания. Очевидно, сержант звонил своим начальникам и уточнял, что ему делать. Наконец Федор Иванович Каун не выдержал:

— Не союзник, а какой-то гестаповец! Разница только в том, что гестаповец всегда подтянутый и пунктуальный, а этот внешне и внутренне расхристанный.

Я молчал. Но тоже испытывал чувство досады оттого, что этот тип так небрежно ведет себя в присутствии советских офицеров. Это только порочит американскую армию. Тут же невольно прикинул, а могло ли произойти такое у нас в аналогичной ситуации? И при самом критическом отношении к нашему солдату, я не мог себя убедить, что он позволил бы себе такое, что мы сейчас увидели. Во-первых, наш, русский, человек весьма обязателен. А если ему довелось встретиться с союзником, с которым вместе воевал против общего врага, причем встретиться в подконтрольной для нашего солдата зоне, то он, несомненно, как минимум соблюдал бы такт. Во-вторых, присутствие старшего, тем более полковника, обязывает нашего воина вести себя с подобающим уважением. В-третьих, если наш солдат несет службу, то он, как правило, и один несет ее по всей форме. Конечно, нельзя давать стопроцентную гарантию, что все воины у нас вот такие воспитанные и дисциплинированные. Нет, конечно. Есть и «артисты», но хамов нет, это точно. А здесь налицо открытое хамство.

Время шло, а мы стояли. К нам подошел Уткин:

— Видно, наш полковник — размазня. Я пойду — прочищу мозги этим сопливым воякам.

— Никуда, Владимир Васильевич, тебе ходить не надо. Полковник здесь бывал уже не раз. Порядки ему известны, да и человек он не робкий, а даже наоборот. Подождем, — заключил Федор Иванович.

Вдруг открывается дверь в будке, из нее выходит другой американец — уже вообще без блузы, а лишь в нижней рубахе, кричит нам: «Хеллоу!» — и поднимает шлагбаум. Сержант даже не появился. Мы двинулись в путь. Но эта последняя сценка нас расстроила вконец. Однако ехали молча, думая, конечно, об одном: случайность это либо в отношениях с союзниками появилось что-то новое? Хотя, вполне понятно, по одному сержанту делать обобщающие выводы нельзя.

Ехали в том же порядке. Дорога бежала, извиваясь по горно-холмистой, покрытой лесами и перелесками местности. Живописные ландшафты и спокойные, мирные населенные пункты располагали к хорошему настроению. Уже пропадала

горечь от недоразумения на границе. Федор Иванович сидел рядом, сосредоточенно смотрел вперед и о чем-то думал, но вряд ли о том, что нас окружало. Командир полка на своем «додже» выжимал скорость до 100 километров. Мы ехали впритык. Вскоре появился город Хоф. В переводе на русский это означает «Высокий». Город действительно стоял на возвышенности, а готика своими остроконечными крышами и другими сооружениями приподнимала его еще выше. При въезде в город «додж» снизил максимально скорость, и нам удалось кое-что разглядеть. Особое впечатление произвели обилие каменной резьбы и скульптурных украшений, а также стрельчатые своды арок. Горожан на улице почти не было, хотя еще не стемнело, но военные — наши союзнички — бродили повсюду. Командир полка уверенно ехал по главной улице, затем, на одном из перекрестков, свернул вправо и сразу остановился. Мы вышли из машин (я на всякий случай запер дверцы) и собрались около полковника. Он послал в дом, у входа в который стоял вооруженный американский солдат, своего переводчика — доложить, что мы приехали. А водителю наказал, чтобы оставался на месте, присматривал за всеми тремя машинами и ни с кем в контакт не вступал. Над входом в здание, куда нам, очевидно, предстояло идти, свисал государственный флаг США. Мы переглянулись. Уткин не выдержал:

— Вот так надо! Ступил солдат своим сапогом на чью-то землю — ставь флаг своей страны.

— А тебе кто запрещает это делать? Ты же, Владимир Васильевич, заместитель по политической части, это твоя задача — знамена, флаги и плакаты, — нервно перебил его Каун.

— Ты, Федор, вначале успокойся, причин для столкновения я не вижу. А во-вторых, я просто подчеркиваю нравы американцев. Это совершенно не значит, что и мы должны делать то же самое.

Полковник улыбался и смотрел, как «грызлись» два майора, а потом, чтобы успокоить их, примирительно сказал:

— Это у них такие традиции. Сейчас, войдя в здание, увидите, что у них перед входом и в кабинет мало-мальского начальника тоже стоит флаг, и в кабинете за спинкой кресла начальника — тоже флаг в обязательном порядке. Между прочим, это помогает им не только прививать патриотизм, но и вдалбливать всем — своим и чужим — коль и здесь присутствует государственный флаг США, то здесь-то и имеются национальные интересы Соединенных Штатов. Вот так они действуют!

Пока мы разговаривали, из дома, куда нам предстояло идти, вдруг вышли трое — наш переводчик и два американских офицера, одетых по форме и даже в головных уборах. В одном из

них я узнал американского поляка — капитана, с которым познакомился еще в Хиршберге. Второй — лейтенант, был мне не знаком. Капитан любезно, на русском языке, поздоровался — сначала со знакомым ему полковником, затем — со всеми остальными, а когда подошел мой черед, то, к общему удивлению, он полез обниматься.

— Ба, да здесь у тебя родственники! — воскликнул полковник. — Ну, тогда дело решится положительно!

Мы с капитаном, а точнее, в основном он, подробно рассказали, при каких обстоятельствах произошло наше знакомство и что мы пообещали друг другу встретиться еще когда-нибудь.

— Не было счастья, да несчастье помогло, — заключил капитан, все больше и больше демонстрируя свои способности и знания русского языка.

Затем выяснилось, что полковник поедет дальше — к командиру полка американской армии и там заночует, а утром заедет за нами и мы вместе заглянем к американскому командиру полка или же поедем назад, смотря по обстоятельствам. Оказывается, поиск наших солдат был поручен американским командованием капитану, у которого мы находились. К этому делу подключились спецслужба и военные полицаи. Учитывая сложившуюся ситуацию, мы распрощались с полковником, предупредив на всякий случай, что можем отправиться обратно ночью. Он пожал плечами и уехал. Мы же, по предложению капитана, загнали машины во двор и сдали их под охрану, а затем вошли в здание с парадного входа.

Действительно, уже в ярко освещенном просторном вестибюле по центру стоял государственный флаг США, а на стене висел большой портрет улыбающегося Трумэна. Вправо и влево из вестибюля уходили анфилады, а вверх, с боков этой парадной стены, шли две лестницы. Они на первом марше, на площадке, сливались в одну, а затем порядно выводили на второй этаж. И снова в холле государственный флаг и портрет. Это уже у нас вызвало улыбку. Зная прямолинейность зама по политчасти, я опасался, что он что-нибудь выпалит. Но опасности надо было ждать с другого направления:

— Вот, учись, Владимир Васильевич, как надо работать, и политруков своих учи. Видишь, как у людей, — не выдержал Федор Иванович.

— Учусь, учусь, но удивляюсь, — выдохнул Владимир Васильевич и обратился к капитану: — А почему, господин капитан, у вас нет ни флага, ни портрета президента на площадке между первым и вторым этажом? Я думаю, что это большое

упущение.

Не поняв иронии Уткина, тем более что его суровое лицо, да еще со шрамом на щеке, сохраняло спокойную озабоченность, капитан засуетился:

— Да, вы правы. Можно было бы там тоже установить. Но мы пока ограничились большой, как вы видели, напольной вазой для цветов.

— Вот видишь, Федор Иванович, я не только учусь, но еще и помогаю, как всегда, нашим союзникам дельными советами, — балагурил Уткин.

Тем временем мы вошли в кабинет к капитану. В приемной дежурил капрал. А в кабинете солдат в белом халате и колпаке уже заканчивал сервировку длинного стола.

— Я решил, что мы поужинаем не в столовой, а у меня в кабинете. Вы не возражаете? — спросил капитан.

— Конечно, нет, — за всех ответил Уткин.

— Может, перед ужином все-таки обсудим наши вопросы? — забеспокоился Федор Иванович, понимая, что после застолья решать что-то серьезное будет бесполезно.

— Я готов, — заметил капитан и пригласил всех к письменному столу. Вооружившись справками, лежавшими у него на столе, он сказал: — Вот все, что мне известно и какие я получал распоряжения от командира полка. Я знаю фамилии солдат, описание их внешнего облика. Говорят неплохо по-немецки, могут переодеться в гражданскую одежду и перейти линию демаркации в районе Хиршберга, где наш батальон продолжает нести службу охраны. Их цель — якобы попасть в Париж для знакомства с этим знаменитым городом. Цель благая, но метод плохой — все должно делаться с разрешения. Мы своим солдатам разрешаем небольшими группами выезжать в Париж на два-три дня, в основном в выходные, под руководством офицера. Все пока нормально. Исходя из ваших данных, я отдал распоряжения на все свои посты о задержании вообще всех подозрительных лиц. Такую же информацию дал в другие батальоны полка — они тоже несут службу. Командир полка приказал мне докладывать ежедневно. Данные о ваших солдатах и распоряжение о задержании мы получили только сегодня утром. Действуем совместно со спецслужбой и военной полицией. Пока никаких результатов нет. Вот все, что я хотел вам сообщить. Кстати, все сведения я получил от нашего командира полка, а ему все это сообщил полковник, с которым вы приехали. Он у нас частый гость.

— Довольно подробно и, на мой взгляд, четко и конкретно, — начал Федор Иванович. — Но хотелось бы уточнить некоторые

вопросы. Например, имеется ли у немцев какая-то служба и оповещена ли она об этом, могут ли ваши солдаты проверять дворы в прилегающих к магистрали Хоф — Франкфурт-на-Майне населенных пунктах? Они, по нашим данным, действуют на мотоцикле с коляской марки «Цундап». А это важно — такую машину не везде спрячешь. И, наконец, имеются ли ваши, т. е. американские контрольные пункты на магистрали, о которой я говорю?

— Все, о чем вы сказали, относится к обязанностям военной полиции, в том числе и взаимодействие с немцами. Кстати, они приходят в наши комендатуры и дают различную информацию даже без нашей просьбы. Мы, конечно, информаторов поощряем. Это стимулирует у них стремление доложить. Что касается контрольных постов на магистралях, то они нами установлены еще по окончании боевых действий, и там идет досмотр всего транспорта и гражданских лиц. Первый сбор данных будет завтра утром. Так что перед отъездом вы могли бы вооружиться последними сведениями.

— Мы, наверное, не сможем оставаться до утра, так как нас ожидают в части, но все, что вы сказали, обнадеживает. Можно надеяться, что этих «туристов» задержат, — заключил Каун.

Перешли к накрытому столу и приступили к трапезе. Капитан предложил тост за встречу верных союзников и чтобы эта верность сохранилась навечно. Тост был коротким, но глубоким по смыслу. Все выпили. Я пригубил и поставил рюмку. Капитан вопросительно посмотрел на меня. Я объяснил: «За рулем, тем более ночью». Никто не настаивал. Беседа оживилась. Вспомнили войну, тяготы и невзгоды, погибших товарищей, страдания людей.

— Я тоже за рулем, но, очевидно, останусь ночевать, а завтра вернусь. Поэтому сегодня можно и выпить, — сказал Владимир Васильевич. У него всегда, уже после первой рюмки, выступал румянец. — Предлагаю тост за счастливую жизнь наших народов. Они это заслужили.

Чем дальше, тем беседа становилась более оживленной. Наконец я не выдержал и предложил, чтобы выпили на посошок, нам с Федором Ивановичем пора в путь. Каун бурно меня поддержал. Мы встали и, поблагодарив капитана за вкусный ужин, направились к выходу. Владимир Васильевич, как бы оправдываясь, начал обосновывать свою ночевку. Мы с ним соглашались, хотя понимали, что особого желания отправляться в дальний путь, на ночь глядя, у него не было. С другой стороны, было бы резонно использовать первые обобщенные сведения американцев. Как-то само собою сложилось, что мы с Федором

Ивановичем возвращаемся и докладываем командиру полка общую ситуацию и принятые меры, а Владимир Васильевич подъезжает и делает доклад уже по результатам первых суток поиска. Мы еще раз поблагодарили капитана за гостеприимство, выразили надежду, что он даст утром майору Уткину хорошую информацию, и заверили друг друга в дальнейшем взаимодействии и скорой встрече. Да еще попросили капитана, чтобы он дал команду на все посты — пропустить нас. Он сказал, что все будет сделано, а из города нас выведет лейтенант, чтобы не цеплялись патрули.

И мы отправились в путь. Впереди ехал лейтенант с водителем на «виллисе», а мы за ним — впритирку. Нас остановили трижды в Хофе и еще раз на выезде из города. Поблагодарив лейтенанта за содействие, двинулись дальше. Ночь была темная, без луны, но звездная. Капитан сдержал слово — во всех населенных пунктах, где были контрольные посты, нас пропускали не задерживая. Когда мы переехали мост через Заале, то уже в Хиршберге наш патруль сообщил, что недавно звонили из штаба и спрашивали — проехали мы или нет.

Было два часа ночи. Дорога крученая, а в низинах — густой туман. Но все обошлось благополучно, если не считать небольшого эпизода. На одном из поворотов сбили беднягу козла, который хотел перебежать дорогу. При этом мы разбили правую фару. Хорошо, что это произошло уже недалеко от штаба — оставалось езды минут 20–30. После столкновения с рогатым мы остановились и осмотрели машину: передняя часть правого крыла, фара и правая часть бампера были повреждены. Я предпринял меры, чтобы у нас в машине не получилось короткого замыкания, и мы пошли с фонариком отыскивать козла. Он, бездыханный, лежал на обочине дороги. Видно, удар для него оказался роковым. Но Федор Иванович на всякий случай сделал из пистолета контрольный выстрел и бросил тушку в багажник. Двинулись дальше. Освещение дороги было нормальное, тем более что я подключил еще и верхнюю фару. При въезде в Целленроду доложили на нашем КПП, что у нас все в порядке, но едва оказались на территории штаба полка, как на контрольно-пропускном пункте нам передали, что дежурный по полку велел им, как только мы появимся, немедленно звонить ему. Он обязан доложить нам обстановку и задачу, полученную от командира полка.

Каун связался с дежурным по полку, и тот буквально через минуту был уже на КПП и «строчил», как из пулемета:

— Командир полка приказал доложить ему немедленно, как только вы вернетесь, и чтобы майор Каун позвонил ему на

квартиру.

Затем, сделав паузу, сказал, что, кажется, беглецов задержали. Мы с Федором Ивановичем переглянулись, и он спросил:

— Где?

— Не знаю, где точно, только известно, что совершенно не в том районе, где они могут объявиться.

Мы отправились домой. Я завез Федора Ивановича, мы условились встретиться в 9. 00 у него в кабинете. Я же поставил машину, ординарца попросил разделать козла, «побрызгался» под краном и отправился спать. Вдруг — телефонный звонок.

— Говорил со «Стариком» (так мы называли своего командира). Он выслушал мой доклад, одобрил наши действия, а затем объявил, что солдат задержали вчера в Магдебурге. Это севернее нас, километрах в двухстах — двухстах пятидесяти. Сейчас они находятся в Грейце на гауптвахте.

— Я как чувствовал, что мы едем зря. Лучше бы проводил занятия, — сердито буркнул я.

— Ну, кто знал, что все так обернется, — огрызнулся Каун.

В общем, пожелали друг другу спокойной ночи. Но уснуть я не мог. В голову лезли разные мысли. Беспокоили меня не только события с этими беглецами. В последнее время я все чаще думал, и сейчас тоже, что у нас в войсках царит какая-то неопределенность: части стоят не компактно, а разбросаны побатальонно; занятия проводятся по крайне сокращенной программе, которую мы составляем сами себе на основании указаний командира дивизии; никаких учений вообще не проводится, а подготовка офицерского состава весьма куцая. Все это длится уже целый год. Вот сейчас будут подведены итоги учебы к майским праздникам. А что дальше? Так же не может продолжаться вечно?! Надо поговорить с командиром полка. Офицеры должны знать свою судьбу. Да и солдаты ждут не дождутся, когда их отправят домой.

Утром в назначенное время я был у Кауна. Он уже сидел в кабинете, выбритый и сияющий, — доволен, что нашлись солдаты.

— Получено распоряжение — завтра начать и в течение недели, т. е. до 1 мая провести итоговую проверку всех подразделений полка. Непонятно только, почему итоговую и почему начать уже завтра — надо же составить расписание, все спланировать, — начал было Федор Иванович.

Но тут позвонил телефон — командир полка приглашал нас к себе.

У «Старика» настроение тоже было хорошее, но несколько

настороженное. Он поинтересовался, когда приедет Уткин? Завтра начинаются проверки, и он должен быть на месте. По нашим расчетам, получалось, что к вечеру Владимир Васильевич наверняка будет в части. Каун сказал, что планирование проверки, составление программы и расписания уже начались во всех ротах, батареях и батальонах. Пропагандист полка руководит планированием проверки политической подготовки. Так что к возвращению Уткина все будет готово. Подполковник Дегтярев перебил его:

— Все это хорошо. Но, Владимир Васильевич, надо лично удостовериться, что все спланировано правильно, а где требуется — оказать помощь. Тем более что по линии политотдела к нам направляют ответственного секретаря дивизионной партийной комиссии майора Розенберга (Каун при этом почему-то улыбнулся). Вообще, как только он появится, сразу должен звонить мне. В принципе, исходя из указаний командира дивизии, мы обязаны проверить и выставить оценку каждому солдату, сержанту и офицеру, каждому подразделению. А 5–6 мая доложить в дивизию акт проверки и приложить таблицы с оценками.

Затем, помолчав, вяло продолжил свою мысль, очевидно, желая втянуть нас в разговор:

— Непонятно только, почему должны быть проверены сто процентов подразделений и все это доверено делать самим командирам? Кое-что могли бы проверить и полковая комиссия, и командование батальонов…

— Думаю, это сделано именно так потому, что прошел только первый послевоенный год. К тому же боевая и политическая подготовка у нас проходила по очень сокращенной программе, и никто, как мы сами, более объективно не оценит. Ну и, наконец, надо же ко Дню Победы иметь результаты нашей подготовки, — заметил я. А затем добавил: — Не исключено, что эта так называемая «итоговая проверка» необходима и для того, чтобы ее результаты подвели черту перед тем, как объявить какие-то организационные решения.

— Я вот тоже думаю, что это не исключено… — загрустил наш командир.

Но Каун своим густым баритоном сразу создал мажорную обстановку — он вообще ни при каких обстоятельствах не терял бодрости духа:

— На этом жизнь не кончается. Разбили мы врага и победили. Сейчас наша судьба — в наших руках: что бы ни произошло — все будет нормально. Как только сводное расписание проверки и программа проверки будут готовы — докладываю вам на утверждение.

Дальнейшие события развивались безоблачно. Итоговая проверка и празднование Дня Победы прошли на уровне. Уткин только заставил поволноваться, потому что приехал поздно вечером и командир полка все названивал то Кауну то мне — уже не столько для того, чтобы еще раз услышать, где Уткин задержался и когда приедет, сколько чтобы удостовериться в том, что Владимир Васильевич обязательно приедет. Дегтярева надо было понять — начинается проверка, а заместитель по

политчасти пропал. Мы, как могли, поднимали настроение командиру, а сами уже тоже тревожились — 23 часа, а он еще не проезжал Хиршберг. Все могло случиться, тем более один на дороге. Но среди ночи Владимир Васильевич уже из дома позвонил и сообщил, что приехал. На душе отлегло.

Вот такие у нас были обычные послевоенные будни. Кстати, улыбка Кауна, когда командир сообщил нам, что от политотдела дивизии приедет в полк майор Розенберг, — имела основание. Оказывается, Уткин и Розенберг не просто не уважали друг друга, а были «на ножах». А причиной явилось то, что якобы начальник продовольственной службы нашего полка не все оприходовал на своем складе, когда наша поисковая команда обнаружила в Пауэне продовольственное хранилище немцев. Одну часть из него вывезли на дивизионный склад, другую было приказано забрать нашему полку. Командир полка создал комиссию для проверки, стать председателем которой вызвался сам майор Уткин. В итоге Уткин пришел к выводу, что злоупотреблений не было. Розенберг же на каждом совещании поднимался и заявлял, что Уткин покрывает жуликов и что их, в том числе Уткина, надо привлечь к партийной ответственности, а начальник политотдела дивизии, как мог, мирил их.

И вот тут вдруг запускают Розенберга в полк, чтобы он следил, как будет проходить проверка личного состава по политподготовке! Было из-за чего поволноваться. Однако, вопреки ожиданиям, все протекало нормально, но лишь до последнего дня, когда начали подводить итоги. И тут опять всплыл наш капитан Гутник! Всей батарее — офицерам, сержантам и солдатам — он выставил отличные оценки, кроме одного, который бегал в самовольную отлучку (и Гутник его «расстреливал»). Розенберг, проверяя ведомости, обратил внимание на итоги проверки политподготовки в полковой батарее 57-мм орудий. Звонит мне:

— Вы знаете оценки у Гутника?

— Конечно, знаю. Хорошие оценки. По политподготовке подавляющее большинство отличных.

— Так это же нереально, это очковтирательство!

— Никакое это не очковтирательство. Командир батареи, которому поручено оценивать своих подчиненных, знает, что делает.

— Я прошу пригласить его в штаб полка. Мы вместе с Уткиным и с вами разберем этот вопрос.

Звоню Гутнику, передаю ему мой разговор с Розенбергом и предупреждаю, что надо убедительно и без надрыва доказать, что оценки соответствуют знаниям. Позвонил Уткину — тот был

лаконичен:

— Да пошел он к…

Через полчаса собрались в кабинете В. В. Уткина.

Розенберг:

— Товарищ Гутник, почему вы огульно подошли к оценке знаний личного состава?

Гутник:

— Не огульно, а оценивался конкретно каждый.

Розенберг:

— Но ведь так же не бывает, чтобы все знали на отлично?

Гутник:

— Во-первых, не все — один получил четверку, а во-вторых, если у вас в практике такого не было, то теперь будет.

Розенберг:

— Нет, это слишком! Ведь мы же можем все перепроверить, и тогда будет скандал.

Гутник:

— Какой скандал? Это я могу вам устроить скандал (очевидно, зная отношения Уткина и Розенберга, Гутник пошел напролом)! Вы что — инспектор? Мне поручили провести проверку и доверили выставлять оценки. Если кто-то вздумает брать их под сомнение — это значит, он берет под сомнение правильность решения командира дивизии.

Розенберг (глядит то на Уткина, то на меня и ждет поддержки, но мы молчим, а Уткин даже улыбается):

— Вы член партии?

Гутник:

— Нет.

Розенберг:

— Вот видите, вы даже не член ВКП(б). А это уже о многом говорит.

Гутник (перебивает, свирепея):

— При чем здесь партия и мои оценки? Вы запомните, что я ставил оценки своим солдатам и за знания и, в первую очередь, за их действия. А их действия завершились Великой Победой над злейшим врагом всего человечества — германским фашизмом. Какие только испытания не были на пути нашего солдата (Розенберг пытается что-то сказать, но Гутник ему не дает), и он все их вынес на своих плечах. Вот вы скажите — вы за всю войну сами и лично хоть раз видели живой немецкий танк и чтобы он пер на вас и одновременно стрелял в вас, в упор? Не видели! А наш солдат не только видит, но как противотанкист уничтожил множество танков от Сталинграда до Берлина. От Сталина имеют по несколько благодарностей. Каждый имеет правительственную

награду. И я должен кому-то из них ставить тройку? Да у меня душа болит, что я поставил четверку одному солдату. Но иначе поступить не мог — он ходил в самовольные отлучки и был наказан. А знания политические должны подкрепляться делами. У него получились ножницы.

Гутник еще несколько минут бушевал. Уткин продолжал улыбаться, а Розенберг снял очки и долго протирал стекла. Его мефистофельский нос вспотел. Я не вмешивался, хотя было видно, что Розенбергу нужен был спасательный круг. Неизвестно, чем все могло кончиться, но вдруг неожиданно в комнату вошел командир полка. Все встали.

— Что у вас здесь происходит?

Уткин сразу пояснил:

— Проведено небольшое собеседование. Все вопросы выяснены. Если вы позволите, капитан Гутник мог бы отправиться к себе в подразделение.

— Разрешаю.

Гутник не медля ушел. Командир полка сообщил, что штаб дивизии уже сегодня требует предварительные общие сведения и, коль Розенберг как представитель дивизии присутствует у нас в полку, есть предложение сообща их рассмотреть и направить телеграммой. Да и Розенберг мог бы взять с собой экземпляр этих сведений и лично передать начальнику штаба дивизии. Все согласились.

Итоговые оценки полка в целом были несколько пышными: по тактической, огневой, специальной и политической подготовке — отлично, а по остальным — хорошо. По лицу командира полка было видно, что он доволен, но в то же время опасался, не найдется ли еще какой-нибудь ревизор. Розенберг после разноса Гутника молчал. Остальные понемногу высказались. Каун, как бы подводя итог, заключил:

— Судя по высказанным здесь мнениям, все поддерживают представленные итоги, и мы предлагаем, товарищ командир, направить их в дивизию. При этом можно написать, что они рассмотрены на совещании командования полка и утверждены командиром полка.

На том и порешили.

В конечном счете отчет по итоговой проверке и справки в штаб дивизии повезли майор Каун с офицером. Вместе с ним отправился и Розенберг. Командир полка попросил, чтобы они доложили итоги командиру дивизии или начальнику штаба дивизии. Как потом стало известно, майор Каун докладывал лично командиру дивизии в присутствии начальника штаба дивизии, начальника политотдела дивизии, а также майора

Розенберга, который подтвердил, что весь отчет достоверен. Вопросов никаких не было. Командир дивизии поблагодарил и сказал, что непременно позвонит командиру полка.

Начальник штаба дивизии вышел вместе с майором Кауном и, уединившись, сообщил ему, что командир дивизии пока еще не имеет директивы, поэтому не может говорить официально с командирами частей, но достоверно известно, что сразу после празднования Дня Победы несколько дивизий Группы Советских оккупационных войск будут расформированы. В их число попала и наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия. По поручению начальника штаба дивизии и с ведома командира дивизии майор Каун довел эту информацию до командования полка с тем, чтобы заранее можно было хорошо продумать состав ликвидационной комиссии, его председателя, заместителей, состав подкомиссий, а также программу и порядок действий, поддержание строгого режима с целью недопущения утрат, хищений и чрезвычайных происшествий. При этом было сделано строгое предупреждение, чтобы, кроме командования полка, пока об этом никто не знал.

Вообще-то для нас это не было громом с ясного неба. Мы ожидали, что, конечно, будут крупные сокращения (все-таки война закончена), и мы тоже можем попасть в число расформированных. И все же где-то глубоко таилась надежда, что наша дивизия, может, и сохранится. Все-таки Гвардейская, Краснознаменная, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого, да и почетное звание носит — Лозовская. Но Генеральному штабу, вероятно, было виднее, что делать. Хотя по прошествии многих лет мы вновь создавали дивизии, которые «ничего за душой не имели», т. е. совершенно новые дивизии, хотя могли бы вернуть, так сказать, к жизни те, которые прославили себя на полях сражений. Это был явный просчет, который ничем, кроме бестолковой бюрократии, объяснить было нельзя.

Итак, мы уже должны были готовиться к этому событию. Все сознавали, что являемся могильщиками самого нам дорогого — коллектива — боевой семьи, который прошагал дорогами войны от Сталинграда до Берлина. Тяжело, но надо! Командир полка Дегтярев сразу после сообщения начальника штаба предложил создать ликвидационную комиссию. Мы постарались его успокоить, предложив собраться после 1-го Мая в узком кругу и обсудить эти вопросы, а пока каждый из нас обдумает их. Дегтярев согласился.

Отпраздновали Первомай. 3-го собрались у командира полка. Открывая совещание, он сразу меня «обрадовал»:

— Думаю, что самым удачным председателем полковой комиссии по расформированию полка будет капитан Варенников.

Я удивленно посмотрел вначале на самого командира, затем на Кауна и Уткина (эти многозначительно улыбались и подмигивали мне), затем опять на командира полка. А тот, не моргнув глазом, продолжал:

— У нас нет в полку общего заместителя командира полка, но заместитель по артиллерии есть. Поскольку он прекрасно знает полк и к тому же это авторитетный знающий офицер, то мы уверены, что он с этой задачей справится успешно.

Уж не знаю почему, но командир начал называть меня в третьем лице. А мои, так сказать, приятели только поддакивали и продолжали улыбаться. Понимая, что мне совершенно бессмысленно сопротивляться, так как было явно видно, что эта «троица» уже договорилась за моей спиной, я, конечно, согласился.

— Заместителями председателя могли бы стать начальник тыла полка и заместитель начальника штаба полка, — продолжал Дегтярев. — А членами комиссии — все начальники служб и те лица, которых бы мог сейчас назвать капитан Варенников.

— Ну, а… — я, тоже улыбаясь (нечего нюни распускать!), обвел вопросительным взглядом всех присутствующих.

— Правильный вопрос, — перехватил мой взгляд Дегтярев. — Учитывая, что наиболее сложный вопрос — это судьба офицеров, наверное, целесообразно поручить это Федору Ивановичу и Владимиру Васильевичу — начштаба и замполит вдвоем, лично, персонально, с каждым должны разобраться, побеседовать и, согласовав с кадровиками дивизии и армии, определить каждому дальнейший путь. А командир полка должен следить за всей вашей работой и оказывать помощь. Когда же акты о расформировании будут готовы, они поступят на утверждение ко мне. По такой же схеме все будет и в дивизии — заместитель командира дивизии является председателем комиссии по расформированию. Он же подписывает все документы, а утверждает командир дивизии.

Наступило молчание. Каждый мысленно представлял огромный объем предстоящей работы. Личный состав по соответствующей разнарядке предстояло командами, под руководством офицеров, отправлять в Эркнер (под Берлином) — на общий сборный пункт и затем — в Советский Союз, где они будут уволены. Либо отправлять в другие дивизии Группы войск, где они будут продолжать дальнейшую службу. Вооружение, боеприпасы и все военно-техническое имущество надо было свозить на склады дивизии и передавать по акту; финансовый орган соответственно отчитывался перед финансовым органом дивизии; материальные запасы (продовольствие, горючее,

смазочные материалы и т. п., а также квартирное и штабное имущество (в основном мебель) должны вывозиться на армейские склады и тоже передаваться по акту. Наконец, фонды, которые мы занимали, передавались немецкой администрации, временно назначенной оккупационной властью.

Все, изложенное выше, фактически означало титанический труд, к которому мы готовились уже сейчас, не имея разрешения на подключение других лиц. Но, несмотря на нашу конспирацию, слухи просачивались через все преграды, и меня офицеры спрашивали прямо в лоб: «Нас будут расформировывать?». Я, как мог, выкручивался: «Официальных документов нет, но я, как и вы, тоже кое-что слышал из этой области». Но расспросы были спокойные, а некоторые добавляли: «Хоть бы скорей, домой уже пора!»

Наступил День Победы. Накануне этого праздника у командира полка произошло весьма приятное событие — из Советского Союза приехали жена и дочь. Для всех это было очень интересно и неожиданно. Очевидно, для такой категории лиц (командир полка и выше) разрешалось вызывать семьи в Германию. Праздник Победы удался у нас на славу. В подразделениях все офицеры отмечали торжество с личным составом. До этого командир полка вместе со мной и замполитом объехал все батальоны и артиллерию полка — поздравил с Победой и пожелал счастливой жизни. А в обед офицеры штаба и служб вместе с командиром полка, пригласив медичек, связисток, писарей и других девчат-военнослужащих, провели торжество в офицерской столовой. Как водится, всем выдали по сто граммов фронтовых (кстати, выдали всему личному составу полка и все было в порядке), танцевали до позднего вечера, пели песни. На празднике, разумеется, была и семья командира полка, которая тоже веселилась вместе с нами.

Памятный был для всех этот праздник — ведь первая годовщина Дня Победы! Он был торжественный, мажорный, но и грустный, потому что первым делом, конечно, мы помянули всех своих друзей-товарищей, кто не дожил до этого светлого часа. Тогда еще было в памяти свежо всё то, что утрачено, и все те, кто погиб на наших глазах и даже на наших руках… Минорность нашему настроению придавало еще и предстоящее расформирование, а следовательно, и расставание. Директивы о ликвидации дивизии не было, но разговор о ней шел уже в полный голос, открыто, подробно. Кое-кто даже называл сроки, которые потом действительно оправдались, хотя, на мой взгляд, они и затягивались.

Май прошел в ожидании и в вялых, никому не нужных

занятиях. Но без них обойтись было нельзя, иначе личный состав будет расхолаживаться.

В конце мая была получена наконец директива о расформировании полка (и, разумеется, дивизии в целом), а в ней говорилось, что всеми мероприятиями руководит лично командир полка, он же создает соответствующую комиссию, утверждает все необходимые документы и акты. И работа закипела! Нет необходимости рассказывать о ней подробно. Единственно, на что хотел бы обратить внимание, так это совершенно спокойная реакция офицеров полка, когда командир полка собрал их всех в штабе и объявил об этом решении. Вслед за этим он огласил свой приказ о назначении полковой комиссии по расформированию, а начальник штаба полка подробно довел перечень мероприятий и график их выполнения.

Срок нам дали месяц. Но он пролетел как один день. В начале июля я с двумя офицерами направился в дивизию с утвержденными командиром полка документами о расформировании полка, а также с гербовыми печатями и штампами полка. Боевое знамя сдали раньше.

Ехали мы на двух машинах. Я за рулем, со мной заместитель начальника штаба полка со всеми документами, а на второй машине — начальник тыла полка с водителем. На всякий случай он тоже прихватил справочный материал. Однако до выполнения нами главной задачи — отчета и передачи всех документов — произошло небольшое, но довольно любопытное событие, которое заслуживает внимания.

Штаб дивизии располагался в центре города — в красивом, массивном здании с внушительной парадно-торжественной гранитной лестницей, ведущей к центральному входу. На широкой площадке между первым и вторым маршем лестницы стояли два начальника — командир корпуса и командир нашей дивизии — мирно беседовали. И вдруг подкатываем мы. Заметив военачальников, я решил проехать подальше и припарковаться так, чтобы моя машина не мозолила глаза. Но было уже поздно. Тогда, оставив машины и водителя, мы направились было в другой подъезд, но к нам подбежал лейтенант-адъютант командира корпуса и выпалил, что генерал приказал старшему подойти к нему. Я сразу понял, что мой «Оппель-адмирал» сделал со мной последний рейс. Это была исключительно красивая машина: откидной верх над салоном цвета слоновой кости, различные никелированные поделки и даже наваренная с боков на шины очень светлая резина, просторный салон, где удобно размещались сидения, а сзади кресло-диван — все из красной натуральной мягкой кожи. Такая машина бросается в глаза за

километр, а в пятидесяти метрах ее можно было разглядеть в один миг.

Нечего делать, я подошел, представился. Генерал, а затем полковник поздоровались за руку.

— Это что за автомобиль?

— «Оппель-адмирал».

— Сколько цилиндров?

— Двенадцать.

— Ну, ведь вам ни по должности, ни по званию, ни по возрасту на таком кабриолете разъезжать не пристало. Откуда он у вас?

— Вот я и пригнал его сдать в дивизию вместе с документами о расформировании, — схитрил я, не отвечая на вторую часть вопроса. Ведь и так ясно, откуда машина — трофейная.

Генерал направился к машине, и мы все тоже потянулись за ним. Кроме адъютанта, к нам присоединился еще и водитель генерала — старшина. Мой «Оппель» сиял. Генерал медленно обошел вокруг него. Было видно, что машина его просто заворожила.

— Федор, открой капот, — бросил он своему водителю. Но тот никак не мог разобраться, как это делается. Я демонстративно сел на место водителя и потянул на себя ручку-тягу, которая отстегнула запор капота. Федор открыл двигатель. Генерал уже мне:

— Ну-ка, заведи.

Двигатель вначале фыркнул, а затем плавно, почти бесшумно зарокотал. Генерал махнул рукой — я выключил. Капот закрыли.

— Николай Николаевич, — обратился генерал к командиру дивизии полковнику Залюльеву, — будем считать, что капитан сдал машину, а я принял.

Затем генерал, распрощавшись со всеми, сел с водителем в «Оппель», его адъютант — за руль «Хорха», на котором они приехали, и обе машины покатили.

— Небось жалко? — спросил комдив.

— Да куда она мне? Конечно, машина — сказка, но триста граммов на километр — это как транспортный самолет, — пошутил я.

И мы все отправились в штаб, где у входа уже на пороге толкались начальник штаба и другие офицеры, наблюдавшие за всей этой картиной.

Начальник штаба дивизии поручил своему заместителю подполковнику Посунько проверить все документы и затем зайти к нему. Что и было сделано. Принципиально никаких замечаний не было. Что касалось деталей — проверки цифр по каждой

службе, то это требовало длительного времени. Мы договорились, что «добивать» все вопросы останется наш офицер — заместитель начальника штаба полка (он же зам. председателя комиссии), а если возникнут какие-то проблемы, то можно будет в любое время вызвать любого начальника службы, все они еще на месте. Доложили начальнику штаба дивизии, тот утвердил наше предложение, заметив при этом:

— Сегодня и завтра привезут документы все остальные части. У нас фактически за дивизию все готово. Послезавтра приедет генерал-майор Толканюк — начальник оперативного отдела армии, но, кажется, он уже заместитель начальника штаба армии. Он проверит все документы, и комдив поедет докладывать их В. И. Чуйкову. Поговаривают, что командарм должен быть назначен заместителем Главкома группы войск. Ну а вам спасибо. Можете ехать обратно.

Мы распрощались. Я отправился в отделение кадров дивизии провести разведку в отношении себя. Мне сразу сообщили, что я перевожусь в другую дивизию Группы, в артиллерийский полк, на должность заместителя командира дивизиона. Я стал протестовать, просить, чтобы отправили на Родину и уволили, так как я намерен поступить в институт, и это можно сделать уже в этом году. Вокруг меня собралось все немногочисленное отделение кадров. В итоге начальник звонит командиру дивизии и спрашивает, когда можно подойти с докладом — накопилось много документов. Комдив сразу пригласил его к себе. Я попросился вместе с ним, но меня отговорили, мол, так можно только испортить дело. Стали ждать, когда начальник вернется от комдива. Я расхаживал по коридору, нещадно дымил, прикуривая одну папиросу от другой, и рассуждал приблизительно так. Я воевал, как все, выполнил свой долг. Сейчас нормально выполнил последнее задание — по расформированию полка. Подавляющее число офицеров полка и дивизии увольняются. А я что, хуже, что ли? Пока еще молод, могу закончить институт и работать в той области, которая уже запала мне в душу, — строить корабли. Ведь это прекрасно! Стране нужны такие специалисты. А в армии должны оставаться в основном кадровые военные. Кстати, на эту тему я говорил с командиром полка и просил его ходатайствовать перед комдивом. Вроде он уже переговорил, и последний даже пообещал посодействовать, если я хорошо справлюсь со своим председательством. А теперь что получается?

И вот так я ходил по коридору и жалел, что не воспользовался случаем, когда встретился сегодня сразу и с комдивом и с комкором. Надо было им об этом сказать, глядишь, мой вопрос и решился бы. Через час кадровик вернулся. Ничего

не спрашиваю, но смотрю ему в глаза, а тот вздыхает:

— Ничего не вышло.

Как я его понял, ничего и не выйдет. Оказывается, командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Пожарский лично подписал список из небольшой группы офицеров-артиллеристов, которые сейчас находятся в расформировываемых дивизиях и которых надо сохранить, направив в дивизию, не подлежащую расформированию. А Пожарский — самый близкий к Чуйкову человек.

— Я поеду к Пожарскому или Чуйкову. Моя же судьба решается!

— Пожарский в Москве, а Чуйкову сейчас не до этого. Ты не горячись, — уговаривал меня кадровик. — Когда все успокоится, можно будет решить все проблемы. Напишешь установленным порядком рапорт и будешь пробивать. А вот твой командир полка, очевидно, на днях уедет в Москву — в распоряжение Главкома Сухопутных войск, которым сейчас является маршал Георгий Константинович Жуков. Группой войск у нас здесь командует генерал армии Соколовский, а у него заместителем — Василий Иванович Чуйков.

— А почему наш командир полка уезжает, ведь документы еще не утверждены?

— Да какое это имеет значение?! За командира полка останется майор Каун, а ведь полка фактически уже нет.

Ехал я к себе в Целленроду с тяжелыми мыслями. Начальник тыла тоже сидел молча. Потом неторопливо заговорил:

— Вот если они отправят меня сейчас в гражданку — это в самый раз. У нас требуется директор совхоза. А я в этом совхозе три года агрономом проработал, хорошо знаю хозяйство и меня уважают… А какие у нас края…

И всю оставшуюся дорогу рассказывал, какие у них на Черниговщине земли, леса, реки. И, конечно, люди. А какие ярмарки! Вообще-то, он, наверное, немного привирал — у нас в Армавире тоже ярмарки были красочные, но скромнее, чем у этого рассказчика. Я хоть и молчал, но полностью ему сочувствовал, так как сам переживал то же, что и он.

Приехав к себе, сразу отправился к командиру полка. Тот был один. За окном уже смеркалось, поэтому была включена настольная лампа. Мы тихо беседовали, никто нас не прерывал, телефоны молчали — полка не было, и жизнь померкла. Я подробно доложил, что всё сдано — знамя, печати, штампы, финансовые бумаги, все ведомости и акт о расформировании полка. Сказал, хотя он это знал не хуже меня, что все офицеры и личный состав отправлены по назначению, а вооружение и все

виды запасов вывезены на дивизионные и армейские склады. Помещения тоже все переданы, за исключением тех, где еще размещается 17 наших офицеров и взвод солдат. Рассказал подробно о моей встрече с комдивом и комкором, а также о моем разговоре с кадровиком.

— Да… хоть всего этого и надо было ожидать, но все как-то очень уж неожиданно. Вот и я завтра с семьей отправляюсь на Родину. Уже получено официальное распоряжение, переговорил с командиром дивизии, билеты заказаны, так что утром — в путь.

Наступила целая полоса разлук, а сейчас вот пришла пора проститься с Дегтяревым. Конечно, он был добросовестный, очень честный и порядочный офицер. Излишняя суета объяснялась только его беспокойством о деле, о недопущении происшествий, стремлением поддерживать порядок.

Сейчас, когда я вспоминаю о Дегтяреве, в памяти всплывают еще двое — ротный командир в Заполярье Гончарук и Вася Дудник, который в 100-м Гвардейском стрелковом полку командовал батареей. Перед этими тремя людьми я навсегда остался в долгу. Я помню его, этот не выполненный перед ними долг, — они просили, я обещал, но не сделал то, что был обязан сделать.

О Дегтяреве. Расставшись с ним в Германии, я встретил его в 1951 году в Военной академии имени М. В. Фрунзе: он был на курсах командиров стрелковых дивизий (Курсы КСД) при академии, а я поступил на 1-й курс основного факультета. Молодость часто бывает несправедливой — мы, молодые офицеры, называли эти курсы КСД по-своему, с присущей нашему возрасту иронией: Курсы старых дураков. Хотя там учились командиры в возрасте от сорока до пятидесяти лет. Точнее, не наш набор придумал это прозвище, наверное, этот ярлык повесили на курсы сразу после их образования. Дегтярев был полковник, а я майор. Он очень просил зайти к нему в аудиторию во время самоподготовки. Ему очень хотелось что-то мне рассказать, как он выразился, «сугубо доверительно и касающееся вас лично». Я обещал, но в сутолоке первых месяцев учебы, когда много времени ушло на адаптацию, на выработку приемов и методов действий, к которым «приучает» академия, я об этом как-то подзабыл. А когда уже окреп в своей студенческой жизни и сам захотел встретиться с Дегтяревым, то оказалось, что его набор уже окончил курс обучения и он уехал в войска.

Прошло много времени. Я стал генерал-полковником и уже несколько лет командовал Прикарпатским военным округом. В Черновцах, это на юге округа, стояла одна из шестнадцати дивизий. В один из очередных моих приездов в дивизию для

проверки и оказания ей помощи и одновременно для решения депутатских вопросов (я был избран в Верховный Совет СССР в Черновицкой области), ко мне вдруг в конце недели, когда надо было уже улетать домой, обратился областной военный комиссар: «Товарищ командующий, к нам в военкомат постоянно приходит один старик и просит, чтобы мы доложили вам о нем. Говорит, что вы якобы его хорошо знаете, вроде он был даже командиром полка, а вы — заместителем». Я поинтересовался фамилией. Мне сказали: «Полковник Дегтярев».

Все происходит уже на аэродроме. Меня провожают не только военные, но и областные руководители. Оказалось, что военком не имел с собой ни адреса, ни телефона Дегтярева. Извинившись перед товарищами, я сказал, что приеду через полчаса, а заместителя командующего по строительству попросил рассмотреть вместе с областным начальством не доведенные до конца проблемы строительства в городе. Через десять минут мы были в военкомате. Мне находят телефон Дегтярева, и я звоню ему.

Отвечает старческий женский голос. Я интересуюсь:

— Это квартира Дегтяревых? А полковника Дегтярева можно пригласить к телефону?

— Пригласить-то можно… — замялись на другом конце провода, и после некоторых раздумий: — Вот только сможет ли он подойти? А кто это?

— Скажите — Валентин Иванович Варенников.

— Скажу, скажу. Я много слышала вашу фамилию. Я их родственница. Жена его померла, а я вот присматриваю. Сейчас я его приведу.

Через некоторое время я услышал в трубке всхлипывания. Соблюдая прежнюю субординацию, я сказал в трубку:

— Товарищ полковник Дегтярев, это вы?

В ответ откровенные громкие рыдания, а между ними можно было понять: он рад, что я позвонил, он хочет обязательно встретиться, намерен мне кое-что рассказать и т. д.

Я дал слово, что в следующий раз заеду в Черновцы обязательно и повидаюсь с ним. Разговор закончился. На душе было тяжело и тоскливо.

— Не хочу вас упрекать в том, что вы своевременно не доложили мне о просьбах ветерана, — сказал я военкому, — но к моему следующему приезду вы обязаны посетить полковника на дому, выяснить, какие у него житейские проблемы, и все их разрешить. Если у вас что-то не будет получаться, пройдите к председателю облисполкома или к первому секретарю обкома и передайте мою просьбу. Позвоните мне в штаб округа во Львов и

доложите.

Мы с военкомом обо всем договорились, и я отправился на аэродром. Оказывается, время здесь попусту не тратили. Спор раскалился до предела. Пришлось еще полчаса разбираться. Но расстались мирно, договорившись обо всем, и все остались довольны.

Через месяц мне звонит облвоенком и докладывает, что все просьбы полковника Дегтярева выполнены, да и были они незначительные. Но сам он очень плох. Беспрерывно плачет — такая вот болезнь. А еще через месяц я опять появился в Черновцах. Среди других вопросов заранее наметил свидание с Дегтяревым. На аэродроме я говорю военкому:

— Поехали к полковнику Дегтяреву.

— Так он на прошлой неделе умер. Мы его похоронили со всеми почестями.

Сказав товарищам, что через час приеду в обком КПСС, я отправился на квартиру к Дегтяреву. Старушка, с которой я разговаривал прошлый раз, оказалась младшей сестрой Дегтярева. Жену он похоронил уже давно и с тех пор сам заболел неизлечимой болезнью — как только начинает говорить на любую тему, сразу рыдает. Дочь вышла замуж и проживает где-то в Якутии, а взрослый уже внук проучился два года в институте и куда-то исчез. Раза два или три присылал письма из Мурманска. А последний год вообще не слышно. Дочь приезжала на похороны, пожила неделю и позавчера улетела обратно. Вот такая у них сложилась жизнь.

Я спросил, о чем говорил ее брат, когда вспоминал нашу совместную службу. Оказывается, он очень тепло отзывался обо всех, а что касается меня, то очень хотел бы со мной встретиться и кое-что рассказать.

Вот так ушел из жизни человек, которому я обязан был совместной хорошей службой, но самое главное — которому обещал обязательно встретиться, чтобы тот мог наконец высказать все, что было у него на душе. Однако этого не произошло, и невысказанное ушло вместе с ним в могилу.

О капитане Гончаруке. Это был прекрасный командир роты в 281-м мотострелковом полку, который стоял в Аллакурти. Я же был командиром дивизии. В 1964 году по итогам инспектирования дивизия получает высокие оценки. Это результат труда офицеров и всего личного состава. В 279-м мотострелковом полку командир роты старший лейтенант Зайцев получает орден Красной Звезды и его назначают сразу командиром батальона. Такие же заслуги были и у Гончарука, и он тоже был представлен к назначению на батальон. Однако

кадровики армии сделали по-своему — включили в список на поощрение ценным подарком. Конечно, я не мог пройти мимо такой несправедливости, тем более что лично знал Гончарука. Он до меня командовал семь лет ротой и при мне год, и все это время рота оценивалась отлично. А кадровики ему — часы. Уже, наверное, десятые по счету. Звоню командующему армией. Тот обещает разобраться. Через некоторое время приезжаю в Аллакурти и говорю командиру полка подполковнику Довганюку, чтобы он пригласил капитана Гончарука. А командир полка сообщает:

— Так он уехал по замене.

— Почему именно он? Ведь мы должны были добиться, чтобы он стал комбатом!

— Не знаю, но персонально было указано, что именно ему замена.

Это все чиновники, их работа. Много они напортачили в армейской службе. Но самое тяжелое впереди. Через пять лет, когда я уже окончил Военную академию Генштаба, откомандовал в Архангельске 26-м армейским корпусом, мне доверили командовать 3-й Ударной армией в Группе Советских войск в Германии. Провожу учения с 207-й мотострелковой дивизией. Поднял ее ночью по боевой тревоге и вывел на Магдебургский учебный центр. В течение всей ночи сам и штаб армии проверяем, в каком составе вышли войска и как они оборудуют предназначенный для них район. Рассвет только-только начал пробиваться. Я обходил подразделения одного из полков. Подошел к очередной роте. Командир рапортует:

— Товарищ генерал, третья рота первого батальона занимается инженерным оборудованием района сосредоточения. Командир роты капитан Гончарук.

Я подошел поближе и в сумерках вижу, что передо мной наш заполярный капитан Гончарук. Я отдал распоряжение своей группе, чтобы они продолжили работу, а сам с капитаном отошел в сторону. Мы начали вспоминать совместную службу. Рассказал ему, что представлял его на должность командира батальона. Он, оказывается, это знал, но ему тогда кадровики «разъяснили», что он будто бы опоздал в Военную академию, поэтому на комбата может не пройти и что его отметят в приказе командующего армией.

— А как ваша рота выглядит здесь?

— Отлично! Пять лет отлично.

— Мы обязательно исправим эту ошибку. Я назначу вас на должность командира батальона, и сразу пошлем на звание.

— Спасибо, товарищ командующий, но я, по моей просьбе,

уже представлен к увольнению. Я капитан, а мне сорок два года.

— Но, прежде чем увольняться, надо позаботиться о выслуге лет, о пенсии, о месте жительства, о жилой площади и т. д.

— Все это продумано. Я пошел в училище в восемнадцать лет, поэтому на сегодня только календарных двадцать четыре, да двенадцать лет в Заполярье, где год — за полтора. Это еще плюс шесть. Всего тридцать. Наконец, я на севере приобрел капитальный радикулит. Меня комиссуют. Но главное — меня дома ждут, и должность директора средней школы тоже — я же до военного училища окончил железнодорожный техникум. А домик у моих родителей большой, добротный. Они с радостью нас примут. Так что решение созрело и принято. А за заботу благодарю.

Чувствовал я себя перед капитаном очень скверно. Взять возраст: мне 46, а ему — 42, т. е. разницы почти никакой. Но я генерал и командующий армией, а он, почти 20 лет отлично командуя взводом и ротой, остался капитаном. Где же эти заботливые отцы — командиры и политработники, которые обязаны были своевременно решить задачу и с учебой в Академии, и с выдвижением, и со званием? А теперь вот все. И я тоже повинен в судьбе этого капитана.

— Ну, может, вам сейчас в чем-то помочь?

— Да нет. У меня все нормально и все решено.

Единственно, что я смог сделать для него, — это написать поощрительный приказ об этом капитане, где был изложен его удивительный служебный путь, прекрасные результаты его ратного труда, и вынести благодарность с памятным подарком. Хотя это, конечно, ничто в сравнении с тем, что сделал капитан.

И наконец, Василий Дудник, старший лейтенант, командир полковой батареи 120-мм минометов. В июне 1944 года, передислоцировавшись из 3-го Украинского в 1-й Белорусский фронт, наша дивизия выгрузилась в районе железнодорожной станции Сарны, выдвинулась в район Ковеля и с началом Белорусской операции действовала на самом левом фланге основной группировки, прикрывая открытое левое крыло фронта. Формально она входила во второй эшелон, но фактически на дивизии лежала большая ответственность. Однако досадная беспечность привела к тому, что уже первые дни операции (вторая половина июня 1944 г.) были для нашего полка печальными.

Разведку немец, как всегда, пропустил, а по полку открыл губительный фланговый огонь. Мы понесли потери. Полк залег. Командир полка поставил задачу — подавить пулеметы. Но на пересеченной, с густым кустарником и перелесками, местности

обнаружить их было очень трудно. Надо было лично выдвинуться и отыскать все цели. Я взял своих разведчиков, вызвал командира батареи Дудника с группой управления. Объяснил обстановку и дал задание — отыскать немецкие пулеметы (особенно два крупнокалиберных) и подавить. Сказал, что сам я со своими разведчиками поползу впереди, а Дудник — в семи — десяти метрах за мной. Дудник мнется. Спрашиваю: «Что случилось?» Он в ответ: «Я чувствую, меня убьют».

Мы стали его успокаивать. Но он побледнел, руки трясутся. Хотя в принципе был храбрый офицер. Разведчики предложили флягу с водкой — глотнуть, чтобы снять напряжение. Он отказался. Я все-таки посоветовал ему отбросить тяжелые мысли, и мы двинулись вперед. Проявляя все меры предосторожности и останавливаясь через каждые 50 метров, изучали обстановку. Так длилось минут сорок. И вдруг слева, буквально в 100 метрах, группа немцев открыла из автоматов ураганный огонь. Наши разведчики в считанные секунды открыли ответный, не менее интенсивный огонь. Немцы побежали в глубь леса. Из группы Дудника крикнули, что у них потери. Мы вернулись. Пострадал один Дудник. Он лежал на спине с закрытыми глазами и все время повторял: «Я же говорил, что убьют». Перевязав, мы втащили его на плащ-накидку, и четыре человека поволокли его в тыл, а я забрал радиста с радиостанцией и вместе со своими разведчиками двинулся дальше.

Минут через 10–15 перед нами открылась отличная панорама. На опушке спелого соснового леса стоял небольшой бревенчатый сруб без окон и без дверей. На крыше этого сруба устроился крупнокалиберный пулемет и спокойно «поливал» дорогу, которую окружал высокий кустарник, из-за него ничего не было видно. Второй пулемет окопался левее — на пригорке в окопе и помогал первому. Мы нашли удобное для себя место, замаскировались. Я вызвал 120-мм батарею, затем 76-мм орудийную батарею, пристрелял в стороне от целей репер и обрушился на эти пулеметы шквальным огнем. Оказалось, что в этом районе было вообще большое скопление немцев. Бросая все, они мчались в глубь леса. Когда пулеметы заглохли, я перенес огонь на лес. Конечно, это был менее эффективный огонь, но психологически он действовал сильно. Вызванная мною полковая разведка прочесала обстрелянную нами местность, прихватив двух немцев в качестве пленных, и доложила, что это был хорошо оборудованный район. Осталось много убитых немцев.

Полк поднялся, привел себя в порядок и двинулся дальше, а у меня из головы не выходил Дудник и его слова: «Я ж говорил, что меня убьют». Я казнил себя, как мог. Ну, если человек

предчувствовал, что его подстерегает беда, зачем же было брать его с собой? И твердил про себя: «Только бы он остался жив!» Ранение было очень тяжелое, и Дудник появился в полку, как мне потом стало известно, только в сентябре, т. е. через три месяца. Но я к тому времени сам уже был в госпитале, а когда вернулся в декабре, то при первом же, без свидетелей, разговоре я извинился перед ним, что так получилось. И, чтобы разрядить обстановку, сказал:

— Хорошо, что остался жив.

— Жив-то жив, но очень уж рана болит. Тяжко мне.

— Давай в госпиталь, пусть приведут полностью в порядок.

— Да какой уж тут госпиталь — скоро в наступление, конец войне.

А я опять был в положении человека, по вине которого пострадал другой. Конечно, не взяв его тогда с собой, можно было бы избежать этого тяжелого случая. И как бы я себя ни утешал тем, что многим другим (сотням, тысячам людей) сделал много доброго, это не снимало, не снимает и сейчас тяжесть, которую я несу по своей вине.

Конечно, корю я себя и считаю виноватым и в событиях августа 91 года, но об этом позже. А сейчас — Целленрода, прощание с боевыми товарищами.

…На следующий день рано утром у дома командира полка собрались его заместители. Наготове стояло две машины — в одной поедет командир с женой и дочкой, а во второй — адъютант с вещами. Отъезжающие вышли. Мы подошли, поздоровались. Женщины хоть и улыбались, но глаза их были мокрые, и они постоянно промокали их платочками. Командир полка двигался энергично, но без особой на то нужды. Так у него всегда, когда нервничает и переживает.

Наконец, мы поцеловали женщинам ручки, а они, к нашему огорчению, разрыдались. Потом обнялись поочередно с командиром полка, пообещали, что обязательно встретимся, пожелали счастливого пути, и они уехали. Мы долго еще стояли, не зная, о чем говорить. На душе было пусто и печально. Наконец, пришел солдат и сказал, что к телефону просят начальника тыла. Тот переговорил — оказалось, что ему надо выехать в Грейц для уточнения некоторых документов. А Уткин сообщил:

— У меня есть дельное предложение.

— Я поддерживаю, — заявил Каун.

Мне оставалось только согласиться с ними. Мы пришли к Владимиру Васильевичу на квартиру. Через две-три минуты все было уже на столе. Первый тост, уже по нашей традиции, был за Победу советского народа. Второй — за нашу славную дивизию,

которую несправедливо расформировали, хотя у нее славный боевой путь и много наград. Третий — за Дегтярева.

— Что бы о нем ни говорили, а он был мужик что надо. Жил заботами полка и всего себя отдавал полку. Пожелаем ему и его семье счастья, пусть им икнется!

А потом, как обычно, пошли воспоминания, итоги, прогнозы. Особо жаркий характер принял раздел прогнозов. Владимир Васильевич однозначно заявил, что он возвращается в свой родной Рыбинск и будет учить детей. Другого взгляда придерживался Федор Иванович:

— Если меня оставят в армии, я буду благодарен. Конечно, надо пробиваться в академию. Служба мне нравится. Да и тебе, Валентин, служба нравится. Ты любишь порядок, четкость, хорошую организацию, дисциплину. У тебя есть военная косточка.

— При чем здесь порядок, дисциплина, организованность и военная косточка? — возразил я. — Ведь в гражданских организациях тоже должны быть порядок, организованность и дисциплина.

Но Федор не сдавался, а Уткин подливал масла в огонь.

В общем, встреча затянулась. А на следующий день я получил указание прибыть в штаб дивизии за предписанием к новому месту службы. Предупредили, чтобы взял вещи. Времени осталось в обрез, поэтому расставание с товарищами прошло накоротке. Договорились встретиться, но, к сожалению и к удивлению, жизнь нас так больше и не свела.

Приехав в Грейц, я зашел в отделение кадров дивизии. Там находилось представительство штаба армии. Полковник объявил мне, что я назначен в артиллерийский полк 88-й Гвардейской стрелковой дивизии. Помолчав, добавил:

— Заместителем командира дивизиона.

Поскольку я никак не реагирую, он спрашивает:

— Вопросы есть?

— Есть.

— Какие? Только коротко и по существу.

— Именно по существу и коротко: как решается вопрос с моим увольнением? Я ходатайствовал об этом.

— Никак. Вам, очевидно, объявили решение командующего артиллерией армии генерал-лейтенанта Пожарского оставить вас в кадрах?

У меня в душе образовалась какая-то пустота и поселилось безразличие ко всему. Что толку затевать спор с этим бумажным полковником? Ему лишь бы выполнить приказ и растолкать офицеров по свободным нишам в штатах. Потом, мол, разберемся.

Получил я направление в 88-ю Гвардейскую стрелковую дивизию в 194-й артиллерийский полк, который располагался неподалеку от Плауэна в знакомых для меня краях. Но самое интересное то, что, прибыв в полк и вступив в должность заместителя командира одного из трех артиллерийских дивизионов, я из разговоров среди офицеров понял, что дни этой дивизии тоже сочтены — и она должна быть расформирована. Вполне понятно, что это вызвало у меня и удивление, и возмущение — зачем же по несколько раз перебрасывать офицеров, тем более что они заинтересованы в увольнении? Или, так сказать, испытывали на прочность? Однако вместе с этим чувством была и надежда, что я в этот раз все же добьюсь своего. Все-таки очередное расформирование, причем в новой для меня дивизии, где никто меня не знал, и поэтому ценности для них особой я представлять не мог. У них своих офицеров, хорошо изученных и прославившихся, полно. В общем, как говорят, появился свет в конце туннеля.

Слухи подтвердились. Действительно, в конце мая 1946 года попадаю в 88-ю Гвардейскую дивизию, а в декабре этого же года ее расформировывают, и меня, уже командиром батареи, направляют в 20-ю механизированную дивизию (такие дивизии начали создаваться у нас, в Группе войск в конце 1945 года). Она дислоцировалась в Иене — городе, знаменитом оптикой фирмы «Цейс». Все происходило в авральном порядке: вызвали, вручили предписание и, не сказав даже пары слов для поддержания духа, отправили на новое место. Ну, какое может быть в таком случае настроение? Понятно, самое отвратительное.

Прибываю в штаб дивизии, отыскиваю отделение кадров и вместе с предписанием вручаю свой рапорт об увольнении. Офицер покрутил мои документы и, сказав: «Подождите!» — быстро исчез. Появившись минут через пять, пригласил меня пройти к начальнику отделения кадров дивизии. Большой, средних лет мужчина в звании майора поздоровался за руку, любезно пригласил сесть, предложил курить, а потом начал свой долгий монолог:

— Я внимательно изучил ваше личное дело, особенно боевой путь. Вы побывали в таких сложных операциях, что хотели вы того или нет, но приобрели такой колоссальный опыт, каким многие не располагают. Оборона, наступление, отступление, опять наступление, Сталинград, Северный Донец, Днепр, Днестр, Висла, Одер — и везде захват или удержание плацдарма, один из сложнейших видов боевых действий. А штурм Берлина?! Да сам путь в стрелковом полку от Сталинграда до Берлина уже о многом говорит. Участник Парада Победы. Вы ведь отлично

знаете, что туда не каждого посылают, а по заслугам и по внешнему виду, чтоб сразу было видно: вот он, победитель! Мне еще известно и от подполковника Дегтярева — вашего бывшего командира полка, с которым мы давно дружим, и от командования 194-го артиллерийского полка, что вы прекрасный методист, любите военное дело и умело обучаете офицеров и солдат. Вы способный офицер. Вам надо думать не об увольнении, а об учебе в Академии. Я уже не хочу напоминать вам о существующем решении члена Военного совета 8-й Гвардейской армии — командующего артиллерией армии Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Пожарского — вы, как и некоторые другие офицеры, должны быть оставлены в кадрах Вооруженных Сил. Конечно, обидно, что вы дважды попадали под сокращение и дважды по независящим от вас причинам понижались в должности от заместителя командира полка до командира батареи. Но ведь вы молодой человек, вам всего 22 года, а вы уже прошли такую богатую школу. Давайте договоримся: сейчас вы идете на службу в 59-й Гвардейский механизированный полк командиром батареи артиллерийского дивизиона, а на следующий год пишете рапорт об учебе в Академии. Наши механизированные войска пользуются сейчас всеобщей поддержкой у руководства Вооруженных Сил, и офицерам открыт зеленый свет на учебу. Я не требую от вас сейчас окончательных решений, подумайте, дверь ко мне в любое время для вас открыта, тем более что ваш полк практически в одном городке со штабом дивизии. Пройдет некоторое время — приходите, всегда буду рад поговорить. А сейчас прошу зайти к капитану, который привел вас ко мне. Необходимо получить у него предписание, подписанное командиром дивизии генерал-майором Серюгиным, и явиться в штаб полка к помощнику начальника штаба по учету личного состава. Он вас представит и руководству полка, и в дивизионе.

На этом мы расстались. Не сказав ни да, ни нет на предложение майора, я все-таки проникся к нему уважением. Со мной практически за последние месяцы вообще на эту тему никто толком не хотел говорить. Капитан, который вручил мне предписание, провел меня в штаб полка и, попрощавшись, передал другому капитану. Последний уже менее любезно прочитал предписание, сделал запись в какие-то свои книги, затем, ни разу не взглянув на меня, позвонил по телефону и доложил подполковнику, что в полк прибыл капитан на должность командира батареи. Тот что-то ему ответил, и мы вместе отправились к этому подполковнику. Это был начальник штаба полка, который оказался несколько любезнее

сопровождающего меня капитана.

— Мне звонил начальник отделения кадров дивизии в отношении вас, — сказал он, — дал характеристику и прочее, пообещал сегодня прислать личное дело. Но лучше, если вы сами расскажете о своей службе и вообще биографию.

Не желая отнимать много времени у начальника штаба, я в двух словах представил биографию, несколько шире — боевой путь и послевоенную службу. Подполковник вначале посмотрел на меня вопросительно, очевидно, ожидая развития той темы, которая была поднята мною у начальника отделения кадров дивизии, о чем, конечно, его известили. Но я не намерен был об этом говорить, тем более что мне было дано время подумать. Тогда подполковник завершил разговор на весьма мажорной ноте:

— Ну, вот и прекрасно! Будем служить. Дивизия и полки у нас гвардейские, заслуженные. Командир полка — боевой, полковник Репин. Дивизион, где вы будете командовать батареей, на хорошем счету. Желаю вам хорошей службы! Будут вопросы — приходите. Капитан сейчас проводит вас в дивизион.

У меня настроение стало меняться к лучшему. Подполковник, как и майор в дивизии, тоже подкупал меня, в хорошем смысле слова, своей человечностью. И я уже причислил его к своим близким уже по новому списку — списку, который только начинался. Капитан привел меня к командиру дивизиона, передал и ушел. Я уже оказался как бы дома и при деле.

Командир дивизиона — майор Зиновьев, по возрасту далеко перешагнувший за средний, но орденских планок у него было не густо. Но сам он был очень корректный, внимательный. Не знал я точно, но догадывался, что командир дивизиона был офицером в училище и лишь в конце войны попал на фронт. У каждого своя боевая служба, и все зависит в основном от случая или старшего начальника.

Беседа у нас была долгой, деловой и доброжелательной. К нам подключились, но сидели вначале молча — начальник штаба дивизии майор Васильев, а затем и заместитель командира дивизиона капитан Валиков. Последний меня «прощупывал» капитально. Но я был доволен этим. Мне рассказали, чем занимается наш дивизион, где учетные поля, как строится учебный день и учебная неделя, общий порядок, принятый в полку, и т. д. Были вызваны командиры взводов, и я познакомился с ними в присутствии руководства дивизиона. Затем старший офицер на батарее — командир первого взвода — собрал батарею в Ленинской комнате, и командир дивизиона представил меня личному составу.

Все шло нормально. Время приближалось к обеду. Командир

дивизиона приказал построить весь личный состав перед казармой. Я встал в общий строй как командир первой батареи. Командир дивизиона вызвал меня из строя и представил всему дивизиону, кратко сообщив мой послужной список. Затем дал команду старшинам вести батареи в столовую, а офицеров подозвал к себе. Мы перезнакомились.

Это был хороший шаг. Я уже почувствовал, что принят, и новая офицерская семья тоже станет мне родным домом. Все вместе пошли на обед в офицерскую столовую, а затем я устроился с жильем. Одна из казарм была отведена под офицерское общежитие. Минимальный уют и необходимые бытовые условия там имелись. На первом этаже располагался комбинат бытового обслуживания, в том числе парикмахерская, небольшой военторговский магазинчик и библиотека. В этом общежитии жили все взводные, ротные (батарейные) командиры и им равные. Здесь же было и несколько комнат для приезжих. А все остальные вышестоящие начальники снимали квартиры у немцев, тем более что большинство имели семьи.

Жизнь в полку проходила размеренно. Утром, после физической зарядки, на которую бегали все офицеры, жившие в общежитии, и после завтрака ежедневно, кроме выходного, проводился на занятиях полковой развод. До общего развода все проверялось в подразделениях (руководители занятий, конспекты, материальная база), а на разводе заместителей командир или начальник штаба полка командовал: «Полк, смирно, равнение на середину!» — и шел с рапортом к командиру полка: все подразделения к занятиям готовы. Командир полка командовал: «Вольно!», после чего отдавал распоряжение развести подразделения на занятия. Мы проходили поротно (батарейно) торжественным маршем мимо командира полка, рядом с которым всегда, как тень, стоял его заместитель по политической части майор И. Падерин.

Находясь от отца-командира и замполита на приличном расстоянии, с любопытством рассматривали их. Видно только было, что командир по габаритам был здоровенный, с выпирающим животом-грудью и фиолетовым, заплывшим лицом. Замполит — небольшого росточка и бледный. Мы всегда думали, что он бледный от переживаний: выстоит командир полка до конца прохождения всех подразделений или его придется поддерживать? Командир всегда выстаивал свои 20–30 минут. Но зато мы, проходя со своим подразделением рядом с ними, могли рассмотреть еще и детали у своего единоначальника. У него были пунцово-бурячного цвета не только нос, щеки, шея и отвисший подбородок, но и белки глаз.

Сейчас, вспоминая эту личность и ознакомившись с книгой А. Коржакова «Б. Н. Ельцин от рассвета до заката», особенно с теми фотографиями, которые там помещены, просто не нахожу слов, чтобы выразить свое удивление поразительным сходством во внешнем виде того командира полка и президента, которого, если говорить объективно, конечно, нельзя назвать не только президентом, но и нормальным гражданином.

Вот и Репин. За три года службы в этом полку он провел несколько считанных совещаний офицеров, на которых давал слово для указаний начальнику штаба и замполиту полка. Всё делали командиры батальонов и дивизиона. Лично он ни одного занятия (известного мне), а тем более учения не провел. Иногда присутствовал в тире при стрельбе офицеров из пистолета.

Зная характер В. И. Чуйкова и тем более Г. К. Жукова, которые терпеть не могли забулдыг и бездельников, я и все офицеры удивлялись, как этот «фараон» мог удержаться на своем посту и продолжать, так сказать, командовать? Хотя многие прекрасные командиры полков были уволены. И вообще, мы поражались в прошлом и сейчас — как земля терпит такое… страшилище, аномалию человеческую?

Уместно отметить, что за все годы службы я этого горе-единоначальника ни разу не видел в нашем офицерском общежитии или в офицерской столовой. Ему, наверное, и в голову не приходило, что надо периодически, хотя бы по разу зимой и летом собирать командиров рот и беседовать с ними, выясняя, какие существуют проблемы, оперативно реагировать и решать их. Все это делал начальник штаба полка. Фактически он спасал своего командира. А ведь если говорить о боевой выучке солдат и о воинской дисциплине, сплоченности подразделений, как боевых единиц, то ротный командир, командир батареи — это всё!

Через три месяца вверенная мне батарея по итогам проверки командира дивизиона заняла первое место в дивизионе, а при подведении итогов учебы за зимний период в приказе по полку она стояла уже в ряду пяти лучших подразделений полка. Это, конечно, подняло дух нашего личного состава. Мне лично импонировало и отношение ко мне командира дивизиона, который многократно бывал на занятиях, которые я проводил, в том числе с офицерами по артиллерийско-стрелковой подготовке, и всегда их оценивал высоко.

Вскоре этот командир дивизиона ушел, а на его место был назначен майор Володин. Не знаю, где и кем он был раньше, но в целом это был положительный командир. Нам, офицерам дивизиона, нравилось то, что он никому ни в чем не мешал. Но если у кого-то случался провал, то на совещании он делал

замечание: «Что же ты нас подводишь?» Но как поправить дело, не говорил. В то же время, если одно из подразделений чем-то отличалось, он тут же собирал совещание офицеров и предлагал соответствующему командиру батареи поделиться опытом — как он добился столь высоких результатов. Затем соответствующим офицерам объявлял благодарность, а на построении дивизиона — всему личному составу отличившейся батареи (или взвода). Это, конечно, оказывало большое воспитательное значение.

Был такой эпизод. Приехал командующий артиллерией 29-го Гвардейского стрелкового корпуса, в состав которого входила и наша дивизия. Он поднял по тревоге по одной артиллерийской батарее в каждом механизированном полку и вывел на полигон, где уже были расставлены мишени на трех рубежах (т. е. для каждой из трех батарей). У нас были 76-мм орудия ЗИС-3, тягачами служили «студебекеры». Подразделения сосредоточились в лесочке и поочередно выпускались на боевое поле с задачей — с ходу развернуться и отразить атаку танков («танками» были деревянные мишени). Стрельба велась без взрывателей, т. е. необходимо было прямое попадание. Целей было четыре по числу орудий, на каждое давалось два снаряда. Поразив все танки, получаешь отлично, три танка — хорошо, два — удовлетворительно, один — задача не выполнена.

Нам досталась последняя третья очередь. Две стрелявшие перед нами батареи получили тройку и были рады, что уложились, как было принято говорить, в государственную оценку. Пока они стреляли, мы все, конечно, переживали. К моменту нашего старта все «перегорели» и были абсолютно спокойно-безразличны. Никто даже не курил — дым уже шел из ушей. Вся боевая задача должна быть выполнена в установленное время, с момента отцепления последнего орудия от тягача давалось сто секунд на всю стрельбу. А ведь надо было развернуть орудие, развести и застопорить станины, подрыть и закрыть сошники, забить металлические штыри, навести орудия и только потом выстрелить. ЗИС-3, орудие хоть и хорошее, но все-таки легкое, при выстреле дает сильный откат. Поэтому на каждое орудие мы взяли по две кувалды, командир орудия и один из подносчиков закрепляли ими сошники в считанные секунды, а наводчик и заряжающий выполняли огневую задачу по командам командиров взводов и батарей. Прошло 50 лет, а детали этой стрельбы до сих пор свежи в памяти, как и отдельные боевые эпизоды войны.

Как важно детально продумать каждый шаг, каждое действие в предстоящей схватке! Ведь перед боем тоже это делаешь, причем по нескольким вариантам. Разумеется, ситуация, как

правило, не складывается именно так, как ее прогнозируешь, и в ходе боя приходится вносить поправки. Это естественно. Но сам факт подготовки к бою, именно всесторонней подготовки, — уже залог успеха.

Наступил и наш черед. Мы не знали, на каком рубеже появятся «танки», под каким углом, на какой местности (одно дело — если она без кустарника, и совсем другое — среди зарослей), в какой момент нашего развертывания, какое поле (место, рубеж) в районе развертывания. Хорошо, если без рытвин и ровный твердый луг или опушка леса, и худо, когда полно ухабин, рытвин, а тем более если место заболочено. А ветер! При мягком, боковом или встречном (фронтальном) ветре дымка после выстрела быстро сносится в сторону или назад. А если ветра нет вообще или он дует в затылок, то дымка после первого выстрела не уходит, а стоит перед тобой столбом. И совсем плохо, когда дует сильный боковой ветер: тут уже надо брать большое упреждение (поправку) — ведь снаряд, к сожалению, сносит. В общем неожиданности, независимо от подготовки, поджидали нас во время этих стрельб большие.

Как ни досадно, но нам достались самые плохие, если говорить о местности, условия. Во-первых, и цели, и наши орудия оказались среди высоких кустов. Во-вторых, рубеж, на котором пришлось развертываться, был весь в рытвинах и колдобинах. В-третьих, приходилось стрелять снизу вверх, что весьма неудобно. И в-четвертых, что самое главное, левое орудие оказалось в таком положении, что оно не только «своего», но вообще ни одного танка, кроме второго справа, не видело. Выдвигать орудие вручную — это бессмысленно терять время. Об этой критической ситуации командир левофлангового четвертого орудия доложил сразу: «Целей не вижу! Наблюдаю один танк справа».

Я даю соответствующие команды.

Решение было принято мгновенно, и оно оказалось единственно правильным. Получилось так, что справа налево три орудия видели все четыре танка. Поэтому по первой команде эти три орудия выстрелили в «свои» танки по одному снаряду. Затем огонь этих трех орудий был перенесен на самый левый четвертый танк. А наше четвертое левофланговое орудие, наблюдая только второй танк «противника» справа, сумело успеть выстрелить в него всего один раз.

Время кончилось, была дана команда прекратить стрельбу. Все замерло. Расчеты были построены за орудиями. Стволы максимально подняты вверх. Казенники открыты. Несколько проверяющих остались на позиции, а трое, во главе с генералом, поехали на двух «виллисах» к целям. Взяли и меня. Я чувствовал,

что задача выполнена положительно, потому что лично наблюдал, как снаряды-болванки «прошивали» цели. И все же очень переживал. Хотелось, чтобы оценка была как можно выше. Согласитесь, это вполне естественное желание.

Начали осмотр диспозиций справа налево. В первом справа танке была одна пробоина. То есть правое орудие успело попасть в танк, который шел прямо на орудие. Во второй справа мишени было два попадания. Орудие, на которое шел танк, успело его поразить. По этому танку сделало выстрел и попало левофланговое орудие. В третьем танке оказалось, как и в первом, тоже одно попадание. Значит, третье орудие успело поразить «свою» цель. И, наконец, в последнем, четвертом танке оказалось три попадания! Это была не просто победа, а блестящая победа. Я ликовал, но вида не подавал.

Командующий артиллерией корпуса и остальные офицеры подошли ко мне. Генерал тепло, душевно поздравил меня с отличной оценкой, пожал руку. Другие поздравили тоже. Мы вернулись на батарею. Генерал приказал построить личный состав. Затем объявил всем благодарность и провел подробный разбор действий батареи. Отметив, что второе орудие отстрелялось быстрее всех и оба снаряда попали в цель, вызвал из строя наводчика этого орудия ефрейтора Соколова и наградил его часами.

В батарее был праздник. Мы вернулись в полк, так сказать, с высоко поднятой головой. Я подробно доложил обстановку майору Володину. Он уточнил ряд деталей и приказал построить дивизион. Расхаживая перед строем и энергично жестикулируя, командир дивизиона так увлеченно и с вдохновением рассказывал всему личному составу о нашей стрельбе, что складывалось впечатление, будто он сам не только наблюдал всю эту картину, но и лично стрелял. Нам было очень приятно, когда командир дивизиона отметил, что мы прославили и дивизион, и полк.

В общем, все было прекрасно. Через некоторое время меня вызывает начальник штаба полка и говорит:

— Так ты все-таки собираешься в академию?

— В какую академию? Тем более с моей должности?

— С твоей должности можно идти в любую академию на инженерный факультет.

Это меня заинтересовало. Я начал наводить справки через различные полковые и дивизионные службы, вскоре пришел к выводу, что можно было бы поступить в Военную академию бронетанковых и механизированных войск на инженерный автотракторный факультет.

Решение принято. Рапорт написан и начальниками поддержан. Я стал активно готовиться. И хотя, кажется, все стало на свое место, все-таки по-прежнему душевного удовлетворения не было. Я чувствовал, что это какой-то компромисс с теми принципами, которых я придерживаюсь.

И это чувство не оставляло меня во время всей истории с поступлением в академию. Кажется, все формальности соблюдены. Подготовка прошла хорошо. На наших курсах, организованных при дивизии, я имел возможность, как и другие, подтянуться и проверить свою готовность — все было нормально. Вовремя выехал в Москву и прибыл в академию. Прошел все комиссии, осмотры, собеседования, а самое главное — сдал хорошо вступительные экзамены. И вдруг объявляют, что автотракторный факультет, на который я имел виды и поэтому поступал в академию, переведен в Военно-транспортную академию. А вместо этого факультета организован 2-й инженерно-танковый факультет, на который зачисляются все сдавшие экзамены на автотракторный.

Читатель может представить мое состояние и настроение. Я совершенно не мечтал стать танкистом. Тем более танковым инженером. Идя же на автотракторный факультет, я рассчитывал, что, имея специальность инженера-автомобилиста, в случае дальнейшего сокращения Вооруженных Сил мог легко найти себя и «на гражданке». И вдруг все рушится. Конечно, я кинулся в кадры и потребовал, чтобы меня перевели в Военно-транспортную академию на автотракторный факультет. Мне ответили, что никто этим заниматься не будет и что я приказом уже зачислен слушателем 2-го инженерно-танкового факультета академии. Сгоряча пишу в резкой форме рапорт об отчислении. Через два дня вызывают в отдел кадров академии, «прочищают» мне мозги, вручают предписание для возвращения в часть, где записано, что отчислен решением мандатной комиссии, хотя ни на какую мандатную комиссию меня не вызывали. Мало того, в предписании, как позорное клеймо, была еще сделана приписка, что мне объявлен выговор (без объяснения — за что) и рекомендуется взыскать с меня за проезд.

С этим «волчьим билетом» я отправился в свою дивизию, проклиная всех на свете кадровиков, которые поступают бездушно и бездумно, принимая самостоятельно решения по тому или иному человеку и даже совершенно не ориентируя своих командиров и начальников в сложившихся ситуациях. Хотя надо сказать честно, что было на моем пути немало и внимательных офицеров-кадровиков. А некоторые сыграли просто решающую роль в моей послевоенной жизни. С особой благодарностью я

вспоминаю подполковника Чичвагу (он вел в управлении кадров Северного округа 6-ю общевойсковую армию) и генерал-лейтенанта Майорова — начальника управления кадров Сухопутных войск. Они не только не были бюрократами, но не допускали и малейшего равнодушия к судьбам военнослужащих. Наоборот, всегда выслушают, посоветуют, а если пообещают, то обязательно выполнят. Как важно, чтобы кадровик был внимательным, заботливым, человечным, а не формалистом.

Добравшись до Йены, где располагалась наша 20-я механизированная дивизия, я решил идти только к начальнику штаба нашего полка подполковнику Фролову, и больше ни к кому. Я еще раньше проникся к нему большим уважением и чувствовал взаимность. Поэтому понимал, что только он мог объективно разобраться во всем случившемся. Когда я предстал пред ясны очи Фролова, тот с удивлением сказал:

— А мы-то думали, что ты уже «академик». Да и, кажется, есть телеграмма о твоем зачислении слушателем академии…

Тут я начал подробно рассказывать обо всем, что произошло. Он перечитал мое предписание и, очевидно, думал, как лучше поступить, чтобы не подставлять меня и самому, конечно, не просчитаться. В итоге он пожурил меня, что я не использовал великолепную возможность попасть в академию, а затем, успокоив, сказал, что жизнь на этом не кончается. Позвонил при мне командиру дивизиона, передал ему, что я вернулся для прохождения службы обратно в полк и что я сейчас подойду, а приказ по полку на эту тему будет подписан завтра. Затем, подумав, позвонил начальнику отделения кадров дивизии и сообщил ему о моем возвращении. А мне сказал, что Репин находится в отпуске, но пока еще не выезжал, а Фролов остался за командира полка. Последнее меня особенно обрадовало: пройдет время, все «зарубцуется» и встанет на свое место.

В дивизионе меня встретили как родного. Было такое ощущение, что командир дивизиона был даже рад, что я вернулся. Однако, как оказалось, мне уже был приклеен ярлык «академика».

— Ну, здравствуй, академик.

— Как дела, академик?

— Академик, твоя батарея когда на боевые стрельбы выезжает?

И так продолжалось около года. Но потом все действительно «зарубцевалось». Боевая учеба, которая в Группе Советских оккупационных войск в Германии была под личным ведением 1-го заместителя главнокомандующего группой генерала армии В. И. Чуйкова, приобрела не просто систематический, плановый,

размеренный вид, но порой даже носила ожесточенный характер. Особенно это проявлялось, когда мы выезжали в лагерь на летнюю учебу. Это был период с конца апреля и до октября включительно. Наша дивизия стояла компактно в лагерях рядом с Ордруфским полигоном. Жили мы в деревянных помещениях барачного типа. Но всем необходимым для жизни, быта и учебы были обеспечены. Напряжение, конечно, было очень высокое. Война закончилась недавно, а вопросы учебы на войне, как правило, носили «демократический» характер. Если командир считал необходимым какой-то вопрос отработать и если боевая обстановка позволяла, то это делалось, а если командир считал, что можно обойтись и без специальной подготовки, то занятия не проводились. Поэтому систематизированная, ежедневная, напряженная боевая учеба казалась некоторым кандалами. Но со временем все и всё привыкли и к этому напряжению, и никто не думал о другой жизни. Нам уже стали говорить о коварстве наших бывших союзников, из-за чего порох надо было держать сухим.

Но в напряженной воинской службе были у нас и отдушины. Например, когда выезжали в Ордруфские лагеря, то все старались попасть на «цирковое представление», которое происходило в соседнем полку. Дело в том, что у них был осел, причем знаменитый — прошел всю войну и дошел с полком до самой Германии. К этому ишачку все были неравнодушны. Назвали его «Фюрером». И на клич «Фюрер, фюрер» он, как правило, отзывался и трусцой бежал на зов, зная, что его угостят чем-то вкусным. Особенно этот проказник любил сахар. Вся его грудь, грива и передняя часть туловища были украшены гитлеровскими медалями, которые были вплетены в его шерсть и капитально привязаны шпагатом. «Фюрер» свободно расхаживал по всему лагерю, и везде его встречали с почтением и даже нежностью. И не только потому, что у него был богатый боевой путь. Но еще больше потому, что сразу после завтрака немец, работавший в столовой, запрягал его в небольшую телегу, и они отправлялись в Ордруф, где закупали бутылочное пиво и ситро, а возвращаясь в лагерь, развозили эти напитки по полковым офицерским столовым. Так что всюду были желанными гостями. Но самое интересное было в другом. Ежедневно, в том числе и в выходные, в точно установленное время, командир соседнего полка выходил из своего домика (он находился тут же, в лагере, где и офицерские бараки-общежития) и направлялся на переднюю линейку лагеря, торцами к которой выходили все наши бараки-казармы. Там его поджидал дежурный по полку. Он подходил к нему строевым шагом и четким голосом отдавал обычный

утренний рапорт. А в затылок дежурному всегда стоял, поматывая головой, легендарный осел. Дежурный по окончании рапорта делал шаг в сторону с поворотом, командир полка здоровался за руку с дежурным, а в это время осел начинал издавать какие-то дикие скрипучие гортанные звуки, выдавливая из себя воздух и тут же втягивая его обратно. Создавалось впечатление, что он тоже рапортовал.

Эту картину наблюдал исподтишка фактически ежедневно чуть ли не весь лагерь. И хотя повторялось одно и то же, а из трех действующих лиц менялось только одно — дежурный. Все, удобно устроившись, ждали, когда будет этот церемониальный акт. Хорошо, что лагерь стоял в сосновом бору и это позволяло маскироваться за деревьями. Обычно командир полка, поздоровавшись и оставив встречающую его пару, тут же уходил. Но иногда, к удовольствию «наблюдателей», происходило просто невообразимое зрелище: командир полка проходил по передней линейке вместе с дежурным, а осел оставался на своем месте, пока не закончится весь обход. Командир полка уходит, а к дежурному вприпрыжку скачет осел. Дежурный за стойкость и терпение дает ему кусочек сахара. Тут, конечно, раздавались хохот и аплодисменты. Цирковой номер знаменитого и заслуженного осла принимался «на ура».

Суровая, напряженная до предела наша военная жизнь вот такими эпизодами хоть чуть-чуть смягчалась. Так высохшая, потрескавшаяся земля начинает дышать и оживает, когда на нее упадут хоть несколько капель дождя.

Тяжелая была служба в Группе Советских оккупационных войск в Германии в 1947, 1948, 1949 годах, очень тяжелая. А что касается воинского порядка и вроде бы неуместного пребывания животного на линейке в момент, когда отдавался рапорт, так это объясняется следующим. Солдаты натренировали осла так, что никто и ничто не мог сделать, чтобы он не участвовал в рапорте и чтобы поехал за пивом только после завтрака. Вот хоть его убей, а будет делать так, как натренировали. Если же пытались закрывать его в сарай, то он бесился, орал на весь лагерь и вносил такой переполох во всю его жизнь, что вынуждены были отказаться от этой меры, как и привязывания его временно к дереву. Убивать такого осла тоже было жалко. Ведь к нему привыкла вся дивизия. Само его существование уже напоминание об истории. Решено было махнуть на это рукой. И «концерты» нашего заслуженного осла продолжались.

1949 год стал для нас и лично для меня особо насыщенным.

Все-таки полнейшая неопределенность относительно перспективы заставила меня встретиться с рядом начальников и

выяснить обстановку: если они считают, что я должен остаться в кадрах, то я должен учиться там, где считаю необходимым. Но если начальникам безразлична моя военная судьба, то я должен быть уволен. И хотя мне было обещано рассмотреть мой дальнейший путь именно в таком плане, последовали совершенно неожиданные для меня решения. Летом 1949 года меня назначают в 153-й отдельный корпусной артиллерийский полк начальником разведки — заместителем начальника штаба полка и одновременно с назначением присваивают звание майора. Тем самым уже было показано, что мне надо служить.

Долго адаптироваться на новом месте мне не пришлось. Очень быстро я сблизился с офицерами командования и штаба полка. Осенняя проверка показала, что претензий ко мне нет.

Осенью 1949 года наши оккупационные войска в Германии преобразовываются в Группу Советских войск в Германии, а их главнокомандующим становится В. И. Чуйков. Но самое главное в моей жизни этого периода является возвращение наконец на Родину.

Глава II
Выбор сделан

Возвращение на Родину. Киевский военный округ. Встреча с Брежневым в Кишиневе. Знаменательный 1951 год. Академия имени М. В. Фрунзе. Легендарный Буденный. Генералы армии Жадов и Курочкин. Сталин беседует с генералом Разиным. Случай в Учебном переулке у Новодевичьего монастыря.

В январе 1950 года я прибыл в штаб Киевского военного округа и, получив направление в 18-ю механизированную дивизию, отправился поездом в Черкассы. Это километров двести от Киева вниз по Днепру.

Рано утром прибыв на станцию Черкассы и сдав вещи в камеру хранения, я налегке через весь город отправился в дивизию. Мне хотелось побыстрее решить все свои служебные вопросы, а затем уже познакомиться с городом, что я всегда делал по прибытии на новое место. Однако в отделении кадров, куда я явился, мне велено было повторно прийти в 17. 00 и получить направление в полк.

Таким образом, практически в распоряжении у меня оказался весь день. В первую очередь я поинтересовался, где располагаются полки дивизии (а они оказались рядом), затем — где находятся гарнизонные учреждения: гостиница, столовая, военторг, Дом офицеров. В целом город произвел на меня хорошее впечатление. Хотя он и состоял в основном из одно-двух- и редко — трехэтажных зданий, но зато планировка его была исключительно прогрессивной и перспективной, а улицы были ровными, как стрела. С птичьего полета он был похож на огромную, несколько вытянутую шахматную доску. Располагался он на правом берегу огромной реки, русло которой в этом месте тоже было будто прочерчено линейкой. Все административно-хозяйственные, торговые, медицинские, научные, учебные и культурные заведения находились в центре города, что позволяло гражданам в считанные минуты добираться к любому объекту. С точки зрения функционирования коммунального хозяйства, перспектив застройки или реконструкции города, планировка вообще была выше всякой похвалы, хотя по своему возрасту город не уступает Киеву и Москве. Неспроста он позднее стал областным центром, и его потенциал получил новый импульс для всестороннего максимального развития. Мне приятно вспомнить,

что именно здесь по-настоящему сложилась моя семейная жизнь. В этом городе 1 января 1951 года жена подарила мне первого сына — Валерия. Второй наш «казак» — Владимир — появился уже в Заполярье, в городе Кандалакше ровно через четыре года — 4 января 1955 года.

Немного уставший, но весьма довольный осмотром города, а также тем, что устроился в гарнизонной гостинице, куда успел даже перенести свои вещи, я в назначенное время прибыл в штаб дивизии за документами. Начальник отделения кадров пригласил меня к себе, кратко рассказал о дивизии, затем объявил, что службу буду проходить в 59-м механизированном полку, начальником штаба минометного дивизиона. Рассказал немного о полку и его командовании. Почему-то особое внимание акцентировал на заместителе командира полка по артиллерии — начальнике артиллерии полка полковнике Ланге. Возможно, это было сделано потому, что в свое время на войне два года я тоже был в этой должности. Но, может быть, начальник отделения кадров хотел подчеркнуть, что полковник Ланге был в войну командиром артиллерийского полка, а вот сейчас, в связи с сокращением армии, он тоже понижен, но сохранен для Вооруженных Сил. Под конец беседы начальник отделения кадров спросил — есть ли у меня вопросы? Я ответил, что вопросов нет. Тогда, помолчав, мой собеседник сказал:

— А как насчет учебы?

— Будем думать.

— Слишком общий ответ. Думать, тем более об учебе, никогда не мешает. Но необходимо и конкретное решение. Я задаю вам этот вопрос потому, что офицер, который служил раньше с вами в 20-й механизированной дивизии, сейчас является работником управления кадров округа. Он мне звонил и сориентировал. Если хотите знать обстановку и мое мнение, то я могу сообщить следующее.

Сейчас желающих учиться в военных академиях очень много. У нас в дивизии и в округе в целом со списками уже определились. Вам как только что прибывшему сразу ставить этот вопрос будет неудобно. Как говорится, начальство вас не поймет. Да и другие офицеры, претендующие на академии, тоже будут коситься. Поэтому, я думаю, этот год надо пропустить, хорошо потрудиться и проявить себя, заодно и хорошо подготовиться, а на следующий год можно и попытаться. У нас хорошие курсы при Доме офицеров. Как вы на это смотрите?

— Положительно. И благодарен, что именно от вас исходят такие предложения, — сказал я.

— Ну, вот и прекрасно. А сейчас я дам вам офицера, он

проведет в полк. Командиру я уже доложил о том, что направлю к нему боевого офицера.

Мы распрощались. Старший лейтенант, которому было поручено доставить меня в полк, оказался весьма общительным. За короткий путь от штаба дивизии до штаба полка он успел рассказать мне все о жизни, быте и боевой учебе дивизии. Из этого рассказа я выделил для себя два принципиальных вопроса. Во-первых, дивизия размещается на фондах, когда-то принадлежавших Черкасскому пехотному училищу. Во-вторых, летом дивизия выходит в лагерь, который расположен фактически в границах размещения ее частей. Это очень удобно: меньше расходов, офицерский состав продолжает жить на своих квартирах, учебная материальная база — одна и та же.

Но особенно меня тронуло то, что судьба вновь столкнула меня с Черкасским пехотным училищем. Моим родным училищем, которое подготовило меня для войны.

До чего же интересные повороты делает жизнь! Иной раз она выводит людей на объекты или события, которые в какой-то степени повторяют или сближают их с тем, что было в прошлом. У меня в то время почему-то сложилось одно твердое убеждение: коли Черкасское пехотное училище дало мне счастливую путевку на фронт и благодаря судьбе в битве за Отечество я остался жив, то сейчас Черкассы должны благословить меня на доблестную службу на алтарь Отечеству. Так фактически и случилось.

Прибыв в свой, теперь уже родной для меня, полк, я встретился с дежурным по полку — капитаном Шаталовым (он оказался из минометного дивизиона), который передал приказ командира явиться к нему! Тут же предупредил меня, что командир полка — подполковник, а в кабинете у него сейчас полковник — начальник артиллерии полка.

Действительно, за командирским столом сидел подполковник. Я представился. Командир живо, по-кавказски (он был грузин) поздоровался, представил полковника Ланге, а потом, когда мы сели, скрестил руки на груди и, подняв брови, глянул на меня. Не ожидая дополнительных вопросов, я коротко рассказал биографию, службу, завершив свое повествование словами: «Понимаю, что обязан служить хорошо».

— Почему вы это подчеркиваете? — спросил командир. — Это долг каждого.

— Но у меня, кроме формальных обязательств, есть и особые.

И я рассказал об училище. Оба начальника согласились. Командир полка кратко рассказал о дивизии и нашей части, подчеркнул, что артиллеристы уже традиционно являются лучшими подразделениями в полку, а полковник Ланге очень

хорошо ему помогает. Затем добавил, что все остальное расскажет полковник, он же представит меня личному составу дивизиона, куда я назначен, — завтра на разводе на занятиях, а офицерам представит командир полка — на совещании в четверг.

Распрощавшись с командиром, мы отправились в кабинет Ланге. Комната была небольшая, уютная, но на стенах висело множество схем и плакатов на тему артиллерийской стрельбы, а на одной — обычная школьная классная доска с мелом и тряпкой. Видимо, здесь же проводились занятия. Вдоль стен стояло много стульев.

Неожиданно для меня полковник начал разговор с одной деликатной темы, чего я, конечно, не предполагал, хотя вопрос у меня в мыслях уже крутился.

— Сразу хочу вас разочаровать, — предупредил Ланге и хитро посмотрел мне в глаза. Я насторожился. — Моя фамилия не должна вызывать у вас каких-то вопросов и тем более сомнений. Родом я из Тверской губернии, сиречь Калининской области. Возможно, какие-то мои пра-прапредки времен Петра Великого имели какое-нибудь отношение к немецкому роду, но все с годами и веками стерлось и полностью обрусело. В этом уже многократно убедились все наши соответствующие органы. Так что ничего не опасайтесь — все в порядке.

Я внутренне был благодарен за такую справку, но, естественно, не сказал ни слова, даже сделал вид, что другого я и не мог предположить, тем более был далек от «разочарования». Затем он посвятил меня в будни полка, его традиции, установившийся порядок и распорядок дня, в организацию и проведение занятий, особенно с офицерским составом. Потом вместе пошли в офицерскую столовую — он холостяковал. Там встретили командира минометного дивизиона подполковника Шранковича. Познакомились, поужинали. Оказалось, что Шранкович белорус, родом из Бреста и война его застала там же. У нас получился хороший добрый разговор.

А на следующий день состоялось знакомство со всем полком, и потекли день за днем. В первый же выходной офицер нашего дивизиона капитан Шаталов предложил посмотреть два варианта комнат, которые сдавались. Жилья для офицеров в те времена было совсем мало.

Облюбовали мы небольшой частный домик, где хозяйка за приемлемую цену сдавала комнату. Находился дом неподалеку от части и вообще был удобен со всех позиций.

Таким образом, жизнь была устроена. Служба шла хорошо. Цели были ясны и понятны.

В апреле 1950 года полк приступил к подготовке своего

лагеря, куда мы намеревались перейти к концу месяца. То есть 1-е мая надеялись встретить уже в летнем лагере. Неожиданно ко мне в канцелярию приходит полковник Ланге. Прищурив глаза как обычно и хитро улыбаясь своими большими губами, говорит: «Пошли!» Он был ниже среднего роста, очень плотный, однако не толстый, ходил быстро — в нем чувствовалась физическая и духовная сила. Любой, кто с ним знакомился, сразу проникался уважением и симпатией.

— Что же вы не спрашиваете, куда мы идем?

— Если начальник сам не говорит — куда и зачем, то, видимо, задавать подчиненному вопросы неэтично. Надеюсь, сейчас все выяснится.

— Верно. Нас вызывает командир полка, и в интересах нашего полка мы должны будем выполнить боевую задачу, — все так же, загадками, сказал Ланге и опять стал хитро улыбаться, явно заинтриговывая меня.

Однако я решил сделать вид, что мне все нипочем, и вопросов не задавал, и тоже попытался улыбаться — для солидарности. И действительно, почему бы не улыбаться? Ведь «боевая» задача ждет нас в мирное время.

Командир полка усадил нас к столу, а сам, расхаживая по комнате, стал говорить о том, что весь личный состав полка и его командир надеются на положительный исход операции, которую мне с Ланге надо выполнить. Последний, заметив мой недоуменный взгляд, сказал:

— Я, товарищ командир полка, майору существа задачи пока еще не рассказал.

— Ах, вот как? Ну, так я разъясню. С выходом полка в лагерь мы сразу же приступаем к капитальному ремонту всех казарм. Для этого кое-какие материалы типа кирпича, цемента и досок уже нашли, а вот водопроводных труб, электропроводов, гвоздей, олифы, краски, стекла нет и приобрести невозможно. Поэтому надо провернуть следующую операцию.

Поскольку наш полк имеет почетное название «Кишиневский» да три боевых ордена, надо выехать в Кишинев, прорваться к первому секретарю ЦК Компартии Молдавии Леониду Ильичу Брежневу и доложить ему обстановку, делая основной упор на то, что Кишинев является нашим шефом. Как человек военный, он поймет наше положение и, конечно, поможет. От вашей поездки зависит все. Надо повесить все награды. Вы — наша делегация.

Задание, конечно, было ясно. Неясно было лишь, как «прорваться» к такому начальству. Ни у Ланге, ни тем более у меня опыта в этом не было. Ланге шутил:

— Штыком и гранатой пробились ребята… Мы составили перечень всех материалов, согласовали с заместителем командира полка по тылу, затем — с командиром полка и, получив добро, отпечатали письмо-просьбу в трех экземплярах. На следующий день мы уже дремали в вагоне, прислушиваясь к перестукиванию колес. Каждый думал о своем. Я вспоминал бои за Одессу, особенно за село Христофоровку, где мог сложить свою голову. Но и после Одессы такая «возможность» мне выпадала не раз — вначале на Днестровском плацдарме в районе Паланка, где ждала верная погибель, если бы остались еще на одну-полторы недели, и на плацдарме в районе Шерпен, когда в результате внезапного мощного контрудара немцев плацдарм уменьшился в три раза, но мы его все-таки удержали. Да, красавица Одесса далась нам не просто. Это сейчас «шаланды, полные кефали» знаменитый Костя-морячок снова привозит на Молдаванку и Пересыпь, а тогда было горячо и не до кефали.

В Одессе мы сделали пересадку и отправились в Кишинев. В столицу Молдавии прибыли утром. Привели себя в порядок и сразу отправились в ЦК. В бюро пропусков Ланге сразу потребовал вызвать ему коменданта. Им оказался полковник с синими петлицами КГБ. Ланге предъявил ему наши документы и письмо Л. И. Брежневу, подписанное от имени личного состава Кишиневского механизированного полка его командиром.

— Мы должны не только лично передать письмо, но как делегация встретиться и устно доложить, как живет и учится личный состав. Поэтому очень вас просим доложить Леониду Ильичу о прибытии нашей делегации. Нам потребуется всего несколько минут для доклада.

Полковник КГБ внимательно, не перебивая, выслушал Ланге и, пообещав решить вопрос, исчез. Вернулся минут через 15–20.

— Пойдемте, я провожу вас.

Ланге, к моему удивлению, немного подрастерялся, начал суетливо проверять свою папку, отыскал перечень материалов, еще какие-то справки, и мы отправились. Его волнение передалось мне — я тоже стал почему-то нервничать. По дороге к нам молча присоединился майор в такой же, как и у полковника, форме. В приемной находилось двое штатских. Сопровождавший нас полковник сказал:

— Вот привел. Обратно их выведет товарищ майор.

Майор в знак подтверждения принятой команды кивнул головой, а полковник, попрощавшись, ушел. Один из штатских обратился к Ланге:

— Вы готовы? У Леонида Ильича Константин Устинович. Беседа будет в его присутствии. Вы готовы?

Ланге опять засуетился и глянул на меня. Я говорю:

— Конечно, готовы.

Штатский исчез за дверью, потом тут же появился и, широко распахнув дверь, громко объявил:

— Заходите, товарищи.

Ланге чуть ли не строевым шагом рванулся вперед. Я — за ним, стараясь идти в ногу, — порядок должен быть во всем. У Ланге вся грудь была в орденах и медалях. Со своей бритой большой головой и широкой грудью он был похож на монумент. Я же, длинный и худой, в этом «дуэте» не смотрелся. Ранжир у нас выглядел недостаточно эффектно, поэтому я держался несколько левее и на полшага сзади. Мы «отрубили» несколько шагов и остановились посреди просторного кабинета.

Из-за стола поднялся такой же крепкий и сбитый, как борец-тяжеловес, симпатичный человек, одного роста с Ланге, однако, в отличие от него, — с пышной черной шевелюрой. Он приблизился к нам, энергично поздоровался и, не дав ничего сказать Ланге, обратился к своему товарищу, который тоже поднялся, но стоял у стола — это и был Черненко:

— Костя, смотри, какие красавцы, сколько орденов, какие богатыри!

— Да, делегация что надо, — подтвердил Черненко.

Нас усадили. Принесли чай. Ланге пытался несколько раз вставать для доклада. Но Леонид Ильич все усаживал его и, наконец, попросил:

— Спокойно, сидя, расскажите, как вы живете, какие задачи решаете, что вас беспокоит?

Этот мирный, добрый тон, конечно, снял напряжение. Дальше все пошло как по маслу. Полковник Ланге, попивая чай, подробно рассказал о боевом пути полка, за что получил ордена и почетное наименование «Кишиневский», как полк (точнее, дивизия в целом) попал в Черкассы, как организованы жизнь, быт и боевая учеба, какие у полка проблемы. Дойдя до основной цели нашего визита, он достал из папки отпечатанный листок с перечнем материалов, затем вдруг неожиданно для всех достал большой носовой платок и, приговаривая: «Хороший чай», — начал вытирать свою бритую голову и шею. Все рассмеялись. Я-то понимал, почему полковник вспотел: надо было как-то помягче выразить наши просьбы, но как? Как все это доложить, чтобы оно выглядело и корректно, и убедительно, и, что самое главное, обеспечило бы принятие положительного решения.

— Тут вот мы перечислили, что желательно нам для проведения ремонта… — нерешительно промолвил Ланге извиняющимся тоном и протянул Леониду Ильичу листок.

Пробежав глазами лицевую сторону, Брежнев перевернул листок наоборот, но там ничего не было. Тогда он опять начал читать напечатанное и, сделав суровое лицо, покачал головой, делая какие-то пометки прямо на листке:

— Да, вы размахнулись… Это же капитальное строительство нового военного городка?!

Ланге опять достал носовой платок, стал усердно вытирать затылок и едва слышно произнес:

— Это мы по максимуму, завышенно… Конечно, рассчитываем на то, что можно.

Тем временем Леонид Ильич передал листок со своими пометками Черненко, и вдруг оба они начали так хохотать, что нам ничего не оставалось делать, как присоединиться к ним, хотя, в принципе, мы с Ланге не могли понять, что так развеселило Брежнева и Черненко. Глядя на нас и наш бестолковый смех, они вообще покатывались до колик.

Наконец, отдышавшись и вытерев слезы, Леонид Ильич сказал Черненко:

— Передай, чтобы нашим подшефным подготовили вагон и, кроме перечисленного, заполнили его пиломатериалами. В хозяйстве все сгодится.

И, уже обращаясь к нам, заметил:

— Я там немного поправил цифры — в основном добавил нули. Передайте командованию полка и всему личному составу, что шефы всегда будут благодарны воинам за совершенный подвиг, в том числе при освобождении Кишинева. Желаем всяческих успехов в боевой и политической подготовке!

Распрощались с нами Леонид Ильич и Константин Устинович по-доброму, тепло. Мы пригласили их в полк, а в ответ Леонид Ильич сказал:

— Уверенно обещать, что приеду лично, я сейчас не могу, но то, что шефы от Кишинева приедут, гарантирую.

Действительно, в начале 1951 года такая делегация в полк приезжала.

В итоге встречи с Л. И. Брежневым и К. У. Черненко нашему полку Кишинев отгрузил, а мы через две недели получили вагон различных материалов, что с лихвой хватило на капитальный ремонт всех основных помещений, который и был проведен, пока полк находился в летних лагерях. Правда, на обратном пути полковник Ланге все сокрушался, что при докладе выглядел довольно глупо — ехать за тридевять земель и просить только 150 килограммов гвоздей и приблизительно столько же краски! Я разделял его переживания, но все уже было позади, упущенного не вернешь, главное же — цель достигнута!

Командир полка собрал командование полка и в их присутствии выслушал доклад полковника Ланге о нашей поездке и принял решение о проведении серии мероприятий, красной нитью через которые проходила забота народа о своих Вооруженных Силах, что, конечно, выглядело эффектно и наглядно. На следующий день, рассказав на разводе на занятиях всему личному составу, как отнеслись руководители Молдавии к своему подшефному полку, командир призвал офицеров, сержантов и солдат еще лучше готовить и проводить занятия и тем самым повысить боевую готовность.

Жизнь и боевая учеба в полку была на уровне. Мне вообще всегда очень нравилось наблюдать, как часть выходит в лагерь: все подтянуты, сосредоточены только на занятиях, всё идет четко, организованно. Способствовало этому и то, что все офицеры, кроме дежурной службы, жили на своих квартирах, от семей не отрывались, поэтому и службе отдавались со всем старанием. Однако мы с женой находили время побывать в Доме офицеров, сходить в кинотеатр, навестить своих друзей, пригласить к себе в гости и очень много читали. Все это делало нашу жизнь интересной и наполненной.

Однажды Ольга Тихоновна потянула меня на черкасский базар. Это было уже ближе к осени. Сначала я категорически сопротивлялся, потому что вообще не любил ходить в магазины, а тем более на рынок. Но она все-таки убедила меня, что я должен непременно посетить этот базар — даже не для того, чтобы что-то приобрести, а хотя бы взглянуть на эту живую картину, на живое народное искусство. И я пошел. И до сих пор благодарен, что увидел это чудо.

До этого общее представление о базаре у меня сложилось по Армавиру. Хоть я ходил там на рынок и редко, но находил все, что надо. Конечно, и в армавирских магазинах было всего достаточно, в том числе продуктов. Но базар представлял интересное зрелище — казалось, все магазины там собраны воедино и вывернуты наизнанку. Впечатление сильное и надолго запоминающееся.

А вот черкасский базар в выходной день в конце лета и начале осени — это действительно чудо. Во-первых, впечатление такое, что будто попал в пульсирующий океан, в котором одновременно действуют разные течения, и, чтобы выбиться из него, чтобы приблизиться к намеченной цели, — нужно затратить немало усилий. Во-вторых, всевозможный товар для продажи представлен не просто с избытком, а навалом, в сказочном количестве и разнообразии. Огромные клетки забиты живыми курами, утками, гусями и индюшками — все кричит и кудахчет.

Поросята — тоже в клетках или мешках, и эти розовые создания визжат невообразимым оглушительным хором.

Мед продается бочками, сметана — бидонами, огромными крынками или тазами. Точно так же сливочное и подсолнечное масло. Мясо или сало было развешано на крюках или громоздилось большими горками на самодельных прилавках. Сало в четыре-пять пальцев толщиной — чистое, хлебное, и с прожилками — и свежее, и просоленное, и с перчиком, с другими приправами. Что же касается фруктов и овощей, то это пиршество красок и изобилия вообще невозможно описать. Конечно, бананов и кокосовых орехов не было. Да и кому они нужны! Зато какие яблоки, груши, сливы, абрикосы, персики! Только дотронешься зубами — сок брызжет фонтаном. И все это выращено без грамма нитратов на благодатной почве — здесь черноземы как масло. Горы арбузов, дынь, тыкв — источают медовый аромат, от которого кружится голова.

Самое интересное — процесс купли-продажи. Продавцы голосисто зазывают народ и готовы отдать ему свой товар по самой низкой цене, а покупатели, особенно малоопытные, ходят с открытыми ртами и не знают, к кому податься — товар везде соблазнительный. Но если подошел и стал торговаться — хозяин уже не отпустит: обязательно заставит попробовать и навяжет покупку.

Более спокойно было на участке торговли скотом. Кони, быки, коровы, бараны, козы, откормленные для убоя, и еще растущие свиньи. Все это отдельно, чинно, степенно, выдержанно и важно.

При этом надо отметить, что все участники этого неписаного почти театрального представления были опрятны и даже нарядны, а женщины — с украшениями. И что отрадно — все улыбаются, хотя и торгуются. Черкасский рынок того времени представился мне чревом большого города, которое дает ему жизненную силу, не только материальную, но и духовную.

Многие наши классики описывают российские и украинские ярмарки в таких красках, что пальчики оближешь. Так вот, в Черкассах в то время ярмарки были фактически каждый выходной, и каждый раз это было чудесное представление. Я только не мог понять, как и кем эта махина управлялась и регулировалась. Ведь сюда наезжало много людей, и они продавали городу, на мой взгляд, в два-три раза больше, чем нужно было населению самих Черкасс. Кстати, никаких поборов, рэкета и прочей современной заразы, коей поражены сегодня наши рынки и вся торговля, тогда не было и в помине. Сейчас паразитирующие группировки поделили все рынки на сферы

влияния. И такое положение не только в торговле. Только и слышишь об очередном убийстве, взрыве, разборке среди тех, кто контролирует тот или иной вид бизнеса. Поэтому всё, что наблюдал в то время, сегодня вспоминается как сказка.

Интереснейшая деталь — к концу дня все продавцы готовы были уже отдать свой товар за полцены, лишь бы не везти его обратно. А сегодня? Сегодня на рынке рынка нет — все диктует мафия. А она никогда не позволит кому-то устанавливать свою цену, с учетом спроса. Нет! Все цены устанавливаются мафией, и пусть лучше товар сгниет, пропадет, но продавец и покупатель должны быть приучены к тому порядку, который диктует она — МАФИЯ. А где же власть? Ну, хотя бы такая, как в Италии?!

Когда вся эта мразь процветала и в США, и в Европе, мы ни о чем таком не ведали. Да разве можно было при Сталине хоть на минуту представить, что у нас на колхозном рынке будет такой беспредел и всеми рынками Москвы станут «командовать» лица с Кавказа. Вот что значит «вернуться в лоно мировой цивилизации» и приобщиться к «демократам»!

…Проходив по черкасскому рынку весь день, мы действительно так ничего и не купили, но насмотрелись вдоволь и остались довольны.

Осенью 1950 года я написал рапорт о своем желании учиться в Военной академии имени М. В. Фрунзе — нашей единственной и старейшей общевойсковой академии, которая давала военное образование широкого профиля. Буквально через несколько дней получил положительное решение командования полка и дивизии. Документы были отправлены в округ, откуда устно сообщили, что внесен в список кандидатов. Уже осенью приступил к капитальной подготовке к вступительным экзаменам. Фактически вынужден был заново пройти курс 10-го класса средней школы и получить аттестат. Капитально готовился по военным дисциплинам, особенно по тактике, знанию вооружения и военной технике. Сейчас с благодарностью вспоминаю всех, кто создал мне необходимые условия для подготовки, в первую очередь полковника Ланге, что помогло получить мне высокие оценки на экзаменах.

1951 год был для меня в полном смысле знаменательным. 1-го января родился первый сын — Валерий. Крупный, крепкий малыш, который, как говорят, развивался не по дням, а по часам. С появлением ребенка семья становится уже настоящей, полноценной. Конечно, нам было непросто. У меня много времени уходило на службу и на подготовку к поступлению в академию, помогать жене капитально не мог. Она крутилась и с малышом, и по дому, однако все успевала.

Весной 1951 года меня включили в комиссию по всестороннему испытанию гусеничного транспортера среднего (ГТС). Это была суперсовременная по тем временам машина, и ее надо было капитально провентилировать в эксплуатации по всем параметрам. В последующем она сыграла большую роль в Вооруженных Силах, особенно в войсках, расположенных в особых условиях (Север и т. д.). Мне импонировало такое доверие, хотя испытания и требовали дополнительного времени.

В середине лета 1951 года я выступал в составе сборной дивизии на окружных соревнованиях по плаванию. Правда, поначалу я оказал было легкое сопротивление, но заместитель командира дивизии, отвечающий за эту область, «надавил», и я вынужден был согласиться. Дивизия в лидеры не вырвалась, но вошла в первую пятерку, однако командование это вполне устраивало. Что же касается меня, то я получил 2-й разряд (брасс и баттерфляй).

И, наконец, летом же 1951 года уезжаю в Москву на вступительные экзамены. Провожали меня все: и жена с сыном, и командование, и друзья. Все желали, вздыхали, тревожились. А я почему-то не переживал, что вообще-то для меня не характерно: обычно, когда предстояло большое или малое испытание, я переживал и переживаю до сих пор. Внешне это не проявляется. А вот когда испытание особо сложное, то я «каменею» и максимально мобилизуюсь. Так происходило всегда, и особенно на войне. Поступление в Военную академию, хоть это и определяло судьбу моей дальнейшей жизни, я воспринял совершенно спокойно. Может, потому что долго готовился и «перегорел», то ли подготовка была крепкой и основательной, или же сказался прежний опыт поступления в Военную академию, когда я успешно сдал вступительные экзамены? Скорее всего, все вместе взятое и создавало во мне уверенность, что я непременно поступлю. Начальникам и друзьям моя самоуверенность была не по душе. Ланге спрашивал перед прощанием:

— Ну, как?

— Что как?

— Самочувствие, моральный дух? Мандражируешь?

— Да нет. Я спокоен, моральный дух на уровне, самочувствие прекрасное. Уверен, что в академию поступлю. Я же как готовился? Даже в отпуск не пошел!

— Но, понимаешь, кроме знаний, там еще мандатная комиссия, медицинская…

— Ну и что? У меня все нормально.

Не мог понять тогда и не могу представить сегодня, что служило причиной такого беспокойства. Вместо того, чтобы

вселять в меня уверенность, они своими вопросами и вздохами как раз и взвинчивали мое внутреннее состояние. Уже в поезде, удобно расположившись на полке, я перебирал всевозможные факты, которые могли быть против меня, и ничего отыскать не мог. Один эпизод, правда, мог послужить косвенной причиной. Ланге как-то мне говорит:

— Наш замполит полка до сих пор не успокоится, почему в Кишинев ездил со мной не он, а Варенников. Я ему все стараюсь разъяснить: «Это личное решение командира полка, он специально подобрал хорошо награжденных, а у тебя наград нет, и ты не виноват в этом — кому-то надо было и в училищах в годы войны готовить кадры на фронт». Но он не унимается и, как только мы встречаемся, вновь начинает этот разговор. Проанализировав все это, думаю, что тебе с ним надо быть поаккуратнее.

Я принял все это к сведению, но в последующем с замполитом полка у меня проблем не было. Наоборот, он был ко мне всегда внимательным и относился доброжелательно. Партийная характеристика, которая требовалась в академию, была хорошей. У меня не было никаких оснований в чем-то его подозревать. Я его, конечно, понимал: он прав, когда говорил о том, что ему, как замполиту, тоже надо было поехать. Тем более что мы встречались с первым секретарем ЦК Компартии республики.

Все эти досужие разговоры, на мой взгляд, не имели оснований. Хотя уже позже, когда мы в лагере Военной академии им. М. В. Фрунзе сдавали вступительные экзамены, у меня произошли две встречи с заместителем начальника факультета по политической части полковником Шляпниковым. В первый раз он меня спросил:

— Как вы относитесь к партийно-политической работе?

— Как и все.

— Что значит «как и все»? У нас есть и такие, которые ее недооценивают.

— Я таких не знаю. А что касается меня, то я всегда опирался на партполитработу и использовал ее для обеспечения высокого уровня боевой готовности.

— Понятно… А то тут у меня сведения, что вроде вы не особенно…

— У вас неправильные сведения.

Второй разговор, и тоже в период сдачи экзаменов, был более острым.

— Варенников, вы что — холостяк?

— А какое это имеет значение к моему поступлению в

академию?

— То есть как какое? Самое прямое.

— Я-то думал, что вам нужны офицеры со знаниями, боевым опытом и большим желанием учиться, чтобы, подготовившись, отдаться службе в войсках, опираясь уже на хорошие академические знания.

— Вы, майор, начинаете переступать рамки дозволенного. И если хотите знать, то семейное положение офицера очень важно для мандатной комиссии, в том числе это касается и вас.

— Я не вижу, в чем я допустил некорректность. Я понимаю, что говорю с заместителем начальника факультета по политической части, с которым надо быть до предела открытым. А вот то, что кто-то пытается затронуть мою личную жизнь, которая представляет собой интимную область и поэтому надо обращаться с нею деликатно, — это, конечно, меня удивляет.

— Для партии не должно быть никаких ограничений, и она должна знать все о своем коммунисте.

— Я женат. У меня растет сын. У вас опять неточные сведения.

Полковник, не сказав ни слова, развернулся и ушел. С тех пор на протяжении всех лет учебы между нами был холод. Не исключаю, что он явился первопричиной некоторых моих неприятностей во время пребывания в академии. А что касается источника его вопросов, то нельзя полностью отвергать вариант получения этих «данных» от замполита полка, тем более что они были знакомы — работали в системе военно-учебных заведений. Но более вероятно, что полковник Шляпников явился сам автором всех этих домыслов, так как был «мастер» проведения — в порядке профилактики или уточнения — таких шагов, что подтвердилось во время моей учебы. Но все это будет несколько позднее. А пока, лежа на полке, я снова и снова перебирал под стук колес прожитое и пережитое.

Вот, наконец, и Москва. Отметившись в отделе кадров академии, я вместе с другими абитуриентами отправился на академическом автобусе в сопровождении офицера в Подмосковье — лагерь академии, который располагался в красивом живописном месте по дороге на Наро-Фоминск.

Лагерь состоял в основном из строений барачного типа. Но оборудован был очень хорошо, все условия для занятий, жизни и быта имелись. Радио и газеты дополняли все остальное. Единственное, что здесь не было предусмотрено — это почтовое отделение. Каждый хотел бы сообщить домой телеграммой о прибытии, но мы ограничивались письмами, которые оставляли у дежурного, а последний отправлял их с оказией на почту в

Москву.

Режим у нас был жесткий, солдатский: подъем, физзарядка, приведение себя в порядок, завтрак и затем занятия до обеда. Все находились в своих классах. Очередных вызывали в комнату, где шли устные экзамены. Все было организовано четко.

Взаимоотношения между самими офицерами-кандидатами, а также между кандидатами и преподавателями были самые доброжелательные. Всю вторую половину дня и свободные от экзаменов дни они капитально занимались с нами, будто уже со своими. Они потихоньку сообщили нам, что к экзаменам допущено ровно столько, сколько надо набрать, плюс десять процентов. То есть на одно место было 1,1 кандидата. Поэтому у подавляющего большинства было очень много шансов попасть в академию. На это не мог рассчитывать лишь тот, кто вообще ничего не знал и к кому мандатная комиссия имела претензии. Такая ситуация нас подбадривала, мы старались изо всех сил.

Месяц пролетел как один день. И, наконец, настало утро, когда нас построили и зачитали фамилии тех, кто был зачислен слушателем первого курса Военной академии им. М. В. Фрунзе. Эти списки были вывешены и на доске объявлений, и в помещении штаба лагеря. В мои годы учебы были большие наборы. У нас на основном факультете было шесть курсов, т. е. по два на первом, втором и третьем. Кроме того, в академии был разведывательный факультет. Вообще в стенах академии в то время училось одновременно несколько тысяч слушателей.

Правда, поступление в академию оказалось не столь гладким. Если сами экзамены для меня особого труда не составляли, то медицинской комиссии и особенно мандатной я довольно-таки опасался.

На медицинской комиссии, однако, все прошло без замечаний — за исключением хирурга. Это я предполагал еще в Черкассах. Поэтому не особо и сопротивлялся, когда меня включили в сборную дивизии по плаванию. Приобретенный второй разряд, конечно, поднимал мои шансы, поэтому значок этот во время экзаменов я прикрепил рядом чуть ниже гвардейского знака, а удостоверение положил в карман — на всякий случай для врача. И случай, надо сказать, представился. Хирург меня щупал и так, и эдак. Я и приседал, и прыгал на корточках, и прочее. Тем не менее «эскулап» обратил внимание на незначительную отечность, которую имела после ранения левая нога. И хотя я убеждал врача, что это мне не мешает, он сурово сказал:

— Сегодня не мешает, но с годами все это может сказаться.

— Да с годами каждый из нас вообще уйдет в отставку! А

ближайшие 20–30 лет ноги будут носить меня так же, как носили до этого. Хотите, я продемонстрирую, на что способна у меня левая нога?

И я в темпе десять раз присел и встал только на одной левой ноге. Это подействовало. Затем вынул совершенно «свежее» удостоверение, свидетельствующее, что я имею второй разряд по плаванию, и в довершение сказал, что уже здесь, в академическом лагере, сдал все нормы по легкой атлетике, в том числе по бегу на короткие и длинные дистанции — согласно плану приема в академию.

Мой доктор вначале мялся, но потом махнул рукой, поставил в моей карточке в графе «хирург» четкое и крупное слово «здоров» и свою роспись. Я горячо поблагодарил его, и мы расстались.

А вот с мандатной комиссией было посложнее. Кстати, на ее заседании присутствовал и полковник Шляпников, правда, сидел молча и ни единого вопроса мне не задал. Многие другие спрашивали и о родителях, и о фронте, и о послевоенной службе. Вопросы по содержанию и по форме были нормальными и даже доброжелательными. Но вдруг поднялся полковник, сидевший рядом со Шляпниковым. Немного покраснев от напряжения, он не спросил, а выдавил из себя:

— Вы почему настаивали на своем увольнении?

— Потому что в Вооруженных Силах сразу после войны шло сокращение в больших масштабах.

— Но если вы заявляете сейчас, что хотите посвятить свою жизнь армии и поэтому решили учиться, то почему этого желания не было раньше?

— Потому что, на мой взгляд, тогда в Вооруженных Силах должны были остаться кадровые военные, уже имевшие высокую подготовку и боевой опыт. А такие, как я, могли найти себя и в другой области.

— Совершенно неубедительно. То вы не хотите служить в армии, то вдруг захотели и попытались поступить в Военную академию тыла и транспорта, то опять расхотели, а сейчас вот говорите, что намерены полностью посвятить себя службе. Пройдет два-три года, и вы скажете: «Я раздумал, хочу уволиться, служба в Вооруженных Силах не для меня». Мы не можем разобраться в истинных ваших намерениях, а коль так — то рисковать нам нет смысла.

Я почувствовал, что начинаю «закипать». Гимнастерка на лопатках стала влажной, и, хотя разговор и затянулся, продолжаю стоять перед длинным столом комиссии по стойке «смирно». Глядя на членов комиссии, я понял, что подавляющее

большинство их шокировано предвзятостью полковника. (Замечу: которого, кстати, больше я так нигде и не встречал.) Один Шляпников ухмылялся, но молчал. Мне удалось рассмотреть, что на орденских колодках полковника почти ничего не было — видно, отсиживался в тылу. Это меня еще больше подогрело. И, как всегда в таких случаях, я без дипломатии и гибкости пошел в атаку:

— Когда враг напал на нашу страну, я добровольно пошел в армию защищать Родину. Меня вначале подучили, а затем — с 1942 года и до конца войны я воевал на многих фронтах. Считаю, что свой долг выполнил. Поэтому в условиях массового сокращения приоритет для дальнейшей службы должен быть отдан, конечно, кадровым военным, а молодежь могла попробовать себя и на другом фронте. У меня еще до войны, как и у каждого из моих сверстников, тоже были свои мечты. Я не хочу об этом здесь говорить, но после того, как разбили врага, хотел, конечно, к своим мечтам вернуться. Правильно ли это? На мой взгляд, правильно. Об этом я заявлял. Однако, несмотря на целый ряд сокращений многих соединений Группы Советских оккупационных войск в Германии и мои просьбы уволить, мне было отказано и объявлено решение командующего артиллерией 8-й Гвардейской армии генерал-лейтенанта Пожарского оставить меня в кадрах. Беседы, проведенные со мной различными начальниками, убедили меня в том, что я должен и могу хорошо служить Отечеству в Вооруженных Силах. И нет здесь никаких вихляний и никаких неопределенностей. Думаю, все у меня ясно. За то, что в свое время мои начальники проявили обо мне заботу и помогли разобраться, какие решения надо принимать на последующую жизнь, я им вечно должен быть благодарен. А вот представлять мои послевоенные переживания, связанные с поиском своего места в жизни, как нечто ущербное в моем характере, — ошибочно. У меня все. Если еще есть вопросы — готов ответить.

— Есть вопросы! — включился генерал, видно председатель или заместитель председателя мандатной комиссии.

Я почему-то вспомнил Ланге. Верно говорил старик, что на медицинской и мандатной комиссии меня могут ждать препятствия. Были ли это его предположения или же он опирался на какие-то конкретные источники, — не знаю, только беседа у нас затянулась. Передо мной офицеры выскакивали через три-пять минут с веселыми лицами. Мы беседовали уже минут двадцать. Было ясно, что вопросы генерала поставят все точки над «i». Я был готов к любым вариантам, но внутренне чувствовал, что комиссия, за исключением Шляпникова и его

соседа-полковника, была на моей стороне. Но едва этот агрессивный полковник заглох, а инициативу перехватил генерал, я тут же приободрился.

— На Сталинградском фронте вы в какой дивизии были? Кто ею командовал?

— В 138-й стрелковой дивизии. Командир дивизии полковник Людников.

— Да, да. Иван Ильич Людников. Мы с ним перед войной работали в Генштабе. Затем он ушел в Житомирское пехотное училище. А далее на каких фронтах вы воевали и в какой дивизии?

— На Юго-Западном, 3-м Украинском и 1-м Белорусском. До конца войны был в 35-й Гвардейской стрелковой дивизии. Это тоже сталинградская дивизия. Ею командовали генерал Кулагин, полковник Григорьев и полковник Смолин. А перед расформированием…

— После войны в каких частях служили?

Мне пришлось перечислять, где я служил, когда эта часть расформировывалась, другие переводы и, наконец, Черкассы.

— Как вы расцениваете присвоение вам очередного воинского звания «майор»?

— С получением этого звания я понял, что принятое решение об оставлении меня в кадрах Вооруженных Сил подкрепляется и практическими действиями — мне открывают перспективу, за что я благодарен.

— Думаю, что вопрос с майором Варенниковым ясен. Есть предложение зачислить товарища майора слушателем Академии. Возражений нет?

Все, кроме моих оппонентов, одобрительно загудели.

— Товарищ майор Варенников! Мандатная комиссия будет рекомендовать вас зачислить слушателем Военной академии им. М. В. Фрунзе. Можете идти!

— Есть!

Я развернулся кругом и на «деревянных» ногах пошел к выходу. Не успел открыть дверь и выйти в коридор, как мимо меня тараном пролетел полковник Шляпников. Ни на кого не обращая внимания, он направился к выходу. Ребята облепили меня со всех сторон и засыпали вопросами. Что было вполне естественным: ведь за то время, что я стоял пред очами суровой комиссии, можно было пропустить десяток человек. Когда все успокоились, мы отошли от двери к окну, и я подробно рассказал о разыгравшейся на заседании комиссии сцене.

Но как бы то ни было, я зачислен!

Через некоторое время нас созвали и подробно разобрали все

организационные мероприятия. На следующий день должны были выехать в Москву. Всем, кто просил (в том числе и я), были заказаны в нашей военной гостинице на площади Коммуны места — можно остановиться, оставить свои вещи и действовать по личному плану. Каждый обязан был через сутки явиться к 10. 00 в академию — в 928 аудиторию, которая вмещала всех принятых. Там будут зачитаны структурные списки нашего 1-го курса «А», т. е. разбивка по группам. Через два часа то же будет сделано с курсом «Б», затем — с остальными.

За оставшееся до начала учебы время мы должны были найти себе под съем комнаты у москвичей и привезти семьи.

Жизнь поднялась на новый гребень волны. Устроившись в гостинице, первым делом сообщил домой, что зачислен, и план действий: все ненужное продать, оставшееся собрать и ждать моего приезда; в тот же день (т. е. в день моего приезда) или, в крайнем случае, на второй выезжаем в Москву. Жена все усвоила и была очень рада.

Теперь осталось главное — найти комнату, да поближе к академии. Оказалось, что эта система уже хорошо отработана — все служащие академии были готовы дать рекомендации, и даже с конкретными адресами. Мне предложили проводить поиск в районе Новодевичьего монастыря. Я начал с больших многоэтажных домов. Предложений было много, но все соглашались взять квартиранта-холостяка, в крайнем случае, только с женой, но без детей. В одной из квартир посоветовали посмотреть Учебный переулок, что я и сделал. Это был в свое время небольшой переулок, выходящий со стороны Усачевского рынка прямо на Новодевичий монастырь. Домики были деревянные, бревенчатые, двухэтажные с полуподвалом, где тоже жили. В домах был и свет, и газ, и вода, и канализация, и центральное отопление. Я решил пройти весь переулок до конца, а заходить в дома и спрашивать уже на обратном пути. Всего домов было десять-двенадцать, по пять-шесть штук с каждой стороны переулка. И хоть внешне они были весьма непривлекательные, почерневшие от времени, зато во дворах было много зелени, а внутри и вовсе уютно — все зависело от хозяев. Подойдя к предпоследнему, справа, дому я заметил, что во дворе на скамеечках сидят уже немолодые женщины. Я поздоровался, завязал разговор.

— Ищу комнату на три года. Поступил учиться.

— Это, небось, во Фрунзе или в политическую?

— Во Фрунзе.

Я понял, что во все эти вопросы женщины посвящены не хуже нашего. Они дружно заверещали. Затем одна говорит, обращаясь

к небольшой, кругленькой бабусе:

— Елизавета Ивановна, так ведь ты хотела тоже сдать?

— Оно, конечно, можно было бы. Я и у дочки поживу. Так ведь малое дите у них. Как соседи-то?

— Да соседи все здесь: баба Маня и Катя. Как вы, баба Маня?

— Да я-то что? Как вот Екатерина. Я-то не против.

Все обратились к Екатерине, долговязой женщине, которая, оказалось, была женой рабочего и сама тоже работала, но в ночную смену.

— Как скажете, баба Маня, так и будет. Вы же одна у нас командир в квартире и дворник на пол-улицы.

Решили, что я мог бы здесь и обосноваться. Елизавета Ивановна пригласила меня в дом. Квартира находилась на первом этаже. Сразу при входе — здоровенная кухня. Здесь стояла общая газовая плита, водопровод с раковиной, каждая хозяйка имела свой стол и кое-что по мелочи. Отсюда двери вели в три отдельные комнаты и туалет. Наша комната была первая справа. Очень удобная: квадратная, с большим окном, хорошо обставленная. Я сразу прикинул, как у нас здесь все может быть устроено. Что ж, вариант хороший. Поинтересовался в отношении тепла зимой, Елизавета Ивановна заверила, что никаких проблем.

— Сколько вы просите?

— Учитывая, что вас трое, комната полностью обставлена, вся мебель и прочее — в вашем распоряжении, я хочу, не торгуясь, 600 рублей. Цена, конечно, большая, но зато есть все, и академия рядом.

Я приуныл: 600 рублей для нашего бюджета — это больше 25 процентов (мое месячное денежное содержание было 2200 рублей). В Черкассах мы платили 200 рублей за комнату и кухоньку, да и сама жизнь там дешевле. В Москве, конечно, будет сложнее. Однако выхода не было — я согласился. Бабка сразу поставила условия — деньги вперед. Я тоже поставил условие — отсчет начнется с 1 сентября. Я еду за семьей, привожу ее к этому времени в Москву и делаю первую оплату. Елизавета Ивановна согласилась. Мы вышли во двор и объявили, что теперь я, хоть и временный, но их сосед.

На следующий день на организационном совещании нам еще раз представили нашего начальника курса генерал-майора Кудрявцева. Он зачитал состав групп и объявил, что старшиной курса у нас является полковник Лукашевич. Им оказался длинный, лет 33–35, верзила, тоже слушатель академии. Затем показал нам двух старшин полукурсов (т. е. курс делится на две части и во главе каждой — старшина полукурса — тоже полковник). Почему-то в лагере все это «начальство» казалось

каким-то другим — более близким и демократичным. А теперь у них появился налет официоза, хотя были такими же слушателями, как и все. Нашему курсу достался 7-й этаж. В нашу группу вошли: подполковник Васильев (он был старший группы), подполковник Глазов, подполковник Дыбенко, подполковник Крикотень, майоры — Костин, Бочкарев, Григорьев, Жигулин, Керимов, Козьмин, Ледницкий, Варенников, капитан Кабалия и старший лейтенант Барабадзе. Всего 14 человек.

Забегая вперед, должен отметить, что наиболее яркими фигурами в нашей группе были все три подполковника и майор Григорьев. Последний, кстати, был из войск МВД. Остальные были приблизительно на одинаковом уровне. Что касается Керимова, Кабалии и Барабадзе, то эти офицеры, как сейчас говорят, кавказской национальности, были по распоряжению Берии зачислены в числе других двадцати человек без экзаменов — в целях подготовки национальных кадров Кавказа. На мой взгляд, это было сделано правильно. Другое дело, что не все из них потом проявляли должное усердие и старание в учебе. Что касается нашей тройки кавказцев, то они были на должном уровне — работали очень много и плодотворно, в обращении с другими были деликатны и осмотрительны. Несмотря на свою «кавказскую кровь», за три года у них не было ни одного срыва или случая некорректного поведения, хотя поводы для этого и бывали. Если что-то непонятно, обращались за помощью. Да и все мы, со своей стороны, хотели им всячески помочь, особенно старшему лейтенанту Барабадзе, который по своему положению и опыту, конечно, многого не знал и не понимал.

В то же время среди этих двадцати, зачисленных без экзаменов, были и такие, кто не отличался усердием и особенно не перетруждал себя. На предложения преподавателей организовать дополнительные индивидуальные занятия они реагировали отрицательно. А когда на очередном семинаре или контрольных занятиях кто-то из них получал двойку, то реакция была, как правило, однозначной: «Мне поставили двойку за национальность».

Особенно этой болезнью страдал майор Шахбазов. Все его тянули за уши, а он вместо благодарности постоянно ездил или писал в ЦК КПСС, что к нему предвзято относятся, потому что он не русский. Начинались расследования, проверки и т. д. Короче говоря, на третьем курсе ему везде ставили тройки — ответил он или нет, а дипломную работу написали за него преподаватели, как и текст доклада при защите. Все знали, что его надо побыстрее выпустить. Завалить его, конечно, можно было. Но дело в том, что слушателем академии он стал по решению

Правительства СССР; к тому же приехал на учебу со всей своей семьей, в которой восемь детей. Видимо, преподаватели опасались, что завал этого слушателя мог быть расценен, как недопонимание национального вопроса.

С учетом интеллекта, особого характера и полной безответственности, не надо было Шахбазова вообще направлять в академию. По окончании академии он приехал в родной Баку, где был назначен комендантом. На этой должности со временем и закончил службу.

А вообще обо всех моих товарищах по группе у меня остались самые добрые, самые теплые воспоминания. Это были большие труженики и замечательные товарищи. Неудивительно, что все доросли до звания полковник, а некоторые получили в последующем и генерала.

Когда после первого общего заседания нас распустили осваивать свои классы, мы прибыли к себе, там нас уже поджидал тактический руководитель группы полковник Самаркин. Мы облюбовали себе столы и закрепились на три года. Полковник Самаркин детально рассказал о порядке, который утвердился в академии, об особенностях при работе с секретной и другой литературой, о методах проведения семинаров, летучек, контрольных занятий, зачетов и годовых экзаменов. О групповых занятиях, особенно на выездных, он говорил долго и с упоением — видно, они ему были по душе.

На следующий день я убыл за семьей. Ничего не сообщая в Черкассы, явился домой, а хозяйка говорит, что Ольга Тихоновна еще вчера полностью рассчиталась и переехала к Шаталовым. Прихожу к Шаталовым. Точно — вся команда в сборе: Семен Шаталов с женой Дусей и дочкой Люсей и моя Оля с сыночком. Перецеловались — и сразу за дело. Семен пошел созывать друзей-товарищей на «мальчишечник» в столовую около Дома офицеров, а я побежал в полк представиться командиру по случаю поступления в академию. Мне запомнились его слова:

— Мне известно было, что вы поступили, и я знал, что по возвращении домой вы обязательно зайдете ко мне. Офицер иначе не мог поступить. Вы недолго были в полку, но оставили о себе хорошую память. Спасибо вам за это. Я искренне желаю вам успешно закончить учебу и отлично служить, продвигаться по служебной иерархии, побывать в интересных, запоминающихся местах. Не бойтесь трудностей! Наоборот, они создают такую обстановку, когда можно проявить себя, проверить свои силы. От всей души желаю всяческих успехов.

Подошел, по-отечески обнял. Я был растроган и искренне поблагодарил его за внимание, за предоставленную мне

возможность поступить в академию. Сказал, что буду очень рад, если доведется служить под его командованием.

Мы расстались, и больше никогда не встречались, но его слова остались со мной и оказались пророческими.

Посетив еще кое-кого в полку, я отправился в гарнизонную столовую. Был уже вечер. Хорошо, что сразу, как приехал в Черкассы, взял билеты на обратный путь, поэтому на душе было спокойно.

В столовой собрались все мои друзья-товарищи, в том числе улыбающийся крепыш полковник Ланге. Рукопожатия, похлопывания, поздравления. Мы сдвинули столы, сели потеснее, и, хоть ужин уже давно закончился, сотрудники столовой с удовольствием взялись обслуживать наше застолье. Выступили все, но первым — Ланге. Он сказал приблизительно то же, что и командир полка, вспомнил нашу поездку в Кишинев, а также совместную работу по испытаниям нового гусеничного транспортера ГТС. А затем были пожелания, пожелания, пожелания… Расстались в полночь. Договорились, что провожать нас никто не будет, все проблемы с моим отъездом решит Семен Шаталов.

Дома женщины немного поворчали на нас, мол, затянули мы прощальный ужин, но все улеглось. Утром на вокзал — транспорт уже был у подъезда. На перрон прибыли за полчаса до прихода поезда. Обсуждали разные вопросы, обещали друг другу писать, а Шаталовы клялись, что при первой же возможности побывают в Москве и зайдут к нам. Но в жизни получилось иначе. Сначала переписка была регулярной, и не только к празднику, затем стала все больше и больше угасать. На наши письма, поздравительные открытки и телеграммы мы ничего не получали. Ни с кем больше мы не переписывались, узнать у кого-нибудь, почему Шаталовы молчат, возможности не было. Через много лет, точнее в 1969 году, находясь в Москве по случаю моего нового назначения, я встречаю случайно в вестибюле гостиницы ЦДСА Семена Шаталова. Встреча была радостной, но разговор — грустным. Оказывается, Семен давно уволился из армии и несколько лет руководит профсоюзами (какими — не спросил). С Дусей он разошелся и создал уже другую семью.

— А сейчас извини, Валентин, очень тороплюсь на совещание к начальству. Но здесь еще буду несколько дней, увидимся.

— Желаю всего хорошего. Рад был встрече. Но, к сожалению, завтра утром я улетаю к месту службы.

Так вот неожиданно встретились и быстро расстались. У всех своя судьба. Но как важно не потерять себя, свое человеческое достоинство.

Но об этом повороте в наших судьбах мы, стоя на перроне Черкасского вокзала, еще не знали. Подошел поезд. Наш плацкартный вагон своим входом почти уперся в оставленные нами вещи — два чемодана и постельную связку. Предъявив билеты, мы с Семеном и вещами двинулись вперед. В середине вагона нашли две свободные наверху полки — одну в купейной части, вторую — в боковой проходной. Внизу сидела, с одной стороны, бабка, с другой — мужик лет пятидесяти. Мы, два майора, стали просить его уступить место матери с грудным ребенком. Он сразу согласился и тут же перебрался наверх. Растолкав вещи и передав мужику его постель, мы отправились за Ольгой Тихоновной.

Теплые и слезные прощания, объятия и пожелания. Забрав, наконец, сына и жену, я отправился в вагон, оставив плачущих друзей на перроне. Устроились у окна. Семен и Дуся с Люсей подошли к нему, окно было приоткрыто, и мы еще немного пообщались. Наконец, поезд тронулся, все замахали руками, закричали, вот уже и друзья, и вокзал, и город остались позади, а на душе — грустно. Такое ощущение, что оторвался от очень дорогого мне мира. Такого чувства не было, когда я покидал свою часть в Германии. Может, потому, что теперь у меня уже была семья, да и все происходило у нас на родине. Очень много значит, конечно, и офицерский коллектив, сплоченность которого, его дух и возможности полностью зависели от командира полка. Командир полка в Черкассах и тот, что был у нас в Йене, — это земля и небо.

В Москву прибыли утром. Носильщик доставил нас к стоянке такси. Через полчаса мы были в Учебном переулке. В квартире находились только баба Маня и ее сынок Вовка. Мы познакомились, вошли в свою комнату, и я получил от жены отличную оценку. Комнатка — хоть и небольшая, но светлая и уютная. Стол, шкаф, диван, кровать, большое зеркало и два стула заполняли практически всю площадь, но пройти было можно.

Затем жена с бабой Маней отправилась на Усачевский рынок, а мы с сыном остались на хозяйстве. Через некоторое время появились женщины с продуктами, кастрюлями, посудой. На новом месте мы вновь начали «обрастать» всем тем, что необходимо для жизни, создавать свой скромный очаг, хоть и в чужой комнате. И так у нас было всюду.

Не зная жизни армии, а потому совершенно не понимая проблем и забот военнослужащих, некоторые руководители в запальчивости допускают в отношении офицеров такие высказывания, которые вызывают крайнее удивление даже на Западе.

Хрущев: «Дармоеды». Горбачев: «Нашли кормушку» (что одно и то же, что и «дармоед»).

Ельцин: «Заплывают жиром» (это в отношении генералов ВС РФ).

Хотелось бы проиллюстрировать это «дармоедство», «кормушку» и «заплывание жиром» примерами из своей жизни. Мне нет смысла рассказывать авторам этих ярлыков, что такое солдат или лейтенант, командир взвода да и капитан, и майор в стрелковом полку на войне, на передовой. Пережитое нами этим «верховным главнокомандующим» и во сне не приснится. А что касается Хрущева, то он хоть и был на войне, но членом Военного Совета фронта, а не взводным. Нет смысла рассказывать им и о мытарствах офицера после войны в Группе оккупационных войск в Германии. В казарме, без семьи — пять лет! Я начну рассказ с того, сколько раз по возвращении на Родину мне с женой приходилось заново свивать свое гнездо (не считая многочисленные перемещения из части в часть в Германии). Перечисляю: Черкассы, Москва, Кандалакша, Нива-три, опять Кандалакша, Мурманск, полуостров Рыбачий, 112-й километр (затем назвали «Спутник»), Печенга, опять Мурманск и опять Кандалакша, Москва, Архангельск, Группа Советских войск в Германии, Львов, Москва — Калашный переулок, Москва — переулок Сивцев Вражек.

Всего с семьей переезжали семнадцать раз. А ведь каждый переезд, как в народе говорят, что пожарище. Я уж не говорю о том, что «экзотика» таких мест, как Кандалакша, полуостров Рыбачий, 112-й километр, Печенга и им подобные, — и во сне не могли присниться тому же Горбачеву. Отопление печное (углем), при морозе в 40–45 градусов и ветре топишь так, что плита раскаляется докрасна, воздух у потолка достигает 30 градусов тепла, а на полу — минус 10 градусов, плеснешь — сразу замерзает. Воду приходится носить из колодца, а он в конце декабря промерзает, так что для всех нужд ее надо делать из снега, как у эскимосов; все бытовые вопросы — во дворе; электричество — от местной «порхающей» электростанции, которая подает электроэнергию импульсами, видимо, для «закрепления» зрения, особенно у детей, а иногда вообще как заглохнет, так целую неделю приходится наслаждаться свечами. Сплошная романтика!

А что «испытали» эти вожди, которым не нравились и не нравятся офицеры-дармоеды? Хрущев, кроме Киева и Москвы, других городов практически и не знал. У Горбачева все ограничивалось в рамках Ставрополья и Москвы. Ельцин «бедствовал» в пределах Свердловска и Москвы. Я имею в виду

период жизни, когда они уже создали семьи. До этого, естественно, каждого из них Советская власть вытащила из захолустного села, отмыла от дерьма, одела, обула, накормила, дала высшее образование и посадила на трон — в начале городского и областного масштаба, а затем и государственного. Ну, откуда у них, с их ограниченным интеллектом, вообще могло быть представление о тяжелой жизни?

Совершенно не понимая и не осознавая масштабно все грани национальной государственной безопасности, роли и места в ней Вооруженных Сил, а следовательно, роли и места офицерского корпуса, как основы Армии и Флота, лишь воображая, что Вооруженные Силы — это некая «кормушка», в которой жиреют нахлебники, они вели и ведут дело к полному разрушению того, без чего не может существовать независимое суверенное государство. Хрущев это делал по недопониманию, а Горбачев и Ельцин — умышленно, находясь под жесточайшим давлением Запада и усердно выполняя все его указания.

Конечно, среди офицеров есть такие, кто вырос на паркете — от первичного офицерского звания и до генерал-полковника. Некоторым просто повернулась лицом фортуна, а некоторые зубами цеплялись, чтобы не попасть в войска. Но не это главное. Если каждый из них добросовестно выполнял свой долг, не занимался стяжательством и махинациями — слава Богу! Работайте, делайте доброе, нужное дело. Но если утратил честь и достоинство офицера, если заворовался — таких надо гнать. А такие есть, к сожалению. Правда, единицы, и не они представляют лицо офицерского корпуса.

Как известно, генералами не рождаются. От лейтенанта до генерала — путь тяжелый и долгий. Но «генерала» не выпрашивали, а давали тем, кто этого заслуживал (хотя, конечно, были и ошибки). Однако надо заметить другое: став генералом, офицер не превращается в барина и ханжу. Как правило, в этом высоком звании человек себя чувствует еще более ответственным, более обязательным.

Будучи не просто генералом, а уже генералом армии, так сказать, четырехзвездным генералом, я мотался по всем фронтам в Анголе и особенно на направлении действий 4-го и 5-го фронтов, которые вели боевые действия с войсками ЮАР. Облазил всю Эфиопию на севере, в районе Асмары, и на центральном фронте, в провинции Тигре. Вместе с другими генералами решительно изменил обстановку в Сирии, в результате чего Израиль перестал нападать на эту страну, но для этого нам, и мне в том числе, надо было лично пройти многие километры и в долине Бекаа, и на Голанских высотах. За четыре с

половиной года в Афганистане мне не просто довелось побывать во всех боевых провинциях, но месяцами организовывать и проводить там боевые действия. При этом не раз и не два приходилось лично самому применять оружие (от автомата до ДШКа). А если вспомнить месяцы, проведенные на Чернобыльской АЭС, период ликвидации последствий аварии?.. Хотелось бы рядом с собой увидеть хотя бы одного их этих трех «верховных главнокомандующих», чтобы они лично убедились, как генералы «жиреют».

А что пришлось пережить за эти годы семье? Взять, к примеру, начало 1988 года. Я — в Афганистане, младший сын — в Афганистане, старший сын — в Забайкалье. У старшего заболела дочь. Моя жена плохо себя чувствует, но тем не менее берет билет и летит в Читу, там пересадка, оттуда добирается до Даурии — надо помочь внучке, и она помогает, но сама затем тяжело заболевает.

В этих условиях не «разжиреешь».

Да одно только то, что семнадцать раз приходилось переезжать и заново создавать очаг, уже говорит о многом. Даже в последний раз, когда я только по настоятельной просьбе Н. В.Огаркова согласился пойти в Генштаб, мне опять дали квартиру, но снова временно и чужую. Живем на чемоданах. Через несколько месяцев мне говорят, что квартиру надо освободить. У Огаркова квартир нет, все у Соколова — первого заместителя министра обороны СССР. Мои рапорты остаются без внимания. Огарков предлагает связаться с генерал-полковником Караоглановым, который всю картину знает прекрасно и может посодействовать. Действительно, на первой же встрече с ним вопрос был предрешен. Он дружески посоветовал:

— Вы лично пойдите к Соколову и попросите конкретно ту квартиру, которая уже почти год пустует. Находится она по переулку Сивцев Вражек. Ее занимал Соколов, она его не устраивала, и он переехал в новую, как говорится, улучшенной планировки. А эта в резерве. Вот вы ее и попросите.

Я так и сделал. Причин для отказа не было. Таким образом, неожиданно, благодаря случаю, получаю квартиру неподалеку от Генерального штаба.

И вот с такими мытарствами и многочисленными переездами проходит жизнь у большинства офицеров. А та «реклама», которую создавали нам Хрущев и Горбачев в прошлом, а Ельцин — сейчас, так это все ложь. Гнусная ложь! Им лучше бы на себя взглянуть, на своих близких и родных, на свое окружение — им не стыдно жить по-царски, когда страну они довели до катастрофы, а большинство людей ввергли в нищету?!

Итак, я принят на учебу и перевез семью в Москву. Через два дня начало занятий. Ежедневно мы приходим в академию, адаптируемся, изучаем расположение аудиторий, классов, различных библиотек, спорткомплекса, столовой, буфетов на этажах, медицинской части, администрации, хозяйственной части, размещение других курсов и факультетов. Все надо было изучить заранее, чтобы потом не тратить время на поиски.

Вообще военные академии — это мощные учебные комплексы. Они решают много проблем, но главными являются — подготовка офицерских кадров с высшим и военно-специальным образованием, а также проведение исследований военных проблем, т. е. академия является педагогическим учреждением и одновременно — научным центром. Военная академия им. М. В. Фрунзе готовила и готовит офицеров командно-штабного профиля оперативно-тактического масштаба. В принципе военные академии, как и любые высшие учебные заведения, ума не дают, но если у человека есть дар и усердие, то любая академия позволит ему обогатить свои знания и умело применять их на практике. Окончив, к примеру, Военную академию им. М. В. Фрунзе, офицер способен успешно командовать полком или дивизией. Практика это полностью подтвердила.

Уже перед войной наши военные академии выглядели очень солидно в сравнении с зарубежными. А в бытность моей учебы они вообще были в расцвете. Обогатившись опытом Великой Отечественной войны и приобретя в свой профессорско-преподавательский состав самих участников войны, наши военные академии затмили все зарубежные. К нам обращались многие страны мира, желая готовить своих военных на нашей территории и на базе нашей советской военной науки в целом, в том числе военной теории, которые были выше всех и апробированы в сражениях и битвах. Вот и тянулись именно к нам, к кому же еще?

Первые дни занятий проходили, как во сне. Все четко, организованно, очень мобильно и точно. Никаких задержек, опозданий, тем более срывов или переносов занятий. Вначале давали курс лекций. И хотя нам предлагались методические советы, как их конспектировать, но каждый приноравливался по-своему. Главное, чтобы запись лекции помогала при подготовке к семинару или практическому занятию. Было бы идеально обработать лекцию в часы самоподготовки, но на протяжении всех лет учебы времени на это часто не хватало. Особенно на первом, да и на втором курсах. Дело в том, что мы добросовестно выполняли все рекомендации, особенно в части литературы. Ее

было очень много, причем очень интересной, и она требовала массу времени.

Откровенно говоря, до нового года (одни — несколько раньше, другие — позже) все мы вырабатывали свою методу, свой подход к учебному процессу. И это очень важно. В последующем, естественно, вносились определенные коррективы, но они уже не носили принципиального характера. Мы уже знали, как готовиться к семинарам, к занятиям по определенным темам, к летучкам, к групповым упражнениям, когда каждый может выступать в любой роли — и командира, и начальника штаба, и начальника любой службы. Это довольно сложное испытание интеллектуальных, духовных и физических сил офицера. Он должен в строго определенное время (обычно в течение 6 часов без перерыва) проявить свои профессиональные знания и способности руководить определенной группировкой войск.

«Летучка» по своему названию совершенно не соответствует содержанию, которое вкладывается в это понятие. Очевидно, кто-то, когда-то решал такого рода задачи, возможно, значительно меньшие по масштабу, но верные по методическому подходу. Они были очень короткими и требовали быстрого — «летучего», но верного решения. Отсюда и пошло название. Хотя суть и содержание летучки изменились капитально, и она уже требовала как раз таки глубокого осмысления и анализа, а не, так сказать, решения с ходу.

Это один из методов нашей подготовки, учебы, привития нам необходимых навыков и способов действий. Были свои особенности и в других видах подготовки, например, в групповых упражнениях и военных играх. Конечно, слово «игра» несведущего, в основном, гражданского человека может настроить скептически в отношении военной науки. А ведь этим милым словом обозначается серьезное дело, требующее огромного труда большого коллектива и колоссального напряжения, интеллекта, ума, физической силы.

Небезынтересно отметить, что в наше время слушатели носили сапоги со шпорами, чем мы все гордились. Во-первых, шпоры служили украшением, но главное — их носили только слушатели Военной академии им. М. В. Фрунзе. Поэтому если где-то появлялся офицер, то по наличию или отсутствию шпор можно было безошибочно определить, из какой он академии. Первокурсниками мы стали в начале осени 1951 года, а уже 1-го мая следующего года мы прошли парадным строем по Красной площади. Все три батальона академии шли с клинками! Это впечатляло. В целом первые и третьи курсы ходили на парад один раз, вторые — дважды. Получалось, что за время учебы каждый

слушатель был на параде четыре раза. Нашему курсу довелось еще участвовать в траурной церемонии на похоронах И. В. Сталина. Но об этом — особо.

Сложившаяся у нас в стране традиция — проводить 1-го Мая и 7 ноября ежегодно демонстрации трудящихся, а в городах, где стоят штабы военных округов, еще и военные парады, имела огромное политическое, духовное и идеологическое значение. Военный парад не просто демонстрировал мощь нашей страны и готовность Вооруженных Сил гарантированно, в любое время защитить Отечество, но служил мощным воспитательным фактором и народа, и самих военнослужащих. Все как-то по-особенному подтягивались, лица становились серьезными, каждый проникался ответственностью за оборону Отечества. Наши парады показывались в кинохронике и транслировались в прямых репортажах на всю страну. Важнейшие телекомпании мира тоже показывали своим соотечественникам наши военные парады.

Должен заметить, военный парад — это не спектакль, как считали некоторые политики (кстати, далеко не каждый сможет его подготовить и провести). Это политическое мероприятие особой важности, которое всегда достигало высокой стратегической цели. Военный парад прямо влиял на авторитет государства. Никакие помпезные, крикливые шоу вместе с Ростроповичем и ему подобными, которые стали проводить на Красной площади в последние годы, не могут и близко сравниться с военным парадом. Даже сама постановка вопроса неправомерна. Да и Красная площадь исторически предназначалась не для клоунады, а для высоко торжественных народных актов, которые могут совершаться только на святом месте.

…Вслед за парадом обычно начиналась праздничная демонстрация трудящихся, торжество продолжалось. По главной площади страны шли красиво, празднично одетые москвичи из всех районов столицы, всех основных предприятий и учреждений. Всенародное ликование проходило весело, красиво, а главное — искренне. Так было во всех городах страны. Вспоминаю сейчас Львов, где довелось служить. Какие там были демонстрации! Да и военные парады тоже были на высоте. У всех советских людей в такие дни было действительно праздничное настроение. Люди ждали этих праздников, их отмечали достойно и сами получали духовное удовлетворение. Я ничего не приукрашиваю, не выдумываю, — именно так в нашей стране было многие десятилетия.

В период моей учебы в академии ее начальником до 1953

года включительно был генерал армии Алексей Семенович Жадов. Это опытный военачальник: участвовал в Гражданской войне, в годы Великой Отечественной командовал армией, в послевоенное время был в должности заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками, а после академии стал первым заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками. Мы, слушатели, в бытность его начальником академии, видели Жадова редко. В основном только по праздникам или по случаю каких-то событий. Но знали, что он много внимания уделял подготовке профессорско-преподавательского состава.

Однажды к нам в Академию неожиданно для всех приехал легендарный С. М. Буденный. Его все прекрасно знали и глубоко уважали — в основном, за далекое прошлое: участие в русско-японской войне, в Первой мировой, за умелое командование в годы Гражданской войны кавалерийской дивизией и Конной армией. В начале Великой Отечественной войны он тоже проявил себя неплохо, но было видно, что эта война уже не для него, поэтому с середины и до конца войны он был только членом Ставки.

Несмотря на то что у командования академии были близкие с ним отношения, все-таки академические стены были потрясены появлением маршала Советского Союза. Переполошившийся аппарат безмерно суетился. Мы же, слушатели, с удовольствием наблюдали за этим переполохом. Для нашего курса это событие стало особенно интересным и памятным. К моменту прибытия маршала в Академию мы собрались в одной из аудиторий на лекцию, как вдруг вместо преподавателя появляется С.М.Буденный в сопровождении начальника академии А.С.Жадова. Старшина курса полковник Лукашевич скомандовал: «Курс встать, смирно!» — и пошел навстречу маршалу с рапортом:

— Товарищ маршал Советского Союза! Первый курс «А» основного факультета Военной академии им. М.В.Фрунзе собран.

Маршал пожал руку Лукашевичу, затем обратился к нам: «Здравствуйте, товарищи!» Мы дружно приветствовали высокого военачальника. Начальник академии генерал армии Жадов, подойдя к микрофону, сказал:

— Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный особо тепло относится к нашей Военной академии. Сегодня он решил встретиться со слушателями.

После чего элегантным жестом пригласил маршала к микрофону, а сам сел за стол. Буденный степенно подошел к трибуне, разгладил пышные усы, окинул оком конника аудиторию и начал:

— Тяжела и почетна ноша офицера (мы переглянулись — с чего бы это?). Офицеры — это костяк нашей Красной Армии, это ее кадровый состав, это кадры. А кадры, как сказал товарищ Сталин, решают всё! Вот почему у нас кадрам всегда уделяется большое внимание. В том числе, и особенно, военным кадрам.

Далее он долго говорил о том, что у нас в Советской стране все равны и каждый может себя проявить, независимо от своего социального положения, национальности и других признаков. Потом, обращаясь к Жадову, сказал:

— Вот, к примеру, начальник академии, Алеша, подойди ко мне, — начальник академии подошел и встал рядом. Буденный положил ему руку на плечо и продолжил — Как вы думаете, кем он был, когда началась гражданская война? Не знаете? Коноводом был у меня! Рядовым красноармейцем, конником. Вот кем. Но я к нему присмотрелся — боевой, энергичный, со смекалкой. И этот простой орловский паренек становится красным командиром. И я не ошибся в нем. Он вашу академию закончил. А в Отечественную войну командовал и дивизией, и кавкорпусом, и армией. Прекрасный полководец! Прекрасный пример для вас.

Не все, конечно, мы понимали из сказанного, но то, что Жадов чувствовал себя при этом неудобно, — было весьма заметно. Он немного покраснел и виновато улыбался. А Буденный все напирал на его гигантский скачок от красноармейца до генерала армии. И хотя среди нас уже не было никого, кто бы не разделял мнения товарища маршала, он все-таки продолжал нам вкладывать, что «кадры решают всё» и что любой, кто старается учиться и служить как следует, может стать генералом.

Маршал уже снял свою руку с плеча начальника академии, но тот все еще продолжал стоять рядом и, переминаясь с ноги на ногу, улыбался. И было непонятно — нравилось ли ему сказанное Буденным или, наоборот, совершенно не нравилось, однако чувство долга и деликатность не позволяли ему поступить иначе.

В заключение маршал пожелал нам успехов в учебе и службе. Слушатели встретили его напутствие долгими, густыми аплодисментами, что, конечно же, было приятно человеку-легенде. Он заслужил это.

Мы расстались по-военному. Маршал уехал, а в стенах академии еще долго обитал дух Буденного. Каждый из нас прекрасно знал все его сильные и слабые стороны. Сильные в основном были проявлены в годы гражданской войны. Но в целом, несомненно, этот военачальник вошел в историю нашей страны и заслужил почтение. И, конечно, сегодня приходится с сожалением вспоминать, что между командующим 1-й Конной

армии Буденным и командующим 2-й Конной армии Мироновым в свое время не сложились добрые деловые отношения, а определенные силы, которым невыгодно было такое единство, стравливали эти две крупные фигуры. А ведь Филипп Кузьмич Миронов, имея высокое военное образование (юнкерское казачье училище), в годы гражданской войны показал себя отличным командиром. Был избран и командовал Донским казачьим полком, был членом Революционного комитета на Дону и окружным комиссаром на Верхнем Дону, затем командовал бригадой, был командующим нескольких общевойсковых армий, наконец, командиром казачьего корпуса, командующим 2-й Конной армией. Именно эта армия сорвала наступление Врангеля на Запорожье (Александровск), прославилась в контрнаступлении в Северной Таврии и в Перекопско-Чангарской операции. Славная была армия! Но под давлением определенных лиц она была переформирована во 2-й Конный корпус, хотя оперативно-стратегической и общей политической обстановкой это и не вызывалось. Миронов был назначен на пост инспектора кавалерии РККА и вскоре при непонятных обстоятельствах погиб.

Прочитав по этому поводу много различной противоречивой литературы, авторы которой клянутся в том, что именно и только их данные основаны на подлинных документах, а следовательно, только они и открывают читателю истину, я и сегодня не считаю себя вправе сделать однозначный вывод, кто же виновен в гибели Миронова и в ликвидации 2-й Конной армии. Стремление определенных кругов бросить в связи с этим тень на Буденного не имеет никаких официальных доказательств, а недружеские их взаимоотношения не могут быть основанием для обвинений Семена Михайловича в причастности к трагедии.

Конечно, у Буденного не было того дара стратега, которым обладали Румянцев, Суворов, Кутузов, Брусилов, Каменев, Фрунзе, Жуков, Василевский и тем более Сталин. Фактически выбором стратегии действий 1-й Конной армии и составлением плана операции занимался Главный штаб РККА. Всю же организаторскую работу по ее осуществлению, направлению войск в сражении на непременное достижение цели выполнял Буденный. Он не стратег, а рубака в прямом и переносном смысле (как Василий Иванович Чапаев). Поэтому в годы Великой Отечественной войны он самостоятельных задач не получал. Но он и не маршал Э. Груши из армии Наполеона, который не только бездарно командовал своими войсками, но еще и перебегал от одной власти к другой, когда грянул гром. На мой взгляд, именно Э. Груши повинен в разгроме наполеоновской армии 18 июня 1815 года при Ватерлоо. Дело в том, что Наполеон начинал

сражение, имея перед собой только англо-голландские войска генерала А.Веллингтона. Сражение началось внезапно. Маршал Груши получил частную задачу и маршировал в противоположном направлении. Однако, услышав канонаду и гром сражения, он должен был немедленно развернуться обратно или хотя бы остановиться и послать офицера к Наполеону. Нет, он продолжал маршировать, формально выполняя задачу и совершенно не сообразуясь с обстановкой. А если бы он вернулся и с тыла ударил по Веллингтону, то одна половина вражеской коалиции уже была бы повержена. Этого не произошло, потому что Груши удалился, а в район сражения подошел генерал Г. Блюхер во главе крупных войск и они, имея двойное превосходство и удобное положение, разгромили Наполеона, чем положили конец наполеоновским армиям. Итог, конечно, нормальный — в пользу мира.

Проведенной параллелью с маршалом Э. Груши я хотел лишь подчеркнуть превосходство Буденного над такого вида полководцами. Бесспорно, Буденный быстро и оперативно разобрался бы в обстановке и внес бы необходимые изменения в полученные задачи. Но, несомненно, — и это главное, что Семен Михайлович никогда бы не позволил вихляния и перехода на сторону той власти, которая вдруг оказалась на троне. Он всегда был верен присяге. А присягал он народу, своей социалистической Родине.

Вот так у нас, слушателей Академии, состоялось знакомство с маршалом Советского Союза С. М. Буденным, и оно, конечно, повлияло на состояние нашего морального духа.

А будни нашей жизни были обычны. Жизнь текла размеренно, по четко организованному распорядку. Вспоминаются отдельные эпизоды. Например, в первый же год нашего пребывания в Москве мы капитально изучили всю округу, и, в первую очередь, Новодевичий монастырь с его историческим кладбищем. Значительный интерес для нас представлял и совхоз в Лужниках, где теперь ультрасовременный спортивный комплекс (правда, ныне, в связи со смутой, превращенный в торговую клоаку). Совхоз хоть и располагался на заболоченной местности, но выдавал на-гора много нужных продуктов и их можно было приобрести на месте по значительно меньшей цене, чем на столичном рынке.

Что же касается учебы, то все шло благополучно. Правда, мы иной раз превращались в азартных школьников. Например, в спортивной жизни — постоянно весьма горячо разбирались волейбольные и баскетбольные баталии. Сдача спортивных норм шла по солдатским нормативам. Особое место занимала

хоккейная команда нашего курса, которую возглавлял майор В. Веревкин-Рохальский. Несмотря на возраст и на то, что он уже давно генерал-полковник, характер его не изменился и сейчас он — такой же быстрый, энергичный, с тем же молодым напором, как в давно ушедшие годы. Смотришь на него и радуешься: есть еще порох в пороховницах!

Случались у нас и служебно-медицинские бытовые казусы.

Володя Глазов уже на выпускном вечере посвятил нас в одну личную тайну. Как я уже писал, он относился к числу слушателей, которые учились в основном на отлично. Но было у него и «слабое звено» — любил хорошо, по-солдатски поспать. И когда жена была в отъезде, наступал опасный сезон. Два огромных будильника, поставленные с интервалом 10–15 минут один от другого и призванные разбудить и поставить слушателя на ноги, иногда со своими задачами не справлялись, и он опаздывал к началу занятий. Прикрывать это было практически невозможно. Начальник курса один раз его предупредил, второй, а на третий сказал, что будет вынужден поставить вопрос об отчислении. Нам это становится известным. Мы все за него переживаем. Он, естественно, — больше нашего, но и принимает меры — просит соседей, которые рано уходят на работу, чтобы его будили. И все-таки однажды он опаздывает! Точнее, не появляется на занятиях, и никто не знает, где он и что с ним. Начальник курса требует от старшего группы подполковника Васильева объяснений, а тот ничего не может доложить. Ему дается задание — в обеденное время послать одного из слушателей группы и выяснить обстановку. И вдруг задолго до обеда нам становится известно, что подполковника Глазова увезла из академической поликлиники «скорая» в госпиталь. В обед узнаем, что у него аппендицит. Вечером нам сообщают, что операция прошла нормально, самочувствие больного удовлетворительное. На следующий день двое наших товарищей в часы самоподготовки съездили в госпиталь и рассказали нам, что все в норме, через неделю Владимир будет в строю. И действительно, вскоре он появился — немножко бледный, чуть-чуть ссутуленный, осторожно поддерживал живот, и все же, как обычно, веселый и жизнерадостный. Но главного он тогда не рассказал, а вот на выпускном вечере «просветил» нас:

— Братцы, каюсь, но только сейчас могу вам рассказать, как попал в госпиталь. Дело было так. В очередной раз, когда я проспал и появился в академии через 30 минут после начала занятий, я понял, что все! Поскольку мне было сделано последнее предупреждение, я теперь должен буду распрощаться с академией. Что же делать? Я начал лихорадочно искать выход.

Эврика! Спасти меня может только болезнь! Но какая? Я здоров как бык. Пожаловаться на ужасные головные боли? Вообще отчислят, — шизофрения. И вдруг меня осенило: аппендицит! Я к врачу — скрючился и сквозь зубы издаю идиотские звуки. Сейчас повторить не смогу. Он меня уложил, расстегнул все, что надо, щупает, изучает, а я ору. «Покажи, — говорит, — язык. Странно, язык вроде нормальный». А я ему: «Язык-то нормальный, но у меня нет больше терпения, я что-то натворю». Врач выбежал из кабинета. Я — к зеркалу, посмотрел — язык как язык. Что он должен был увидеть. Оказывается, язык при аппендиците должен быть обложен — это я уже позже узнал. Через минуту врач вернулся и говорит: «На ваше счастье наша «санитарка» на месте». И мы помчались в госпиталь Бурденко. В дороге я, конечно, еще пару раз устроил истерику — для пущей убедительности. А в госпитале и вовсе закатил глаза, вроде как умираю. Меня — в операционную, на стол, сделали анестезию, распороли брюхо, вырезали розовый, как у младенца, аппендикс, зашили, отвезли в палату. А вечером пришел хирург и, улыбаясь, говорит: «В моей большой практике впервые такой случай. Хотя понаслышке знал о них. Но там все готовилось всеми осознанно, а у нас операция на фоне классической имитации воспаления. Ваш кишечник так уложен и такой чистый, как будто заглядываешь в медицинскую энциклопедию. Я не спрашиваю вас, зачем было это «жертвоприношение», и не намерен кому-то об этом говорить, но то, что мы вырезали аппендикс, в принципе дело хорошее, теперь он у вас уже не воспалится, а вы через неделю вернетесь в строй. Желаю скорейшего выздоровления, но предупреждаю: у человека больше нет чего-то лишнего, чтобы можно было отрезать, если вас обстоятельства опять приведут к хирургу!» Он пожал мне руку и ушел. Я понял, что впредь так шутить над собой не следует, потому как отрезать у меня больше нечего. Вот такие, братцы, у меня были дела.

Мы покатывались со смеху, тем более что уже пропустили не одну рюмку. А Женя Бочкарев так заразился этим смехом, что уже не только плакал, а даже как-то поскуливал. Челюсти у него свело, рот не закрывается, икает и скулит. Представляете, какова «картинка»?! Мы, глядя на него, совсем уже потеряли способность управлять собою — наш дружный хохот и гогот сотрясал стены родной альма-матер. Наконец, самый мудрый в нашей группе Миша Дыбенко первым выбрался из этого психологического штопора и объявил:

— Есть предложение: за выдающуюся личность, проявившую мужество и самоотверженность, проявленные в борьбе с бюрократизмом и формализмом, за торжество справедливости и

права изучать военные науки на благо нашего Отечества и его славных Вооруженных Сил, за личность, которая во имя этих целей не жалела ни крови, ни живота своего — выпить по полной, стоя и до дна. За Владимира Глазова! Ура!

Все взревели «ура», выпили и полезли целовать Володю за его подвиг.

Правда, нам стало известно и другое. Жена Глазова после этого случая уже никуда не выезжала и несла личную ответственность за своевременное убытие Владимира на занятия. А он все равно не мог без приключений. Как-то примчался за одну-две минуты до начала занятий, бросил портфель, быстро снял китель, достал из кармана брюк подтяжки и начал их пристегивать. Затем надел китель, сел и облегченно вздохнул. Естественно, все к нему с вопросом:

— Что случилось?

— Я сегодня в метро выступал, как Карандаш на арене цирка. Сами понимаете, утром у меня времени в обрез — одновременно умываюсь, одеваюсь, завтракаю впопыхах, надев брюки и сапоги, быстро накидываю китель и, застегивая пуговицы на ходу, хватаю портфель, фуражку, кубарем по лестнице на улицу, бегом в метро, мчусь по эскалатору вниз, обгоняю всех, а тут и поезд. Влетаю в вагон и успокаиваюсь. Людей немного, есть свободные места, но я, довольный, что все так здорово получилось, решил стоять. Одной рукой держусь за верхний поручень, во второй — портфель. Так и еду, сделав умное лицо. Естественно, предполагаю, что все во мне сразу же распознают слушателя Военной академии им. М. В. Фрунзе — форма общевойсковая, а самое главное — шпоры! Проехали одну остановку, тронулись к следующей. Вдруг стоявший передо мной метрах в пяти мужчина, медленно перехватывая поручень рукой, стал приближаться ко мне. Я насторожился. Он это понял и улыбнулся, но, приблизившись вплотную, наклонился к уху и шепчет:

— Товарищ подполковник, у вас сзади из-под кителя висят бело-синие подтяжки…

— ???

Это меня поразило как молнией. Рукой, которой держался за поручень, я сгреб сзади все, что висело, и начал эти позорные подтяжки заталкивать в карман брюк. А они, проклятые, не лезут! Я их туда, а они обратно, я — туда, а они — обратно! Естественно, от волнения весь стал мокрый. Видя такую картину, мужчина спокойно говорит:

— Давайте я подержу портфель, а вы, не торопясь, отстегните от брюк подтяжки и определите им место.

Когда я выполнил всю эту процедуру и спрятал подтяжки в

карман, поезд остановился на очередной остановке. Я поблагодарил мужчину, вышел из вагона и зашел в соседний. А когда приехал на «Смоленскую» и отправился к эскалатору, то опять повстречался с этим мужчиной. Он мне помахал рукой. Но и это еще не все. Прихожу в академию, иду в раздевалку сдать фуражку, а он вышагивает мимо меня и на ходу говорит: «Мы с вами под одной крышей. Я работаю на кафедре физкультуры». Вот такие у меня дела.

Кто-то из ребят предложил:

— Володя, тебе пора мемуары писать. Что ни день, то событие. Назови, например, книгу: «Похождения бравого слушателя» или что-то в этом роде.

Остальные с шутками-прибаутками эту идею поддержали.

Различные происшествия случались не только в академии, но и в нашем Учебном переулке. В ночь под Новый, 1952 год здесь произошло весьма знаменательное событие — Сталин прислал одной рабочей семье посылку, которая, конечно, наделала много шума, кстати, только в пределах нашего переулка, поскольку об этом совершенно ничего не писалось в газетах, не сообщалось по радио, что как-то совершенно не вяжется с тем культом личности, о котором так много любил говорить Хрущев. Что же произошло? У одного рабочего, который жил через дом от нас, родился сын. Родился он 21 декабря, т. е. в день рождения Сталина. Родители решили его назвать Иосифом, и радостный отец, как потом выяснилось, дал телеграмму приблизительно следующего содержания: «Москва, Кремль, товарищу Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович! 21 декабря у нас родился сын, которого мы назвали Иосифом в Вашу честь. Желаем Вам доброго здоровья и всяческих успехов».

30 декабря к этому рабочему приезжают два молодца в гражданском и привозят большой набор различных детских вещей, коляску для ребенка, что по тем временам было редкостью, нарядные саночки и солидную продовольственную посылку с винами, колбасами, сырами, конфетами и южными фруктами.

В нашем малюсеньком переулке эта посылка произвела эффект разорвавшейся бомбы. Естественно, все бегали смотреть на это счастливое семейство. А они действительно были на седьмом небе. Ведь сам вождь, которого все любили и почитали, откликнулся и разделил с семьей эту радость. Я до сих пор удивляюсь, почему вот такие эпизоды никогда не попадали в прессу — ни в прошлом, ни в настоящем. Но ведь их было много, и они характеризуют личность человека, тем более если это государственный деятель. Но со стороны Сталина поздравление

рабочей семьи было сделано тихо, спокойно, без помпы и афиширования, без стремления извлечь политические дивиденды.

И мне приходят на память множество фактов времен Горбачева и Ельцина, когда они лично или члены их семей делали так, чтобы на любом пустяке нажить себе «капитал». К примеру, перед приездом в Москву королевы Англии Елизаветы все забегали, закрутились, засуетились. А так как во время ее визита не последнюю скрипку должна была играть Наина Иосифовна Ельцина, последняя начала лихорадочно наводить справки о том, что может интересовать королеву, чтобы самой всесторонне подготовиться к встрече с ней. Службы доложили, что в Москве существует дом, построенный на личные сбережения английским лордом полковником Чеширом для реабилитации инвалидов войны. Такие дома он создал во многих странах мира. Дом существует уже несколько лет, и никому до него дела нет. Администрация этого дома всяческими путями, изворачиваясь, находит различных спонсоров, чтобы продлить существование и помогать нашим искалеченным воинам. Поскольку дом построен лордом, то королева вполне может спросить: «А как у вас дом Чешира?» Поэтому Наина Иосифовна накануне приезда королевы примчалась в этот дом, походила, посмотрела, посочувствовала молодым людям, потерявшим руки или ноги в Чечне или Афганистане, повздыхала и подарила… бильярд. Хотя могла бы сообщить президенту, что есть дом, построенный иностранцем для наших соотечественников, и хорошо, если бы государство взяло его на баланс вместе с обслугой. Нет, бильярд!

Особо надо отметить интерес, проявленный слушателями нашей Академии (да и вообще военными) в отношении переписки генерал-майора Разина с генералиссимусом Сталиным.

В конце 1953 года в Академии произошла смена власти — вместо генерала армии Алексея Семеновича Жадова, которого назначили первым заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками, пришел генерал армии Павел Алексеевич Курочкин. Это известный полководец, хорошо проявивший себя в годы революции и гражданской войны. В предвоенное время командовал многими объединениями и несколькими военными округами. В годы Великой Отечественной войны был коман дующим различных армий и ряда фронтов, в том числе и 2-м Белорусским. Он имел богатый опыт командования войсками и руководства крупными штабами, а также преподавания в военных учебных заведениях. К нам пришел из Военной академии Генерального штаба — был первым заместителем ее начальника.

На всех нас он сразу произвел впечатление очень внимательного, тонкого и глубокого военачальника. Первым его

шагом в академии стала организация личного контроля за ходом подготовки дипломных работ слушателями выпускных курсов. Это было новое в методике. Он отобрал около 30 работ и, вызывая к себе по пять-семь дипломников и их научных руководителей, проводил вначале общую беседу (при этом преподаватели сидели отдельно от своих подопечных), а затем приглашал кое-кого поодиночке. На общей встрече разбирались вопросы в основном организационного характера, а во время индивидуальной — детали работы.

Мне посчастливилось попасть в число патронажных. У меня действительно тема дипломной работы была интересная — «Действие стрелкового корпуса на открытом фланге армии в ходе наступательной операции фронта». Такая тема, конечно, не могла пройти мимо глаз опытного начальника. На нашей личной с ним встрече присутствовал еще один полковник из аппарата академии, который делал какие-то пометки в тетради и никакого участия в беседе не принимал. Разговор происходил за большим столом, на котором была развернута моя карта.

— Кто вам рекомендовал эту тему? — обратился ко мне после обычных формальностей с вопросом начальник академии.

— Никто. Я сам ее выбрал из общего перечня.

— А кто-нибудь еще хотел ее взять?

— Мне это неизвестно.

Павел Алексеевич вопросительно посмотрел на полковника. Тот ответил отрицательно.

— Почему же вы ее взяли? Вы обдуманно сделали этот шаг или вам безразлично — мол, все равно что-то надо писать? Или просто ради интереса и только?

— Да нет, на мой взгляд, такую тему просто так брать не стоит. Я советовался кое с кем — мне не рекомендовали. Во время войны я служил в стрелковом полку и не видел всех причинно-следственных связей тех событий, которые пришлось испытать на пути от Сталинграда до Берлина. Кстати, на этом пути далеко не всегда были литавры и звучали фанфары, случались и огорчения…

— Например?

Я подробно рассказал, как наша 35-я Гвардейская стрелковая дивизия зимой начавшегося 1943 года почти дошла до Днепра, а затем с тяжелейшими боями откатилась обратно и закрепилась лишь на Северном Донце. Причиной тому были в основном незащищенность флангов Юго-Западного фронта, растянутость коммуникаций, чем и воспользовался противник.

Курочкин слушал с интересом. Затем спросил:

— Какой же вы вложили замысел в свою работу и на какую

местность все это рассчитано?

— Я решил показать наступление фронта на территории Белоруссии, левый фланг которого упирается в Пинские болота. И хотя они, конечно, какая-никакая, но все же защита, однако гарантировать от флангового удара, тем более что фронт уже продвинулся на значительную глубину, вряд ли могут.

— Почему бы вам не взять тот же Юго-Западный фронт и ту же ситуацию, о которой вы мне рассказали, но уже в другой интерпретации, т. е. с полным обеспечением флангов, а не так, как это получилось на самом деле?

— Во-первых, я знаю далеко не все, а лишь то, что было на самом деле в момент нашего отхода. А чтобы узнать все, надо иметь доступ к архивам, на что потребуется очень много времени. Во-вторых, на мой взгляд, некорректно майору — слушателю Военной академии, критиковать в своей работе и поучать крупных полководцев. Наверное, это было бы дилетантством с моей стороны. В-третьих, я уже врос в эту тему, начал работу, и она меня заинтересовала.

— Резонно, резонно… Ну, а теперь — поконкретнее по вашей теме: положения и действия армии, а за корпус — детально.

Что ж, я доложил, что армия в составе трех стрелковых корпусов и отдельной резервной дивизии, усиленная артиллерией РВГК, в ходе фронтовой наступательной операции развивает наступление в общем направлении на Брест. Оперативное построение армии в один эшелон, однако левофланговый корпус действует со значительным уступом, прикрывая фланг армии и фронта в целом, и готов отразить контрудары противника как с фронта (в случае, если он попробует подсечь ударную группировку фронта, которая вырвалась вперед), так и слева — с фланга и тыла, если противник решит сделать глубокий охват всех основных сил фронта и перехватить его коммуникации.

— Но, согласитесь, — перебил Курочкин, — Пинские болота — реальное круглогодичное препятствие для действий крупных группировок войск, тем более танков. Мало вероятно, чтобы противник сам себе набросил петлю на шею. Не делайте из него простачка. А вот если вы продолжите операцию западнее, юго-западнее Бреста, то есть если армия, обтекая город с юга, устремится на запад, а за город будут драться другие, то здесь у противника открывается хорошая возможность померяться силами. Да и у него появится аргументированный повод для удара — помочь своей брестской группировке. Вот здесь во всю силу и надо проявить себя фланговому корпусу.

Конечно, я принял эту рекомендацию, а затем ответил на

множество вопросов, касающихся организации операции, всестороннего обеспечения, поддержания устойчивого управления. Особый интерес Курочкин проявил к организации разведки на открытом фланге и, как временной меры, — полевых застав на дорогах, которые пронизывали Пинские болота и выходили к нам с юга. Начальник академии рекомендовал создать один-два отряда конной разведки с глубоким, на несколько десятков километров рейдом, в отрыве от главных сил корпуса. Разобрал со мной возможные варианты обстановки — как на уровне Пинских болот, так и по их прохождению.

Беседа длилась более двух часов и, конечно, дала мне многое. Я понял, что имел дело не просто с опытным полководцем, но и умным человеком, прекрасным методистом. И хотя злые языки в то время и поговаривали о «Демьянской операции» 1942 года, восточнее Старой Руссы, в которой Северо-Западный фронт, которым командовал П.А.Курочкин, не справился с задачей по ликвидации этой группировки, но напрасно. Ведь после Курочкина эта же задача была поставлена Г.К.Жукову — и он тоже не решил эту проблему, хотя, глядя на карту, можно было решить, что все было на нашей стороне: и прекрасная конфигурация фронта (немецкие войска пребывали как бы в вытянутом пузыре с зауженным горлом), и рельеф местности, и соотношение сил — все в нашу пользу. А задачу так и не выполнили. Мало того, когда в академию пришел наш набор слушателей, то в программе кафедры военного искусства значилась тема: «Как и почему не была ликвидирована Демьянская группировка немцев». Правда, в устных лекциях и брошюрах основное место отводилось не столько ответам на вопросы — как и почему, сколько обстановке и сожалениям, что группировка немцев так и не была ликвидирована. И лишь в начале 1943 года, когда противник выпил сполна горькую чашу разгрома под Сталинградом, немцы начали спешно выводить свои войска из этого выступа, над которым, по общему мнению, постоянно висел дамоклов меч сокрушительного поражения.

На мой взгляд (хотя, может, я и ошибаюсь), тему «как и почему…» с приходом Курочкина начальником академии не надо было исключать из программы курса военной истории. Не думаю, что это было сделано с его ведома и тем более по его инициативе. Это решили угодники. Курочкин был реалистом, правдивым и пытливым генералом. С его приходом можно было только глубже разобраться во всех деталях этой безуспешной операции и на допущенных ошибках и просчетах, а они наверняка имели место, учить слушателей. Это очень важно. И Курочкин, уверен, пошел бы на это. Но увы! Тема из курса была изъята.

Сегодня я, как и другие слушатели, уверен, с глубокой благодарностью вспоминаю весь профессорско-преподавательский и обслуживающий состав академии. Особая, конечно, благодарность обоим начальникам — генералам армий Жадову и Курочкину. Но что интересно, два начальника одной и той же академии были совершенно разными людьми и военачальниками. Как бы то ни было, но между Жадовым и профессорско-преподавательским составом и тем более слушателями существовал незримый разрыв. А Курочкин был с преподавателями единым целым. Что касается слушателей, то он всегда был для них открыт и часто сам проявлял инициативу для встреч. Конечно, у каждого человека свои особенности и у военных — тоже. Я часто задумывался над тем, почему в условиях, когда цели и задачи стоят одни и те же, методы определены и старшие начальники (лидеры страны) являют собой блестящий пример для подражания, эти два начальника одной и той же академии так отличаются друг от друга? Может, они разными были потому, что Курочкин не был коноводом? Он сразу стал командиром. Ведь ханжество чаще проявляется у тех, кто долго был при «барине», хозяине, начальнике, наблюдал его образ жизни. Если сам начальник и этот приближенный были нормальными людьми, то, когда приближенный сам уже становился хозяином или начальником, все шло без перекосов. А если на дне его души таились зависть, алчность, недоброжелательность к людям, а также чванство и спесь, то этот человек, получив большую самостоятельность, превращался в сверхбарина, сверхначальника, сверхкомандующего.

Сложный этот вопрос. Моя долгая жизнь и военная служба давали мне много подобных поводов для размышлений, анализа, сравнений. И вывод, представленный мною выше, к сожалению, подтверждался еще не один раз.

Глава III
Ну почему должен страдать народ?!

XIX съезд ВКП(Б) (у нас о нем умалчивают). Смерть вождя — не просто трагедия, это временный обвал духа народного. Прощание со Сталиным и его перезахоронение. XX съезд КПСС. Культ личности. Хрущев убрал всех, кто мог разоблачить его лично или помешать ему. Замел все следы в Киеве и Москве. КГБ: «Вы сын Варенникова?» Антипартийная группировка Маленкова, Молотова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова — не просто злостный вымысел Хрущева, а удар по стране.

5 октября 1952 года в Москве собрался XIX съезд нашей партии. Совершенно непонятно, почему этот съезд всячески замалчивается. Неужели лишь потому, что там был еще Сталин и выступал с речью? Если кому-то не нравится Сталин — это его дело. Но ради исторической правды и объективности этот, как и многие другие съезды, заслуживает особого внимания.

Последний раз, т. е. на XVIII съезд, наша партия собиралась лишь в марте 1939 года. То есть с момента последнего партийного форума прошло более 13 лет. Одно только это обстоятельство уже ставит XIX съезд в число особенных. А если учесть, что за это время произошли колоссальные, поистине эпохальные, всемирно-исторические события, то значение съезда еще более возрастает. За этот период началась и закончилась Вторая мировая война, в том числе Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков. В результате нашей Победы в Европе многие страны были освобождены от фашистского порабощения, повержена фашистская Германия. В Азии разгромлена ударная сила милитаристской Японии — Квантунская армия, а сама Япония поставлена на колени. Народы Китая и других стран Юго-Восточной Азии были освобождены от рабства. Колониальные народы мира в целом, используя итоги Второй мировой войны, развернули национально-освободительную борьбу за свою независимость. Политическое лицо планеты изменилось.

Внутреннее положение Советского Союза в послевоенное время было не менее напряженным, чем в предвоенные и военные годы. Благодаря самоотверженному труду всего нашего народа и умному прозорливому руководителю страны наша Родина уже за первую послевоенную пятилетку полностью залечила раны войны

и вышла по основным показателям на уровень предвоенного 1940 года. Я уже говорил, что мы первыми из участников войны отменили карточную систему. Соединенные Штаты Америки — через год, а Великобритания — через два года после нас. С 1948 года и по 1954 (т. е. еще год после смерти Сталина) мы ежегодно весной снижали цены на основные виды продовольствия и промышленные товары. Причем не символически на 2–3 %, чтобы втереть очки народу, а на 15–20–30 %, по некоторым видам даже на 40 и 50 %. Скажите, какая еще страна в мире могла себе позволить такое? Вот почему и до войны, но особенно после войны Запад, и в первую очередь США, видели в лице СССР не просто опасного, а смертельного конкурента.

Война не только не ослабила и не обессилила Страну Советов, наоборот, сплотила наш народ и сделала его монолитом. Благодаря общественному и государственному строю, самоотверженному труду и дружбе народов Советский Союз встал в ряд великих держав мира. Еще в конце 30-х годов по объему промышленного производства СССР вышел на первое место в Европе и на второе, после США, в мире. Вот почему вся стратегия мирового империализма была направлена на разрушение Советского Союза.

XIX съезд партии дал четкую и ясную характеристику политической ситуации и расстановке классовых сил на мировой арене. Было однозначно заявлено о существовании в мире двух социально-политических лагерей — социалистического и капиталистического. Это заявление имело колоссальное значение.

XIX съезд принял и утвердил Директивы по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1951–1955-е годы. Забегая вперед, надо сказать, что в результате выполнения этого плана были достигнуты огромные успехи в развитии и совершенствовании социалистических производственных отношений, укреплении социально-политического единства общества. Советский Союз по итогам пятой пятилетки удвоил, а по некоторым видам утроил объемы производства по сравнению с 1950 годом и по основным показателям был на уровне США. По некоторым направлениям — несколько выше, по другим — ниже, а в целом на равных. И если бы не волюнтаризм Хрущева и допущенные в связи с этим перекосы в народном хозяйстве, то СССР имел бы еще более высокие показатели.

XIX съезд переименовал ВКП(б) в Коммунистическую партию Советского Союза — КПСС, что тоже явилось знаменательным событием. Решение было обоснованным.

Наконец, 14 октября 1952 года на XIX съезде с краткой речью

выступил И. В. Сталин. Вот что он сказал:

«Товарищи!

Разрешите выразить благодарность от имени нашего съезда всем братским партиям и группам, представители которых почтили наш съезд своим присутствием или которые прислали съезду приветственные обращения, — за дружеские приветствия, за пожелания успехов, за доверие.

Для нас особенно ценно это доверие, которое означает готовность поддержать нашу партию в ее борьбе за светлое будущее народов, в ее борьбе против войны, в ее борьбе за сохранение мира.

Было бы ошибочно думать, что наша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно, наша партия и наша страна всегда нуждаются и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и в поддержке братских народов за рубежом.

Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира. Когда английские рабочие в 1918–1919 годах, во время вооруженного нападения английской буржуазии на Советский Союз, организовали борьбу против войны под лозунгом «Руки прочь от России», то это была поддержка, поддержка прежде всего борьбы своего народа за мир, а потом и поддержка Советского Союза. Когда товарищ Торез или товарищ Тольятти заявляют, что их народы не будут воевать против народа Советского Союза, то это есть поддержка, прежде всего, поддержка рабочих и крестьян Франции и Италии, борющихся за мир, а потом и поддержка миролюбивых стремлений Советского Союза. Эта особенность взаимной поддержки объясняется тем, что интересы нашей партии не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов. Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от мира во всем мире.

Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает. После взятия власти нашей партией в 1917 году и после того, как партия предприняла реальные меры по ликвидации капиталистического и помещичьего гнета, представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали

надежду, что успехи «Ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период Второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистскую тиранию, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства.

Конечно, очень трудно было выполнять эту почетную роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Но это было. Теперь — совсем другое дело. Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран, — теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее.

Особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические или рабоче-крестьянские партии, которые еще не пришли к власти и которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов. Им, конечно, труднее работать. Однако им не столь трудно работать, как было трудно нам, русским коммунистам, в период царизма, когда малейшее движение вперед объявлялось тягчайшим преступлением. Однако русские коммунисты выстояли, не испугались трудностей и добились победы. То же самое будет с этими партиями.

Почему все же не столь трудно будет работать этим партиям в сравнении с русскими коммунистами царского периода?

Потому, во-первых, что они имеют перед глазами такие примеры борьбы и успехов, какие имеются в Советском Союзе и народно-демократических странах. Следовательно, они могут учиться на ошибках и успехах этих стран и тем облегчить свою работу.

Потому, во-вторых, что сама буржуазия, — главный враг освободительного движения, — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. Понятно, что это обстоятельство должно также облегчить работу революционных и демократических партий.

Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом

полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять.

Так обстоит дело в настоящее время.

Понятно, что все эти обстоятельства должны облегчить работу коммунистических и демократических партий, не пришедших еще к власти.

Следовательно, есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала..

Да здравствуют наши братские партии!

Путь живут и здравствуют руководители братских партий!

Да здравствует мир между народами!

Долой поджигателей войны!»

Как актуальны сегодня выводы, сделанные Сталиным о буржуазии.

На съезде проанализированы важнейшие события отрезка времени, равного по своему значению целой эпохе, и приняты поистине исторические решения. И они, эти решения, несмотря на последующие «художества» Хрущева, все-таки обеспечили движение страны вперед. Однако съезд замалчивался и в советские времена, и теперь. Нигде ни слова о XIX съезде вы не встретите. И это демократия? Это исторически объективный подход к нашему прошлому? Увы, вопрос этот не риторический, ибо ложь и замалчивание истины стали краеугольным камнем политики врагов нашего Отечества.

XX съезд состоялся в феврале 1956 года. Сталина уже не было, Хрущев же выступал во многих ипостасях. Центральным вопросом съезда стало «разоблачение» «культа личности» Сталина. По инициативе Хрущева в июне того же 1956 года было

принято Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», где прямо записано, что «культ личности не мог поколебать и не поколебал социалистической природы советского общественного строя».

Подло и мерзко. Сталин всего себя, до последнего дыхания, отдал народу, сделал все, чтобы именно советский социалистический общественный строй не только утвердился, но и процветал в нашей стране. Это Хрущев заложил мину под этот строй и начал его расшатывать.

Бездумно и без ведома народа «дарит» Крым Украине и огромную территорию Казахстану. Проводит в государственной структуре и партийном строительстве дикие эксперименты. Наносит удар по Вооруженным Силам, науке, искусству, образованию и культуре. Выпускает из тюрем и лагерей уголовников. Разрывает фактически отношения с Китаем. Конфликт с США, организованный Хрущевым, обернувшийся Карибским кризисом, поставил нас на грань катастрофы. Хулиганскими действиями в ООН позорит Советский Союз, за что мы обязаны были платить штраф в сотни миллионов долларов.

Правильно говорится в народе: «Вор кричит: держи вора!» Так и Хрущев: сконцентрировав внимание общественности на сфабрикованном им мифе о культе личности Сталина, фактически обеспечил себе бесконтрольную, неограниченную власть, порой смахивающую на самодурство. Но был далеко не глуп: все следы своих собственных преступных деяний по уничтожению безвинных лиц ликвидировал, расстреляв Берию и Абакумова. Это уже не культ, а политический аферизм и авантюризм, бороться с которым значительно тяжелее. Тем более если советским людям десятилетиями прививали порядочность, честность, дисциплину, без чего правовое демократическое государство существовать не может.

С благословения Хрущева и иже с ним замолчали XIX съезд, но максимально распропагандировали XX, «разоблачивший культ». Затем менее чем через три года собрали Чрезвычайный XXI съезд. Зачем? Чтобы объявить, что «социализм в СССР победил полностью и окончательно!». Хотя такой вывод был явно преждевременным и ничего, кроме вреда, принести не мог. Как пресловутые «установки» Горбачева: «Разрешено все, что не запрещено законом», или Ельцина: «Ешьте суверенитета столько, сколько проглотите». Все это — оружие из одного арсенала, и направлено оно на развал страны. Разве эти «установки» мобилизовывали народ? Нет! Разве они отвечали объективным потребностям и чаяниям народа? Нет! Разве они были справедливы и вообще необходимы? Нет, конечно! Наоборот, у

определенной категории людей они пробуждали низменные чувства, извлекали их с самого дна. Эти чувства затмили все доброе и хорошее, будто пеплом засыпали человеку глаза, и вот он уже ничего не видит вокруг себя и не может объективно оценить происходящее. Часть партии и общества стала разлагаться, гнить.

Замалчивается не только XIX съезд КПСС, замалчивается вся история партии. Искажается даже истинная картина смерти Сталина, его похорон. Эти господа ёрничают, в ироническом тоне описывая чувства и переживания нашего народа, да и вообще внушают народу то, чего не было. Злые на Сталина личности и холуйствующие перед властью представляют картину, преломленную в кривом зеркале. Причем делают вид, будто сами при сем присутствовали, видели и все слышали. И затем весь этот бред они выплескивают на страницы своих «сочинений». Особенно усердствовал небезызвестный «исследователь» Д.Волкогонов. Народ возмущался и возмущается поныне, что эта мразь, подобная Резуну-Суворову, делая вид, что опирается на документы и свидетелей, фактически льет грязь на человека, который спас не только наше Отечество, но и человечество в целом.

Волкогонов пишет в «Триумфе и трагедии» (часть 2-я, с. 191): «…усиливающаяся слабость пугала его (Сталина. — Авт.). Он не был мистиком, но всю жизнь видел эфемерные контуры личных опасностей. Сталин чувствовал, что сейчас одна из них рядом. И, видимо, реальна».

Спрашивается, ну, откуда ему, этому гнусному писаке, знать, что в то время чувствовал Сталин, о чем он думал? Конечно, если это художественный роман, то вопросов нет. Такой жанр и «художества» допускает полет авторской фантазии. Но ведь автор замахнулся написать документальный политический портрет великого человека, которого не знал и не видел. Не знал и не беседовал он и с ближайшими его соратниками — Молотовым, Маленковым, Берией, Булганиным, Хрущевым, Ворошиловым, Буденным, Тимошенко, Жуковым, Василевским. Именно они, и никто другой, могли передать, причем только возможные, чувства и переживания Иосифа Виссарионовича. А что касается последних перед смертью дней, так это могли сделать только первые три — максимум пять человек из вышеперечисленных.

Или посмотрите, как тот же Волкогонов описывает рабочий день Сталина (там же, с. 191): «28 февраля 1953 года, встав позже обычного, Сталин почувствовал (?), что незаметно вошел в норму, настроение поднялось. Почитал сводки из Кореи, протоколы допросов «врачей-отравителей» М. С. Вовси, Я. Т. Этингера, Б. Б.

Когана, А.М.Гринштейна. Немного погулял. Поздно вечером, как он распорядился, на дачу приехали Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Ужинали. Обговорили (считай — решили), как всегда, уйму вопросов…»

Вот и весь рабочий день: поздно встал… погулял… а вечером встретился и все обговорили. Не жизнь, а рай. Но ведь на самом деле вся жизнь Сталина, по сравнению с Хрущевым, Горбачевым и Ельциным, была до предела наполнена трудом во имя нашей страны и народа. До последнего дня и часа. И Волкогонов, наверное, забыв, что писал только что, уже через страницу (там же, с. 193) повествует:

> «Сидели до четырех утра 1 марта (!). К концу ночной беседы Сталин был раздражен, не скрывая своего недовольства Молотовым, Маленковым, Берией, досталось и Хрущеву. Только в адрес Булганина он не проронил ни слова. Все ждали, когда «Хозяин» поднимется, чтобы они могли уехать. А Сталин долго говорил, что, похоже, в руководстве кое-кто считает, что можно жить старыми заслугами. Ошибаются. Сталинские слова звучали зловеще. Его собеседники не могли не знать, что за этим раздражением «вождя» (непонятно, почему Волкогонов слово «вождь» взял в кавычки?! Ведь Сталин был и остается вождем) скрывается какой-нибудь новый смысл. Может быть, и такой: убрать всех старых членов Политбюро, чтобы свалить на них все свои бесчисленные прегрешения».

Оказывается, не только весь день, но и всю ночь напролет, до четырех часов, руководители обсуждали и решали важнейшие вопросы страны, а не какие-нибудь сплетни. И так каждый день и каждую ночь, но в разном составе. А вот какие и с кем разбирались вопросы и какие были решения — клеветник от демократии не пишет, потому что это ему не выгодно: вдруг народ узнает еще раз, что Сталин действительно работал на страну и заботился о народе. Поэтому Волкогонов берет «главное» для него — сталинские слова звучали зловеще! Как будто он сам их слышал, и все тут. Но ведь ни один из членов Политбюро, членов Ставки ВГК, членов Правительства никогда и нигде не писал и не говорил, что слова Сталина звучали зловеще. Этого не сообщают даже те, которых он вынужден был по определенным причинам наказывать.

Но доктор философии «вдохновенно творит», осуществляя свой зловещий замысел очернить вождя. Поэтому приписывает Сталину «зловещий замысел» убрать всех старых членов

Политбюро! Только сей «историк» все спутал. Это ведь Горбачев одним махом убрал 100 старых членов ЦК, которые не позволили бы ему разваливать страну.

Ну, а если вернуться к Сталину — на кого он сваливал свои грехи? Таких фактов нет. Тот, кто был предан народу, партии, разделял генеральную линию Ленина, с теми он был в тесных деловых и даже дружеских отношениях. К ним относились, например, такие государственные и партийные деятели, как А. А. Андреев, Н. А. Булганин, С.М.Буденный, К. Е. Ворошилов, Ф. Э. Дзержинский, Л.М.Каганович, М. И. Калинин, С. М. Киров. В. М. Молотов, В. В. Куйбышев, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский, А.И.Микоян, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, П.П.Постышев, Г. В. Чичерин. Последний, например, был до 1930 года включительно министром иностранных дел, фактически создал корпус советских дипломатов, придал стабильную форму внешней политике СССР, наполнил ее новыми идеями, сыграл важнейшую роль в создании огромного авторитета нашему государству. Вот почему еще в его бытность министром иностранных дел все страны мира, кроме США, признали Советский Союз и установили с ним дипломатические отношения. Лишь по возрасту и по болезни Чичерин ушел на пенсию и умер в 1936 году. Сталин создал все необходимые условия для того, чтобы раскрыть в нем талант действительно великого дипломата. А ведь он из дворянской семьи, служил в Министерстве иностранных дел при царе… Но для глубокого, дальновидного и мудрого Сталина критерием было не это, а преданность народу, социализму и Советской власти. Такие же условия создавались и для других, верных Отечеству деятелей.

Кого из этой когорты он предал или от кого избавился? Некоторые пытаются поставить Сталину в вину самоубийство Серго Орджоникидзе. Но такие попытки безрезультатны. С большинством соратников — особенно с Молотовым, Микояном, Кагановичем, Ворошиловым, Буденным он прошел весь период жизни при Советской власти.

Что касается Л. Троцкого и подобных ему откровенных врагов, то Сталин долго его терпел, хотя, исходя из интересов страны, можно и надо было этот срок сократить. Но когда Троцкий, не делая для себя выводов, начал открыто заниматься антисоветской деятельностью, то его вынуждены были выдворить из Советского Союза. Заметьте: выдворить, а не ликвидировать. И сделали правильно. Если бы Сталин не предпринял решительных мер к лицам, которым был неугоден советский строй или кого не устраивала линия партии, правительства, то «пятая колонна» по разрушению страны появилась бы еще в 30-е годы. Однако этого

не произошло. Сталин вырвал все корни и выбил почву из-под таких сил. А Хрущев создал для них благоприятные условия, и «пятая колонна» уже при нем подняла голову. Под флагом, так сказать, демократии и хрущевской «оттепели».

Когда Сталин заболел, было сделано первое официальное правительственное сообщение, которое передавалось по радио, печаталось в газетах на первых страницах. Сообщалось все без прикрас. Говорилось, что в ночь на 2 марта у него произошло кровоизлияние в мозг, которое охватило жизненно важные области головного мозга, что больной без сознания, отмечаются нарушения деятельности сердца и легких. Имеются признаки паралича некоторых частей тела.

Это сообщение словно гром с ясного неба обрушилось на общество. Заболел так внезапно и так тяжело! Только концовка правительственного сообщения и помогала людям не впасть в отчаяние:

«Тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности». Мы перечитывали эти строки, и начинала теплиться надежда, что он останется жив. Да, придется долго лечиться, но он будет жить!! Обо всем этом люди говорили на работе, в автобусах, в магазинах. Что ж, пора и подлечиться. Он и так всего себя отдал народному делу. Не щадя своего здоровья, даже перешагнув рубеж 70 лет, постоянно работал ночами. Такое напряжение, конечно, свалит любого. Подавляющее большинство чисто по-человечески желали ему здоровья, а некоторые высказывали опасения и за будущее государства. И, думаю, основания для таких опасений были.

Жизнь показала, что надо было во всех звеньях управления больше тревожиться за судьбу Отечества, чтобы к руководству страной не пришли случайные, неспособные руководить такой махиной, как Советский Союз, люди. А ведь именно такие и пришли. И все потому, что не было и нет такого государственного механизма (и партийного тоже), который препятствовал бы допуску авантюриста или потенциального предателя на пост главы государства, а если он все же прорвался на этот трон, то чтобы с помощью этого механизма его можно было бы немедленно убрать. Разумеется, при жизни Сталина об этом должен был позаботиться сам Сталин. Однако он этого не сделал. Видимо, переоценил возможности своих соратников, закаленных в борьбе с троцкизмом, с гитлеризмом, фашизмом и другими аномалиями общества. Возможно, были и другие причины. Но защитить пост главы государства от случайностей мы не смогли. А волюнтаристы и прочие авантюристы всегда и везде отличались

цинизмом, напором и открытым хамством. В борьбе за власть они использовали все средства, вплоть до интриг во всех партийных и государственных эшелонах. Причем интриги эти готовили почву задолго до решающего шага.

Так было у Хрущева, так впоследствии произошло у Горбачева и Ельцина.

…После первого информационного сообщения о тяжелой болезни вождя было передано и напечатано еще несколько сообщений. Но если вначале были какие-то надежды, то последующие бюллетени о состоянии здоровья Сталина этих надежд уже не давали. Страна притихла, стала сосредоточенной. На работе и на улицах люди были молчаливы, озабочены и суровы. Занятия у нас в академии шли через пень колоду. Едва начинался очередной урок, как мы уже ждали перерыва в надежде услышать что-то дополнительное и, конечно, утешительное.

Однажды, когда мы ждали преподавателя, слушатель нашей группы подполковник Крекотень в полной тишине вдруг сказал:

— Да, конечно, он сделал для страны и народов мира неоценимо много…

Это у него прозвучало так, как вроде бы вождя уже отпевают, вроде уже он умер. Все обрушились на него как ураган, что он бесчеловечен, что весь народ в ожидании, что все обойдется, а он уже служит панихиду, что он, т. е. Крекотень, всегда был такой странный. И вдруг во время нашей перепалки входит старший тактический руководитель нашей группы полковник Самаркин и спрашивает:

— Что тут происходит?

— Товарищ полковник, да тут у нас небольшое недоразумение произошло с подполковником Крекотенем, но все уже улажено, — доложил старший группы Кузьма Васильев.

— На то он и Крекотень, чтобы будоражить людей, — коротко резюмировал полковник Самаркин.

Крекотень молчал. Действительно, не первый раз он заводит ребят. Но сейчас это было совершенно неуместно. Возможно, на реплику Самаркина другой офицер ответил бы резко, но Борис Крекотень ее проглотил. А я в тот момент почему-то вспомнил, как в свое время Самаркин степенно знакомился с нашей группой. Все сидели за своими столами, а он зачитывал фамилию очередного. Тот поднимался, а Самаркин продолжал зачитывать по анкете все его данные, затем задавал несколько вопросов по службе. Когда же он дошел до подполковника Крекотеня, тот шустренько поднялся, сделал шаг в сторону и стал в проходе, явно желая обратить на себя внимание. Самаркин внимательно взглянул на него и, судя по последовавшему затем диалогу,

оценил его по «достоинству». Дойдя до графы «национальность», Самаркин спросил:

— Товарищ Крекотень, разве вы украинец?

— Я родился на Украине!

— Да, на Украине живут люди многих национальностей. Вы сами украинец?

— Я чистокровный киевлянин, товарищ полковник.

Самаркин обвел группу взглядом — мы все, естественно, весело улыбались, — заключил:

— Так и будем считать — чистокровный киевлянин.

Да, мудрый полковник Самаркин с той самой первой встречи понял, что Крекотень есть Крекотень.

…Утром 5 марта 1953 года по радио сообщили, что Иосиф Виссарионович Сталин умер.

Вся страна погрузилась в траур. Весь народ искренне скорбел, глубоко сожалел. Наше общее горе было безмерно. А Волкогонов без всякого стыда пишет: «Большинство испытывало одновременно и печаль и облегчение» (там же, с. 197). И хотя эти слова были сказаны о тех, кто стоял у смертного одра, но они никоим образом не отражали истину. Все без исключения были потрясены и тяжело переживали эту невосполнимую утрату. Не сомневаюсь, что и Берия был в их числе, хотя многие его показывают в ином свете. Я не исключаю коварства со стороны лично Берии, но обсолютное большинство руководства страны и народа в целом глубоко переживало смерть Сталина.

Меня всегда поражала и поражает способность некоторой категории людей (и даже военных) перевоплощаться.

Кто такой Д. Волкогонов? Как он сам пишет, родился он в Забайкалье, в 1928 году. Что касается национальности, то говорит, что русский. Но явно видно, что он такой же русский, как Крекотень — украинец. Естественно, на войне не был, но, как и все дети военного времени, горя хлебнул. Однако сталинское советское время помогло ему окончить Военно-политическую академию имени В.И.Ленина и с тех пор «застрять» в Москве. Что такое замполит полка, начальник политотдела дивизии, корпуса, армии, округа — знал понаслышке. После академии в войсках бывал в основном во время экскурсий и поездок начальника Главпура А. А. Епишева. Вообще же обретался только на московском паркете, где получил кандидата философских наук, а потом и доктора этих же наук, профессора, и дослужился от капитана до генерал-полковника, заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Один из друзей маршала Николая Васильевича Огаркова

Виктор Васильевич Пивоваров однажды, когда у нас зашел разговор о нашем главпуре, рассказал мне об этом профессоре забавную историю.

— Захожу утром по служебному вопросу к Алексею Алексеевичу Епишеву. В приемной никого нет. Дверь в кабинет к начальнику приоткрыта. Заглядываю, рассчитывая увидеть там дежурного, но увы. Захожу в кабинет, направляюсь в комнату отдыха — думаю, что дежурный наверняка здесь. Но, поравнявшись со столом начальника, почувствовал, что там кто-то сидит. Отодвигаю кресло, а оттуда выползает Волкогонов. Спрашиваю: «Ты что там делаешь?» «Да, вот, мастерю, — отвечает он. — У Алексея Алексеевича замерзают ноги, когда он долго работает за столом. Мы ему сделали вот эти полуваленки. Он туфли снимает, а ноги в эти валенки. Все нормально. Сейчас вот хочу прикрепить их к полу, чтобы можно было быстро снимать и надевать — без рук. А туфли у него свободные. Он быстро их надевает, если вдруг кто-то пришел». Это ж надо! Такое сооружение…

Выслушав рассказ, я тоже, в свою очередь, спросил Виктора Васильевича:

— А вы не порекомендовали Волкогонову предложить своему начальнику, чтобы тот вообще залез на печку и грелся там? Зачем мастерить такие приспособления? Ведь все равно толку с него нет, с Алексея Алексеевича. Он пережил четырех министров обороны, а в начале 50-х еще и одного министра госбезопасности. Всех министров устраивал, хотя они были полярно противоположными по характеру, взглядам и методам действий. Устраивал потому, что не высовывался, не перечил, поддакивал, не отставал — шел всегда в затылок. Ну, а самое главное — что он за эти годы сделал? Воспитал плеяду аморфных, беспринципных политработников. Хотя там, где были «самородки», т. е. настоящие политработники, с душой и сердцем, которые горели на работе, всячески помогали командиру, — там был порядок. И таких было много. Из крупного звена таким были — заведующий административным отделом генерал Миронов (его сменил Савинкин — такой же, как и Епишев), члены военного совета округов (группы войск) — генералы Липодаев, Мальцев, Можаев, Медников, Нечаев.

Виктор Васильевич слушал и понимающе улыбался. А я все доказывал ему (хотя он в этом и не нуждался — я же просто выпускал пар), что офицер, тем более политработник, не должен быть беспринципным. Работая же возле Епишева, поневоле станешь таким. Вот и Волкогонов с его угоднической душонкой попал в самые благоприятные для выращивания своих низменных

качеств условия. Фактически, не понимая солдат и офицеров, не представляя, что такое партийно-политическая работа в полку или в дивизии, он стал заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Почему? Потому, что был мастером холуяжа, отлично писал доклады (ничего не скажешь), своевременно подсказывал «дельные» мысли, готовил начальника к большим совещаниям и т. д. Ну, как тут расстанешься с таким «кладезем мудрости»?

А этот «кладезь», триумфально продвигаясь по лестнице Главпура от поста к посту, все больше и больше обрастал мохом хрущевской «оттепели», проникался диссидентскими взглядами, горбачевскими «гласностью и демократией», а особенно «общечеловеческими ценностями». И ничего национального, отечественного, патриотического, тем более советского и социалистического. Вначале «взялся» за Сталина, потом ему не понравился Ленин, затем государственный строй в СССР и, наконец, добрался до Великой Отечественной войны.

В 1990 году под руководством министра обороны, маршала Советского Союза Д. Т. Язова на коллегии Министерства обороны проводилось заседание главной редакционной комиссии по подготовке истории Великой Отечественной войны. Председателем ее был Волкогонов. Предварительно все мы, члены коллегии, получили на руки первые три тома рукописей, которые предполагалось утвердить на этом заседании.

Подготовленные материалы представляли собой неприкрытую ложь, в них был извращен начальный период войны. Я был вынужден резко выступить и потребовать заново представить все материалы, воспроизвести все события так, какими они были, и отстранить Волкогонова от должности главного редактора по изданию «Истории Великой Отечественной войны», поскольку он умышленно, в угоду антисоветским силам искажает нашу историю.

Многие меня поддержали. Министр обороны, подводя итоги обсуждения, говорил о таланте Волкогонова, о том, что им удачно (?!) написана книга «Триумф и трагедия», а вот при написании истории войны действительно имеют место искажения фактов. Вообще, спустил остроту вопроса на тормозах, не согласившись, что и материал надо переделать, и главного редактора заменить. Уверен, что такой лояльный подход Дмитрия Тимофеевича был обусловлен тем, что Горбачев книгу Волкогонова «Триумф и трагедия» оценил весьма положительно. Ну а министру вроде грешно отклоняться от линии генсека. Так всегда было. А как иначе?

Этот эпизод на заседании, когда было четко и ясно видно, что

Волкогонов всё предал и, держа нос по ветру, нюхом чуял, кто и что должен делать в складывающейся обстановке (в том числе к кому и на каком этапе надо примыкать), остался в моей памяти. Поэтому я в октябре 1993 года совершенно не удивился, когда мне сообщили, что это Волкогонов вместе с генералом Кобецем пригнал танки в Москву для расстрела Верховного Совета РФ. Оказывается, именно они ездили в подмосковную дивизию и специально отбирали добровольцев-палачей, посулив им большие деньги за выполнение омерзительной миссии, которая навеки оставила черное пятно на исполинском благородном теле наших Вооруженных Сил.

Конечно, это гнусное дело могли сделать именно они, Волкогонов и Кобец, которые сами вызвались возглавить оперативную группу для этой цели. Это не люди, это черви. И не просто черви, а вот те, о которых пишет Валентин Пикуль в «Каторге».

…Тяжелые это были дни — дни болезни Сталина. Но особенно тяжелым был день его смерти и дни траура.

Вся Москва, всё Подмосковье — миллионы людей вышли на улицы столицы, чтобы проститься с вождем. Тысячи, десятки тысяч людей приехали из ближайших областей — Брянской, Владимирской, Калужской, Орловской, Ярославской и других. Огромное количество людей на самолетах и поездах добирались до Москвы со всех концов страны, все улицы города в радиусе Садового кольца в дни прощания со Сталиным были забиты народом. Такого никогда не бывало ни до, ни после смерти Сталина. В результате давок были жертвы. Для поддержания порядка были подтянуты войска МВД, а также задействован весь Московский гарнизон, в том числе военные академии.

Нашей академии отвели район непосредственно возле Колонного зала, где был установлен гроб с телом Сталина. Дежурили по сменам, свободные от службы слушатели организованно вставали в общий поток и тоже прощались с вождем. Гроб был установлен высоко, но так, что Сталина можно было хорошо рассмотреть. Мы, слушатели Военной академии им. М. В. Фрунзе, имели возможность позже еще раз увидеть Сталина — уже в Мавзолее, когда его тело было уложено рядом с телом Ленина. Но в Колонном зале почему-то мне удалось рассмотреть его лучше. Мне казалось, что он не умер, а лишь уснул и в любой момент может подняться. Лично я, как ни тяжело было на душе, все еще не мог поверить, что Сталин умер.

Три дня народ шел в Колонный зал. Это были люди всех возрастов, всех национальностей, профессий и верований. И все они не скрывали свою скорбь. Многие плакали. Люди прощались

с человеком, который олицетворял для них нашу гигантскую страну, жил для народа и сделал так много и для всего Отечества, и для каждого из нас.

В те траурные дни было обнародовано несколько партийно-правительственных сообщений. Они, несомненно, сыграли важную роль в укреплении народного духа. В частности, было объявлено, что Президиум ЦК партии утвержден в количестве 10 человек (вместо 25): Маленков, Молотов, Берия, Ворошилов, Микоян, Хрущев, Булганин, Каганович, Сабуров и Первухин. Эти деятели народу были хорошо известны, и все надеялись, что управление страной и партией находится в надежных руках. Председателем Совета Министров назначен Маленков (хотя он был в этой должности и при Сталине, а как известно, последний знал кадры прекрасно и фактически ошибок в подборе людей не допускал).

Было объявлено, что похороны состоятся 9 марта на Красной площади. Здесь же сообщалось, что принято решение о строительстве пантеона, в который со временем будут перенесены саркофаги с телами Ленина и Сталина, а также останки выдающихся лиц, захороненных у Кремлевской стены. Сделано было сообщение и о создании правительственной комиссии по организации похорон. Председателем комиссии был назначен Хрущев, что у многих вызвало удивление. Почему-то ожидали (во всяком случае у нас, в академии), что председателем будут Маленков или Молотов. 9 марта войска, предназначенные для последнего торжественного прохождения, а также лица и организации, приглашенные на похороны, заполнили Красную площадь задолго до начала траурной церемонии.

Войска стояли батальонными колоннами буквой «Г», напротив Мавзолея и трибун. Головные батальоны, в том числе нашей академии, стояли у Исторического музея. Представители общественных организаций пристроились позади войск, а многочисленные гости, в том числе и зарубежные, до отказа заполнили трибуны.

Среди гостей, близких к нашему народу, были Отто Гротеволь, Клемент Готвальд, Георге Георгиу-Деж, Болеслав Берут, Вылко Червенков, Урхо Кекконен, Чжоу Эньлай, Юджагийн Цеденбал. Они и другие высокие гости сосредоточились сразу справа от Мавзолея. Здесь же были и послы. А военные атташе и военные представительства иностранных государств находились слева от Мавзолея.

Над Москвой висело хмурое, свинцовое небо — тоскливое, тяжелое. Все замерло в ожидании. Потом нам сообщили, что саркофаг с телом Сталина, установленный на лафете, в

сопровождении руководства партии и правительства, родственников и близких Иосифа Виссарионовича двинулся от Колонного зала к Красной площади. Впереди лафета с гробом прославленные полководцы несли на красных шелковых подушечках правительственные награды Сталина. Среди этих маршалов и адмиралов были Буденный, Тимошенко, Василевский, Говоров, Конев, Соколовский, Малиновский, Мерецков, Богданов.

Процессия двигалась около получаса. Когда голова колонны начала подниматься уже на Красную площадь, мы почему-то увидели одинокую фигуру военного коменданта города — генерал-лейтенанта Синилова. Он шел как-то неуверенно, какими-то зигзагами, постоянно посматривая по сторонам и оглядываясь на траурное шествие. Когда он был уже почти у Мавзолея, мы увидели голову колонны. Разобрать лица было трудно, правда, потом мы узнавали их по газетным снимкам. Однако в те минуты все внимание было сосредоточено на саркофаге. Через стеклянный большой купол был виден Сталин. Он, как магнит, притягивал к себе.

Но вот шествие остановилось. Гроб с телом перенесли на высокий постамент перед Мавзолеем. Лафет отъехал, а маршалы с орденами остались у гроба Сталина. На трибуну Мавзолея поднялась небольшая группа руководителей страны и гостей. Среди них были Булганин, Берия, Ворошилов, Каганович, Маленков, Молотов, Микоян, Первухин, Сабуров, Хрущев, Шверник. Из иностранцев — Готвальд, Дюкло, Ибаррури, Кенни, Ракоши, Червенков. На митинге выступали руководители нашей страны, сожалели о такой тяжелой утрате, давали клятву верности нашим коммунистическим идеалам и заверяли народ в том, что у нас есть все возможности для дальнейшего развития страны. В памяти остались отрывочные фразы — все мысли были о Сталине.

Подавляющее большинство нашего народа и народов мира сожалели, что Сталин умер. Его уход оплакивал весь народ, а не только соратники. Оценивая его жизненный путь, люди видели, что он действительно жил для народа и совершенно ничего не делал для себя лично, своих близких и родственников. Не позволял также, чтобы его товарищи и соратники допускали в своем быту излишества. Но главное — куда вел и куда привел страну! После безвременной смерти В. И. Ленина, не будь Сталина с его могучим государственным умом и железной волей, страна была бы обречена. В 20-е годы под давлением Троцкого и его приближенных Сталин (очевидно, поддавшись эмоциям) дважды подавал официальное заявление об освобождении его от

должности первого секретаря ЦК ВКП(б), и оба раза Центральный Комитет ему отказал. И правильно сделал.

Можно себе представить, что было бы в противном случае. Уходит Сталин, первым секретарем и главой страны становится Троцкий. Надо с уверенностью сказать, что пропал бы народ и вся страна. Вот это был действительно палач! Нет смысла перечислять кровавые деяния Троцкого, но то, что наша страна была бы обречена, сомнений нет.

Нет смысла еще раз перечислять и достижения социализма при Сталине. Не было бы Сталина — не было бы ни индустрии, ни высокоразвитого сельского хозяйства, ни высокой культуры и науки, ни высокой образованности населения, ни мощной обороны, ни космоса и освоенной атомной энергии. И, конечно, не было бы и Победы в Великой Отечественной войне, как и прославленных полководцев. А в целом — не было бы Великой Державы.

Писательские способности, данные природой волкогоновцам, держащим нос по ветру, с учетом «требований времени» были полностью посвящены разрушению социализма и страны и всяческому, самому изощренному охаиванию Сталина — человека, который, как и Ленин, и Дзержинский, и Молотов, и Косыгин, как и многие другие руководители, полностью отдал себя и свою жизнь на алтарь Отечеству.

Сейчас принято сомневаться в той славе, которую вождь обрел при жизни. Ну, еще бы! Ведь он-де был диктатором! Его-де воспитывали «по службе», а не «по душе». Но у меня, например, нет никаких сомнений, что Сталин заслужил эту славу, его прославил сам народ. И это подтверждает вся последующая жизнь после его смерти. Как уродливо и убого выглядело большинство из лидеров нашей страны после Сталина! Даже слово «лидер» никак не вяжется с такими, как Хрущев, Горбачев, Ельцин. Вот «разрушитель» — да, это в самый раз. А Горбачев, как и Ельцин, еще и гнусный предатель, взяточник и политический махинатор.

Сталин заложил основы социализма, построил великую державу. А эти холуйствующие «политологи», «историки» и прочие флюгеры, захлебываясь от ненависти, пишут, будто Сталин вверг страну в глубокий кризис, общество обречено было, по их «формуле», на отставание, оно якобы деградировало.

Какая величайшая гнусная ложь! К сожалению, эта ржавчина разъедает сознание не искушенных в политических играх слоев населения, и в первую очередь молодежи, которая не знала, что такое война, какие трудности пережил наш народ в послевоенный период, какой путь прошла страна за годы Советской власти. Ей сложно ориентироваться в политической обстановке, тем более

что альтернативная информация почти отсутствует, а СМИ и телевидение находятся в руках псевдодемократов. А только «Советская Россия», «Правда», «Завтра» и «Гласность» по своему немногочисленному тиражу и стоимости не могут охватить всю Россию.

Был ли Сталин застрахован от ошибок? Нет, конечно, как и любой деятельный, энергичный человек. Например, он излишне доверился академику Лысенко, который нанес ущерб нашему сельскому хозяйству, недооценил (тоже по рекомендации некоторых ученых) новое направление в науке — кибернетику. Естественно, это сказалось на народном хозяйстве, на развитии современных технологий. Были просчеты и в кадровой политике, имели место случаи, когда пострадали невинные люди — по доносам холуйствующих мерзавцев. Несомненно, это больно и горько. Но нельзя судить об этом в отрыве от реальной обстановки того времени. Если же говорить объективно, то все великое, грандиозное, что сделал Сталин, не может идти ни в какое сравнение с его ошибками и просчетами. Плывущие на безбрежном ясном голубом небе две-три тучки не могут затмить солнце.

Волкогоновы же договорились до того, что Сталин ничего позитивного после себя не оставил. При этом подразумевалось, что вот Хрущев, Горбачев и Ельцин — оставили.

Философ, социолог, писатель Александр Зиновьев (заметьте — диссидент, в свое время был выпровожден из Советского Союза) в статье «Искание истины», опубликованной в «Советской России» 22.11. 97 года, пишет: «Вот, например, Горбачев — вылез на вершины политики. И что — по способностям? Он способный прохвост, карьерист и холуй. Ведь вылез по этой способности!»

А вот что А. Зиновьев пишет в этой же статье о Сталине: «Я прошел всю войну. Я изучал это (войну) внимательнейшим образом. Раньше я был антисталинистом, собирался Сталина убивать. Потом только понял. Нужно много-много думать, чтобы разобраться. Я думаю, что, останься Тухачевский, — не было бы Советского Союза к концу 1941 года… Сталин был великий стратег, военный. Он не полководец, как Жуков… Но если бы Жуков стал во главе страны, страна была бы разгромлена… Всему свое место… Сталин был политический стратег, был уникальным явлением».

Комментарии излишни. Я полностью разделяю мнение А. Зиновьева и низко кланяюсь ему за объективную и сильную оценку Сталина.

Рейган еще до прихода к власти в ходе предвыборной кампании вешает на Советский Союз ярлык — «Империя зла».

Волкогонов в угоду Западу, и в первую очередь США, изобретает свой ярлык Сталину — «олицетворение зла». Холуйствуя перед своими отечественными и западными хозяевами, договаривается до того, что будто у Сталина нет связи и гармонии между политикой и моралью, что для человека у нас уготовлена лишь одна судьба — он должен идти от одного преступления к другому, что триумф Сталина — это трагедия народа и что это должно быть вечным предостережением для всех нас.

Вот так-то! Олицетворение зла и всё тут!

А как же быть с заявлениями великих людей, отнюдь не испытывавших любви к Советам, к социализму, к Советскому Союзу и тем более к Сталину?! Я уже не раз говорил о Черчилле и еще раз хочу о нем вспомнить, как он, восхищаясь Сталиным, заявлял: это большое счастье русских, что у них был Сталин. Как быть с этим заявлением Черчилля? А как это «олицетворение зла» соотнести с введенным впервые в мире бесплатным образованием (причем вначале обязательным восьми-, а затем и десятиклассным), бесплатным здравоохранением, бесплатным жильем, отсутствием безработицы, символической платой за путевки в санатории, ежегодным строительством тысяч школ, техникумов, институтов, Домов культуры, Дворцов пионеров, пионерских лагерей, театров, кинотеатров, музеев, библиотек? А строительство промышленных гигантов, гидростанций, целых городов, внесение цивилизации туда, где до Сталина и Советской власти вообще жили как на другой планете, где настоящая человеческая жизнь только зарождалась.

Как это все увязать с «олицетворением зла»?

А чего стоит такая вот претенциозная сентенция, будто бы Сталин боялся, что «…угрюмая, застывшая в своей долгой неизменности держава может оказаться не в тех руках…».

Она, наша держава, менялась не по годам, а по месяцам. О какой «угрюмости» и «застывшем положении» может идти речь, если у нее темпы прироста народного хозяйства составляли 12–15 % в год. Ни одна страна в мире не имела таких темпов! Потому-то Запад, видя в лице Советского Союза главного соперника и основную угрозу для своих режимов, развязал «холодную войну». Именно эта, развернутая Западом «холодная война» была препятствием к мирному сосуществованию и движению к взаимовыгодному сотрудничеству путем компромиссов и соглашений, за что постоянно выступал Советский Союз. Именно здесь надо искать причину накала международной обстановки и конфронтации.

А вот якобы с высказанными Сталиным опасениями о том, что страна может попасть не в те руки, надо согласиться —

опасения были не напрасны. Хотя волкогоновы имеют в виду совершенно другое — вроде бы замечания Сталина в адрес Молотова и Маленкова давали основания для таких утверждений. Мы же, зная глубокую прозорливость и способность Сталина на предвидения, можем с полным основанием предполагать другое: он боялся, что к власти могут прийти авантюристы, волюнтаристы и просто предатели. И он оказался прав, а руководство партии не прислушалось к мудрому голосу вождя.

Что же касается определения характеристики рубежа с момента смерти Сталина и особенно с проведения XX съезда нашей партии, то это было началом не реформизма, а развала нашей мощной державы во всех основных областях, цементирующих государство. И это неопровержимо подтвердила жизнь.

Конечно, в день похорон Сталина, когда мы стояли строем на Красной площади и наблюдали за всем происходящим, ни о чем таком мы и думать не могли. У всех на душе было тяжело в связи с этой действительно невосполнимой утратой. Наверное, все думали об одном и том же: а как сложится дальнейшая судьба нашего народа, который сделал нашу Державу под руководством советских предводителей и, в первую очередь, Сталина Великой.

Но мы не могли в то время предположить даже десятой доли того, что произошло за последующие 40 лет! Пресмыкающиеся перед Западом говорят: с этого временного водораздела началась оттепель. Какая? Ведь и при гниении тоже исходит тепло — вместе со смрадом и разложением, развалом. Если речь идет об этом, то верно: хрущевская «оттепель» стала предвестием горбачевско-ельцинского развала, разлома государства.

Мы стояли в строю и думали о судьбе страны, о нашем народе, о наших семьях, о себе. Думали обо всем этом, но не предполагали, что нас впереди ждет еще невиданная борьба, что мы станем свидетелями пренебрежительного отношения власти к армии и к народу в целом.

Траурный митинг на правах председателя Правительственной комиссии по организации похорон открыл Хрущев. Первым он предоставил слово Маленкову. Глядя на вождя, который уже был по ту сторону мира, хотя дух его присутствовал среди нас, он сказал, что наша партия, советский народ, все человечество понесли тягчайшую, невозвратимую утрату, что глубокую скорбь советского народа разделяет все передовое и прогрессивное человечество. И перечислил главные заслуги вождя перед социалистическим государством, перед народом и коммунистической партией.

Прощай, наш учитель и вождь, наш дорогой друг, родной

товарищ Сталин! — заключил он сердечно.

Затем выступил Л. П. Берия и, наконец, В. М. Молотов, самый близкий, на мой взгляд, соратник Сталина. Его речь была особенно сильной и мужественной перед лицом нашей великой потери.

Во всех выступлениях отдавалась благодарная дань великому человеку, его деяниям на благо всей страны и народа. Никаких истерик и пустых славословий. Речь каждого из выступавших была обращена в будущее. Они призывали народ к бдительности и сплочению, дали клятву, что партия не изменит курса и поведет народ по верному пути.

Траурная церемония окончена. Тело И. В. Сталина внесли в Мавзолей. После небольшой паузы, отдавая последние почести вождю, по Красной площади прошли четким строем войска Московского гарнизона, в основном — военные академии…

Добравшись домой, мы выпили по чарке за упокой. И еще много, много дней и в кругу слушателей академии, и в кругу семьи и друзей обсуждали эту утрату, тем более что в газетах продолжали публикацию телеграмм, писем, обращений по поводу смерти Сталина. Они шли со всех концов Земли — от правительств зарубежных государств, от различных трудовых коллективов нашей страны, множество частных писем. Естественно, в печать попала только небольшая часть писем — полностью их не смогли бы напечатать даже все газеты Советского Союза, столь велико было горе простых людей во всех странах мира. Но и те, что были напечатаны, поддерживали дух народа.

Через 40 дней мы с группой слушателей пошли к Мавзолею. Над входом в него на мраморном фронтоне было выбито в две строки:

ЛЕНИН

СТАЛИН

Мавзолей был закрыт. Как объявили, доступ будет открыт к ноябрьским праздникам.

В этот же день мы со своей маленькой семьей — жена, двухлетний сынок и я, а также проживающий в нашем переулке слушатель нашего курса академии подполковник Игнатьев с женой сходили на кладбище Новодевичьего монастыря к могиле

Надежды Аллилуевой — нам хотелось хоть как-то отдать дань памяти Сталину.

Наверное, под впечатлением от посещения могилы трагически ушедшей из жизни жены Сталина, мы невольно вспоминали все легенды, что бытовали вокруг смерти Аллилуевой и ее похорон. Поскольку эти события произошли в бытность учебы моего отца в Промышленной академии, где в свое время, как я уже писал, училась и жена Сталина, то я, конечно, поведал моим спутникам рассказ моего отца, который, состоя в партийном активе академии, мог располагать определенными сведениями.

Известно, что Надежда Аллилуева по характеру была холериком, с неуравновешенным характером. В то же время была очень восприимчива ко всем жалобам. Естественно, этим кое-кто пользовался. Кстати, жена Калинина и жена Молотова — Полина Жемчужина нашептывали ей, что Сталин недостаточно внимателен к некоторой категории интеллигенции и что надо было бы ему сказать, чтобы он рассмотрел этот вопрос.

Аллилуева не нашла ничего лучшего, как «выпалить» это все во время товарищеского ужина в узком кругу в Кремле. Как и следовало ожидать, Сталин на этот выпад ответил, что это не их, женщин, дело, а дело Политбюро и вмешиваться в эти вопросы не следует. Аллилуева вспылила, встала и ушла. Придя к себе на квартиру, взяла пистолет и застрелилась. Кстати, этот пистолет, миниатюрный браунинг, подарил ей брат первой жены Сталина Екатерины Сванидзе, умершей в молодости, Алеша Сванидзе. Он же одновременно подарил Сталину бритву — большое открытое лезвие, изготовленное немецкой фирмой «Золинген». Сталин каждый раз, когда брился, говорил: «Немецкая бритва… Надо ее выбросить. Но жаль — хорошо и мягко выбривает».

Вот так подарок Надежде стал роковым. Женщине, на мой взгляд, уместнее дарить все же духи, а не оружие. Но, видимо, тот подарок больше соответствовал «ррреволюционному» времени.

О похоронах жены Сталина тоже написано много неправды. На самом же деле все происходило так. Приглашенные, в том числе и группа от Промышленной академии, собрались на Зубовской площади. Гроб был установлен на катафалке. Сюда же прибыл и Сталин. Он шел за гробом среди родственников, шел с непокрытой головой по всей Большой Пироговской улице до уже отрытой могилы на Новодевичьем кладбище и был там до окончания погребения. Затем, забрав в машину дочь и сына, уехал на квартиру в Кремль. А все эти россказни о том, что его будто бы не было на похоронах, — чья-то злая фантазия. Смерть жены, бесспорно, была большой утратой для Сталина.

Смерть же самого Сталина была для страны не просто трагедией, а настоящим обвалом духа народного. Да, это был хоть и временный, но обвал. Несомненно, ликовали те, кто законно или незаконно был при нем обижен. А такие были. Ликовали также и, в первую очередь, те на Западе, кто понимал, что, пока жив Сталин, Советский Союз будет великим и будет гигантскими шагами идти вперед и представлять для мирового капитализма главную опасность. Они вдвойне ликовали, когда к власти пробрался Хрущев. Он стал манной с неба для всего Запада.

Находясь в трауре и в печали, народ, однако, совершенно не мог и предположить, что против Сталина будет организовано такое общегосударственное глумление, как XX съезд КПСС или перезахоронение вождя. Через восемь с половиной лет после смерти, ночью по-воровски, за спиной народа (как и подобает современным демократам), выносят тело Сталина из Мавзолея и опускают гроб в могилу у Кремлевской стены, а затем как ни в чем не бывало объявляют стране, что «по просьбе трудящихся» Сталина перезахоронили. Это была гнусная циничная ложь! С такой просьбой могли обратиться разве только обиженные, но и они вряд ли сделали бы это. Но и у Ленина были и есть обиженные. И даже у нашего светилы от медицины Пирогова тоже были и есть обиженные, но он забальзамирован и лежит в своеобразном мавзолее-музее в городе Виннице. Лично побывал там и считаю, что Пирогов заслужил эти посмертные почести. А возьмите Наполеона. У него что — не было и нет во Франции врагов? Полно! Но народ его считает национальным героем, потому-то огромный, из красного мрамора, гроб с его телом не предан земле, а установлен на высочайшем пьедестале в громадном пантеоне для обозрения человечеству на веки вечные.

XX съезд КПСС, на котором вершилась расправа с мертвым Сталиным, конечно, стал историческим в смысле позора для нашей партии, народа и страны. Прежде, чем проводить этот съезд, Хрущев убрал всех, кто мог разоблачить его лично или в чем-то помешать, и, в первую очередь (я повторяю) он убрал Берию, Абакумова и других, а также вычистил все архивы в Киеве и Москве, чтобы ликвидировать свои следы и компромат на себя.

Но интересное дело — уже через несколько месяцев после смерти Сталина, меня — а я учился на третьем курсе — начали вызывать в особый отдел академии (КГБ). Точнее, вызывали в отдел кадров, а беседу вел работник особого отдела. Разговор был более чем странный:

— Ваша фамилия Варенников?

— Да.

— Что «да»?

— Моя фамилия Варенников.

— Имя и отчество?

— Валентин Иванович.

— Вы сын Ивана Семеновича Варенникова?

— Нет, я сын Ивана Евменовича Варенникова.

— Вы знаете генерал-лейтенанта Варенникова Ивана Степановича?

— Нет, не знаю, точнее, лично не знаю, но о нем слышал.

— Когда, где и что вы слышали?

Мне приходилось подробно рассказывать о событиях под Сталинградом, о том, как там я узнал, что начальником штаба фронта является генерал Варенников Иван Семенович. Что касается моего отца, то он пенсионер, инвалид, проживает в настоящее время в городе Сухуми.

Собеседник на этом разговор заканчивал, но предупреждал, что меня еще вызовут. И действительно, через день-другой меня опять приглашали в тот же кабинет, и уже другой офицер, тоже подполковник, задавал те же вопросы. Естественно, я давал те же ответы. И это продолжалось две недели. Наконец, я обратился к парторгу нашего курса — подполковнику Юденкову. Он был как бы замполитом курса. Мы сидели у него в кабинете. Я рассказал ему всю ситуацию. Он молчал, отведя взгляд куда-то в сторону. Чувствовалось, что он хотел что-то сказать мне (сказал только по окончании учебы), но не мог. Лишь посоветовал: «Я знаю, что вас, как и некоторых других, чьи дипломные работы взял под личный контроль начальник академии генерал армии Курочкин, он периодически вызывает на собеседование. Думаю, что будет очень кстати в конце такого разговора обратиться по личному вопросу и доложить сложившуюся ситуацию. При этом сделать акцент на то, что это вас тревожит и, конечно, сказывается на подготовке дипломной работы.

Не успел я вернуться в свой класс-аудиторию, как вдруг мне сообщают, что через два часа я должен быть у начальника академии с дипломной работой. Я даже встал от неожиданности — будто кто-то подслушивал наш с Юденковым разговор и принял меры. Это было везение. Быстро просмотрев письменный доклад (а мы все его готовили и корректировали каждую неделю) о состоянии подготовки дипломной работы, разложил свою огромную карту и «пополз» по ней, разбираясь с обстановкой и с местностью (точнее, восстанавливая все в памяти). Начальник академии любил, чтобы мы, не глядя на карту, докладывали обстановку, называя на память все свои части и части противника, их состояние и положение, а также населенные

пункты, высоты, реки и т. д. Потом набросал схему своего короткого доклада и перечень вопросов, которые я намерен уточнить, и указал, с кем или у кого я намерен это делать.

Но никак не мог придумать естественный переход от делового разговора по диплому к своему личному делу. И так, и этак прикидывал, но все выглядело неуместно, неуклюже и даже неприлично. Поэтому к начальнику отправился в несколько подавленном настроении. Знал, что в приемной надо быть не позже чем за 5, а лучше за 10–15 минут до назначенного времени. Дело в том, что начальник академии хоть и педант — вызывал обычно в точно назначенное время, но иногда говорил адъютанту: если придет раньше, пусть заходит.

И в этот раз я зашел в кабинет и представился начальнику за 10 минут до назначенного срока. Начальник академии кивнул:

— Располагайтесь.

Это означало, что я должен был развернуть свою карту на столе «лицом» к нему, а ко мне «вверх ногами», подготовить весь свой справочный материал и доложить: «Я готов». Начальник выходил из-за своего рабочего стола, садился за большой стол, где развернута была моя карта, приглашал меня сесть и спрашивал, как обстоит дело с написанием работы. Я докладывал — подробно, по уже установленной форме, отвечал на встречные вопросы начальника, но они только помогли мне раскрыть лучше всю картину. Затем я перешел к докладу по карте — об обстановке, замыслу действий и т. д. Мы оба поднялись со своих мест и я, ведя по карте небольшой указкой, доложил обстановку, называя воинские части и местные предметы. В конце сообщил, какие вопросы должен еще уточнить. Я чувствовал, что доклад у меня получился. Курочкин при всех его прекрасных качествах, о чем я уже писал, был несколько суховат и скуп на оценки. Но, когда я закончил, он вдруг сказал:

— Спасибо. Хорошо. Вы могли бы работать в крупном штабе.

— Благодарю вас, товарищ генерал армии, — сказал я и сам почувствовал, что меня можно было понять двояко: или — благодарю, но не хочу; или — благодарю и пойду с большим удовольствием. А поскольку я при этом улыбнулся, Курочкин воспринял мой ответ, как не хочу, и поэтому сказал:

— Молодые офицеры, как правило, стараются избежать работы в штабе. А зря. Чтобы стать настоящим военачальником, тем более большого калибра, надо обязательно поработать в штабе. Там раскрываются большие масштабы, вам будет легче оперировать высокими категориями. Вы подумайте. Ну, да это на будущее. А сейчас мы могли бы и закончить, если у вас нет новых «изюминок».

В это понятие начальник академии вкладывал дополнительное включение в уже обработанный замысел новых ярких эпизодов, обогащающих обстановку и делающих действия сторон более динамичными.

— Есть два дополнительных предложения, — сказал я и изложил их. — Первое — действующий в моей работе стрелковый корпус устанавливает через свою разведку связь с партизанами и вместе с ними проводит одну частную операцию по разгрому небольшой группировки противника на открытом левом фланге. И второе — войска корпуса уже в самом начале наступления проводят боевые действия своими резервами и левофланговой дивизией по отражению контратаки противника силой до двух дивизий, тем самым усложняют обстановку не только в полосе корпуса, но и в целом на фланге армии.

Курочкин оживился. Видно, предложения ему понравились. Однако он сказал:

— В отношении партизан. Думаю, что вам не надо в это втягиваться. Во-первых, это прерогатива фронта и даже Ставки, редко — армии. Во-вторых, это очень сложный вопрос, особенно организация взаимодействия сил и средств, действующих с обеих сторон фронта. В-третьих, в том замысле, который у вас уже оформился, партизаны, конечно, должны сосредоточить основные силы, чтобы обеспечить успех на направлении главного удара фронта. Хотя события на флангах часто предопределяют успех всей операции. Вообще, вопрос интересный, но применительно для стрелкового корпуса — тяжеловатый. Вот когда вы разработаете фронтовую операцию, надо будет вспомнить и об этом.

Что касается контрудара по левому флангу (а это не контратака, а контрудар, осуществляемый двумя дивизиями и поддерживаемый артиллерией и авиацией), то он приемлем. Это оживит работу. Но вам надо подумать, кто и как должен действовать, чтобы удар противника был отражен гарантированно, а затем он, понеся потери, отступил. Здесь должны быть сильные аргументы, убедительные доказательства того, что наши войска способны отразить контрудар. Иначе государственная экзаменационная комиссия может посчитать, что противник прорвется, следовательно, провалится наступление, а вместе с этим провалится и ваша работа. Это недопустимо. Но эпизод очень интересный и его надо включить. Итак, будем считать, что вопросы разобраны.

И тут я решился:

— Товарищ генерал армии, большое спасибо за проявленное внимание к моей дипломной работе. Но, прежде чем уходить, я

хотел бы, если вы позволите, доложить один личный вопрос, который меня очень беспокоит.

— Что случилось? — удивленно поднял он брови. Я подробно рассказал о вызовах меня к уполномоченному особого отдела.

— Иван Семенович, Иван Семенович… — генерал провел рукой по гладко выбритой голове, брови опустились и даже нахмурились. — Я его отлично знаю… Вы можете идти и спокойно работать. Я внесу ясность. До свидания.

Вернувшись к себе в класс, я сразу был атакован всей группой: «Ну, как?» Всем было интересно, как прошла встреча с начальником академии. Я подробно рассказал, опустив лишь эпизод с особым отделом. В тот же день повстречался с Юденковым и изложил ему реакцию и ответ начальника академии. Он облегченно вздохнул:

— Теперь, я уверен, вы будете работать спокойно. Есть тут у нас один начальник, который неравнодушен к вам. Вот он, очевидно, и стимулирует особистов.

Юденков не мог назвать мне фамилию этого начальника, но его прозрачный намек и без того был достаточно ясен — это дело рук полковника Шляпникова. Удивительно злопамятный и мстительный человек! Никак не могу понять, почему на должности политработников попадали такие бездушные злые люди, как Шляпников? Это же настоящая беда для армии! Когда нас выпускали из академии, Юденков подтвердил мою догадку. Зато сам Юденков был прекрасным человеком — сразу, с первых слов располагал к себе и потом ни разу не дал повода усомниться в нем как в человеке.

Уже через много лет я узнал, что генерал-лейтенант И.С.Варенников, одно время работавший с маршалом Жуковым, был беспричинно арестован. Дело было состряпано по указанию Берии, но не без причастности Хрущева. В свое время генерал-лейтенант Варенников был начальником штаба Сталинградского фронта, а членом Военного совета этого же фронта был генерал-лейтенант Хрущев. Между ними не только не было никакого согласия, но даже наоборот — они не терпели друг друга. Когда мне довелось впервые встретиться с Иваном Семеновичем Варенниковым в 1966 году, то он, не касаясь своего ареста, отбытия наказания и реабилитации, говорил в основном о войне и, в первую очередь, о Сталинграде.

— У меня там были схватки не только с немцами, но и с Никитой Хрущевым. Он постоянно старался влезать в дела штаба, особенно в планирование. Я ему говорю, чтобы он занимался своим делом, а он мне: «Мое дело везде и всё, я должен знать всё». Я ему: «Знать ты все обязан, но отдавать распоряжения

работникам штаба не имеешь права. Занимайся моральным духом, обеспечением — и будет порядок». Вообще, почти не было того дня, чтобы у нас не было схваток. Однажды мы сцепились в присутствии командующего фронтом Еременко. Дело происходило в моем блиндаже. Комфронта «остудил» нас, а потом говорит: «А ведь Иван Семенович дело свое знает хорошо. Давай не будем ему мешать, пошли ко мне». И увел Никиту. Но тот такой злопамятный и вредный, что мог любому из Ставки наговорить на меня гадостей.

Как видим, спустя годы, взойдя на олимп партийной и государственной власти, злопамятный Никита Хрущев решил отплатить Ивану Семеновичу Варенникову за инциденты под Сталинградом. Репрессивная машина была запущена и задела косвенно — и меня, поскольку я тоже был Варенниковым. Такие вот дела…

Между тем жизнь в академии шла своим чередом. Приближались судьбоносные дни — государственные экзамены, защита дипломных работ. Но время от времени в нашем привычном, однообразном житье-бытье случались пусть не очень яркие, но довольно интересные события. Например, было объявлено «революционное» изменение в форме одежды — шпоры отменялись вообще, а клинки (шашки) — на парадах. В целом это было воспринято «трудящимися» (т. е. слушателями) положительно, но привычка — вторая натура. И хоть мы, открыв окна, демонстративно повыбрасывали шпоры в газоны на радость московским мальчишкам, но на душе осталась грусть: как это мы, Военная академия имени М. В. Фрунзе, будем проходить на параде без клинков?! Ведь они украшали строй, придавали ему остроту, силу. И вдруг идти с пустыми руками…

Но все улеглось и образовалось. И сейчас без клинков «наша» академия, традиционно открывая парад, выглядит прекрасно. Точнее, выглядела. Сегодня военных парадов нет, как нет и никакой боевой учебы в Вооруженных Силах. Все военные думают об одном — как выжить, о чем совершенно не беспокоятся ни Ельцин, ни тем более правительство.

Пока мы готовили свои дипломные работы, на партийном олимпе жизнь шла по своим законам. Хрущев, стремясь утвердиться у власти, развернул «кипучую» деятельность по искусственному созданию антипартийной группировки Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. Фактически Хрущев обрушил удар по остаткам последователей Сталина. Этот удар нанес огромный ущерб стране, партии и народу.

Их так называемая антипартийность состояла в том, что эти

лица выступили против популистского желания Хрущева отличиться с освоением целинных земель в Казахстане и других районах страны. А ведь жизнь показала, что Маленков и Молотов правильно предлагали эти деньги в 65–70 миллиардов рублей вложить в сельское хозяйство Нечерноземной и частично Черноземной зоны Европейской части России. Но отклонение их предложения для Хрущева было одновременно и поводом публично развенчать оставшихся соратников Сталина. Причем сделать это так, чтобы они вообще не могли подняться, то есть опозорить их на всю страну и на весь мир. А так как с Берией Хрущев уже расправился, применив крайнюю меру, то это было наглядным предупреждением для всех, кто не воспринимал хрущевские «реформы».

Сфабриковав дело об «антипартийной группе», Хрущев явил себя мастером инсинуаций и отменным фальсификатором. Во всей этой сотворенной им грязной истории особо опасным и трагичным является то, что авантюристы типа Хрущева (а позже — Горбачева, Ельцина) прорываются к власти и восседают на троне 5–10 лет, беспрепятственно и беззаконно творя свои гнусные дела, а в итоге их «царствований» народ страдает. Но почему должен страдать народ? Почему наши бывшие Верховные Советы, а теперь уже и Государственная Дума не примет, наконец, закон, который бы ограничивал права и возможности правителей? Оставим в стороне идеологию, классовую сущность убеждений, кто каким принципам поклоняется, а возьмем лишь одно — престиж и суверенитет Отечества. Почему этим прохвостам разрешается измываться над страной и народом? Почему из-за их недальновидности или предательства Россия падает все ниже и ниже, теряя свой авторитет, а в конечном итоге и независимость?

Неужели об этом должен заботиться только рабочий, крестьянин, инженер, врач, учитель, ученый и писатель? А что же банкир, бизнесмен, товаропроизводитель — почему этим все равно? Ведь гибнет страна! Эти так называемые лидеры — Хрущев, Горбачев, Ельцин — наносили ущерб во много крат больше, чем самые слабые цари России, включая Николая II, взятые все вместе. Видно, среди состоятельного и тем более богатого слоя россиян ныне почти нет патриотов типа Саввы Морозова. И это печально. Следовательно, основная часть народа не должна на кого-то надеяться. Ее спасение в ее собственных руках: через свои партии и движения продвигать во властные структуры в рамках Конституции своих кандидатов, а далее требовать от них изменений в законодательстве.

И в заключение этой главы хочу вернуть читателя еще раз к XIX съезду партии. Точнее — к Директивам съезда по Пятому

пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы (это второй пятилетний план после Великой Отечественной войны).

Привожу только некоторые фрагменты Директив в самом кратком изложении.

«Установить повышение уровня промышленного производства за пятилетие примерно на 70 процентов при среднегодовом темпе роста всей валовой продукции промышленности примерно 12 процентов.

Увеличить за пятилетку общую мощность электростанций примерно вдвое, а гидроэлектростанций — втрое.

Увеличить за пятилетие мощности заводов по первичной переработке нефти примерно в 2 раза и по крекированию сырья — в 2,7 раза.

Увеличить за пятилетие примерно на 80 процентов добычу природного газа.

В угольной промышленности предусмотреть более быстрый рост добычи угля для коксования, увеличив за пятилетие добычу этих углей не менее чем на 50 процентов.

Повысить в 1955 году по сравнению с 1950 годом выпуск грузовых судов и танкеров для морского флота примерно в 2,9 раза, речных пассажирских судов — в 2,6 раза и судов для рыбопромыслового флота — в 3,8 раза.

Увеличить за пятилетие ввод в действие мощности лесопильных заводов в новых районах развития лесозаготовок примерно в 8 раз по сравнению с вводом в предыдущей пятилетке.

Увеличить производство мебели не менее чем в 3 раза.

Предусмотреть рост производства основных строительных материалов за пятилетие не менее чем в 2 раза.

Обеспечить высокие темпы роста производства предметов массового потребления. Увеличить производство продукции легкой и пищевой промышленности не менее чем на 70 процентов.

Главной задачей в области сельского хозяйства и впредь остается повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, дальнейшее увеличение общественного поголовья скота при одновременном значительном росте его продуктивности, увеличение валовой и товарной продукции…»

И далее спланированы рост урожайности по основным культурам, повышение поголовья и продуктивности в животноводстве, определены мероприятия на будущее. Например, такие:

Обеспечить дальнейшее расширение работ по полезащитному лесоразведению в степных и лесостепных районах, проведение агролесомелиоративных мероприятий по борьбе с эрозией почв, а также по облесению песков, создание лесов хозяйственного значения, зеленых зон вокруг городов и промышленных центров, по берегам рек, каналов и водохранилищ.

Заложить в течение пятилетия не менее 2,5 миллиона гектаров защитных лесных насаждений в колхозах и совхозах и около 2,5 миллиона гектаров посевов и посадок государственных лесов.

Довести в 1955 году уровень механизации: пахоты, посева зерновых, технических и кормовых культур до 90–95 процентов, уборки зерновых культур и подсолнечника комбайнами до 80–90 процентов.

Увеличить к концу пятилетки мощность тракторного парка МТС примерно на 50 процентов.

Для обеспечения намечаемого роста сельскохозяйственного производства установить на пятилетие объем государственных капиталовложений в сельское хозяйство примерно в 2,1 раза больше, причем на ирригацию и мелиорацию примерно в 4 раза больше, чем в четвертой пятилетке.

Но самыми впечатляющими стали показатели роста материального благосостояния, здравоохранения, образования и культуры советского народа. Достаточно сказать, что увеличение национального дохода СССР планировалось на 60 процентов, повышение реальной заработной платы рабочих и служащих при ежегодном снижении цен на 35 процентов, а для при улучшение жилищных условий расширить жилищное строительство в два раза. И дальше о больницах, санаториях, детских садах и яслях, о врачах, о всеобщем среднем образовании, о росте научных кадров и т. д.

Вот такими были советские пятилетние планы. Страна-гигант мыслила и творила гигантскими категориями. Всем в мире было хорошо известно, что пятилетние планы у нас в стране не просто выполнялись, а перевыполнялись. И этот план тоже был перевыполнен, что вообще потрясло капиталистический мир. Успехи Советского государства только подтолкнули Запад к еще более активным действиям в осуществлении стратегии Даллеса по организации подрыва нашей Державы изнутри. В чем, надо подчеркнуть, им весьма и весьма поспособствовал Хрущев.

Отстреляв одних, посадив других, облив грязью и навесив ярлыки политически прокаженных на третьих, Хрущев расчистил для себя поле без границ и препятствий. Одновременно это было поле и для Запада, для деятельности наших врагов. В итоге мы получили то, что имеем сегодня.

Глава IV
Заполярье — тоже романтика

Предложили бухту Провидения (Чукотка). Согласился. Окончательное решение — Заполярье Европейское. Г.К.Жуков на Севере. Октябрьский Пленум ЦК КПСС, 1957 год… Постижение предпришмчивости — тоже университеты. Главный принцип — создать личному составу максимально комфортные условия. Командую четырьмя полками — не каждому такое везение. Полуостров Рыбачий. Первое знакомство с Крыловым. Миллион двести тысяч. Презрение к Хрущеву растет. Опытное учение маршала В. И. Чуйкова. Круг замкнулся — опять в Кандалакше, но командиром дивизии. Инспекция МО. Дивизия в числе лучших в Вооруженных Силах. Визиты М. И. Казакова. Знакомство с С. Л. Соколовым. Сняли наконец Хрущева.

Второе полугодие последнего курса у нас началось уже с «пристрелки» кадровых органов по отдельным слушателям. Мы этих ребят считали выдающимися личностями. Они могли быть назначены на должность командира полка или даже заместителя командира дивизии, или в крупный штаб. Это было весной. А летом начали добираться до основной массы. Поэтому подготовка к государственным экзаменам и защите дипломной работы тесно переплеталась с постоянным обсуждением ситуации. Обычно один из слушателей нашей группы майор Жигулин расстилал на столе изрядно потрепанную карту Советского Союза, и мы, собравшись вокруг нее, отыскивали место, куда предназначался очередной наш слушатель. Занятия бросали и по косточкам разбирали только эту проблему. Кто-то там или поблизости служил, кто-то что-то слышал об этих краях или об этой части, куда направлялся наш товарищ. Больше всего нас интересовали природно-климатические условия, обеспеченность района и в чем есть нехватка (чтобы на всякий случай захватить с собой), оценка командования, особенно соответствующего командующего войсками округа.

Дошла очередь и до меня.

Беседу со мной вел подполковник. К этому времени я получил очередное звание и тоже был, как и кадровик, подполковником. Ведущий беседу старался казаться любезным, обходительным, но характер некоторых вопросов носил

неприятный оттенок. Я зашел в кабинет и представился. В ответ вместо «здравствуйте» услышал удивленное:

— О, да вы уже подполковник?

— Почему «уже»? Вышел установленный срок, оснований для задержки звания у командования академии не было. Не я один получил очередное звание.

— Садитесь. Это я сказал в связи с тем, что в карточке-анкете вы еще майор.

Я выслушал пояснение молча. Кадровик приступил к опросу:

— С вами беседовали органы о ваших отношениях к генералу Варенникову Ивану Семеновичу?

— Беседовали.

— Ну, и как?

— Что «как»? Они выяснили, что это однофамилец, никаких родственных уз нет. Думаю, что это известно и вам, и командованию академии. Не понимаю, почему с этого начинается разговор.

— Вы до учебы в академии служили в Киевском военном округе? — Кадровик резко перешел на другую тему и ближе к делу. Видно, понял, что не стоит дальше обострять наш разговор. А я думал: эти кадровики, как правило, зануды. Причем чем ниже его звание и служебное положение, тем он злее и старается показаться всемогущим. Конечно, бывали и исключения — начальник отделения кадров 20-й механизированной дивизии, поставивший меня на путь военной службы, или старший офицер Управления кадров Северного округа подполковник Чичвага, рассмотревший во мне потенциального командира полка. Были и другие. И главное отнюдь не в том, что конкретно они сделали для меня лично, а в том, могут или не могут они правильно, по-человечески разговаривать с офицером. Вот и теперь, с какой целью кадровик напомнил мне эпизод беседы с работниками КГБ? Конечно, чтобы, во-первых, подчеркнуть, что он все знает и все может, и, во-вторых, доставить собеседнику неприятность, тем самым в какой-то степени подавить его, сделать сговорчивым, когда речь пойдет о конкретном и не очень приемлемом назначении. Вместо того чтобы поздравить с получением очередного звания и пожелать хорошей службы, удивленно восклицает: «О, вы уже подполковник!» Как все-таки важно, чтобы должностные лица, которым доверяются судьбы человеческие, обладали бы необходимыми для этого данными, тактом, человечностью.

Отвечаю кадровику на поставленный вопрос:

— Да, до поступления в академию я полтора года служил в Киевском военном округе.

— А до этого в Группе Советских войск в Германии?

— Так точно. Но в мою бытность это была Группа оккупационных войск в Германии. Все младшие офицеры и часть старших, которые не имели семей, жили на казарменном положении. Это я докладываю для того, чтобы у вас было правильное представление об этом периоде офицерской службы в Германии.

— И все же служба в Германии — это не Кушка и не Дальний Восток. А поскольку у вас за плечами Киевский военный округ и Группа войск в Германии, мы, конечно, должны вам предложить послужить и в отдаленных районах страны.

— Я готов на любые варианты. Меня это не беспокоит.

— А какую бы вы хотели получить должность?

— Желательно, чтобы было восстановлено мое положение, которое я занимал последние два года на войне и год после войны, т. е. положение заместителя командира полка.

— Заместителя по артиллерии?

— Нет, общего заместителя, с учетом того, что я окончил общевойсковую академию.

— Понятно, понятно… Но уже после войны вы ведь были и начальником штаба батальона, и заместителем начальника штаба полка. Так что с новыми академическими знаниями могли бы проявить себя и в штабной работе.

— У меня принципиальных возражений нет, но вы спросили, и я ответил — какую хотел бы получить должность. Она не выше тех, что я уже занимал, и в то же время отвечает моему пожеланию. В целом командованию должно быть виднее, где мне лучше служить.

— Вот поэтому мы вам и хотим предложить должность начальника оперативного отделения дивизии в бухте Провидения. Это Дальний Восток, Чукотка.

— Я готов.

— Вы подумайте. Вы представляете, где это?

— Так над чем же мне думать, если других вариантов нет? А что касается расстояния, так это от Москвы далеко, а до американцев — рукой подать, если потребует обстановка.

— Я понял так, что вы согласны?

— Разумеется.

Мы распрощались. Внутренне я как-то был даже доволен, что так все обернулось. Далековато, конечно. Почти полмесяца на поезде добираться до Владивостока. А оттуда до бухты Провидения пароходом еще столько же шлепать. А тут еще непогода — как-никак осень, штормы, качка. Но ведь люди живут, работают, служат, переезжают. В общем, выбор сделан. Вопрос

решен.

Я шел к себе в группу в приподнятом настроении. Открываю дверь — все ко мне:

— Ну, как? Ну, что? Куда?

Я сел за свой стол, принял бравую позу и загадочно говорю:

— Если кто-нибудь отгадает — сегодня приглашаю всю группу. Жигулин, давай карту.

Майор Жигулин степенно расстелил карту. Все сгрудились и начали гадать. Битый час лазили по карте, но никому и в голову не пришло, что я попаду на край света. Видя тупиковую ситуацию и не желая больше мурыжить своих товарищей, я торжественно встаю и объявляю:

— Подполковник Варенников назначается туда, где Макар телят не пас! А именно: в бухту Провидения. Плюс к этому еще и на штабную должность.

Все сочувствующе притихли. А я улыбаюсь. Улыбаюсь потому, что, видно, только я удостоен такого внимания.

Опять все прильнули к карте. Действительно, получалось грандиозно! От Москвы — на Восток через всю страну, по горизонтали, до Хабаровска и далее — до Владивостока. А там на пересыльном пункте необходимо ожидать грузопассажирский пароход, который при нормальных климатических условиях ходит на Чукотку один раз в неделю. А осенью — в две недели раз. И в пути тоже две недели. Об этом же можно только мечтать!

Эти сведения мы собрали по крохам прямо в группе — у тех, кто там служил или имел какое-нибудь к этому отношение. Вдруг старший группы, Васильев, говорит:

— Между прочим, Валентин, ты зря улыбаешься. Это тебе не прогулка. Тем более что твоя жена ждет второго ребенка. Тебе, конечно, ничего, а каково ей? Ты подумай.

Все его поддержали и начали советовать, что в этих условиях надо просить, чтобы изменили назначение. Но это выходило за рамки моих принципов. На следующий день после занятий остались Кузьма Васильев, Михаил Дыбенко (член партийного бюро курса) и я. Снова стали обсуждать ситуацию. Оба давили на меня, чтобы я написал рапорт о пересмотре моего назначения с учетом положения жены и через начальника курса подал его по инстанциям. Я с ними не соглашался:

— Вы только поставьте себя на мое место: я даю согласие, а на второй день пишу рапорт с просьбой пересмотреть назначение! Вроде мне до этого не было известно состояние жены. Между прочим, когда я объявил Ольге о предстоящей нашей службе на краю света, то она восприняла это как должное. Даже проявила интерес…

— Да она, как и ты, просто не представляет сложности самой поездки! — перебил меня Васильев. — Целый месяц в пути, никаких врачей и вообще капитальной медицинской помощи. На пароходе, конечно, судовой врач и медпункт есть, они только и предложат таблетки от головной боли. Нет, надо решение менять.

Договорились, что Васильев устно доложит обстановку начальнику курса генералу Макавчуку, а Дыбенко — секретарю партийного бюро курса подполковнику Юденкову. А я буду на всякий случай наводить справки о самой поездке, о жизни и быте на Чукотке, о службе.

Уже в тот же день, когда со мной была проведена беседа, весь курс узнал о моем предстоящем назначении. Слушатели нашего курса и до этого относились ко мне уважительно, а в связи с этим событием зауважали еще больше, но вместе с тем в разговорах и при встречах пробивались нотки сочувствия. Я делал вид, что ничего не замечаю.

Как-то встретился со старшиной курса полковником Лукашевичем:

— Ну, ты что, к чукчам собираешься ехать?

— Да, вот подвернулось счастье. Хотел вас попросить, чтобы порекомендовали, с кем мне из слушателей курса переговорить, чтобы навести справки о крае.

— Так в первую очередь переговори с подполковником Игнатьевым. Он с Дальнего Востока. А я посмотрю, с кем можно еще посоветоваться.

В тот же день мы встретились с Игнатьевым. Ничего нового о том, как добираться железной дорогой и морским путем, он мне не сказал. Правда, из-за того, что на пересыльном пункте в порту неуютно и холодно, надо взять с собой два-три шерстяных или хотя бы байковых одеяла. Что же касается жизни на Чукотке, то он на меня нагнал страху, как мог: там и цинга косит всех подряд (теряют зубы, зрение), там и туберкулез, а летом нет спасения от гнуса, а зимой страшные морозы, все и всех заметает снегом, в котором люди живут, ожидая весны; там постоянно ломается связь и вечные проблемы с отоплением, самое надежное — это печка да хороший запас угля и керосина на зиму. А продукты одни — только консервы.

— В общем, если выживешь, то это счастье, — заключил Игнатьев.

— А сам-то ты где служил?

— На Камчатке. Там полегче, но тоже очень тяжело.

— Ну, ты же вот выжил? Опять же замена через три года.

— Вероятно, через три. Но эти три года…

Словом, я понял, что служба в таких краях — это не рай.

Впрочем, иного я и не представлял. Но рассказчики обычно сгущают краски для того, чтобы человек максимально мобилизовался. И это правильно.

Внезапно к нам в группу приходит подполковник Юденков и обращается ко мне:

— Пойдем поговорим.

Прохаживаясь по коридору, он сообщил мне, что по командной линии и по партийно-политической в Главное управление кадров пошла информация о том, что моя жена в положении, на последних месяцах, а согласно приказу министра обороны (в то время — военного министра), в такие поездки офицерскую семью посылать нельзя.

— Поэтому, — сказал Юденков, — вас должны вызвать вновь. Надо вооружиться справкой от врача. И с этим кадровиком не миндальничать. Им лишь бы заполнить свои клетки.

Действительно, через некоторое время меня вновь вызывают в отдел кадров академии, где проводят беседу кадровики высших инстанций. За столом полковник (отдельно за другим столом еще офицер):

— Здравствуйте, садитесь. С вами уже была беседа и вы дали согласие ехать служить на Чукотку?

— Да, я такое согласие дал.

— Почему же вы не сообщили, что ваша жена ждет ребенка?

— Во-первых, мне предложили одно место, без выбора, и, во-вторых, мне не было известно положение, которое регламентирует ситуации, подобные моей. Вопросов же о составе и состоянии семьи мне не задавали. Самому говорить об этом было не совсем удобно — это могло бы быть неправильно истолковано. Возможно, это была моя ошибка.

— Да, ошибка. У вас есть справка по жене?

Я представил справку. Полковник прочитал ее, покрутил, положил на стол. Затем заглянул в свою большую тетрадь. Не спеша дважды перелистал ее, после чего сказал:

— Хорошо. Чукотка отпадает, но мы найдем место для службы не хуже Чукотки. До свидания.

Я ушел в раздумье. Что означает — «найдем место не хуже Чукотки»? Как будто Чукотка — это сказка. Если бы было сказано: «Не лучше Чукотки», то тогда понятно. А что понятно? Ничего не понятно. А вдруг Кушка, Ашхабад или Термез? Это, конечно, тяжелее, чем север. Жара растапливает, расплавляет всё — и тело, и мозг, и волю… Скорпионы, змеи, болезни (особенно гепатит и малярия). Правда, ехать туда поездом — чепуха: каких-то четверо-пятеро суток и — на месте.

Шел я в группу подавленный. Очевидно, это было заметно,

потому что товарищи сразу обратились ко мне с расспросами: что произошло? Я подробно пересказал нашу беседу, изложил свои сомнения, вздохнув:

— Видно, зря мы затеяли эту возню. Кадровики действительно могут в такое место заткнуть, что всю жизнь будешь икать.

Товарищи согласились, что места похуже Чукотки есть: к ней надо добавить Среднюю Азию и Забайкалье. Но тяжелее способа добираться до места службы в сравнении с бухтой Провидения тоже нет, с этим надо считаться. Рисковать нельзя.

Ничего не оставалось делать, как положиться на волю кадровиков. Долго ждать не пришлось. Тот же полковник вызвал меня через неделю и объявил:

— Поедете в Кандалакшу заместителем командира стрелкового полка. Это Северный военный округ, Кольский полуостров, Заполярье. От Москвы до Кандалакши поезд идет 36 часов.

— Спасибо, товарищ полковник. Разрешите идти?

— Да нет, погодите! Имейте в виду, что вы, как и все остальные выпускники, будете предложены нашему руководству вот в таком варианте. Как правило, наши предложения по выпускникам военных академий утверждаются. В редких случаях отдельные слушатели вызывают у руководителей сомнения. Но это в основном категории командиров полков, им равные и выше. Однако если вдруг коснется это и вас, то это не должно быть неожиданностью. Хотя, считаю, никаких оснований для тревог у вас не должно быть. Все понятно?

— Понятно! Спасибо.

— Вот теперь можно идти. — Полковник попрощался со мной за руку, внимательно посмотрел в глаза и улыбнулся.

Всего несколько сказанных им слов и теплая, ободряющая улыбка вселили в меня духовные силы и уверенность. Я ушел окрыленный. Обо всем рассказал в группе — ребята были рады за меня. Но никто из наших ничего рассказать об этих краях, как и о Северном военном округе в целом, не мог. Пришлось идти к подполковнику Юденкову. Внимательно выслушав мой рассказ, он особое внимание обратил на предупреждение полковника о том, что если вдруг руководство не согласится с моим назначением, то это не должно быть неожиданностью. Затем, повернувшись к окну, задумчиво сказал:

— До чего злые и зловредные бывают люди!.. И как только им доверяют высокие посты? Они по долгу своему должны помогать офицерам, а вместо этого… Ведь это все он не может успокоиться и всячески старается навредить. Это его работа с распределением

на Чукотку… Это он бился и давил на кадровиков, чтобы нашли для вас «достойное» место, коль не прошел вариант с Чукоткой…

Я сидел и молчал. Мне было понятно, что это полковник Шляпников. Я также понимал: чем быстрее с ним расстанусь, тем лучше будет для нас обоих. Подполковник Юденков еще долго сокрушался, а потом, как бы прочтя мои мысли, подбодрил:

— Ну, ничего. Ждать осталось уже немного. Госэкзамены в разгаре. А там все вы разлетитесь. Думаю, что этот вариант с вами пройдет. Я схожу к нему и скажу с сожалением, будто о его действиях ничего не знаю: «Все-таки Варенникову нашли дыру почище Чукотки». Наговорю ему, что Кандалакша — это пропащее место. Да и название идет от корня — кандалы! Он будет доволен, и назначение состоится. В Кандалакше же на самом деле климат лучше, чем в Ленинграде.

Я был доволен таким оборотом дел, но все-таки тревожился, как бы этот вариант не провалился. А тут как-то зашел к нам в группу мой сосед по Учебному переулку — подполковник Игнатьев — и сразу в атаку:

— Ты, Валентин, особенно не радуйся. Есть у вас карта? Давай разворачивай. Смотри: вот обозначен пунктиром Северный полярный круг. Где расположена бухта Провидения? Южнее этого круга на 250 километров. А Кандалакша? Севернее полярного круга, ближе к Северному полюсу. Поэтому обстановку, которую я тебе нарисовал по Чукотке, безошибочно можешь накладывать на Кольский полуостров, в том числе на Кандалакшу. И если тебя все-таки туда толкнут, тебе придется потратить весь свой бюджет на лук, чеснок, долгостойкие яблоки и на теплую одежду. Иначе — хана!

Вся группа слушала его раскрыв рот. У меня мелькнула мысль — вот кого надо подсунуть Шляпникову! Когда Игнатьев закончил свою тираду, я, выйдя с ним в коридор, заметил: к сожалению, наши начальники совершенно не представляют, что такое Заполярье, и попросил его подробно рассказать обо всем Юденкову. Тут же отвел Игнатьева к нему и сказал:

— Вот вам живой пример. Игнатьев служил в тех краях, куда посылают меня. И может рассказать вам, а если требуется, то и другим, все, что надо.

Это оказало нужное действие. Юденков водил Игнатьева к Шляпникову, и тот рисовал последнему жуткие картины Заполярья. Затем Юденков и Игнатьев взялись вместе уговаривать Шляпникова, чтобы тот посодействовал Варенникову в переназначении в другой округ (маленькие дети и т. д.). Позже я узнал от Игнатьева, что Шляпников, прощаясь, сказал: «Да, надо что-то предпринять». А Юденков, рассказывая мне об этом

«походе», все время демонстрировал, как Шляпников таращил глаза, когда Игнатьев нагонял на него страхи.

— Естественно, — заметил Юденков, — Шляпников ничего предпринимать не будет. В крайнем случае потребует, чтобы решение о назначении Варенникова больше не меняли.

Так оно и получилось. У Юденкова были товарищи в кадрах, и они информировали его о действиях Шляпникова. В восторге от проведенной «операции», мы ждали окончательных итогов.

Тем временем государственные экзамены подходили к концу. А потом подошел и день защиты дипломной работы. Мне «повезло» — пришло много начальства. Видать, начальник академии, курируя определенные работы, рекомендовал послушать защиту. Вопросов задавалось много, и это понятно: сама тема была необъятная: наступление стрелкового корпуса на открытом фланге армии во фронтовой наступательной операции. Конечно, она порождала самые разнообразные вопросы. Отвечать на них мне самому было очень интересно. В конце защиты присутствовавший на экзамене заместитель начальника академии спросил председателя комиссии:

— Будете объявлять перерыв для вынесения вердикта или это сделаете сразу?

— Нет, перерыва можно не делать. В комиссии уже сформировалось единое мнение.

— Хорошо. Можно объявить.

Председатель комиссии сделал вводную часть, обрисовал масштабность работы, острые моменты замысла, глубину и обоснованность расчетов. Особое внимание обратил на динамизм, подчеркнул уверенность при ответах на вопросы. А потом объявил, что комиссия единогласно ставит слушателю за защиту дипломной работы отличную оценку. Заместитель начальника академии объявил, что он эту оценку утверждает.

Я был на седьмом небе! Друзья и преподаватели от души поздравили меня.

Вообще, госэкзамены прошли на одном дыхании. И результаты в целом были высокие. Тем, кто стал обладателем красного диплома, вручили, в порядке вознаграждения, еще и полный денежный оклад. А кто окончил академию на четыре и пять — получил пол-оклада. Это было большое подспорье для офицера. Забегая вперед, надо отметить, что эта традиция, установленная Сталиным, была вскоре ликвидирована. Когда через многие годы мне довелось учиться уже в Военной академии Генерального штаба, то лица, окончившие академию с золотой медалью, материально уже не поощрялись.

Получили мы назначения, как планировалось. Дипломы об

окончании нашей альма-матер вручили, как водится, в торжественной обстановке. Все были в парадных мундирах, при орденах. Атмосфера выпускного вечера вдохновляла нас. И мы, на мой взгляд, оправдали те напутственные слова, которые нам сказал на прощание начальник академии генерал армии Курочкин:

— Будьте до конца верны своему народу и Отечеству, как это требует Военная присяга!

После официального выпуска каждая группа отметила это событие — в соответствии со сложившимися традициями. За чаркой, естественно, пошли воспоминания за все годы учебы — в основном добрые и теплые. Вот тут-то Володя Глазов и рассказал о своей проделке с аппендицитом. Но главное — все признавали, что группа у нас была хорошая, дружная, а отношения — близкие и откровенные. Критика же в адрес Бориса Крекотеня была мягкой, «педагогической» — в расчете на то, чтобы он в будущем никогда не хитрил и не вихлял в отношении своих друзей и плюс быстрее бы женился — ведь уже далеко за 30 лет.

На прощание поклялись поддерживать связи. Однако получилось не все, что было задумано. Фактически судьба распорядилась так, что я до сегодняшнего дня непосредственную связь поддерживаю только с Михаилом Дыбенко, который тоже проживает в Москве. Из других сокурсников встречался с Владимиром Глазовым, с ним по сей день перезваниваемся по телефону. Виделся в Ленинграде с Костылевым, он получил генерала. В Киеве на каком-то празднике судьба вновь свела меня с Борисом Крекотенем. А совсем недавно в Твери, во время беседы с избирателями, вдруг в зале увидел знакомое лицо. Ба! Да это же мой «однокашник» Кузьма Васильев! Это была очень приятная, теплая встреча. Вот и все связи. Об остальных, к сожалению, мне ничего не известно.

Вместе со мной в Кандалакшу, в 54-ю стрелковую дивизию получили назначение еще два выпускника академии: подполковники В. Столбов и А. Симкин. Первый — на должность начальника оперативного отделения дивизии, второй — заместителем к нему. Так что у нас уже была целая компания. Они тоже подверглись определенной обработке «знатоков» Заполярья, но, видно, в меньшей степени. Потому что не так кутались, да и «витаминов» от цинги не столько набрали, как мы. Столбов еще из Москвы связался со штабом дивизии и сообщил, что приезжают сразу три офицера с семьями.

Следуя «рекомендациям» сокурсника Игнатьева о том, что перед поездкой в Заполярье надо иметь все необходимое, иначе — хана, во время отпуска я отправился на юг, прихватив с собой

два солидных чемодана. Один — наполнил долгохранящимися яблоками, второй — луком и чесноком, поскольку, как уверял меня «знаток Севера», цинга нас подстерегает там на каждом шагу. На оставшиеся деньги купили теплые вещи. И вот в назначенный срок на поезде Москва — Мурманск мы отправились в Кандалакшу. Шел декабрь 1954 года. В Москве было минус 17 градусов. По нашим представлениям, для Заполярья должен быть коэффициент приблизительно 1,5–2. Таким образом, мы прикинули, что в Кандалакше нас ждут морозы около 30 градусов ниже нуля. Поэтому все основные теплые вещи напялили на себя. Я к тому же надел унты, которые возил еще с Германии.

Проехали Ленинград — там минус 12 градусов. В Петрозаводске — то же самое. Добрались до Кандалакши, а там минус 9! Даже четырехлетний сын и тот с удивлением допытывался, почему в Кандалакше так же тепло, как в вагоне. На что я, скрывая свое смущение, отвечал уклончиво: «Зима только начинается, поэтому еще неизвестно, что нас ожидает».

При сумрачном вечернем свете выгрузились на перрон. Стоящее на небольшом возвышении длинное одноэтажное, с башенками, деревянное здание вокзала было ярко освещено. Оставив своих с вещами, я отправился промышлять машину. Неожиданно около нас появились несколько офицеров. Один из них, безошибочно обращаясь ко мне, спросил:

— Вы подполковник Варенников? Я вас встречаю.

Начало хорошее — не успели выйти из вагона в незнакомом краю, как нас уже встречают! Погрузились на машины и отправились в военный городок, благо что он в 5–7 минутах езды. Столбов и Симкин поехали в штаб дивизии (точнее, туда, где им временно было определено жилье), а я — в штаб полка. По дороге встретивший нас офицер сообщил о последних событиях в дивизии — командир дивизии И. Дудченко получил генерала, а командир нашего 251 стрелкового полка Н. Кобец — полковника.

— Командир дивизии днем постоянно прохаживался по военному городку, чтобы все хорошо усвоили, что он уже генерал, а Кобец не снимает полковничью папаху даже в кабинете, — пошутил офицер.

Сказано это было без малейшего намека на критику или иронию, а именно для того, чтобы меня сориентировать. От офицера я узнал, что Дудченко в общей сложности 10 лет, т. е. еще с войны командовал полком (последние годы был командиром 251 стрелкового полка), а Кобец длительное время был у него начальником штаба. Так что они друзья. Эти сведения для меня, конечно, не были лишними.

Штаб полка размещался хоть и в небольшом, но внешне

уютном и привлекательном одноэтажном каменном здании. Имелось два входа: центральный выводил в оперативную часть штаба (командир, заместитель командира, начальник штаба, зам. командира полка по политчасти и операторы), боковой был самым напряженным — здесь располагались все службы полка. Обе части штаба были автономны, что было очень удобно и создавало благоприятную обстановку для работы.

Подъехав к боковому входу, мы выгрузились, занесли вещи и расположились в маленькой комнатушке. Вместе с офицером я отправился к командиру полка. Захожу в кабинет, представляюсь — Кобец действительно сидит в папахе, хотя в кабинете очень тепло. Он встал из-за стола, радушно меня поприветствовал, усадил за приставной стол и дал задание офицеру разыскать и направить к нему начальника тыла полка подполковника Боксермана.

Потом в общих чертах рассказал мне о дивизии и ее командире, о дислокации ее частей, более подробно — о состоянии полка, офицерском составе, об учебной и материально-технической базе. Сказал также, что все вопросы боевой подготовки передает в мое ведение, а планировать ее надо обязательно вместе с начальником штаба и другими заместителями командира полка, организацию же и контроль надлежит исполнять мне. Отметил, что, к сожалению, пока жилья для меня нет, поэтому мне с семьей придется временно разместиться в штабе полка — в кабинете начальника тыла полка, он наиболее удобный. Одновременно постараются подыскать что-то в Кандалакше или на Ниве-три (это поселок вблизи Кандалакши, где расположен алюминиевый комбинат).

Подошел начальник тыла. Кобец представил меня и затем, не предлагая ему сесть, в категорической форме объявил:

— Боксерман, учитывая, что у нас совершенно нет каких-либо вариантов для размещения Валентина Ивановича, я тебя с сегодняшнего дня отправляю в месячный отпуск. Освободи свой кабинет и организуй в нем элементарные условия для жизни семьи. Завтра после развода проведешь и покажешь ему нашу офицерскую столовую и места, которые необходимы для жизни и быта. Вот я подписываю отпускной билет.

Надвинув на лоб свою папаху, он взял уже заготовленный отпускной билет, размашисто подписал и, не вставая, вручил его начальнику тыла. А тот, улыбаясь и поглядывая почему-то на меня, поблагодарил командира полка «за отеческую заботу». Все рассмеялись.

Затем командир полка объявил, что завтра утром командование полка соберется у штаба полка, где я со всеми

познакомлюсь, после чего на полковом разводе на занятия буду представлен всему личному составу полка. Подумав, добавил, что дает мне неделю на адаптацию, однако я должен приходить на полковой развод, строить полк и докладывать ему, как положено по уставу. Для поиска квартиры временно закрепляет за мной старшину сверхсрочной службы, который знает в Кандалакше все.

На этом мы расстались. Вместе с Боксерманом мы пошли во вторую половину штаба. Он открыл свой кабинет. Было видно, что здесь все уже приготовлено к нашему приезду. Откуда-то мгновенно появились три раскладушки, стол, пустой шкаф и три стула, которые создавали определенный комфорт. Электроплитка на тумбочке и чайник дополняли нам «элементарные условия для жизни», как сказал командир полка. Оказалось, что в тумбочке есть еще и посуда.

На первый случай это вполне устраивало. Хотя отсутствие в помещении элементарных бытовых удобств создавало, конечно, некоторые проблемы, особенно для малыша, да и для жены.

На следующее утро задолго до назначенного срока я уже маячил у главного входа в штаб. Один за другими подходили заместители командира полка. Еще до прихода полковника Кобеца мы перезнакомились, так что, когда он появился, ему оставалось только подтвердить, что я — это я. Затем все, кроме командира полка и меня, отправились в строй. Кобец заметил:

— Сейчас мы вместе пойдем к строю полка. Начальник штаба полка доложит мне, что полк для развода на занятия построен. Я скомандую: «Вольно!» После чего представлю вас полку. Потом я сделаю небольшую «накачку» по вопросам тыла и в завершение отдам распоряжение, чтобы командиры подразделений доложили о готовности к занятиям. Они должны были заранее проверить и утвердить конспекты занятий. Все это время вы должны быть рядом и наблюдать, что и как проводится. В заключение полк пройдет торжественным маршем и подразделения отправятся к местам занятий. А вы с Боксерманом и старшиной пойдете в столовую и заодно наметите конкретный план поиска жилья, хотя я уже и по другим каналам дал необходимые распоряжения. Сегодня у нас четверг, значит, совещание командиров подразделений с 17.00 до 19.00. На нем кратко подводятся итоги за неделю и ставятся задачи на следующую, выясняются и разрешаются возникшие проблемы. Совещание собирает в классе штаба полка начальник штаба. А до этого мы с вами должны побывать у командира дивизии — ориентировочно в 15. 00. Я уточню и сообщу вам. Вот и все. А теперь — пошли к полку!

Зимой в Заполярье солнышко не появляется. Поэтому утром такая же темень, что и ночью. Но военный городок, особенно

строевой плац для построения полка и дороги, по которым двигаются строи (в столовую, классы, тир, баню и т. д.), освещены всегда прекрасно. На большом расстоянии можно было рассмотреть лицо человека.

Вот и сейчас я вглядывался в лица тех, с кем мне придется служить, быть может, многие годы. Наконец, начальник штаба полка, находившийся посередине строя, скомандовал (по сигналу командира полка): «Полк смирно, равнение — налево!» Грянула музыка — встречный марш. Оказывается, в полку был самый большой, по сравнению с другими полками, оркестр, сформированный за счет значительного количества воспитанников полка. Исполнение марша было весьма квалифицированное, и это поднимало настроение. Кобец, сдвинув папаху несколько набекрень, пошел широким, уверенным шагом, не боясь поскользнуться, так как все дорожки были посыпаны песком. Позади в двух шагах справа от командира полка шел я. Поравнявшись с ним, начальник штаба остановился и четко доложил, что полк для развода на занятия построен. Затем сделал шаг в сторону, пропуская командира полка и становясь лицом к строю. Далее мы уже втроем двинулись к середине строя. Кобец (а вместе с ним и мы с начальником штаба) остановился, повернулся к личному составу и резко выдохнул:

— Здравствуйте, товарищи!

Затем уже спокойно:

— Вольно!

Начальник штаба громко скомандовал «вольно» и сам отправился в строй.

— Товарищи, — начал Кобец, — к нам в полк для дальнейшего прохождения службы прибыл выпускник самого знаменитого общевойскового военного учебного заведения — Военной академии имени Михаила Васильевича Фрунзе. Направление именно в наш полк академика (при этих словах я почувствовал себя неуютно) на должность первого заместителя командира полка — это еще один знак особого внимания к нашему полку.

Далее Кобец рассказал о моем участии на фронтах войны, о наградах, о послевоенной службе и даже о семье. И заключил:

— Принимая подполковника Варенникова в нашу полковую семью, мы полностью уверены в том, что боевая учеба будет решительно поднята на значительную высоту, а полк всегда будет лидером среди других частей дивизии. Все его распоряжения по боевой подготовке должны неукоснительно выполняться точно в срок. Желаю вам, товарищ подполковник, — Кобец повернулся ко мне лицом, — всяческих успехов.

Пожав мне руку, командир полка продолжил уже другим тоном:

— А сейчас поговорим о наших теневых делах. Боксерман, неси.

К середине строя вышел начальник тыла полка, который считался уже в отпуске, за ним — два сверхсрочника. Один из них нес высокую стопу солдатских алюминиевых мисок.

— Сейчас вы услышите, как в нашем славном полку отдельные нерадивые солдаты обращаются с солдатской посудой. Читай, товарищ Боксерман.

Начальник тыла, став неподалеку от командира полка между двумя сверхсрочниками, брал миску, зачитывал — то, что на ней было нацарапано ножом (очевидно, штыком), и передавал другому сверхсрочнику. Несмотря на то, что Боксерман опускал целый ряд слов, все равно все это звучало весьма двусмысленно и «подтекст» легко угадывался. В строю после очередной тирады Боксермана раздавались смешки, наблюдалось оживление. На мой взгляд, вся эта «акция» имела не воспитательное, а обратное действие. И хотя Кобец покрикивал, реакция оставалась прежней. Я чувствовал себя крайне неудобно — после такого напыщенного представления — вдруг эта «клякса». Тут Боксерман сказал:

— Смотрите, товарищи солдаты, до чего наши полковые писатели опустились! Читаю: «Замполит, ты — мать родная, командир — отец родной. Ну зачем родня такая? Проживу я сиротой». Разве это допустимо?

В строю раздался откровенный хохот. Кобец глянул на меня и, очевидно, увидев мое недоумение, наконец, решил прекратить этот балаган.

— Достаточно. Становитесь в строй. Конечно, повеселились над тем, что вам зачитали. Но если вдуматься, то становится грустно: почему наши солдаты так беспечно относятся к сохранению имущества? Это же только посуда, и то ее часть. А другое солдатское имущество? А казарменный фонд? А учебная база? А дорогостоящая техника и вооружение, которые нам вручил народ, — как мы все это бережем? Плохо! Это не делает нам чести. Народ отрывает средства от себя, чтобы армия была у нас боеспособная. И мы должны об этом постоянно помнить.

И уже другим тоном произнес:

— Командирам подразделений доложить о готовности к занятиям.

Командиры батальонов и отдельных рот поочередно доложили: готовы все. Затем Кобец сделал знак начальнику штаба на прохождение. Тот подал длинную команду и, встав в голове колонны, под звуки марша двинулся вперед.

На мой взгляд, уровень строевой выучки в полку был хороший — особенно у полковой школы и отдельных рот, типа роты связи. После прохождения Кобец кинул мне:

— Ну, как?

— Хорошо, — искренне ответил я.

— Верно, хорошо. Но надо еще лучше. Особенно в батальонах.

Итак, первый мой шаг в полку уже был обозначен. А дальше в моей служебной деятельности было все больше и больше подвижек — Кобец все шире раздвигал границы моих обязанностей, доверял и включал значительное число вопросов, которые выходили за рамки боевой подготовки. Но прежде чем к чему-то меня подключать, Никита Захарович тщательно все растолковывал, а потом показывал на практике, как это делается. Я и сегодня с благодарностью вспоминаю этого командира — виртуоза, практика, который научил меня очень многому земному.

Кончалась вторая неделя нашей полковой жизни, а мы с семьей еще пребывали в штабе полка — найти свободную комнату оказалось невозможно. И вдруг в одну из ночей у жены начались роды. И хотя мы этого ждали со дня на день и полковой врач держал санитарную машину наготове, все-таки все оказалось полной неожиданностью. Однако все обошлось благополучно, благо родильный дом от военного городка находился неподалеку.

У нас появился второй сын, Владимир. Семья была теперь уже солидная — четыре человека! Оба сына росли нормально. Старший сын, Валерий, прожил с нами 16 лет, 11 из них — в Заполярье. Когда я прибыл на учебу в Военную академию Генерального штаба, то ему оставалось закончить 9-й и 10-й классы. А всего ему пришлось за десять лет учебы сменить из-за моих переводов по службе семь школ. Успешно окончив школу, он настаивал, чтобы его направили в военное училище. Мы с матерью были принципиально против того, чтобы дети стали военными: хрущевский удар по Вооруженным Силам оставил тяжелый след в сознании и думах военных, хотя с приходом Брежнева все изменилось кардинально. Но Валерий не отступал и решил действовать самостоятельно. Пошел в местный военный комиссариат и подал рапорт: «Прошу зачислить меня кандидатом для поступления в любое общевойсковое военное училище». Ему ответили отрицательно, разъяснив, что в армию призываются граждане в возрасте 18 лет, а ему шел только 17-й.

Опечаленный, сын сообщил нам о «бюрократизме военкомата» и объявил, что будет поступать в Московское высшее техническое училище имени Баумана на факультет

ракетостроения. «Это тоже оборона страны», — пояснил он. К его решению мы отнеслись одобрительно, хотя, откровенно говоря, не были уверены, что он может поступить в столь престижное высшее учебное заведение. Поэтому на всякий случай подумывали о том, чтобы, если по конкурсу не пройдет, устроить его в этот институт на подготовительный курс. Одновременно он мог бы работать там же в какой-нибудь лаборатории. Это было важно не с материальной точки зрения. Главное — хорошо «загрузить» парня, у которого, как и у каждого молодого человека, энергия била фонтаном. Однако в один прекрасный день, после подведения всех итогов по экзаменам, Валерий объявляет нам, что он студент 1-го курса факультета ракетостроения Высшего технического училища имени Баумана. Все, конечно, были очень рады. Правда, тревожило, что оставался он в Москве один, без нас.

Первый курс Валерий окончил отлично и настоял на том, чтобы его перевели в Военную академию им. Можайского в Ленинград. Окончил академию, стал инженером, но желание стать общевойсковым офицером его не покидало. Пришлось пропустить его через соответствующие курсы в Московском военном округе.

Затем он прошел весь путь, как и все: командир мотострелкового взвода, командир мотострелковой роты, заместитель, а затем командир мотострелкового батальона, Военная академия им. М. В. Фрунзе, начальник штаба полка, командир 113-го мотострелкового полка в Досатуе (Даурия — Забайкальский военный округ), заместитель командира мотострелковой дивизии (там же, в Забайкалье), затем, в связи с заболеванием дочки — нашей внучки, перевелся и служил в центральном аппарате Министерства обороны. Окончил Военную академию Генерального штаба. В связи с событиями в августе 1991 года уволился из Вооруженных Сил в звании полковника. Надо было помогать мне (а я находился в тюрьме) и матери, которая из-за всех этих потрясений тяжело болела. Сейчас Валерий занят на государственной службе.

Младший сын, Владимир, родился и вырос на Севере, пробыв там почти 15 лет. Он тоже был вынужден шесть раз менять школу. И тоже решил идти по военному пути. Наши с матерью попытки отговорить его были решительно отвергнуты, хотя мы ему напоминали о перенесенных лишениях и во время моей службы.

Однако нам было сказано: «Буду учиться в Московском Высшем военном общевойсковом училище имени Верховного Совета РСФСР». Сказано — сделано. И путь его был таким же, как

у Валерия: взводный, ротный, батальонный командир, затем — Военная академия им. М. В. Фрунзе, заместитель командира полка, наконец, командир полка.

Последнее выдвижение совпадает с войной в Афганистане. Учитывая, что я уже с конца 1984 года «прописался» на постоянной основе в Афганистане, кадровое руководство не предлагает Владимиру службу на войне. Тогда он сам пишет рапорт о направлении его в Афганистан. Однако первый рапорт доходит только до Главнокомандующего Юго-Западным стратегическим направлением генерала армии И. А. Герасимова. И все застывает. Тогда Владимир обращается с рапортом непосредственно к начальнику Главного управления кадров — заместителю министра обороны СССР генералу армии В. С. Сухорукову. Тот звонит мне в Афганистан:

— Ваш сын подполковник Владимир Варенников прислал рапорт и просит, чтобы его направили в Афганистан. Как вы?

— Думаю, что мне нельзя вмешиваться в его решения. Отношение к своему долгу, службе — это его личное.

— Тогда будем считать, что вопрос решен. Тем более что в настоящее время в 40-й армии есть два вакантных места командира полка.

Не только мне, а любому ясно, каким образом на войне появляются «вакантные места». Тем более что армия, где есть эта «вакантная» должность, находится в зоне ада. Конечно, командир полка — это не взводный и не ротный, но он непосредственно организует и принимает прямое участие в боевых действиях. Не стал я и уточнять, на какой полк его назначат — везде сложно. Может, только в полках, которые располагались непосредственно в Кабуле, периодами напряжение несколько спадало. Но в Афганистане везде любой человек, а тем более военный, мог погибнуть каждую минуту.

Я счастлив и горжусь, что мой младший сын с честью выдержал испытание Афганистаном. После него — в его послужном списке 201-я мотострелковая дивизия в Душанбе. Затем Дальний Восток. Вначале Сахалин — Леонидово, а после окончания Военной академии Генерального штаба — Камчатка. Чукотка — тоже его епархия. Таким образом, та самая Чукотка, бухта Провидения, которую мне когда-то пророчили кадровики, все-таки судьбоносно не обошла нашу семью. Затем Владимир опять вернулся на Сахалин и служит там по сей день.

Но все это — в будущем. Пока же наша семья состояла уже из четырех человек, а комнаты по-прежнему нет. Через неделю после рождения Владимира во время очередного посещения жены и сына сотрудники больницы объявили мне, что завтра их выпишут

— «так что готовьтесь забрать».

Что делать? Пришлось о сложившейся ситуации рассказать командиру полка. Тот, надвинув папаху на лоб, задумчиво говорит:

— Тут есть один вариант. Одного нашего офицера выдвинули в Мурманск. Там он проживает в гостинице, а семья его осталась здесь, потому как некуда ее брать. Вот если наш командир дивизии Дудченко переговорит с командиром Мурманской дивизии Давиденко, то вопрос можно решить. Освободится комната — хоть и на Ниве-три, но это уже крыша над головой.

Кобец отправился к командиру дивизии лично просить за меня. Как он потом рассказывал, Василий Иванович Давиденко сразу пообещал решить этот вопрос за пару деньков. И действительно, через два дня Кобец, улыбаясь, сообщил мне:

— Послал адъютанта с солдатами помочь семье этого офицера собраться. Сегодня же мы отправляем их в Мурманск. Все решено. Можете занимать комнату.

Нет слов, чтоб описать нашу радость. «Бивуачная» жизнь порядком осточертела. Начальник квартирно-эксплуатационной службы временно выделил необходимую мебель. Кухонную утварь и посуду мы подкупили. Сослуживцы подарили нашему малышу кроватку-качалку. На следующий день состоялось «великое переселение» в нашу (!) комнату. Она оказалась чистой, светлой, теплой и просторной. В квартире была еще одна комната. В ней проживал старший лейтенант (инженер) с семьей из трех человек. Дом был каменный, двухэтажный, типа коттеджа, с центральным отоплением и всеми другими бытовыми коммуникациями. Так что все было прекрасно. Мы с Валерием и еще с одним помощником постарались создать максимум уюта. Купили на первый случай необходимые продукты и поехали в больницу за женой и крохой. «Кроха»-сын оказался довольно большим и весьма требовательным, особенно когда дело касалось кормления. На голодный желудок не воспринимал ничего.

В больнице нас встретили с большой радостью: жена — потому, что истосковалась по семье, а работники больницы, начиная от главврача, — оттого, что мы наконец освобождаем место. Когда мы всей семьей загрузились в машину командира полка и отправились в путь, жена забеспокоилась:

— Куда мы едем?

— Как куда? В штаб!

— Да нет… Мы проехали поворот в военный городок.

— А мы заедем с другого КПП.

Я хотел сделать сюрприз, но здесь Валерий, хотя мы с ним и договаривались, не выдержал:

— Мама, да мы же получили комнату.

Пришлось поведать супруге о моих «квартирных подвигах». Вскоре мы уже были дома. В нашей комнате было очень уютно. На столе вместо роз нежилась в банке пышная зеленая сосновая ветка, расставлены закуски, всевозможные деликатесы — икра, крабы, копченая рыба и т. д., а на кухне — привезенный из столовой обед.

О деликатесах. Когда мы приехали в Кандалакшу, то в первый же день обошли всем семейством военный городок, посетили Дом офицеров, который находился за ограждением города, несколько расположенных вблизи магазинов и другие объекты. Первым на нашем пути из штаба полка, где мы временно обосновались, был магазин Военторга. Внешне неказистое, даже мрачное и непривлекательное одноэтажное здание, внутри оказалось настоящей «пещерой сокровищ». Все верхние и средние полки магазина были в буквальном смысле забиты банками с крабами. Нижние полки — рыбными консервами, здесь были тресковая печень, лосось, шпроты, сардины (откуда они только взялись?) и даже петушки. На прилавках — палтус, треска, морской окунь, масло, мясо. В отделе «Овощи и фрукты» громоздились апельсины, яблоки, лук, капуста квашеная, картофель, морковь, свекла. Но самое поразительное — в рыбном отделе у продавщицы на табуретке стоял бочонок с красной икрой, из которой торчал черпак.

Мы ходили, смотрели и переглядывались друг с другом: а как же теперь быть с «обещанной» нам цингой? Вспоминали, конечно, Игнатьева и других «знатоков», которые нагоняли на нас страх. Ольга Тихоновна даже не хотела уходить из магазина — все расхаживала и по-хозяйски рассматривала забитые деликатесами полки. А когда мы все-таки вышли на улицу, она решительно сказала:

— Надо обязательно наши яблоки раздать солдатам. В штабе очень тепло и они могут пропасть.

Что мы и сделали.

Так что, когда я привез жену со вторым сыном в нашу комнату с накрытым, как положено на новоселье, столом, изобилие и разнообразие снеди у нее уже не вызвало удивления. Но от комнаты все мы были в восторге. Еще бы — прожить полмесяца на раскладушках в штабе (считай — в казарме) и вдруг — такое! Конечно, по тем меркам это был настоящий рай. Тем более что жилье было уже не сданное в наем, а государственное.

Жизнь у нас пошла размеренно, спокойно. Завтрашний день никого не тревожил. Все знали, что обстановка в стране стабильная, волноваться нечего. Что же касается службы, то в

любом нормальном полку она била ключом. Напряженная боевая подготовка. Ни одного случая, чтобы кто-то или что-то сорвало бы занятия хоть на один час. Как заместитель командира полка я, как правило, приходил до подъема личного состава полка, а уходил после отбоя, т. е. когда все в полку улягутся спать. Жизнь была напряженной, но интересной. Выходные дни обычно (но не всегда!) проводил с семьей — командир полка оценивал мой труд по заслугам и на эти дни ответственным по полку назначал кого-то из других заместителей.

1955 год был для меня, да и для страны, годом особенным. 6 мая исполнилось 10 лет нашей Великой Победы. Как ни странно, в стране это событие не отмечалось. Однако в феврале на должность министра обороны был назначен маршал Г. К. Жуков (до этого он два года был первым заместителем у Булганина, который занимал пост министра обороны, ничего не смысля в военном деле, как и Хрущев). Это вызвало в войсках всеобщее ликование. А для меня это было тем более дорого — ведь я воевал под его знаменами, видел его на Одере, встречался перед Парадом Победы и принимал по его приказу Знамя Победы.

Летом этого же 1955 года Управление Северного округа (командовал округом генерал-полковник В. Я. Колпакчи) капитально проверяло ход боевой подготовки в ряде дивизий округа, в том числе и в нашей 54-й стрелковой дивизии — очевидно, предвидя возможную проверку округа министром обороны. А поскольку командир полка полковник Кобец был в отпуске и было приказано из отпусков никого не отзывать, мне довелось представлять наш 251-й стрелковый полк. Отчитались мы нормально и были отмечены. Это, конечно, было заявкой на будущее. Там же я познакомился с офицером Управления кадров округа подполковником Чичвагой, который в тактичной форме дал мне ряд умных советов для совершенствования службы. Он один из немногих кадровиков, который оставил благотворный след в моей жизни и памяти.

Осенью 1955 года, когда крейсер «Новороссийск» находился на рейде в Севастопольской бухте, произошла трагедия — мощный взрыв на борту корабля разворотил броню на несколько метров. Такой мощности взрыв не мог произойти от мины военного времени, если бы она вдруг поднялась с морского дна. Руководство флота из-за неорганизованности не предприняло необходимых мер для спасения личного состава. Да и борьба за жизнь корабля тоже не была организованной и продуманной. В итоге погибли сотни матросов и офицеров. Это была трагедия для страны. После предварительного разбирательства министр обороны Г. К. Жуков сделал на всех четырех флотах разборы

случившегося с привлечением общевойсковых командиров тех военных округов, оперативные границы которых на материке и островах совпадали с соответствующими флотами.

На совещание руководящего состава Северного флота пригласили командиров дивизий и стрелковых полков (почему-то именно стрелковых, возможно, потому, что они были наиболее многочисленными) 6-й армии, штаб которой стоял в Мурманске. Нашу группу возглавлял заместитель командира дивизии полковник Нестеренко — комдив был в отпуске. От 279-го и 281-го стрелковых полков поехали командиры полков, а от нашего — пришлось мне, так как командир простудился и температурил.

Совещание было построено своеобразно. Вначале основные руководители из командования Северного флота доложили о состоянии дел. В ходе докладов Жуков задавал жесткие и четкие вопросы, начальники, отвечая, потели. Затем выступил министр. Он никого персонально не ругал, не унижал и тем более не оскорблял. Но после анализа докладов командования Северного флота и информации о тяжелом происшествии на Черноморском флоте Жуков безжалостно говорил о недопустимости вручения судьбы людей бездарным, бестолковым, неспособным командовать офицерам, генералам и адмиралам. О том, что каждый командир в мирное время постоянно должен считать, будто он в бою, и обязан проявлять максимум заботы о том, чтобы не было потерь, чтобы не погибли люди — ведь они постоянно «общаются» с оружием и боевой техникой, а это в потенциале уже несет в себе большую опасность. Министр буквально растирал в порошок ту категорию начальников, которые в сложных условиях теряются, не способны принять необходимое решение и тем более не умеют организовать и направить личный состав на действия, которые бы стали для них спасением, как это случилось с крейсером «Новороссийск». Он прямо говорил, что каждый командир и начальник в первую очередь должен оценивать сам себя, свои способности и возможности. И если у него есть какие-то сомнения — немедленно подать рапорт с просьбой перевести на работу без личного состава. Не надо ждать чрезвычайного происшествия, в результате которого будут человеческие жертвы. Не ждать приказов о снятии с должности — самому разобраться в себе и реально оценить свои возможности. В Вооруженных Силах должен быть образцовый порядок, а люди гибнуть не должны. Этого никто не позволит.

Министр обороны был тысячу раз прав. Ну зачем браться за дело, если это тебе не по плечу? Тем более если в подчинение попадают сотни, тысячи, десятки тысяч солдат и офицеров.

Просись в штаб, в какое-нибудь управление или в военкомат. Это вполне нормально. А у нас действительно есть такие примеры, что писать о них просто неудобно. Можете себе представить: человек на протяжении всей службы все время не справляется со своими обязанностями, а его выдвигают «наверх»! В итоге он становится в ряд самых крупных военачальников с соответствующим воинским званием, не имея на это никакого права — ни профессионального, ни морального, ни уж тем более человеческого.

Как же так получалось? А схема была приблизительно такая. Назначили взводного на роту, три года покомандовал взводом — надо выдвигать. Это и делается, если достоин. А если нет? Но его выдвинули, и он не знает, что ему с новой должностью делать. Эти муки для всех — для него, личного состава роты и для начальников длятся год-два. Затем начальники решают покончить с этим и ставят этого офицера-неумеху начальником штаба батальона — все-таки без людей! У командира батальона начинается головная боль — ему приходится работать и за себя, и за начальника штаба. Зная, что так просто от этого «подарка» не избавиться, смышленый командир батальона подбивает своего начальника штаба написать рапорт с просьбой направить его учиться в Военную академию. Тот пишет. Командир батальона берет рапорт, приписывает там, что он, начальник штаба, несомненно достоин, и бежит с «документом» к командиру полка. Тот сопротивляется:

— Да он же только назначен на должность начальника штаба батальона…

— Но к моменту поступления в академию уже будет год! И он старается.

— Так ведь еще толком службы не понял. Мордовал два года роту — не знали, что с ним делать!

— Да, действительно, были недостатки, но человек набрался опыта. Да и вообще, товарищ командир, вы же сами постоянно говорите, что кадры надо растить. Вот у вас и есть возможность вырастить кадры.

— Однако у нас есть более достойные.

— Ну, какая разница? Сегодня — Иванов, завтра — Сидоров, послезавтра — Петров. Все они пойдут в академию. Одни — раньше, другие — позже. Я лично ходатайствую за своего начальника штаба.

— Хорошо, — сдается командир полка, — давай его рапорт.

И пишет, что сей имярек достоин и т. д. Командир этот рапорт регистрирует в штабе полка и несется в отделение кадров дивизии, где сдает его, как положено, и просит начальника, чтобы

он в ближайшее время доложил командиру дивизии. Раза два в неделю наведается — так, чтобы и не надоедать, но чтобы начальник отделения кадров чувствовал: от него не отцепятся, пока он не решит задачу. Наконец все решено. Рапорт и все необходимое с положительным решением комдива направлено вверх. А дальше по такой категории никто поправок уже не вносит. Начальник штаба батальона (назовем его Иванов) поехал в Москву на вступительные экзамены. И хотя командир батальона до этого сам нашел ему преподавателей для подготовки при Доме офицеров и освободил Иванова почти на три месяца, чтобы он только этим занимался, душа у него болит. Ночью плохо спит — все ему мерещится, что Иванов провалился, вернулся обратно и придется с ним «мыкать горе». Единственное утешение комбата — то, что Иванов мастер убаюкивать любого начальника такими бравыми сентенциями: «Буду стараться, не щадя себя», «Буду неукоснительно выполнять все ваши требования», «Сделаю все, чтобы доверенный мне участок (батальон, полк, дивизия и т. д.) был на высоте» и т. п. Одновременно и параллельно жена Иванова, «умело» применяя свои «незаурядные» способности, энергично действует по женской линии. Командир батальона все это оценивает соответственно и, конечно, тоже рассчитывает на этот фактор. Ведь фактически жена Иванова подтолкнула комбата к мысли, что Иванова надо отправлять в академию.

Наконец приходит день, когда объявляется, что Иванов зачислен слушателем Военной академии. Учеба у него, разумеется, тоже идет через пень колоду, но в стенах академии никому «утонуть» не дадут, и, естественно, Иванова уже через три года выпускают в звании «капитана» с назначением в войска на должность командира батальона. Попадает он в сокращенную дивизию. Проявить себя, конечно, не может — нет личного состава, нет боевой учебы, в том числе учений. Но фактор времени решает все. Иванов получает майора и его назначают начальником штаба полка в этой же дивизии. Учитывая, что коллектив штаба уже сложился, а первый заместитель начальника штаба на высоте, работа Иванова состоит в том, чтобы должностному лицу, который представляет ему документы, задавать один и тот же вопрос: «Это нам пишут или мы пишем? Если нам, то надо вверху, не читая, написать: «ПНШ — 1 (помощник начальника штаба — первый) разобраться и доложить». А если мы пишем, то надо поставить свою подпись и все. Тоже можно не читая. Я, конечно, несколько утрирую, но описанное — типичная схема продвижения по службе всевозможных бездарей.

В случае с нашим Ивановым все обстояло именно так. И все

шло нормально. Пришло время — снова надо его выдвигать. Теперь его ставят уже на полк и одновременно присваивают очередное звание. Но полк — это полк. Большой полк или маленький, но командир здесь — как на ладони. Он обязан умело работать. И если у него есть в голове хоть небольшая свеча — дела будут двигаться. Если ее нет и он, извините, круглый дурак и попал на полк случайно, то это трагедия. Прежде всего для полка. Иванов проходил по второму варианту. Но не забывайте его личные качества и способность его жены обволакивать начальников слащавой паутиной. Качества, которые опирались на непоколебимую истину всех времен — умнейшую фразу Крылова: «А лев любил подхалимаж» (здесь можно добавить — и более весомое). Это обстоятельство вынуждало убирать Иванова с полка, чтобы не мучил. Но куда? Вверх, конечно! Заместителем командира дивизии. Несчастный командир дивизии, приобретя такое «богатство», делает все, чтобы от него избавиться. И опять та же схема: толкает своего зама на учебу. Естественно, теперь уже в Военную академию Генерального штаба. Действует решительно, с напором, выходит на командующего войсками округа. Наконец, добивается, что Иванов (уже полковник) уезжает на учебу. Благо что в этом случае экзаменов не сдают. Все рады, все довольны. В первую очередь — командир дивизии, что «сдыхался». Не менее рад, конечно, и сам Иванов — служба идет как по маслу. Но академия — любая, даже такая, как Военная академия Генерального штаба, — ума не дает. Она только создает условия для развития ума, если он есть. И для обогащения знаний, совершенствования логического мышления, развития способности предвидеть, прогнозировать, но уже в других, по сравнению с прошлым, в более крупных масштабных категориях.

А если Иванов прошел все ступени служебной лестницы и прибыл в академию со сквозняком в голове, то с этим «багажом» он и выпускается. Но на кителе у него уже «поплавок» (ромбик) с золотой каемочкой — знак Военной академии Генерального штаба. Попав в академию с должности заместителя командира дивизии, Иванов рассчитывает по окончании учебы получить дивизию. И он ее получает, приняв в подчинение 10–12 тысяч офицеров и солдат. От этого масштаба у него волосы дыбом, глаза как у испуганного зайца. Он не знает, куда ему бежать.

А бежать некуда. Надо работать. Генерала получить гарантированно можно было только на дивизии. И вот начинаются всеобщие муки. Головная боль у всех — до командующего войсками округа включительно. Конечно, если в дивизии подобраны хорошие командиры полков и отдельных батальонов (дивизионов), если штаб дивизии устоялся и

действует четко, слаженно, то дела пойдут нормально. Однако неспособность провести учения с полком, подготовить и провести сборы офицеров, лично себя проявить на дивизионном учении, которое проводит старший начальник, и т. д. — все это разрушительно действует на сложившиеся устои. Командующий войсками округа понимает, что Иванов дивизию загубит. Но куда его деть? И вдруг «манна с неба»: в Группу Советских войск в Германии требуется по замене командир дивизии. Что делать? Представить Иванова и записать ему в аттестацию все как есть на самом деле — это провал. Никто этого дурака в Группу не возьмет. Скрыть же все его «прелести» — нечестно, недопустимо. Это ущерб общему делу. И командующего или кого-то из его ближайших соратников осеняет мысль: не надо врать, что Иванов, мол, выдающаяся личность, но дивизия, которой он командует, оценивается положительно (это факт… пока что). Поэтому он, набирая темпы и приобретая опыт, вполне может решать задачи командира такой же развернутой дивизии в Группе войск. А чтобы рекомендация выглядела более весомо, одновременно сделать представление на «генерала». Все! Выход найден. Успокаивая друг друга, соратники командующего войсками и вправду сами начинают верить в то, что в новых условиях, с учетом приобретенного у них в округе опыта, Иванов сможет успешно справляться с задачами командира дивизии в Группе Советских войск в Германии или в другой Группе войск. Благо их тогда было четыре.

Итак, решение состоялось. Иванов поехал в группу войск. Опять все рады, все довольны. Одна только беда: все больше и больше страдает дело. А дальше случилась и вовсе парадоксальная ситуация: через некоторое время командующий войсками родного Иванову округа назначается командовать той Группой, куда уехал Иванов. Командующий объезжает войска, и вот тут-то он встречает своего выдвиженца. И между ними происходит такой диалог.

— Ты как сюда попал? — чуть ли не остолбенев от неожиданности, спрашивает Иванова его бывший командующий округом.

— То есть что значит — как попал? Вы же меня сюда направили!..

— Да ты уже и генерал? Когда ж ты звание получил?

— А вскоре, как приехал в Группу. Спасибо вам, товарищ командующий, что представили меня к этому званию. Век вас буду помнить — вашу доброту, внимание и заботу.

— Ну и дела… А как у тебя сейчас с дивизией?

— Да так… средне. Не все получается. Поругивают, конечно.

Но теперь, с вашим приходом, я уверен, дела поправятся. Меня здесь просто не поняли, а вы хорошо меня знаете, поможете, а я уж постараюсь.

— Ну и картинка… Ну и дела!.. Да, да. Конечно, что-то будем делать.

Командующий, вконец расстроенный, возвращается к себе в штаб и клянет себя на чем свет стоит: «И дернул же меня черт послать этого… в Группу?! Что с ним делать — ума не приложу».

А что делать? Да всё то же: чтобы не мордовал дивизию, надо его убирать с должности командира дивизии, пока окончательно ее не развалил. Но ведь обратно же в Советский Союз его не отошлешь в какой-нибудь округ! Ведь сам же лично подписывал документы на Иванова, что он достоин служить в Группе. Остается одно — выдвигать этого со сквозняком в голове по службе дальше. Тем более что у Иванова появились новые качества. Когда старший начальник разносит его в прах за допущенные просчеты, а затем перечисляет, что надо исполнить и как, каким методом все это сделать, Иванов, как наконец «прозревший» человек, сияя, с благодарным лицом, говорит:

— Большое спасибо за науку! Со мной за всю службу никто вот так конкретно не разговаривал. Теперь мне наконец ясно, что надо делать и как надо делать.

Старший начальник расчувствовался и, действительно поверив в эти слова, да и, конечно, гордясь собой за то, что растолковал этому идиоту, что надо делать, а главное, что Иванов наконец-то это усвоил, желает ему успехов и отправляется к себе. А Иванов, оставшись со своими проблемами, совершенно не знает, как к ним подступиться. Поэтому количество проблем продолжает расти.

Дальше все происходит по той же схеме: чтобы избавиться от этого «пустого места», его выдвигают еще выше, вместе с выдвижением приходят и новые звания. А чтобы начальники не были очень злыми, окольными путями принимаются различные другие меры (например, ко дню рождения начальника или его жены…).

Разумеется, описанное — вовсе не характерно для всех офицеров. Наоборот, все это лишь отдельные факты, но они, как говорится, имели место. И, видимо, трагедия в Новороссийске, о чем говорил на разборе министр обороны маршал Жуков, была далеко не случайной. В очередной раз была подтверждена верность сталинской формулы: «Кадры решают всё». Но надо, чтобы и каждый человек строже подходил к себе и, в первую очередь, сам себя оценил — способен ли он занять высокую должность. Правда, на память не приходит, бывали ли такие

поступки среди офицеров у нас, на Севере, сразу после разбора министра, но в последующем случались, о чем еще будет сказано.

Умышленно не называю и фамилий по понятным причинам. Такие же странности происходили и с гражданскими лицами, работавшими в партийных или советских органах. Например, выталкивая бездарь с одной должности на другую, более высокую, его делают, наконец, министром важной отрасли. А когда он ее (отрасль) благополучно заваливает, его назначают замом или даже первым замом Совета Министров СССР или председателем правительства союзной республики. А когда проваливается окончательно, посылают в лучшем случае послом или еще каким-то представителем за рубеж, где он ничего другого не может сделать, как только опорочить нашу страну своей некомпетентностью.

Что же касается кадровой политики 90-х годов, то надо объективно отметить: всё то, что происходило в 50-е годы и позже, — это детские игрушки в сравнении с тем, что происходит теперь. Тяжелейшие криминальные преступления, коррупция среди элиты верхних эшелонов власти, естественно, и среди военных, сегодня стали чуть ли не нормой. Одна только история с ликвидацией Западной группы войск в Германии уже говорит о том, что такого наглого, открытого, беспардонного воровства и грабежа государственного имущества еще не знала история человечества.

После совещания, проведенного Г. К. Жуковым, мы возвращались в Кандалакшу поездом Мурманск — Москва. Желания разговаривать не было. Все находились под впечатлениями указаний министра обороны. Каждый думал о своем и о себе. Анализируя свою работу, себя, свои поступки, я вынужден был перечислить десятки упущений, которые, конечно, надо исправить. Подробно набросал себе в блокноте целый перечень мер, которые надо провести, чтобы максимально поднять уровень защиты личного состава, меры их безопасности при пользовании оружием, боевой техникой, боеприпасами и военным имуществом, особенно на учениях с боевой стрельбой. Фактически у меня уже было вчерне набросано все, что надо сказать при информации командиру полка и отдельно офицерам, а также конкретные предложения.

Не обошлось и без саморазбора. Как говорил Г. К. Жуков: «А способен ли ты сам выполнять возложенные на тебя задачи?» Сложное это дело — разбирать самого себя. С одной стороны, оправдательный мотив: «Работаю от зари до зари». Но тут же возражал сам себе: «Ну, а что толку? Взять хотя бы стрельбы: можно сказать, что в полку весь личный состав и все

подразделения стреляют хорошо и отлично? Нет, рот плохих нет, но несколько взводов в полку стреляют слабо. Кто за это отвечает? Конечно, я».

И вот в таком духе, по полочкам раскладывая себя, понял, что мне надо объясниться с командиром полка: чтобы подтянуть боевую подготовку, в том числе огневую, я должен максимально сосредоточить свои силы именно здесь, а не распыляться по различным административно-тыловым и техническим проблемам, куда меня «окунул» Кобец.

С таким настроением и выводами я возвратился домой. К этому времени нашей семье дали квартиру из двух комнат в военном городке. Это было большое событие. Апартаменты — царские: две комнаты, кухня, балкон! Да еще на четвертом этаже! Отсюда открывается замечательная панорама предгорья Апатит, залива Белого моря и лесов, в основном хвойных пород. На лето жену с малышами я отправил на юг, как это делали многие. И сейчас, вернувшись из Мурманска в новую отремонтированную квартиру, мог встретить их уже в «хоромах».

В Кандалакшу приехали ночью. Утром я подробно доложил о совещании командиру полка. По внешнему его виду чувствовалось, что он что-то из моего доклада недопонял. Затем он пригласил остальных заместителей, и мы вместе отобрали вопросы, которые могут быть предметом общей информации, после чего набросали задачи, которые поставит в связи с этой информацией командир полка. На наш взгляд, совещание прошло нормально и послужило дополнительным толчком к активной подготовке к итоговой проверке полка за год.

1956 год начался для меня с вызова в отделение кадров дивизии, где я был предупрежден, что, возможно, в январе меня пригласят в округ, точнее, в Управление кадров нашего Северного округа, штаб которого располагается в Петрозаводске. Прошел январь, пробежал февраль. Я уже забыл об этом предупреждении. Вдруг 5 марта телеграмма: «Прибыть на беседу к командующему войсками округа». Командир полка Кобец пригласил меня к себе и долго втолковывал, что я обязан знать и уметь доложить командующему в отношении нашего полка. Затем перешел к тактике действий, посоветовав:

— Если будут предлагать какой-нибудь придворный полк — лучше не соглашайся, потому что Стученко обязательно снимет за малейший просчет. Сейчас, насколько мне известно, он намерен снять командира полка, который пробыл в должности всего 5 месяцев. Причина банальная — какая-то рота шла из городской бани после помывки в плохом виде. Командующий, проезжая, увидел это и сразу принял вот такое решение. В общем, найди

какую-нибудь причину, — Кобец первый раз перешел в разговоре со мной на «ты». — Скажи, например, что хочешь еще побольше набраться опыта в должности заместителя командира полка. Я неспроста тебя посвящал в разные административно-хозяйственные вопросы. Но если будет нажим, не вздумай кочевряжиться, надо соглашаться. Иначе все горизонты вообще захлопнутся.

Делать нечего — я отправился в Петрозаводск. В установленное время явился в Управление кадров округа. Встретился с нашим направленцем на 6-ю армию подполковником Чичвагой. Принял он меня тепло. Говорил не торопясь, с удовольствием:

— Командование оценивает вас очень хорошо. Полковник Кобец прямо заявляет: «Варенников способен успешно решать в полку все вопросы. А что касается боевой подготовки и учебной базы, то все обращаются только к нему». Командир дивизии генерал Дудченко считает, что Варенников — готовый командир полка. Но поскольку из Алакурти уезжает из дивизии командир полка по замене, надо попросить, чтобы сюда прислали не командира полка, а заместителя командира. Можно было бы Варенникова в дивизии назначить командиром, а вместо него — офицера, прибывшего по замене.

— Если бы мне было оказано такое доверие, я, конечно, был бы очень благодарен, — начал было я.

— Но, но, но! — по-доброму перебивает меня Чичвага. — Командующему войсками округа нужен именно командир полка — на местный полк. Начальник назвал командующему две фамилии, в том числе вашу. Если генерал-полковник Стученко встретится с вами и побеседует, то прикажет назначить именно вас. Полк есть полк! А когда предлагается такая должность, капризничать нельзя. Хотя, конечно, надо учитывать, что это «королевский» полк.

Было видно, что Чичвага сам был против того, чтобы меня назначили именно на этот полк, но сказать об этом в беседе со мной он не мог, так как начальник Управления кадров уже заявил мою фамилию. Тогда я начал издалека:

— Но ведь можно сделать так, чтобы меня к командующему вообще не водили.

— Как это? Он же приказал представить на беседу обоих, после чего он лично объявит, кого предпочитает.

— На мой взгляд, начальник Управления кадров мог бы провести одного и до непосредственной беседы самого командующего с кандидатом расхваливать его по максимуму, а затем как бы между прочим сказать, что Варенникова тоже

вызвали, но, оказывается, у него такие обстоятельства, которые, наверное, надо учесть, и забирать его из полка, где он замом, нежелательно. Дело в том, что начал капитально переоборудовать учебно-материальную базу, в том числе стрельбище и другие объекты, поэтому целесообразно дать возможность именно ему завершить начатое, так как другие этого сделать не смогут, — изложил я свой «план».

— Вообще-то, идея неплохая, — раздумчиво сказал Чичвага. — Пожалуй, пойду сейчас доложу начальнику. Постараюсь убедить.

Чичвага ушел, наказав, чтобы я ждал его в кабинете. Пока он обхаживал начальство, я дозвонился до Кандалакши и связался с командиром полка, обрисовал ему обстановку, в том числе по учебной материальной базе, особенно по стрельбищу, и предупредил его, что по этому поводу из Петрозаводска могут быть звонки. И действительно, мое предположение оправдалось: начальник Управления кадров буквально через несколько минут после меня беседовал с полковником Кобецом и последний полностью подтвердил все, что говорил я. Неудивительно, ибо всё это не было фантазией. Я на самом деле составил план капитального переоборудования учебной базы полка, закупил много оборудования, кое-что заказал на местных предприятиях. В общем, работа по подготовке к решающим действиям, в первую очередь, подготовка материальных средств, велась полным ходом.

Наконец вернулся Чичвага. Улыбнулся во весь рот:

— Кажется, кое-что прорезывается. Пошли к начальнику! Он хочет с вами переговорить.

Идем по длинному коридору, а Чичвага информирует меня о разговоре его начальника с Кобецом. Вдруг у входа в приемную к начальнику Управления кадров встречаю выпускника нашего курса академии подполковника Н.Трегубова. Мы обнялись. Трегубов мне говорит:

— Не стал тебе звонить, когда узнал, что ты тоже представляешься кандидатом на местный полк. Думаю, встретимся в Петрозаводске. Так и произошло.

— Николай, так это ты претендент на полк? Я этого совершенно не знал. А если бы знал, то сразу снял бы свою кандидатуру. — И затем, уже обращаясь к Чичваге, говорю: — Вот вам еще один убедительный факт против моего назначения. Кто имеет больше преимуществ? Конечно, подполковник Трегубов, а не я. Он уже является выше по положению — все-таки офицер для особых поручений командующего войсками округа.

С этим мы и зашли в кабинет к начальнику Управления кадров округа. Трегубов остался в приемной, поскольку с ним он

уже встречался.

— Что же вы не сказали, что у вас там начинается работа по переоборудованию учебной базы? — спросил главный кадровик.

— Так меня никто об этом не спрашивал, — смиренно молвил я, а потом добавил: — Кроме того, оказывается, есть еще один весомый довод, чтобы отвести мою кандидатуру. Подполковник Трегубов даже по своему служебному положению имеет преимущества. Но это формальность, фактически его уже прекрасно знает командующий войсками округа.

— Ну, это не убедительно. Хотя что-то и значит. Давайте будем действовать так: я с Трегубовым иду к командующему, а вы с Чичвагой ожидаете меня здесь. На всякий случай.

Полковник забрал Трегубова и ушел, а мы остались в приемной. Я посмотрел на часы:

— Если все решится за два — два с половиной часа, то я мог бы сегодня попасть на мурманский поезд.

— Да, конечно… Но вы, Валентин Иванович, еще и дипломат — все так ловко обставили!

— Ничего я не обставлял. Все реально присутствует. Мне только непонятно, к чему этот формализм: ваш начальник сейчас будет представлять генералу Стученке его же порученца! Да он же знает его как облупленного.

Чичвага молча улыбнулся. Видно, в душе был согласен. Но тут вмешался дежурный по приемной начальника:

— Это же не обычный акт — назначение на полк.

Пропустив реплику дежурного, я продолжал, обращаясь к Чичваге:

— Вот попомните мои слова — придворным полком будет командовать Трегубов. Что бы там ни произошло, командующий никогда об этом не станет где-то говорить, а Трегубов может уверенно командовать и ждать повышения.

Чичвага уже не улыбался, а хохотал. Как говорят в народе, я не в бровь, а в глаз врезал. Действительно, на такие придворные посты и назначать надо придворных, тогда все будет «в порядке».

Минут через двадцать вернулся Трегубов. Веселый и радостный, сообщил нам, что все решено — его назначили. Мы поздравили. А Чичвага еще поздравил и меня. Трегубов с упоением рассказывал:

— Все прошло как по маслу. Командующий сказал, что он во мне не сомневается, и пожелал успехов. А начальник Управления кадров, когда я уходил, велел передать, чтобы вы оба его ожидали.

— Коля, я очень рад за тебя и еще раз поздравляю. Пошли кого-нибудь на вокзал — взять мне билет до Кандалакши. Вот

требование для его приобретения.

— Это я сделаю, но мы должны еще обмыть! Поэтому давай условимся: когда встретитесь с полковником и получите от него ЦУ (ценные указания), дождитесь меня или моих звонков у Чичваги.

Наконец, начальник управления явился. Не получив, однако, от него никаких указаний, а лишь пожелание — и дальше служить хорошо, мы отправились к Чичваге. А Трегубов уже тут как тут.

— Хотел идти за вами. До отхода поезда остался час. Поехали! Машина уже «на парах», а в привокзальном ресторане решим все проблемы.

Чичвага вначале упирался — вдруг позвонит начальник, ведь уходить раньше начальства не принято, но потом согласился. В ресторане, оказывается, уже был готов стол с вкусной снедью. Первый тост, естественно, был провозглашен за назначение Николая. Затем начались воспоминания об учебе, друзьях-товарищах. В общем, было очень душевно и тепло.

Потом меня проводили к вагону, распрощались, и я уехал. В купе никого не было (я подумал сразу, что это работа Трегубова). Лег, но сон не приходил. А мысли нагромождались одна на другую. Как всегда, о службе, о жизни, о перспективе…

Лето в 1956 году началось рано. В мае уже растаял снег, и наш полк выехал в летний лагерь, который мы частично построили за лето 1955 года и закончили сейчас. Личный состав жил в палатках, в которых имелись печки, а все остальное — штаб, столовые, офицерские общежития, медпункт, клуб и т. д. — размещалось в помещениях барачного типа. Здесь же был и полевой автопарк. С выездом полка в лагерь зимние квартиры (казармы и остальное) начали капитально ремонтировать. Как и в прошлом году, офицерские семьи в большинстве своем отправлялись с малышами на юг. Мои поехали в Сухуми.

Сейчас вспоминаешь все это и удивляешься: сорок лет назад подполковник, заместитель командира полка, который, кроме денежного содержания, никакого побочного приработка не имел, был, однако, способен отправить семью на все лето на Черное море, где внаем снималась комната и дети могли пользоваться природной благодатью и хорошо питаться. Уезжали в начале июня и в конце сентября возвращались. Сегодня это звучит как сказка.

В напряженной боевой учебе и проведении капитального ремонта лето пролетело быстро. В лагере все руководство было поручено мне, а на зимних квартирах — начальнику тыла подполковнику Боксерману. Но когда в июле командир полка

уезжал в отпуск, а одновременно с ним и другие заместители командира полка, то мне, как оставшемуся за командира, поручалось контролировать все.

Дела у нас шли неплохо. В августе мы провели выборочно контрольную проверку по основным видам боевой учебы. Результаты были обнадеживающие. Не совсем удачно решались проблемы капитального ремонта. Если огромную казарму, вмещающую в себя почти две тысячи солдат, нам удалось отремонтировать к сентябрю, то работы по столовой затянулись (штаб и другие здания не ремонтировались). Но чтобы их не скомкать и не сделать ремонт абы как, мы решили соорудить рядом со столовой времянку-барак с полевыми котлами, где разместить варочный цех, а под натянутым тентом поставить столы. Здесь же поставили умывальники полевого типа для мойки котелков. По расчетам, ремонт затягивался до октября.

В начале сентября вместе с возвращением командира полка из отпуска приходит телеграмма из округа, чтобы я опять приготовился выехать в Управление кадров округа в связи с рассмотрением моей кандидатуры на должность командира полка. Я показал это оповещение командиру полка.

— Да, видно, они вцепились основательно. Но зачем вызывать в Петрозаводск?

Кобец при мне связывается с Чичвагой и выясняет обстановку. Оказывается, непосредственно в Мурманске стоит 56-й стрелковый полк 67-й стрелковой дивизии. Командира этого полка полковника Александра Васильевича Пащенко выдвигают на заместителя командира 131-й стрелковой дивизии, которая стоит в Печенге. Рядом, через забор с 56-м стрелковым полком, был штаб дивизии, а через два квартала — штаб 6-й армии. Поэтому не было того дня, чтобы в полку не маячил бы какой-нибудь визитер.

Кобец — Чичваге в телефонную трубку сердито:

— Так это хрен редьки не слаще — что вы в прошлом предлагали, что сейчас. Передаю трубку Валентину Ивановичу.

— Здравствуйте, слушаю вас.

Чичвага:

— Ну, вы поняли обстановку? Однако самое главное в том, что уже есть предварительное решение — командующий войсками округа сказал: «Вот вы, кадровики, в прошлый раз вызывали сюда Варенникова. Вот его и назначить на 56-й стрелковый полк». Поэтому сейчас затевать что-то подобное прошлому разу опасно. Генерал Стученко вообще никому по несколько раз должность не предлагает.

— Так если все фактически решено, зачем мне ехать в

Петрозаводск?

— Вопрос правильный. Поэтому я постараюсь убедить начальника Управления кадров вас не вызывать, а сразу прислать выписку из приказа о назначении.

Мы сидели с командиром полка в его кабинете и разбирали подробно обстановку в полку. Все было нормально. И, что особо примечательно, до сентября месяца не было ни одного чрезвычайного происшествия! Это в таком-то огромном полку!

Через час позвонил Чичвага и объявил, что командующий войсками округа решил меня не вызывать, а назначить сразу. Телеграмма будет послезавтра, выписка же придет вместе с предписанием на следующий день.

Кобец с печалью в голосе:

— Вот и пришла пора расставаться.

— Скажу откровенно, мне не хочется уезжать, — загрустил я. — Привык так, что все вроде родные. Да и полк, куда я должен ехать, стоит на «лобном месте» — кругом одни начальники.

— Это во многом зависит от командиров. Вот у нас штаб и службы дивизии стоят вместе с нами в одном городке. Но комдив никому не разрешает ходить в полк без его ведома. Только когда какая-то официальная проверка или что-то подобное. А в Мурманске этот полк — как проходной двор. Я разговаривал с командиром полка Пащенко.

Кобец вызвал адъютанта и отдал распоряжение, чтобы тот организовал ужин в комнате командира полка в столовой (была такая комната). И стал обзванивать заместителей командира полка. Условились через час встретиться в этой комнате, Боксерману было поручено обеспечить «горючее». Потом, обращаясь уже ко мне, Кобец спросил:

— А где семья?

— Вчера приехала.

— Вот как кстати. Вроде все договорились. Поскольку тебе надо еще собираться, давай сейчас организуем проводы, а там — занимайся своими делами.

Уже от себя позвонил домой и сказал, что немного задержусь: приехал командир полка. Не удержавшись, намекнул жене, что, очевидно, через пару дней поедем в Мурманск. Она немного помолчала, а потом обронила:

— Мы готовы и в Мурманск. За ним — Северный полюс?

— Это — посмотрим, — в тон ей ответил я.

А ведь сложилось так, что жена как в воду глядела — после Мурманска мы переехали служить хоть и не на Северный полюс, а на полуостров Рыбачий — все ближе к полюсу.

Ну, а на прощальном вечере все было, как обычно: теплые

слова, добрые пожелания, мудрые наказы и конечно: «Не забывай, не зазнавайся, пиши, звони!» Просидели часа три. Разошлись грустные… Командир полка приказал адъютанту, чтобы помог мне собраться.

Дома меня встретили одним вопросом:

— Куда конкретно и когда?

Естественно, по ходу разговора возникали и другие проблемы. Но самая главная — жилье. Я успокоил. Сказал, что Кобец переговорит с командиром полка, а генерал Дудченко — с командиром Мурманской дивизии, и этот вопрос решат.

Учитывая, что мы уже «обросли» кое-какой мебелью, потребовалось заказывать контейнер. Пришла телеграмма о моем назначении. Это было основанием для выдачи мне проездных документов. А дальше все пошло, как и предполагалось. Ходил по вызову к командиру дивизии. Он принял меня вместе с заместителями командира дивизии, поблагодарил за службу, за вклад, который я, по его мнению, внес, и пожелал от имени всех, чтобы полк, которым я буду командовать, был отличным. Зачитал приказ, которым мне объявлялась благодарность и я награждался памятным подарком.

Вечером командир полка собрал офицеров. И тоже выступил со словами благодарности. Все было очень хорошо и от души. Но на сердце, как всегда в таких случаях, тоскливо: жаль расставаться с отличным коллективом и совершенно не ясно, что меня ожидает там, на новом месте.

Пришла выписка из приказа о моем назначении командиром 56-го стрелкового полка 67-й стрелковой дивизии и предписание, подписанное командующим войсками Северного военного округа, где определены сроки моего прибытия к новому месту службы.

Мы быстренько собрались и — в путь! В Мурманск поезд приходит утром. Не успели вагоны остановиться, как к нам в купе входят два подполковника: один из них — заместитель командира полка по политчасти Сбитнев, второй — начальник тыла полка Титов. Мы тут же перезнакомились и, разместившись в двух машинах, поехали на квартиру. Первый раз, когда я приезжал в Мурманск на разбор Жукова, город на меня особого впечатления не произвел — то ли я должного интереса не проявил, то ли потому, что сразу с вокзала мы отправились в Североморск. Но сейчас передо мной открывался большой город с красивой центральной улицей, интересными зданиями. Дом, в котором мы должны были жить, находился в центре города. Квартира хорошая, теплая. Правда, она давно не видела ремонта, но это дело второстепенное. Главное, что она есть. Вдобавок в ней была еще и кое-какая мебель, принадлежащая, правда,

гарнизонной КЭЧ (квартирно-эксплуатационной части). Мы разнесли вещи по комнатам. Я записал номер телефона и вместе с подполковниками отправился в полк, оставив жену с ребятами устраиваться и пообещав скоро приехать. Но приехал только вечером. Хорошо, что Титов проявил заботу и прислал ко мне на квартиру командира хозвзвода полка. Старшина помог хозяйке устроиться и привез для временного пользования кое-какой солдатский скарб, имея в виду, что контейнер подойдет не сразу.

Чем ближе мы подъезжали к расположению полка, тем больше я волновался. Удивительно, но я не испытывал этого чувства, когда меня вызывал командующий войсками округа, когда предстояла или проводилась какая-нибудь проверка. Но здесь вроде и причин особых не было, а волновался. Наверное, интуиция подсказывала мне недоброе. Подъехали к КПП (контрольно-пропускному пункту), представлявшему собой хижину из старых почерневших досок с небольшим окошком. После длительных сигналов из нее вышел замызганный, весь в саже, солдат. Не глядя на нас, открыл одну створку ворот, которая тоже висела на одной петле (вторая створка вообще не открывалась), и, расставив ноги, стал ждать, когда машины заедут в военный городок. У меня сжалось сердце.

Я приказал заглушить двигатели и заехать в городок через 20 минут, а мы отправимся пешком. Все молча вышли, прошли в открытую створку. Я отдал честь удивленному солдату, который с любопытством рассматривал нас, все оглядывался почему-то назад (возможно, предполагал, что я честь отдал кому-то другому). Меня поразило, что в городе в основном чисто, дороги и тротуары асфальтированы, а в военном городке, который должен быть олицетворением лучшего, приходится в буквальном смысле месить грязь. Была осень, дожди, но откуда взялась земля для грязи?

Мы остановились посреди дороги. Справа шла деревянная стена обветшалого паркового строения, прямо дорога уходила на тыловой двор, впереди, слева от дороги, виднелось добротное длинное одноэтажное кирпичное здание — это был штаб и медицинский пункт полка. А строго влево, за большим условным плацем, стояли параллельно две массивные трехэтажные казармы, между которыми образовался еще один небольшой плац.

Мы стояли, а я думал: как можно в этих условиях жить? Пролетела мысль: «А ведь здесь и голову можно сложить!» Я попросил провести меня к командиру полка. Зашли в штаб: светло, чисто, уютно — совсем другой мир. В кабинете командира полка из-за стола встал подтянутый, энергичный полковник. Я

представился. Он приветливо улыбнулся, пожал мне руку и отрекомендовался:

— Полковник Александр Васильевич Пащенко, командир полка. А это — начальник штаба полка подполковник Леонид Андреевич Дубин.

Я глянул на краснощекого, но уже значительно облысевшего подполковника и сразу не смог вспомнить — где я его видел? Эти черненькие, быстренькие глазки. На фронте? В Группе войск в Германии или в академии? Ну, где? А он стоял и улыбался до ушей. Наконец не выдержал и «выстрелил»:

— Я же Ленька Дубин — редактор школьной газеты!

Господи, это же наш Ленька! Ленька из Армавира.

Мы обнялись и долго тискали друг друга в объятиях, не обращая внимания на окружающих. Пащенко, глядя на нас, заметил:

— Вот в народе говорят, что муж да жена — одна сатана. А здесь командир и начштаба — одна сатана. Дело, в общем, будет.

После общей беседы Пащенко отпустил всех. Мы остались вдвоем. Я понял, что сейчас будет сказано главное. И не ошибся.

— Валентин Иванович, — начал Пащенко, — скажу откровенно — я тебе не завидую. Полк тяжелейший, устроен плохо. Никто не хочет заниматься ремонтом. Условия — сам уже видел. Стрельбище далеко. Полк замучили самовольные отлучки. Офицеры обозлены. Боевая подготовка еле-еле тлеет.

И в этом духе «информировал» меня больше часа. А меня все подмывало спросить: «Если в полку такая обстановка, то почему же вас выдвинули заместителем командира дивизии?» Но вместо этого спросил:

— Так что вы рекомендуете делать? Так же продолжаться не должно!

— Это точно, — согласился он охотно, — так продолжаться не должно. Но так будет продолжаться, пока старшие начальники не повернутся к полку лицом.

— А вы ставили этот вопрос перед кем-нибудь?

— Конечно, ставил. И мне постоянно отвечали: меры будут приняты. Или просто молчали. И вот мер никто не принимает, а все рассчитывают, что полк все решит сам или обойдется как-нибудь. Поэтому до меня сняли сразу двух командиров полков: один и года не прослужил у нас, а второму дали покомандовать всего шесть месяцев. Лишь я не только продержался полтора года, но и выдвинулся. А что вас ожидает, я не могу даже предположить, тем более что против вашего назначения на этот полк и командование армии, и командование дивизии. Вы представляете? Все и всё против вас. У них свои есть кандидаты и

первый из них — Дубин, а тут вы.

— Мне все ясно, — оборвал я поток его «красноречия». — Очевидно, мне надо представиться командарму и комдиву, а затем принимать дела.

— Да, пожалуй, надо представиться, — согласился Пащенко. — Что касается приема дел, то все материально ответственные лица представили свои рапорта, и мы можем подписать документ о приеме и сдаче уже сегодня. Дело в том, что мне приказано завтра утром выехать в Печенгу к новому месту службы.

Меня это крайне удивило, но я согласился. Взяв офицера штаба полка, я поехал к командующему 6-й армией. Это минутах в десяти от полка. Оказалось, что командарм генерал-лейтенант Баринов в отъезде, за него остался начальник штаба армии генерал-майор Никитин. Он принял меня сразу. Я вошел в кабинет и с порога:

— Товарищ генерал! Подполковник Варенников. Представляюсь по случаю назначения на должность командира 56-го стрелкового полка.

Никитин встал из-за стола и, не подавая мне руки, стал прохаживаться по просторному кабинету:

— Здравствуйте, товарищ подполковник. Вы понимаете, получилось какое-то недоразумение. Дело в том, что Военный совет армии принял решение и представил на эту должность подполковника Дубина. Видно, командующий войсками по каким-то причинам не успел рассмотреть наше решение. Я уверен, что оно будет удовлетворено. Поэтому считаю, что вам не следует пока принимать полк. Лучше подождать.

— Товарищ генерал, я совершенно не намерен что-то ждать. Мне приказано сегодня прибыть в Мурманск и вступить в должность командира полка. Что я уже и делаю. Если командующий войсками округа изменит свое решение, я сдам полк тому, кому будет приказано.

— Смотрите! Я вас предупредил, потому что не хотел, чтобы вы оказались в смешном положении: только принял и тут же надо сдавать.

— Ничего, мы переносили и более сложные потрясения. Если у вас нет ко мне никаких указаний, то я мог бы действовать.

— Да, нет. Указаний никаких.

— Разрешите идти?

— Идите!

Я вышел. Но не подавленный, а злой. Что за ханжа? Что за манера разговаривать с новым, совершенно незнакомым офицером? Я прибыл к новому месту службы с надеждой, что

поддержат, помогут, а здесь все наоборот.

Верно говорится: нам не дано предугадать… Через 20 лет мы с Никитиным встретились в Москве. Он был генерал-майором, преподавателем Военной академии им. М.В. Фрунзе, а меня, генерал-полковника, назначили председателем Государственной экзаменационной комиссии по выпуску слушателей академии. В то время я уже несколько лет командовал Прикарпатским военным округом. Начальником академии был генерал армии А. Радзиевский. Делая разбор деятельности профессорско-преподавательского состава академии, я вглядывался в лица людей, участвовавших в этом совещании. И вдруг увидел Никитина. Он мало изменился. Очевидно, он почувствовал, что я его узнал. Я закончил выступление, Радзиевский поблагодарил меня за рекомендации, заявив при этом, что все они будут выполнены, после чего совещание завершилось и мы, уже в вольной беседе с преподавателями, вместе с Алексеем Ивановичем отвечали на вопросы. Вдруг раздается голос Никитина:

— Алексей Иванович, а ведь генерал-полковник Варенников — это наш, с Заполярья. Вот мы какого вырастили!

Алексей Иванович вопросительно посмотрел на меня. Я вынужден был ответить:

— Да, было дело — мы с товарищем генералом служили на Севере.

Будучи умным человеком, Радзиевский понял, что ничего хорошего вспомнить о Никитине я не могу. На том наша встреча и закончилась.

Ну, а в 1956 году после «любезной» беседы с врио командующего 6-й армией я поехал в штаб дивизии. Командира дивизии генерал-майора Давиденко тоже на месте не оказалось — уехал в Москву учиться, за него остался начальник штаба дивизии полковник Крутских. В приемной сидел лейтенант. Я попросил его доложить полковнику обо мне. Лейтенант ушел за таинственную дверь. Через минуту вернулся немного взъерошенный, но сообщил:

— Товарищ полковник сказал: «Хорошо». И больше ничего.

— Ну, раз «хорошо» — будем ждать.

Прошло полчаса. Вдруг дверь кабинета распахивается и на пороге появляется крепкий, среднего роста полковник с крупным лицом. Сделав вид, что меня не замечает, он стремительно проходит мимо и удаляется по коридору Я посмотрел на лейтенанта. Тот пожал плечами, но ничего не сказал. Прошло еще минут 20. Полковник возвращается и, все так же не замечая меня, идет в кабинет, плотно закрыв за собой дверь. Минут через пять я

обращаюсь к лейтенанту и говорю:

— Доложите полковнику. Если он очень занят и не может меня сейчас принять, то я приду в удобное для него время, а сейчас ухожу в полк.

Лейтенант зашел в кабинет и буквально через несколько секунд выскочил, приглашая меня зайти. Я подумал: подействовало! И еще пришла мысль хоть и тяжелая, но ясная и реальная: «Что ж, война — так война! Сдаваться не будем!» С этим я и зашел к полковнику Крутских. Он стоял посередине кабинета, широко расставив ноги. Не выслушав меня (а я хотел представиться) и не поздоровавшись, сразу «взял быка за рога»:

— Чего вы волнуетесь? Я знаю, что вы подполковник Варенников, что вы якобы назначены на 56-й полк, что вы даже намерены этот полк принимать, хотя у нас давно вместе с Военным советом армии принято решение — назначить Дубина. Полк сложный, он все знает (два года начальником штаба), мы его знаем, и это все обеспечит успех делу. Логично! Вы были у начальника штаба армии?

— Во-первых, товарищ полковник…

— Нет, нет! Вы были у начальника штаба армии генерала Никитина?

— Вы меня не перебивайте, иначе я уйду! Я к вам пришел не наниматься на работу, а довести до вашего сведения, что, согласно приказу командующего войсками, я с сегодняшнего дня командир 56-го стрелкового полка. Не якобы назначен, а уже командир полка. Нравится это кому-то или не нравится — другой вопрос. Я совершенно не волнуюсь, как вы заявили. Я более часа у вас в приемной, а вы не принимаете и даже не ориентируете, когда можете принять! Учтите, пока существует приказ командующего войсками, я буду командовать полком, и никто не имеет права, кроме командующего, отстранить меня от командования.

— Вы что мне здесь читаете мораль? Вы где находитесь?

— Я никогда и никому мораль не читаю, тем более старшим. Я разъясняю. И полностью отдаю себе отчет, где я нахожусь и с кем разговариваю. Есть ли у вас ко мне какие-либо указания, товарищ полковник?

— Ишь какой…

— Какой уж есть!

— Есть рекомендация — пока в командование полком не вступать, а подождать, когда в верхах разберутся с этим недоразумением.

— Учту вашу рекомендацию, но полк я уже принимаю. Разрешите идти?

— Идите!

И что-то еще было сказано вслед, вроде того, что «… на все четыре стороны». Я вышел, попрощался за руку с лейтенантом и пошел по длинному коридору В небольшом холле, где лестница шла на первый этаж, было большое окно, обращенное в военный городок нашего полка. (Штаб дивизии, как уже сообщалось, находился от полка через забор.) Я подошел к окну. Это был прекрасный наблюдательный пункт — все как на ладони. Можно было представить, что каждый начальник, сидя на своем рабочем месте на втором этаже, имел отличную возможность наблюдать буквально за всем, что происходит в полку. Постоял я, погрустил… Представил внутренние проблемы и внешние, которые будут исходить от армии и дивизии, но, не поддаваясь этому настроению, наоборот, еще больше озлобившись на свое будущее руководство, решительно отправился в полк.

Офицер ожидал меня внизу, а машину мы отпустили сразу. Я извинился, что заставил долго ждать, и сослался на обстоятельства. Штаб дивизии располагался в начале небольшого переулка. А на углу, уже вдоль основной магистрали, составляя своей тыльной стеной часть границы нашего военного городка, стоял гарнизонный Дом офицеров. Это длинное двухэтажное здание имело приличный внешний вид и хорошую внутреннюю «начинку», в том числе отличный зрительный зал.

Обогнув Дом офицеров, мы вошли через знакомый КПП в свой теперь уже родной военный городок. Выскочил дежурный и четко представился. Я подумал, что кто-то уже «приложил руку» (наверное, наша утренняя «прогулка» от КПП до штаба полка стала достоянием начальника штаба). Это хорошо. Дело шло к вечеру. Меня ожидал Пащенко:

— Ну, наконец-то! А я уж думал, что эти акулы тебя проглотили.

— Да нет. Вроде все обошлось. Начальники здесь очень любезные и внимательные…

— Мне все известно в деталях, — засмеялся Пащенко. — Крутских мне говорит: «Ну, и тип приехал!» Валентин Иванович, учитывая, что я завтра утром все-таки должен уехать уже в Печенгу, предлагаю: первое — подписать все документы о приеме и сдаче; второе — направить донесение командиру дивизии; третье — попить чайку на прощание — я все организовал.

Предложение было принято. Расположились в кабинете командира полка. Начальник штаба представлял очередной рапорт — донесение соответствующего начальника, последний подтверждал, что им подписано, и уходил. Пропустив всех и объявив, что завтра на разводе на занятиях должно быть сто

процентов личного состава, кроме стоящих в наряде, я подписал заготовленное на имя командира дивизии донесение о том, что 56-й стрелковый полк принял, а Пащенко — соответствующее донесение, что сдал.

Затем мы перешли в кабинет заместителя по политчасти Сбитнева — здесь был накрыт стол. Действительно, был только чай и бутерброды.

— Валентин Иванович, я совершенно не пью, — пояснил Пащенко. — Если желаешь, могут принести.

— Так это же прекрасно — душистый чай! Ничего не надо. Тем более что и товарищи, видно, к этому привыкли.

Весь день у меня крошки во рту не было, да и утром я перехватил на ходу, поэтому набросился на бутерброды, которых было предостаточно. Разговор вертелся вокруг полка, вокруг 131-й печенгской дивизии, в отношении начальников. Я, разумеется, только слушал, не высказывая своего отношения ни по одному вопросу. Считал, что просто нетактично что-то говорить человеку, побывавшему всего несколько часов в тех условиях, в которых товарищи «варились» уже годами.

Пащенко особое внимание уделил начальнику штаба дивизии полковнику Крутских:

— Дмитрий Андреевич — своенравный человек. Упрямый. Считает, что только он единственный в дивизии мыслит правильно и отдает умные распоряжения. Остальные или заблуждаются, или не полностью представляют проблему, а поэтому идут путем полумер. Особое удовольствие он получает, поучая командиров полков. Вот и сейчас, оставшись за командира дивизии, он по несколько раз на день дает указания. Я уже привык к этому и, не желая портить себе нервы, всегда с ним соглашаюсь и делаю свое дело.

— Вот и во встрече с тобой, Валентин Иванович, — продолжал Пащенко, подталкивая меня к обсуждению темы, — он проявился таким, каков он есть. Приехал новый офицер, тем более на должность командира полка, а он?!

Я ел и слушал, слушал и ел. Естественно, на шутки реагировал, а серьезные вопросы старался не обсуждать. Вот и о Крутских. Конечно, я совершенно не комментировал его поведение. А забегая далеко вперед, обязан отметить, что впоследствии мы с ним были не только в хороших отношениях, но стали близкими друзьями. И это сохраняется по сей день. Вот такие повороты бывают в жизни. Через несколько лет, вспоминая нашу первую встречу, сказал мне: «Ну, посудите сами: начальник штаба армии, оставшись за командарма, сует мне в лицо постановление Военного совета армии с ходатайством о

назначении Дубина командиром полка. Что я должен делать?» Конечно, Дмитрий Андреевич Крутских был прав, но лишь отчасти. Остальное он просто хотел опустить, потому что оно его лично не украшало, особенно метод обращения. Я, конечно, об этом ему никогда не напоминал, а сделал это только здесь и для того, чтобы наши молодые офицеры, да и не только офицеры, могли бы на таких примерах делать для себя лично нужные выводы.

А ведь в свое время мне представилась возможность, так сказать, «отыграться». После окончания Военной академии Генерального штаба я получаю назначение на должность командира 26-го армейского корпуса (Ленинградский военный округ), штаб которого стоял в Архангельске, а одна из дивизий — 69-я мотострелковая — дислоцировалась в Вологде. Объезжая войска, я поездом прибыл в Вологду. На перроне вокзала меня встречает… — кто бы вы думали? — командир вологодской дивизии генерал-майор Дмитрий Андреевич Крутских.

Вот такие повороты делает судьба по жизненному пути. Но к тому времени мы были уже в дружеских отношениях и все негативное между нами поросло мхом.

Затянувшийся наш с Пащенко прощальный чай подошел к концу. Он объявил, что за ним уже из Печенги прибыли «его» машина и адъютант и на рассвете он убывает. Мы тепло проводили его. С полком и отдельно с офицерами он, оказывается, уже распрощался.

Уже перед штабом, садясь в машину, Пащенко еще раз сказал мне:

— Сложнейший полк, тяжелейшая ноша. Это только я смог на нем продержаться полтора года. А тебе желаю: «Ни пуха ни пера!»

Мы расстались друзьями. А через несколько лет судьба опять нас свела, но теперь отношения были далеко недружескими.

…Вернувшись в помещение штаба, зашли в кабинет командира полка и договорились о последующих наших действиях: на завтра, на неделю и на месяц. Завтра я провожу развод на занятиях и на общем построении представляю себя полку (коль некому это сделать из дивизии или штаба армии); до обеда обхожу полк и подробно знакомлюсь со всеми подразделениями и объектами полка на месте; в обеденное время проеду на стрельбище в район выхода полка по боевой тревоге; вечером проведем совещание с офицерами полка, на котором поставлю задачи. А дальше наш календарь уточним.

Распрощались. Начальника штаба и его заместителя попросил зайти ко мне с планами боевой подготовки и подъема полка по тревоге.

Просмотрев документы в общих чертах, сказал Дубину, чтобы он провел всю организаторскую работу на завтра и отправлялся домой, а заместитель начальника штаба — ждал у себя, пока я закончу знакомиться с документами.

План боевой учебы (боевой и политической подготовки) был обычным. Все это мне было знакомо по прежней службе. Не ясно было лишь, в какой степени он выполнен и с каким качеством. Пригласив заместителя начальника штаба майора Семенова, попросил его в общих чертах дать мне ориентировку в целом и за каждую роту. Оказалось, формально все отмечают, что расписание занятий выполняется, а фактически этого нет: много времени тратится на дорогу к учебным полям, к стрельбищу, да и личный состав частенько направляется на различные работы, в основном на разгрузку сейнеров с рыбой. Из подробной характеристики каждой роты и батальона, сделанной майором, следовало, что самым лучшим подразделением является полковая школа майора Теряева. Остальные — с трудом тянут на тройку. Но главный бич — чрезвычайные происшествия и самовольные отлучки.

Сложнее обстояло дело с подъемом полка по боевой тревоге и выходом в районы сосредоточения. Полк в основном уже завершал переход с конной тяги на автомобили (в полку осталось всего около двадцать лошадей), но мероприятия, обеспечивающие действия полка на автомашинах, еще не только не проводились, но даже не были спланированы. Ни один батальон не проработал выход из парка на основные магистрали для движения в район сосредоточения. Это вообще уже ни в какие ворота… Я был крайне поражен.

Тут же пригласив заместителя начальника штаба, я продиктовал ему суть содержания приказа командира полка о повышении боевой готовности с учетом перехода полка на автомобильную тягу. Договорились, что до обеда приказ будет готов, я его подписываю и он доводится под роспись всем командирам подразделений. В этот же день во второй половине дня проводятся тренировки по посадке и высадке личного состава на закрепленный транспорт, с предварительным выходом машин в пункты посадки.

Домой приехал поздно, немного уставший, но довольный тем, что уже начал «закручивать». А дома — все уже сияло. Чисто, аккуратно, светло. Ужин — на парах. Ребята, не дождавшись меня, спали. Жена поворчала, что я не нашел даже минуты позвонить, но потом притихла, когда я рассказал в общих чертах, что дела в полку — хуже некуда, да и у меня не все гладко. Поужинав второй раз, я прикинул конкретный план действий на

завтра. Все-таки интуиция — большое дело. Понимая, что штаб армии и штаб дивизии будут строить козни, я представлял, что главным коньком они изберут боевую готовность. Следовательно, здесь надо сосредоточить основные усилия. Продумал также детали моей предстоящей встречи с личным составом полка. Позвонил в полк дежурному и спросил, какой взвод в полку является знаменным. Оказалось, что он этого не знает. Даже вообще не помнит, когда выносили знамя, хотя служит в полку третий год. Я приказал ему, чтобы он разобрался по этому вопросу с начальником и заместителем начальника штаба полка и чтобы завтра на построение полка было вынесено знамя.

Через полчаса мне звонит Дубин и говорит, что на основном плацу ничего этого сделать нельзя — грязь! Можно на малом плацу между казармами, но там будет очень тесно. Я утвердил малый плац, но предупредил, что церемониал с выносом знамени и с его уносом должен быть соблюден точно.

Утром я приехал пораньше. Начальник штаба уже тренировал всю систему, в том числе знаменный взвод. Церемония построения прошла хорошо. Полк стоял с развернутым боевым знаменем. Выступая перед личным составом, я сообщил, что приказом командующего войсками Северного военного округа генерал-полковника Стученко я назначен командиром 56-го стрелкового полка, а полковник Пащенко убыл служить с повышением в соседнюю — печенгскую дивизию. Далее я рассказал о себе, своей службе, о том, что уже приобрел навык жизни в Заполярье. Откровенно поведал и о своих первых впечатлениях, которые сложились о полке, похвалил дежурного по полку, назвав его звание и фамилию. Знаю, что полковая школа, как и должно быть, лидирует в боевой подготовке, поддержании порядка и дисциплины. Всем надо брать пример. Отметил, что все хорошее мы сохраним и будем развивать, а недостатки — будем поправлять. Особое внимание будет обращено на обустройство полка, дисциплину и порядок — все вместе мы можем сделать многое.

Отдельно выделил вопрос о боевой готовности. Подчеркнув, что это первостепенной важности раздел жизни любой воинской части, и имея в виду, что полк перешел на автомобильную технику, но еще не провел ни одной тренировки, я сказал: «Необходимо уже сегодня, во второй половине дня, тактико-строевым методом, по элементам, а затем в комплексе тренировать каждую роту и батарею». А вечером на офицерском собрании командирам подразделений доложить о проведенных занятиях. Предварительно, конечно, детально рассказал и показал, как это надо делать. При этом предупредил, что в первой

половине обойду расположение всех подразделений. В заключение пожелал хорошо подготовиться и успешно отчитаться на предстоящей итоговой проверке за 1956 год.

По всеобщему мнению, все прошло хорошо. Особо важно было то, что боевое знамя, когда его вносили и выносили, пронесли перед строем полка. Я видел, что это солдат тронуло и взволновало. И хотя торжественного прохождения не было (негде было развернуться), но и без него цель была достигнута: я представился полку и намерен вместе со всем личным составом идти вперед.

После построения пошел знакомиться со всеми подразделениями и объектами. Впечатление было самое тяжелое, за исключением полковой школы. Все запущено, ветхое, окна, двери и полы сгнили, санузлы в ужаснейшем состоянии. В общем, верно сказал Пащенко: «Тяжелейшая ноша!» Но раскисать не в моих правилах. Надо искать пути, как выкарабкаться из этой ямы.

Обедал вместе с личным составом полка. Еда понравилась. Но в столовой — как в гробу. Стены и потолок не просто грязные и темные, а черные. После обеда подписал приказ по полку о повышении боевой готовности полка в связи с переходом на новую технику и уехал на стрельбище. Это — в 12 километрах от Мурманска, южнее города. Недалеко от поселка Нагорновский. На самом стрельбище, кроме двух скромных небольших деревянных вышек (одна — на стрелковом стрельбище, а вторая — на директрисе для стрельбы САУ — самоходно-артиллерийских установок) и огромного ветхого сарая, где складывались мишени, ничего не было.

Значительно лучшее впечатление произвел запасный район сосредоточения. Для всего личного состава отрыты траншеи. На каждый взвод — большой блиндаж с местом для установки печки. Подготовлены места (блиндажи) для ротных и батальонных командиров. Хорошо оборудованы блиндажи для штаба полка. Имеется проводная связь (на столбах) как к самому району, так и внутри него. Оборудован тыл полка и батальонные хозяйственные пункты. Настроение после знакомства с районом сосредоточения поднялось. В этом основном районе сосредоточения были только окопы и траншеи. Но в то время и не разрешалось — в целях сохранения расположения основных районов в тайне — оборудовать там капитальные сооружения типа блиндажей.

Возвращался в полк в приподнятом настроении. Ощущение начавшегося подъема еще больше укрепилось, когда на офицерском совещании все командиры батальонов и отдельных рот доложили: тренировки с выводом личного состава в пункты сбора и подачей туда автомобилей проведены, все нормально. Я

поблагодарил офицеров за проделанную работу и предупредил, что вместе со штабом проведу общий подъем полка или отдельных подразделений. И к этому быть надо готовыми буквально сегодня с вечера и ночью.

Офицеров отправил по подразделениям, а я с заместителями командира полка здесь же, в офицерском классе штаба полка, продолжил разговор. Для начала поинтересовался:

— Товарищи, какие у вас впечатления после тренировки?

Дубин:

— Конечно, можно было бы провести более эффективно, если бы командирам подразделений дали возможность лучше подготовиться. Это — во-первых. Во-вторых, желательно такие занятия проводить в день только с одним батальоном или только со спецподразделениями полка. Тогда и штабу легче контролировать. В-третьих, в связи с тем, что у нас пока один выход из парка, то при выезде машин произошло форменное столпотворение. На наведение порядка тоже потребовалось время. Но в целом определенная польза, несомненно, есть.

Сбитнев:

— Тренировка принесла большую пользу. Ведь первый раз на автомобилях! Уже сам дух у людей другой. Еще бы! Они — на технике. А все те недостатки, что проявились, — вполне естественны. К следующему занятию можно подготовиться лучше.

Заместитель командира полка по техчасти Клементьев:

— Разделяя высказанное мнение, я одновременно вношу предложение — уже сегодня, буквально сейчас, сделать два дополнительных выхода из парка. Операция проста — надо лишь снять в этих местах забор. Один выход — для 1-го и 2-го стрелковых батальонов, техника которых ближе к тыловому забору парка, и там же их пункты сбора; второй — для батареи САУ: она выходит из парка и сразу останавливается. Это ее пункт сбора. Остальные, т. е. 3-й стрелковый батальон и специальные подразделения, выходят по старой схеме через центральный выход.

Все поддержали это предложение. Я вызвал инженера полка и поручил ему силами саперной роты «смастерить» эти два дополнительных выхода, проделав проемы в заборе и подступы к ним с обеих сторон, т. е. дорогу. Начальник штаба получил задание организовать в парке и на территории военного городка четкое регулирование движения, а заместителю по технической части — провести занятия с водителями автомобилей 1-го и 2-го стрелковых батальонов под общим руководством представителей командования этих батальонов и батареи САУ. И хоть Дубин немного ворчал — «Ну зачем горячку пороть? Сделаем все не

торопясь!», — но план мы выполнили полностью.

Пока провели дополнительные тренировки, да возились долго с этими двумя новыми выходами, пролетело время. Разошлись поздно, когда ехали домой, предупредил водителя, что, возможно, сегодня ночью его вызову, так что машину надо поставить прямо у дежурного по парку. Ну а если кто-то объявит тревогу, то тут уж жми на все педали.

Мои предположения оправдались. В три часа ночи начальник штаба армии с оперативной группой и начальник штаба дивизии нагрянули в полк и объявили тревогу. Через 15 минут я был уже в полку. Представился начальнику штаба армии. Тот молча поздоровался за руку. Я выслушал дежурного по полку — все ли оповещены. Получил положительный ответ. Рядом и несколько в стороне от входа в штаб был поставлен — по ранее отданному мной приказу — большой стол, за которым сидел заместитель начальника штаба с картой и журналом регистрации докладов. Здесь же был установлен выносной телефонный аппарат и радиостанция командира полка, по которой командиры подразделений должны были докладывать с пунктов сбора о готовности к движению в район сосредоточения. Стол был освещен приглушенным светом лампы от аккумуляторной батареи.

В кромешной темноте, поскольку начальник штаба армии приказал электричество выключить, полк шевелился, как разворошенный муравейник. Лишь отдельные ручные фонарики, в помещениях — керосиновые лампы и в парке — подфарники машин позволяли как-то ориентироваться.

Начальник штаба полка Дубин, бегая по своему кабинету, кричал на коменданта: «Где плашки?» Тот ничего не мог ответить, и они оба суетились, разыскивая эти восковые светильники, чтобы зажечь их и создать рабочую обстановку в кабинетах. Я сказал дежурному по полку, который был рядом со мной:

— Пригласите ко мне начальника штаба полка и вызовите начальника связи.

Подошел Дубин и с огорчением развел руками:

— Не можем найти плашки…

— Да пускай этим занимается комендант, а вы с заместителем начальника штаба садитесь за этот стол и принимайте доклады. Командир 2-го батальона и командир батареи САУ уже доложили, что они в полном составе находятся в пункте сбора и готовы к движению в район сосредоточения.

Действительно, эти доклады по радио только что прозвучали, и генерал это слышал. Дубин успокоился, уселся за стол и стал принимать остальные доклады. Заместитель начальника штаба

записывал их в журнал и проставлял время.

Подошел начальник связи. Я обращаюсь к генералу:

— Разрешите уточнить — полку выходить в запасный или в основной район сосредоточения?

В это время подошел полковник Крутских:

— В казармах сейчас проверяют: кто остался и что осталось, — доложил он генералу, — а я был в парке. Не знаю, как только они никого не задавили?

— Вообще, у них все суетятся, мотаются туда-сюда, не представляя четко своей задачи, — вторит ему генерал.

Я, конечно, не вытерпел:

— Все идет по разработанному в полку плану. Еще не прошло и 30 минут с объявления тревоги, а подавляющее большинство подразделений доложили, что они со всем личным составом и транспортом уже находятся в пунктах сбора. А то, что отдельные суетятся, так это было всегда. Человек, может, что-то забыл или бежит с каким-то докладом. Не это главное. Главное — в принципе — справится полк или не справится с поставленной задачей.

— Нам виднее, что главное, — сухо отрезал генерал. — Мне вот непонятно: через въездные ворота не прошло и половины полка, а вам докладывают, что все уже в пунктах сбора.

Здесь, вроде как выручая нас, вмешался Крутских:

— Они в парке сделали проломы в заборе и через эти проломы вывели много подразделений.

— Это не проломы, а два оборудованные вчера дополнительные выходы из парка. Все делается по плану, — поправляю его я и, обращаясь к генералу, говорю: — Прошу все-таки уточнить, в какой район сосредоточения выходить полку. Время идет. Это же учитывается.

— Что вы со своим районом носитесь? — взъерепенился генерал. — Надо будет — поставлю задачу.

— Но я хотел вперед послать оперативную группу и роту связи, чтобы к приходу полка они все организовали, в том числе связь с пунктом постоянной дислокации по телефону.

— Откуда там может быть телефонная связь?

— Она уже существует. Я вчера все это сам видел.

Генерал и Крутских переглянулись.

— Посылайте телефонный взвод роты связи, и всё. Оперативную группу посылать не надо, — распорядился генерал.

Я сказал, чтобы Дубин отдал необходимые распоряжения. Поинтересовался, кто еще не доложил о прибытии на заданное место сбора. Оказалось, доложили все, некоторые даже по нескольку раз, и просили уточнить дальнейшую задачу.

Дубин поставил задачу начальнику связи. Однако в это время генерал разрешил включить в военном городке электроосвещение и приказал дать отбой, технику поставить в парк, личный состав вернуть в казармы, проверить и утром сделать подъем на два часа позже, а далее — все по распорядку дня. К этому моменту подошли все заместители командира полка. Генерал подумал и добавил:

— Я не намерен делать отдельно специальный разбор. Вы сами видели, как много было недостатков. Особенно эта бестолковая беготня. И правильно отметил полковник Крутских, что только чистая случайность не привела к ЧП.

Я молчал, а внутри все кипело: почему же не сделать разбор? Почему не назвать конкретные цифры и факты?

Генерал между тем продолжал свое наставление:

— Сами разберитесь, а штаб армии и штаб дивизии дадут вам необходимые материалы. Кстати, и начальнику штаба полка надо не плашки какие-то разыскивать во время тревоги, а вместе с командиром управлять полком.

Мне было жалко Леньку Дубина. Однако упрек был справедливый, хотя Дубин в ходе событий и смог собраться. Под конец генерал сказал, что он и все офицеры дивизии уезжают, а я обязан позвонить и доложить дежурному по штабу армии, когда все и всё вернутся в казармы.

Генерал уже собрался уезжать, как вдруг дежурный по полку доложил, что командир телефонного взвода роты связи звонит из района сосредоточения. Генерал подошел к телефону сам, переговорил с лейтенантом и затем мне:

— Пускай сворачиваются и возвращаются в Мурманск. До свидания.

Мы распрощались. Начальство уехало, а нам предстояло все две тысячи человек уложить на отдых и доложить в штаб армии. Позвонив в район сосредоточения, я объявил лейтенанту и всему взводу благодарность, приказал все свернуть и аккуратно, без происшествий, вернуться в полк. Оповестил, что полку объявлен отбой.

Пока подразделения возвращались в казармы, мы сами сделали предварительный разбор. Все пришли к единогласному выводу, что принципиально полк с задачей справился. Очень важно, что мы провели тренировку. Однако в ходе и тренировки, и этой проверки вскрылось много дополнительных вопросов, которые надо решать. Договорились, что штаб напишет краткий приказ, в котором отметит лучшие подразделения и отличившихся офицеров, начиная от заместителя командира полка по техчасти, который предложил создать два

дополнительных выхода из парка. К этому приказу будет приложен план мероприятий по совершенствованию боевой готовности подразделений и служб полка.

Итак, моя жизнь в новом полку началась с весьма бурных событий. Но главное — коллективом я был принят нормально, хотя и прошло всего несколько дней. Это придало мне дополнительные силы. А уже через месяц появилось чувство, будто командую полком уже не первый год. Вскоре приехал новый командир дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Федор Васильевич Чайка — мудрый, опытный командир. Всего лишь на пять лет старше меня. В любой обстановке сразу отыскивал главное и безошибочно сосредоточивал здесь все усилия. Но главными достоинствами Федора Васильевича, на мой взгляд, были два: первое — он никогда не подставлял подчиненных, а, наоборот, при всех обстоятельствах защищал их и отстаивал, беря вину на себя; и второе — давал полную инициативу подчиненным, максимально развивал их творчество. Разумеется, в том случае, если у подчиненного была разумная инициатива. Но если он нес несусветный бред — все в корне пресекалось. Были у него и другие качества характера, связанные воедино, они и составляли его неповторимую суть. Например, он терпеть не мог длинных докладов. Еще больше не выносил, когда у него что-то просили. В таком случае он обычно говорил так:

— Тебя назначили единоначальником! Понимаешь? Е-ди-но-на-чаль-ни-ком! Ты изначально должен делать все сам. Командир полка это такая фигура, что он должен уметь всё, ясно? Для выполнения всего этого государство дает необходимые средства. А ты какие-то просьбы?! Командир дивизии, к твоему сведению, должен со своим штабом следить, чтобы ты выполнял утвержденные планы и не забуравил бы куда-нибудь в сторону. Так что способы решения всех задач отыскивай сам. А вот если изобретешь что-то новое, особенно в боевой подготовке, — звони. Проведем показные занятия.

Чайка, конечно, видел, что полк находится в сложных условиях. Поэтому приказал без его ведома никому в полку не появляться, а если есть у кого-то идея помочь — связывайся с командиром полка и решай проблему.

Для меня самым главным было — создать благоприятные условия солдатам и офицерам для жизни и быта. Тогда можно спрашивать и требовать, в том числе и высокую боевую подготовку. Этот принцип мною соблюдался на протяжении всей службы, когда командовал и полками (а их было четыре), и дивизией, и армейским корпусом, и армией, и войсками округа, и работая в Генеральном штабе, и, наконец, являясь

Главнокомандующим Сухопутными войсками.

Взять, к примеру, полки.

Первым из них был 56-й стрелковый. Выше я уже рассказал, какими фондами располагал полк. Даже изгороди приличной не было! Проходной двор. Но где взять средства для ремонта и строительства? Я был в отчаянии. Не один вечер просиживал с начальником тыла, прикидывая различные варианты. Кое-что удалось найти. По команде штаба армии или штаба дивизии полк безвозмездно направлял свои подразделения на разгрузку рыбы с приходящих из океана сейнеров. Я поехал в порт. Повстречался с соответствующими начальниками и попросил, чтобы они сами дали мне справку — какую в этом, 1956 году, военные выполнили у них работу и сколько это стоит. За прошлые годы, так и быть, вспоминать не будем. На эту сумму мы будем просить приобрести набор музыкальных инструментов (гармонь, баян, гитару, мандолину, балалайку и т. п.) для каждой роты, батареи и отдельного взвода, а их у нас 28.

Руководители порта согласились со мной, что дальше на халяву дело не пойдет. Солдаты — не дармовая сила. Если они помогают, то и к ним надо относиться соответственно.

Таким образом, потихоньку оснастили каждое подразделение. Затем «освежили» инструменты в полковом оркестре. Приобрели новый радиоузел, телефонный коммутатор, инвентарь для спортзала, имущество, особенно мебель для многих классов, медицинского пункта.

Но не это было главным. Нужен был капитальный ремонт всех зданий, особенно казарм и столовой. Нужно было строить как минимум спортзал, здания для учебных классов и бытового комбината. Как воздух, полку был необходим большой асфальтированный плац и также благоустроенные дороги, в том числе в парке. Наконец, полностью надо было построить стрельбище и переустроить парк.

Что делать? Планы — грандиозные, а возможности — нулевые.

И вдруг меня осенила мысль: а не использовать ли лес-кругляк, который штормом сбрасывало с верхней палубы лесовозов (раньше из Мурманска тоже возили лес на мировой рынок) и выкатывало на берег? Весь Кольский залив по периметру был завален таким лесом. Прикинув объемы этих «залежей», я понял, что нашел «золотую жилу». Однако теперь предстояло самое трудное — найти каналы реализации идеи.

Перво-наперво я поехал в горисполком, с работниками которого уже был в тесном контакте, и произнес там пламенную речь:

— Товарищи, ну до чего мы дошли?! В Мурманске постоянно пребывает много иностранцев, особенно моряков. Они везде шляются и фотографируют не только достопримечательности, но и картинки, которые нас порочат. Возьмите берег залива хотя бы в границах города. Ведь все завалено кругляком!

— Ну, а что мы сделаем? — услышал я в ответ на свою тираду.

— Так мы можем помочь очистить берег хотя бы в границах города. Напишите только официальное письмо с просьбой — и мы будем действовать.

Выслушав в связи с этим тысячу благодарностей и получив буквально на следующий день такое письмо-просьбу горисполкома, я стал действовать дальше. Теперь надо было найти пилораму. В городе свободной не нашлось. Пришлось обращаться к председателю колхоза в Мурмашах, что южнее города километрах в 25-ти.

— Вот, приехал познакомиться, проведать соседа, а заодно и поговорить о деле, — начал я издалека.

— Оно-то хорошо, когда соседи в ладах, — степенно вторил мне председатель.

— Тем более богатые соседи, — в тон ему говорю я.

Председатель с хитринкой покосился на меня глазом. А затем мы стали рассказывать друг о друге. Оказывается, он тоже воевал — здесь, в Заполярье, на реке Большая Западная Лица. После ранения остался в этих краях, и вот уже 12 лет возглавляет колхоз. А до войны работал сантехником в Медвежьегорске, в Карелии. Здесь колхоз небольшой, но все есть. Народ доволен.

— А как со строительством? Дома колхозникам строите?

— А как же! Пока, правда, только деревянные, но скоро будем ставить и кирпичные. Кирпичный завод сделали. Хоть и плохонький, но свой. Беда с глиной. Нашли одно место, но там она уже кончается, да и качество не то…

— А деревянные избы из бруса или кругляка ставите?

— Так это дело вкуса. Из бруса вроде красивее, а из кругляка дом столетия будет жить. Потому как хлысты цельные, структура не нарушена. Монолит! Надо только хорошо очистить от коры, чтобы не было гниения. А если бревна еще чем-нибудь смазать — так это вообще дом вечный.

— Столярку сами делаете?

— Ну как же, как же. Все сами — и столярку, и половую доску, и брус, и вагонку-шалевочку. Есть и пила, и строгальные станочки.

— Да, это богатство. А как с лесом?

— У нас свой небольшой лесок. Но мы его бережем, а возим

из Карелии. Дороговато, но внакладе не остаемся.

— А на сторону кому-нибудь пилите?

Председатель расхохотался:

— Ну, так бы и сказал, что тебе надо напилить (мы уже перешли на «ты»).

Естественно, его заразительный смех, а главное — мое «разоблачение» заставили меня расхохотаться тоже.

— Ты прав! Надо мне напилить досок, — переведя наконец дух, сказал я.

— Много ли?

— Много.

— Да, если много, то сложней. Но нашим защитникам надо помочь.

— А когда можно возить лес?

— Да хоть завтра! Чем раньше привезешь, тем раньше получишь доски.

— А с расчетом как?

— Как со всеми: пятьдесят на пятьдесят. Сто кубов привез — пятьдесят пилим тебе, а пятьдесят — наши.

— Да ты что? Креста на тебе нет, — воскликнул я. — Это же грабеж среди белого дня. Побойся Бога. Хотя бы одну треть брал, ведь сам говоришь: защитникам надо помочь.

— Вот Бог и велит по справедливости поступать, — не сдавался председатель-хитрован. — Мы всем пилим только на этих условиях. И все довольны. Потому что справедливо. А что пильщики скажут, если я прикажу за работу брать одну треть леса? Они прямо скажут: председатель занимается махинациями. И никого потом не переубедишь.

— Да, ну ты даешь! 50 процентов!

— Только так, дорогой сосед, и никаких торгов. Не нравится — поищи других. Но они предложат те же условия, если не хуже.

— Ну, ладно! По рукам!

Так я начал большое, на мой взгляд, дело, которое легло в основу всего моего «предпринимательства», без которого невозможно было вытянуть полк из той ямы, в какую он попал. Современный читатель не представляет, как это было сложно и опасно в те годы заниматься такой деятельностью. Различного рода контрольные органы и мысли не допускали, что все это делается бескорыстно. Они считали, что здесь обязательно кто-то «греет руки».

Итак, договорившись с председателем о распиловке, я вернулся в полк, вызвал начальника инженерной службы и командира саперной роты. Объявил им, что от них зависит спасение полка. «Справитесь с этой задачей — оставите память навечно». Обещал им всячески помогать и защищать, если «обрушатся» старшие начальники.

А дальше события развивались так. На побережье работала команда, которая с помощью лошадей подтаскивала добротные бревна к дороге, где все это грузилось на грузовики и отправлялось в Мурмаши на лесопилку. Инженер полка лично отвечал за учет.

На хозяйственной части территории полка отвели большой участок для хранения досок, обнеся его проволочным забором и выставив охрану, которая подчинялась только мне и полковому инженеру. Сделали на эту территорию отдельный въезд.

Система заработала, доски стали поступать. Заместители командира полка стали на меня наседать: что это, куда это, а что ему будет выделено? И на стрельбище надо, и на караульное помещение надо, и на парк надо, и на склады надо. Всех предупредил: пока ничего не просить и вопросов не задавать. Все будет — дайте только срок. Спасибо председателю — хотя и сдирал три шкуры, но и пилил в три смены.

Одновременно через деловых лиц в горисполкоме, в порту и других организациях я пытался отыскать канал, по которому можно было бы сбыть наши доски, а на вырученные деньги купить нам пилораму. Наконец эта проблема была разрешена. Мы купили «Колхозницу». Эта пилорама брала бревна в 35 сантиметров, не больше. Установили ее на отведенной территории по всем правилам и тоже стали попиливать. Потом построили огромный цех из расчета еще на одну, но более крупную пилу. Своих планов относительно ее я пока никому не раскрывал. И хотя заместители опять стали ко мне подступаться — никому ничего не давал. Наконец мы приобрели большую, на

75 сантиметров, пилораму, точно такую же, как у председателя. И работа закипела! Теперь мы лес в колхоз больше не возили — сами все распиливали. Полкового инженера я послал к председателю — поблагодарить и сказать, что подвоз леса временно прекращаем. Попросил также передать, что я сам как-нибудь заскочу.

Через некоторое время мы приобрели четыре финских строгальных станка: два делают половую доску, два — вагонку. Мы зажили. Теперь не мы, а уже нам возили лес на распиловку. Расчет, естественно, был по мурманским стандартам — 50 на 50. Вскоре на побережье в черте города мы все убрали: хороший лес вывезли себе, гнилье обливали соляркой и сжигали за городом.

До наступления холодов по периметру территории полка поставили на бетонной основе столбы для будущего забора и сразу на нескольких участках стали ставить ограждения из вагонки. Параллельно строили огромные, массивные, но красивые въездные ворота (за размеры их потом окрестили «Бранденбургскими воротами») и в унисон им — контрольно-пропускной пункт в несколько комнат, одна из них предназначалась для посетителей. Все ограждение было поставлено буквально за три недели. Ограждение было покрашено в светло-зеленую, «играющую» на солнце краску. Полк засиял. Подходишь к нему — и тебя охватывает чувство радости и уважения к армии. Что значит все-таки внешний вид!

Ну, а внутри пока еще серьезных изменений не произошло. Кое-какие дыры, правда, залатали, но главное готовили на весну и лето следующего года. А сейчас навалились на стрельбище. Построили центральную вышку, вышку на танковой директрисе (для стрельбы САУ и артиллерии прямой наводкой), поставили участковые пульты управления — небольшие, но добротные теплые домики. Но нашей гордостью были три сборно-щитовых казармы на ленточном бетонном фундаменте, добротные хранилища для мишеней и стрельбищного оборудования. Здесь же была и мастерская для универсального ремонта — ремонтировали все, как шутили солдаты, кроме самолетов и кораблей. Здесь располагался и полевой парк, стоянка машин с водо-маслогрейкой и теплым контрольно-техническим пунктом.

Сборно-щитовые казармы мы выменяли в порту на половую доску и вагонку. Одна казарма предназначалась для общежития и столовой офицеров, две других — для личного состава. Одновременно в них мог разместиться стрелковый батальон и одна-две отдельные роты (батареи). Правда, в разгар работ нас постигло несчастье — не успели мы построить центральную вышку, как на ней случился пожар, и она сгорела дотла, остались

одни фундаменты. Но мы, уже в стужу, поставили еще более мощную и благоустроенную вышку с большими крыльями — классами. По соседству находился медицинский пункт. А хозблок, точнее, полевая кухня стояла между солдатскими и офицерским бараками. Пункт боепитания — возле универсальной мастерской. Здесь же была и электростанция.

Словом, все было предусмотрено. Условия для учебы на стрельбище были созданы нормальные. Мы целый месяц потратили на переоборудование всех блиндажей на стрельбищном поле — обили их доской, поставили лавки и столики, сложили печи, подвели телефонную связь и электричество низкого напряжения, создали элементарную механизацию для показа мишеней, поскольку тогда другого не было. В целом стрельбище полностью отвечало требованиям того времени. Поэтому подразделения охотно тянулись на стрельбище. Солдатам там было лучше, чем на зимних квартирах. Батальон выходил на неделю и прекрасно занимался, сосредоточивая основное внимание, разумеется, на огневой и тактической подготовке. Уже через месяц все офицеры заявляли: все, что создано на стрельбище, благотворно сказывается на боевой учебе.

А в военном городке мы провели настоящую революцию с дорогами. Сняв толстый слой грязи, увидели, что под ним булыжник. Хоть и плохой, корявый, с выбоинами, но — булыжник! Эта мостовая шла по прямой линии на 120 метров от ворот, а от нее два отростка уходили влево: один проходил перед всем штабом до казарм, а второй — за штабом, где был вход в медицинский пункт полка.

Когда грязь вычистили, аккуратные кюветы обложили дерном, вдоль дорог посадили елочки, то общая картина и внутри военного городка повеселела. К тому же с первыми заморозками пригнали каток и как следует укатали наш главный плац. И хотя он был земляной, но им уже можно было пользоваться.

Зная, что зимой в Кандалакше даже днем темно, я решил, что надо сделать необходимое освещение. Сказано — сделано! И вот уже все дороги и дорожки в городке залились ярким освещением. Плац освещался дополнительно тремя рамами, в каждой — по шесть прожекторов. Их установили тоже с умом: одну — на казарме, другую — на штабе, третью — на парковом помещении. Когда включалось это освещение, то на плацу становилось так же светло, как на освещенном ночью футбольном поле стадиона. Однако мы к этому прибегали только по необходимости. А в целом уже даже без капитального ремонта городок дышал теплом и уютом.

На плацу построили добротную трибуну. Каждый день на

полковом разводе, встречаясь с личным составом, я отмечал отличившихся. Например, вся саперная рота была выведена из строя полка и показана всему личному составу. Ей приказом по полку объявлялась благодарность за самоотверженный труд. В порядке поощрения вся рота получила возможность в оставшееся в этом году время поочередно съездить домой в краткосрочный отпуск. Отмечались также лучшие по боевой подготовке офицеры, сержанты и солдаты. Ротам вручались наборы музыкальных инструментов — подарки от шефов (а точнее, плата за труд солдат на разгрузке рыбы).

Полк постепенно подтягивался.

Вместе со штабом и начальником тыла мы набросали планы наших действий с наступлением весны. Заранее заключили с ремонтными организациями соглашения, только нам известными каналами сделали необходимую предоплату.

1956 год закончился. Нам позволили проверить самих себя и подвести итоги. Это нас, особенно меня, ставило в сложное положение. В этом случае какие бы оценки ни ставил — старшая инстанция если уж не скажет, то обязательно подумает, что оценки завышены или занижены. Но выхода у нас не было. Проверку провели. Преобладали тройки, правда, по огневой и политической подготовке шли четверки.

Вскоре началась подготовка к новому учебному году. Пошла серия сборов разной категории. Командир дивизии решил проводить сборы командиров батальонов дивизии на базе нашего стрельбища. Это, конечно, налагало на нас большую ответственность. Надо было хорошо подготовить занятия по тактике, огневой подготовке. Особое внимание уделили подготовке и проведению учения с боевой стрельбой по теме «Наступление стрелкового батальона, усиленного минометной батареей и батареей САУ полка». Задание оказалось сложным, но все получилось.

В общем, с задачей справились, и командир дивизии нас даже отметил. Более того, мы почувствовали, что он принял решение на будущее — все сборы и различные показные занятия проводить на базе нашего полка. Это, конечно, почетно, но было ясно, что жизнь и деятельность всего коллектива очень усложнится. Но это реальность, и ее надо воспринимать такой, как она есть.

Задолго до весны, по решению командующего войсками Северного военного округа, командиров стрелковых полков собирали в два потока на два месяца на курсы по подготовке танковому делу. Я попал в первый поток. Кстати, туда попал и Николай Трегубов. Курсы были организованы на базе отдельного

окружного учебно-танкового батальона, который дислоцировался под Медвежьегорском в Пиндушах. Мы капитально. изучали материальную часть танка Т-85, который должен был поступить на вооружение стрелковых полков, занимались стрельбами и вождением этих боевых машин. Конечно, это было умное, дальновидное решение. Оказывается, инициатива принадлежала Г. К. Жукову.

Прошел зимний период обучения. Подвели итоги и стали готовиться к летней учебе. И наконец-то начали капитально ремонтировать все основные здания, строить современный спортзал и комбинат бытового обслуживания.

Для обеспечения условий для ремонта мы фактически вывели полк на стрельбище и в запасный район сосредоточения, расположенный рядом со стрельбищем, где тоже поставили одну сборнощитовую казарму для офицеров, а личному составу разбили палаточный городок. На зимних квартирах остались только ремонтно-строительные бригады полка. Центральный въезд в городок был закрыт, так как началось асфальтирование всех дорог, тротуаров и главного плаца полка. А к казармам сделали временный тыловой въезд.

Параллельно ремонтировались все здания и строились новые. Благодаря тому, что все заготовки были сделаны в прошлом году и в зиму с 56-го на 57-й год, за четыре месяца все преобразилось.

В начале августа я проводил далеко от Мурманска учения с одним из стрелковых батальонов. Неожиданно прибыл командующий войсками округа. Он посетил полки нашей дивизии, затем — в Печенге. По рассказам начальника штаба полка, все прошло нормально, за исключением одного казуса. Осмотрев уже фактически готовую казарму, командующий, спускаясь по лестнице, потрогал на лестничной клетке оконную раму. Она была только вставлена в свой проем (все окна и двери мы заменили), но еще не закреплена. Ко всеобщему ужасу, рама падает… на плечи командующего. Хорошо, что она еще не была застеклена. Генерал почертыхался и уехал.

В сентябре полк собрался и въехал в фактически новые, сияющие казармы с первоклассным оборудованием (особенно классов, бытовых комнат, санузлов). Столовая и спортзал просто благоухали. Варочный и другие цеха — одно загляденье. Только штаб капитально не ремонтировался, однако, как и другие здания, был снаружи и внутри покрашен и выглядел нарядно.

Во второй половине сентября командующий войсками приезжает к нам вместе с только что назначенным на должность начальника тыла — заместителем министра обороны маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем Баграмяном. Мне

позвонили из штаба армии: «В ваш полк выехал командующий войсками и маршал Баграмян». Это было как гром с ясного неба. Только я выскочил из штаба, как вижу, что ворота уже распахнуты и на территорию городка медленно въезжает ЗИМ, останавливается и из него выходят двое в лампасах и два полковника. Конечно, я мчусь к ним навстречу, потом перехожу на строевой шаг и рапортую маршалу. Он внимательно меня выслушал, подал руку, поздоровался, окинул взглядом наш полк и медленно говорит:

— Удивительно! В Заполярье такие красивые военные городки.

И действительно, все вокруг было красиво. С березок еще не опала ярко-желтая и красная листва, темно-зеленые елки, такие же кюветы, перед штабом и казармами — цветники с осенними цветами, а сами казармы — как нарядные невесты, свежие, с ясными окнами-очами приветливо улыбаются вместе со всеми другими зданиями.

Я окинул все каким-то новым взглядом, и мне тоже понравилось. Один из полковников, улыбаясь из-за спины маршала, показал мне большой палец.

— Позвольте доложить вам, товарищ маршал, расположение объектов полка.

Перечислив все здания, дал им краткую характеристику. Предложил посмотреть вначале казармы. Баграмян — согласился. Зашли в первую казарму, и он сразу прошагал на третий этаж. Не торопясь, осмотрел буквально все. Особо ему понравились умывальники и бытовые комнаты — чистые, светлые. А когда в каждой ленинской комнате увидел целый набор музыкальных инструментов, а также услышал, что это шефы проявляют заботу — вконец подобрел. Второй и первый этажи осмотрел так же детально, до каптерок включительно, и опросил старшин, как они обеспечены, чего не хватает, что они хотели бы иметь.

Когда покончили с первой казармой и вышли наружу, то командующий предложил пройти в столовую (очевидно, чтобы сократить время). Но маршал сказал, что надо посмотреть хоть один этаж и другой казармы. На первом этаже у нас была полковая школа. А там у нас был всегда не просто отличный, а образцово-показательный порядок. Зашли в школу. Последовала команда: «Смирно!» Маршал дал «вольно» и поздоровался с дневальным, дежурным, начальником школы. Прошел по коридору в спальное помещение и замер. Долго стоял, рассматривая все подробно. Действительно, здесь все было образцово. Видимо, сказывалось и то, что курсанты располагались в один ярус. Поэтому помещение было не по-казенному уютным.

Прошли по всем остальным комнатам. Всюду порядок идеальный. У меня на душе, естественно, все пело.

Маршал поблагодарил начальника школы, и мы отправились в сторону столовой. Кивнув на полковой медицинский пункт, он все-таки уточнил: «Это медпункт?» Я подтвердил, и все направились за ним. Здесь тоже, осматривая все детально, он задержался в стоматологическом кабинете и в перевязочной. Перевязочная больше походила на маленькую операционную. В медпункте был стационар на 12 мест. Лежало трое: один — после небольшой операции на пальце ноги, другой — с пневмонией (на стрельбище уснул на земле), третий — с гнойничковым заболеванием. Маршал с каждым подробно побеседовал. Затем прошел в небольшой комбинат бытового обслуживания, спортивный зал (хотя там был не только зал) и, наконец, направился в столовую. Тут уж он отвел душу. Мало того, что обошел оба обеденных зала, хлеборезку и все цеха, так он еще и начал с толком, не торопясь пробовать пищу (время приближалось к обеду). В залах было уютно, светло. В цехах чисто, все на своем месте. В варочном цехе сделана хорошая вытяжка, и поэтому воздух был свежим. Даже в посудомоечной было чисто и сухо, чего почти не бывает никогда. Просто маршалу (а точнее нам) повезло, что он попал к нам в такое время дня, в такой месяц, да еще и после капитального ремонта.

Выйдя из столовой, маршал дал ряд рекомендаций начальнику тыла полка, сделал запись в журнале, и мы отправились в сторону парка. Слева просматривался хоздвор, где у нас был, так сказать, «лесопильный комбинат». Чтобы отвлечь внимание маршала, я начал оживленно давать справку о парке — сколько машин, какие марки, какие орудия, система техобслуживания… Но Баграмян вдруг спрашивает, показывая на хоздвор:

— А это что?

— Это хозяйственный двор. Там хранится уголь, дрова, лес. Имеется небольшой цех по обработке древесины. Вот и все.

— А где у вас свинарник?

— За чертой города. Санэпидемстанция не разрешила нам держать здесь свиней.

Мы отправились в парк. Я вздохнул с облегчением: пронесло! Хорошо, что в это время пилорамы уже не работали. Не знаю, как бы все обернулось, если бы маршал заглянул на наш «лесопильный комбинат».

Мы остановились на центральной дороге парка, и я дал подробное пояснение: как все расположено, каковы система выхода по тревоге и техническое обслуживание машин. Вопросов

не было. Мы вышли из парка и подошли к ЗИМу. Прошло два с половиной часа визита. Маршал в раздумье говорит:

— Хорошо у вас в полку. Здесь можно и служить хорошо.

— Это у нас средненький полчок, — поддержал разговор командующий. А я про себя подумал: «Мудрый командующий. Если это даже не средний, а средненький, то можно представить, как выглядят хорошие, а тем более отличные».

Маршал посмотрел на Стученко, улыбнулся. Никаких комментариев не последовало. Потом снова, обращаясь ко мне, спросил:

— А книга отзывов у вас есть?

— Товарищ маршал, такой книги нет, но есть формуляр полка.

— Пусть мне его принесут.

Я отдал распоряжение, а пока оно выполнялось, принялся рассказывать о нашем учебном центре (стрельбище и т. д.), который расположен за городом, о том, какие там созданы условия для личного состава. Буквально через пару минут прибыл начальник штаба полка с формуляром. Маршал развернул его прямо на капоте автомобиля и изложил свои впечатления на целой странице формуляра, не соблюдая никаких граф. После чего тепло распрощался с нами.

Командующий тоже пожал всем руку, но ничего не сказал. Да и что он мог еще добавить? Ведь уже было «выдано»: «Это средний полчишко». Но Бог с ним! Мы были рады, что все обошлось. Как мало надо человеку за его труд?! Просто скажи ему спасибо, и он будет вкалывать еще больше.

Буквально через два дня к нам в полк пожаловал начальник финансовой службы армии. Полковник поведал, что недавно на Военном совете армии выступил заместитель командующего по боевой подготовке и сказал, что Варенников деньги, предназначенные по статье 32 на боевую подготовку, тратит не по назначению — на забор, музыкальные инструменты и т. д. Надо проверить. Я вызвал заместителя командира полка и начфина и попросил их создать все условия для работы комиссии — прибыло четыре человека. На третий день полковник, придя ко мне, сообщил, что в полку очень много финансовых нарушений. Все будет доложено командующему.

Через неделю приказом по армии мне объявляется выговор за грубые финансовые нарушения.

Печально, но факт. На офицерском совещании я лично зачитал этот приказ командующего армией и сказал, что действительно были нарушены некоторые каноны, но у нас не было другого выхода. Однако выводы для себя я сделаю.

В тот же вечер в полк пришел комдив генерал-майор Чайка:

— Читал приказ командарма?

— Так точно! И сегодня довел всему офицерскому составу.

— Зачем? Там же сказано: «Довести до командиров частей и им равных».

— Но это — для других частей, а в нашей всё должны знать все офицеры. Я считаю это правильно.

— Какой же стервец этот Никитин! Это же его работа. Он подбил заместителя по боевой, чтобы тот выступил на Военном совете. Я ему этого не прощу. Завтра утром к тебе приедет командарм. Представь ему все. Я уже с ним переговорил.

Действительно, на следующий день утром приехал командующий нашей 6-й армией генерал-лейтенант Баринов. Он появился минут через 30 после развода на занятия, о чем я очень сожалел, поскольку церемония развода на занятия и прохождение всех подразделений полка торжественным маршем были очень четкими и эффектными. Конечно, мне хотелось, чтобы командарм увидел это.

Я встретил и сразу хотел предложить ему ту же схему, что была у маршала Баграмяна. Однако после долгих раздумий, рассматривая военный городок, он сказал:

— Полк я знаю, хоть и бывал здесь очень давно. Все как-то езжу по тем частям, что подальше стоят. Я позавчера приехал из отпуска, и мне доложили, что у вас были допущены финансовые нарушения при ремонте.

Я молчал, а командарм не настаивал, чтобы я как-то все объяснил. Тогда он добавил:

— Доложили также, что приезжал в армию и был у вас в полку начальник тыла Вооруженных Сил маршал Баграмян (почему-то о командующем войсками округа не вспомнил, видно, по причине обоюдной неприязни). Интересно, какие он сделал замечания?

— Принципиальных замечаний не было.

— А какие непринципиальные?

— Дал рекомендации по жизни и быту личного состава, по организации питания. В целом перед отъездом сделал запись. Если требуется — я готов доложить.

— Конечно, требуется. Но к этому мы вернемся после осмотра полка. Начнем с парка стоянки машин.

И пошли в парк. Это меня удивило потому, что прежде условия жизни личного состава в полку были плохими, и я считал, что это главное и с этого надо начинать. Но потом убедился, что командарм по-своему тоже прав. Полк перешел с конной тяги на автомобильную — это для полка революция! И

солдаты и особенно офицеры попали в совершенно другие условия, при которых кардинально меняются и тактика действий, и система управления, и самое главное — в жизнь полка вливается динамизм. Конечно, надо было посмотреть, как размещена техника (а мы практически заново переустроили парковые помещения, везде забетонировали полы), какая система обслуживания машин (мы построили теплый пункт технического обслуживания со смотровыми ямами и отдельно — теплую мойку и водомаслогрейку), как решается задача с выходом машин из парка (дополнительно построили два выхода, которые проверены во время тревоги).

На все вопросы командарм получил ответы — с нами был и заместитель командира полка по технической части. На заключительном этапе осмотра парка Баринов уже никаких вопросов не задавал, молча ходил и смотрел и, лишь перед тем, как покинуть парк, сказал:

— Вот представьте: солдат — механик-водитель САУ или водитель автомобиля, или, наконец, просто ремонтник — закончил работу, весь в мазуте, солярке, масле. Где ему привести себя в порядок?

Мы повели командующего в водомаслогрейку, где отдельно отгорожено большое помещение для раздевалки, оборудованы умывальник с горячей и холодной водой и три душевые установки. Здесь же мыло, мочалки и т. д.

Увидев все это, командующий ничего не сказал, но лицо потеплело. Ведь это все в Заполярье!

Далее осмотрел медпункт, бытовой комбинат, спортивный комплекс, причем детально все комнаты секционной работы, а не только спортзал, затем — столовую и в заключение — одну из казарм. Кстати, ту же, что и Баграмян. Молча лазил везде. А о чем спрашивать, если все налицо. Опытный командир сразу поймет, что к чему. В одной из ленинских комнат взял баян и сыграл куплет «Катюши». Тоже молча. Затем все мы вышли на плац. Огромный, весь заасфальтированный и разбитый полосами для проведения строевых занятий и торжественного прохождения подразделений, наш плац впечатлял. По его периметру стояли стенды с изображением в нормальный человеческий рост воинов в различной форме одежды и при выполнении различных строевых приемов. Было несколько больших зеркал. То есть все то, что требовалось по приказу № 30 министра обороны СССР маршала Г. К. Жукова.

— Когда же вы успели все это сделать?

Вы замечаете, читатель? Не спрашивает командующий: где вы взяли средства и кто вам все это сделал. Его лишь интересует —

когда? Действительно, все это мы сделали в максимально короткий срок. Однако этому предшествовала длительная, фактически годовая подготовительная работа. А что касается изыскания средств, так командующий — человек опытный, понимал и знал, как это все делается. Поэтому вопросов по этой области не задавал. Но заметил:

— А ведь правильно въездные ворота смахивают на Бранденбургские. Вы действительно по 32-й статье их построили?

— Товарищ командующий, тех денег, что нам дают по 32-й статье для боевой подготовки с учетом интенсивных стрельб, в том числе учений с боевой стрельбой, не хватает даже для покупки фанеры на мишени. А мы в нашем учебном центре ведь сделали современную учебно-материальную базу.

И я подробно рассказал, что там настроено.

— Ну, ладно! Что написал маршал Баграмян?

— Я сейчас принесу, — сказал Дубин.

— Принесите. А как с районами сосредоточения полка и с выходом по тревоге?

Я начал докладывать, но Дубин быстро обернулся туда и обратно, открыл ту часть формуляра, где была запись, и вручил командующему.

Генерал-лейтенант Баринов прочел один раз, потом, очевидно, перечитал отдельные фрагменты, закрыл журнал, увидел, что это полковой формуляр, подумал, передал его Дубину и объявил:

— Очевидно, мы проведем смотр всех военных городков армии. Готовьтесь.

Попрощался и уехал.

А через неделю мы получили сразу два приказа командующего армией: первый — с доведением только до командиров частей, в котором с меня снималось взыскание, как объявленное ошибочно, на основании недостаточно проверенных материалов; второй — с доведением до всего личного состава об объявлении смотра всех частей армии. Еще через несколько дней пришла вначале телеграмма, а затем сам приказ командующего войсками Северного военного округа о том, что объявляется смотр-конкурс на лучший военный городок. По условиям этого конкурса каждая дивизия округа выдвигает на смотр один полк. Чувствовалось, что округ перехватил, точнее, погасил инициативу руководства нашей армии, потому что потом пришло устное, через командира дивизии, разъяснение, что коль округ взял это в свои руки, то армия будет только помогать, а не проводить конкурс свой отдельно.

В итоге первые три места в смотре-конкурсе распределились

так:

первое место — наш 56-й стрелковый полк 67-й стрелковой дивизии;

второе место — Бабочинский стрелковый полк 45-й стрелковой дивизии 30-го армейского корпуса (Выборг);

третье место — 251-й стрелковый полк 54-й стрелковой дивизии (Кандалакша).

Таким образом, два полка были из нашей, 6-й армии.

А для нашего полка это вообще была великая победа, тем более что вместе с благодарностью командиру полка и его заместителям (персонально) объявлялась благодарность всему личному составу и выделялась значительная сумма денег для приобретения памятных подарков и награждения ими от имени командующего войсками всех отличившихся солдат, сержантов и офицеров полка. Рекомендовалось дать солдатам и сержантам и краткосрочные отпуска домой.

Хотелось бы особо подчеркнуть мудрость наших начальников, которые отмели все наносное по поводу финансовых нарушений и прочее. Конечно, если формально копаться во всех этих вопросах, то, конечно, можно найти даже в идеальном ведении финансового хозяйства какие-то нарушения. Но важны, на мой взгляд, два момента: чтобы была высокая эффективность и польза для дела, а с другой стороны — чтобы никто не посмел заниматься злоупотреблениями, махинациями, присвоением имущества или каких-либо ценностей.

У нас все было честно, открыто, чисто.

А вот в верхнем армейском эшелоне, как стало нам известно, случился небольшой скандал. В связи с чем родился и приказ об отмене моего взыскания. А через месяц или полтора наши места покинул вначале начальник штаба армии генерал-майор Никитин, а вслед за ним и командующий армии генерал-лейтенант Баринов. Для этого были причины более глубокие.

Командовать армией приехал тоже Герой Советского Союза, как и Баринов, правда, пока только генерал-майор Олег Александрович Лосик. Начальником штаба у него был полковник Иван Ильич Белецкий.

Между тем наш полк окреп капитально. Поднялся уровень воинской дисциплины, порядка и организованности. Все это особо благотворно сказалось на боевой и политической подготовке, в целом на боевой готовности полка. Офицеры действовали уверенно.

В своей последующей службе мне не раз еще приходилось прибегать к предприимчивости. Такие случаи бывали, но я их опишу кратко.

После 56-го стрелкового полка, преобразованного позже в 266-й мотострелковый, я командовал 6-м отдельным пулеметно-артиллерийским полком на полуострове Рыбачий. Когда-то он входил в состав Северного флота, а с его командующим адмиралом флота Андреем Трофимовичем Чабоненко и начальником штаба флота вице-адмиралом Рассохой я был хорошо знаком. Пользуясь этим и зная, что по периметру Рыбачьего было много мелких подразделений флота, я обратился к командующему с просьбой, чтобы он разрешил мне брать в отделе фондового имущества всё, что требуется для полка. Командующий флотом такое разрешение дал. Поэтому 12 огромных (152 см в диаметре!) прожекторов с автономными дизельными электростанциями украшали и освещали военные городки полка. В интересах боевой подготовки полка использовалось большое количество различного имущества, начиная с десятков километров различного кабеля. Именно у нас, на Рыбачьем, было построено в полном объеме первое современное стрельбище с мишенями, появляющимися по сигналу на пульте управления с огневого рубежа. Они же падали при попадании. Автором таких мишеней был офицер боевой подготовки подполковник Бакши. Используя неисчерпаемые материальные средства отдела материальных фондов флота и мастерство своих умельцев, мы смогли быстрее всех и лучше всех создать учебно-материальную базу, отвечающую высоким требованиям того времени. Особо важно то, что мы сами могли делать подъемники.

Все это обеспечивало боевую подготовку вначале 6-го отдельного пулеметно-артиллерийского, а затем, после его расформирования, — 266-го мотострелкового полка, который прибыл на Рыбачий и которым я продолжал командовать.

Способности к предприимчивости пришлось применить и в 61-м мотострелковом полку 131-й мотострелковой дивизии (Печенга).

А дело было так. Поскольку у нас, на Рыбачьем, все было в порядке, а после различного рода проверок с выворачиванием «наизнанку» всего полка мы получали только хорошие и отличные оценки, руководство, в первую очередь командующий 6-й армией генерал-лейтенант О. А.Лосик, в порядке поощрения, переводит меня с полуострова на материк — в 131-ю мотострелковую дивизию. Но не в саму Печенгу, а на 112-й километр — в семи километрах от Печенги — в 61-й мотострелковый полк.

Если сравнить этот полк со всеми предыдущими, то в материально-бытовом отношении он был хуже всех, вместе

взятых. Да и уровень подготовки не блистал, что вполне естественно, ибо бытие определяет сознание.

И вот представьте такую картину. На единственной дороге из Мурманска в Печенгу, во впадине между голых сопок прилепился небольшой военный поселок. Никаких ограждений и даже обозначения границ ни вокруг поселка, ни внутри не существовало. Где казарменная зона, где границы парка и стоянки машин, где тыловые объекты, где начинаются жилые дома офицерского состава и т. д. — не разберешь. Поэтому все «расплавилось», стерлось и не имело своего «лица». Отсюда и отношение ко всему и ко всем — и к солдатам, и к офицерам, и к офицерским семьям, и к малочисленному гражданскому населению, и к двум имевшимся лошадям, к собакам и даже к чайкам, прилетавшим с залива Лиинахамари на помойку, — было одинаковое. Жизнь едва теплилась, а боевая учеба была такой, как пульс умирающего человека.

Весь поселок состоял из сборнощитовых солдатских казарм и таких же сборнощитовых одно- и двухэтажных домов офицерского состава — с водой на улице и печным отоплением, как и в казармах. Единственное исключение представлял штаб полка — он располагался по другую сторону дороги в трех полуземлянках. В «кабинете» командира полка два на три метра были установлены однотумбовый письменный стол, стул, сейф на табуретке и старый замызганный клеенчатый диван с прорвавшимися наружу пружинами. Вместо окна — вмазанное в стену стекло. Что делать? В Мурманске мне удалось найти «золотую жилу» — дармовой, разбросанный по всему побережью строительный лес. На Рыбачьем тоже была золотая жила — отдел фондового имущества Северного флота, где я пасся, как хотел и сколько хотел, брал непосредственно для нужд полка что надо и выменивал столярку, цемент, кирпич, доску и т. д. Как же быть теперь, в этом Богом и командованием забытом месте? Ведь благоустраивать полк надо. Иначе его пульс совсем не будет прослушиваться.

Начались лихорадочные поиски. В самой Печенге и других прилегающих к ней военных городках жизнь была совершенно иной, нежели у нас, — не просто нормальной, но даже вполне приличной. И, в первую очередь, это обуславливалось материально-технической обстановкой — она здесь была значительно лучше. Но из этих военных городков для себя ничего не выкачаешь!

Рядом с Печенгой находилась небольшая база моряков Лиинахамари. Здесь, увы, нам тоже ничего не светило. Потом я разведал, что в 20 километрах от Печенги в сторону Никеля

начинается строительство нового города под названием Заполярный. Строители устроились во времянках и завозили все, что требуется крупной стройке — для возведения современных зданий. Однако и здесь пока ничего не высвечивало — в рабочих руках стройка не нуждалась. Тем не менее со всеми руководителями, особенно снабженцами, я уже перезнакомился.

В одном городке с нашим полком располагался, правда, несколько обособленно, и медико-санитарный батальон дивизии. Он имел центральное отопление, как и одна наша казарма, которую занимала полковая школа по подготовке сержантов. А котельную содержал полк. И вот как-то ночью захожу в котельную после обхода казарм (частенько сам проверял, как отдыхает личный состав, как несут службу). Дежурил кочегар — крепкий мужик, лет на пять-семь постарше меня. Живет в медсанбате, там же медсестрой работает его жена. Разговорились с ним и начали разбирать житье-бытье. Оказалось, что родом он из Мончегорска. Когда началась война, его призвали в армию, и воевал он здесь, на Севере. Здесь же и попал в плен. Вместе с другими пленными, которых привозили пароходами в Лиинахамари и затем перегоняли в сопки, он работал в каменоломнях — в предгорье хребта Муста Тунтури, отделявшего полуостров Рыбачий от материка, взрывали гранитные скалы и затем вручную дробили гранитные глыбы на щебенку.

— Это был адский труд, — рассказывал кочегар. — Кормили скверно. Жили мы в бараках, где зимой вечно не хватало тепла, а летом заедали комары, поэтому мало кто надеялся выжить. Многие, не выдержав, умирали. Их не разрешали хоронить — оттаскивали в сопку и там бросали. Лисы и россомахи их обгладывали. Для всех узников одной отрадой была ранняя осень, — когда много грибов, ягоды.

— А куда немцы девали щебенку?

— Вывозили в Лиинахамари, а там грузили на судна и, очевидно, через Норвегию, перебрасывали в Германию.

— И все делалось только вручную?

— Нет, это чтобы пленных заставить мучиться. Но здесь были и камнедробилки, и электроленты, которые подавали готовую щебенку на-гора.

— А вы хорошо помните те места, где вам доводилось тогда вкалывать?

— Ну, как же! Я там все на животе прополз. Когда 7 октября 1944 года наши войска перешли в наступление (это он, очевидно, говорил о Петсамо-Киркинесской операции), мы перебили всю охрану, захватили оружие, постреляли охранных собак и малыми группами разбежались. Наша группа пробивалась на восток — к

Западной Лице. Меня ранило. А тут подошли наши войска. Это было спасением для нас. В полевом госпитале познакомился с Настей — моей будущей женой. У нас родилась дочка. Теперь она уже в 10-м классе. Меня после войны судили, но оправдали — подтвердилось, что охрану мы действительно перебили.

— Да, тяжелая была у вас жизнь… А туда, где работали узники концлагеря, вы потом не ходили?

— Нет. Вспоминать пережитое тяжело.

— А как вы думаете, могла щебенка там еще остаться?

Задав этот вопрос, я почувствовал, как у меня в висках пульсирует кровь. Ведь сейчас, от его ответа, решается всё!

— Ну, что вы?! — воскликнул мой собеседник.

Я обмер. Надежды рухнули. Но тут услышал:

— Да там ее горы! Возить — не перевозить.

У меня голова пошла кругом. Вот оно, наше спасение! Похоже, я отыскал еще одну «золотую жилу».

— А вы могли бы утром съездить со мной и показать это место? — осторожно, словно боясь спугнуть удачу, спросил я.

— Конечно. Но туда надо только на лошадке — машина не пройдет. Это километров пять-семь отсюда. Почти рядом — за полковым стрельбищем.

Мы договорились с Егором (его так звали все в полку), что выедем часов в 11 утра — раньше нет смысла, так как в январе до того часа стоит кромешная тьма. А к 12 часам небо уже станет серым, и слегка развиднеется. Пробиваться придется часа полтора-два, не меньше. На всякий случай решили захватить лыжи.

Утром после развода на занятия запрягли в сани лошадку, взяли в солдатский термос горячего чая, хлеб, сахар, порезанное сало, сено, лыжи и втроем — с нами был еще ездовой, солдат, — двинулись в путь. Предварительно я распорядился, чтобы стрельб из боевого оружия на стрельбище до моего возвращения не было.

Снега выпало еще не особенно много, но полевая дорога просматривалась с большим трудом. Она шла в гору, в сопки, и лошадка поднималась с напряжением. Но каким чудесным свойством обладает лошадь! Она никогда не собьется с дороги, даже если дорога спряталась под снегом. Время от времени мы вынуждены были сходить с саней, чтоб помочь нашей «сивке-бурке» тащить тяжелую ношу.

До первого места добрались только через пару часов.

Я обомлел. Прямо у дороги самая настоящая египетская пирамида в миниатюре. Она была занесена толстым слоем снега только с северо-западной стороны, а с восточной и юго-восточной снега почти не было. Уже подрассвело, и я разглядел, что это

смерзшаяся крупная щебенка размером с кулак. Грани каждой искрились, как драгоценный камень. Это был гранит!

Мы с радостью напились сладкого чая с салом и хлебом, надели лыжи и вдвоем с Егором лазили около часа по всему району. И я все больше убеждался, что это сказочная находка. Нашли даже две дизельных электростанции и несколько роликовых транспортеров для подачи щебенки по ленте. Конечно, надо было проверить, смогут ли они нам послужить после стольких лет «лежки» под дождем и снегом? Но то, что мы обнаружили здесь настоящие эвересты ничейной щебенки, — это, бесспорно, неслыханная удача.

Набрав в вещмешки понемногу разного вида щебенки, отправились в обратный путь. Повеселевшая лошадка, тоже подкрепившись, бежала под горку даже рысцой. До дома добрались всего минут за 30–40.

Я ехал и строил радужные планы, как эта щебенка будет превращаться в столярку, половую доску, цемент, металл, кабель, трубы и т. д. Конечно, надо создать перевалочную базу. Запустить сюда строителей — значит сразу потерять все. Это же акулы! Они сразу заявят, что щебенка принадлежит государству, и я к ней не имею никакого отношения. Скрутят мне международную фигуру из трех пальцев — и дело с концом. И они правы — все это государственное. А какой «крышей» я должен прикрыться, если возьмут за «жабры»? В Мурманске у меня было официальное письмо от председателя Мурманского горисполкома с просьбой помочь убрать лес с побережья в черте города (да и то, как помните, командующий армии поначалу объявил мне выговор за финансовые нарушения). На Рыбачьем — и во время службы в 6-м отдельном пулеметно-артиллерийском полку, а потом, когда его не стало, — в 266-м мотострелковом полку — у меня было разрешение командующего флотом на приобретение материальных средств в соответствующем отделе Северного флота. «А здесь?» — спрашивал я себя и тут же находил «встречные» доводы. Во-первых, Советская Армия освободила Советское Заполярье от немецко-фашистских захватчиков и, оставшись здесь со своими войсками, имеет право жить по-человечески; во-вторых, в нашем полку работает гражданин нашей страны, который во время войны лично рубил эту щебенку, и мы забираем долю его труда на общее дело — улучшение благосостояния полка. Наконец, но это уже как крайний вариант, можно прикинуться дураками: «А мы не знаем… На войне немцы, отступая, бросали и оружие, и продовольствие, и разное имущество, а мы подбирали, чтобы добро не пропадало. Вот и здесь…»

В общем, соломинка была. Конечно, государство есть государство, но мне надо, чтобы личный состав моего полка не страдал, жил хорошо и пел бы песни не по приказу, а от сердца и души. Да и сколько надо-то этой щебенки! Какие-то крохи. Вот сделаю все для полка, а потом — подавитесь вы все этой щебенкой. И все же, видно, в первую очередь об этом надо сказать своему командованию. А пока — куй железо, пока горячо.

Мы вернулись в полк. Я попросил Егора и строго предупредил солдата-ездового, чтобы они ни с кем по поводу нашей поездки не говорили. Кроме того, дал им задание — отыскать еще один-два пути выхода на магистраль (через стрельбище ездить было неудобно). А сам, прихватив вещмешки с образцами щебенки, сел на «газик» и помчался в город Заполярный, которого еще не было. Прихожу к начальству, как старый знакомый, точнее, уже как свой, и тащу с собой вещмешки.

— Что это? — спрашивают хором обитатели начальственного кабинета.

— Золото, самородки! — сказал я всерьез.

— Ладно, ладно. Показывай.

Высыпаю свои сокровища прямо на большой стол. Все так и ахнули:

— Вот это щебеночка!

— Как рафинад.

— Бесценный материал. Да еще и разного размера.

Все перебирали гранитные рваные камешки, рассматривая их искрящуюся структуру. Начальник начал понимать, к чему этот «театр». И, сделав уже равнодушное лицо, лениво спросил:

— Чье это?

— Как чье?! Наше. Нашего полка, — ответствовал я тоном, не допускающим сомнений.

— Ну и сколько у вас его?..

— Бесценного материала, как оценил ваш коллега? — помог я начальнику. — Безгранично!

— Так не бывает, — засомневался высокий чин.

— Есть исключения. Вот это такой случай. Сколько вам нужно — столько и представлю. Слово офицера!

Все загудели. Опять начали перебирать щебенку, восторгаться, что как раз было вовсе не в интересах начальника. Он уже прекрасно понимал, что предстоит торг и надо набивать цену товару, покупать который ему совершенно ни к чему. Он гаркнул, чтобы все прекратили галдеж и успокоились. А потом деловым равнодушным тоном произнес:

— Шо я должен сказать? Щебенка неплохая.

Прошли годы, но и сегодня я непременно вспоминаю этого начальника каждый раз, когда слышу с телеэкрана вольную беседу или высказывания без бумажки Ельцина: «Шта-а?» — частенько спрашивает он.

Вспоминая далекие годы и этого начальника, я сейчас думаю: может, это профессиональная черта всех строителей? Тогда он говорил: «шпирт», «шамогон», «шало». Вот только к этим словам тогда не добавлялось: «Понимашь».

Представляя, что в присутствии других «кашу не сваришь», начальник-строитель говорит:

— Валентин Иванович, пойдем погуляем, а они пускай здесь смотрят твои подарки.

Мы вышли, и он сразу решил «взять быка за рога»:

— Так ты говоришь, что можешь дать нам безграничное множество?

— Гарантирую.

— Без прокурора?

— Да ты что?

— А как рассчитываться?

— Материалами. Ваш калькулятор пусть оценит и даст нам стоимость одного куба трех видов щебенки, а мы на эту стоимость будем у вас набирать то, что нужно для ремонта помещений у нас в полку: брус, половую доску, вагонку, столярку, цемент, трубы, металл, различный кабель и другое. Можно неликвиды, но добротные. Можно было бы договориться, чтобы ты прислал мне один самосвал и ленточный транспортер для погрузки. Самосвалом я буду подбрасывать щебенку непосредственно к полку, а транспортером — грузить щебенкой твои машины.

Начальник насторожился и внимательно посмотрел на меня:

— А зачем это два раза огород городить? Я буду сразу посылать туда, где щебенка уже есть.

— Видишь ли, все это в границах стрельбищного поля. Там постоянно стреляют. Я буду выкраивать время и перебрасывать на коротком плече ближе к магистрали. Дам твоему водителю в помощь напарника. Водитель будет жить у нас, в хороших условиях. Бензин наш.

Видно, это прозвучало убедительно:

— Хорошо. Я пришлю одного из печенгских, там у него семья и прочее. Когда начнем?

— Со следующей недели. Вначале присылаешь самосвал. А через день — машины за щебенкой и транспортер.

Мы договорились в том числе и о том, что ему в первую очередь нужна щебенка среднего размера. Я уехал к себе и сразу

приступил к действиям. Ввел в обстановку заместителей командира полка, создал ремонтную бригаду и послал их в район «египетских пирамид», как мы окрестили место нахождения щебенки, для осмотра и возможного ремонта имеющихся там дизелей с генераторами. Заместителю командира по техчасти предстояло проследить за этим, как и за восстановлением немецких ленточных транспортеров.

Потом обсудили в принципе, что будем строить или ремонтировать и чему придаем приоритет, какие «дыры» залатать сейчас. Удивительно, но факт, что никаких разногласий почти не было. Правда, очередность предлагал я.

Решили во все казармы, офицерское общежитие, общеобразовательную школу (у нас была школа до 4-го класса, а дети постарше нашим автобусом ездили в Печенгу) подвести тепло, в казармах заново построить умывальники, оборудовать писсуары, а наружные туалеты капитально переделать.

Наметили построить заново: клуб, штаб, теплый пункт технического обслуживания машин и водо-маслогрейку, красивый забор по всему периметру полка и медсанбата, а также достойный полка въезд с контрольно-пропускным пунктом, бетонную (асфальта не было) центральную въездную дорогу и на плацу забетонировать площадку 30S100 метров (это приблизительно 1/3 плаца). Размах на первую очередь был, конечно, большой. Но мы определили конкретных исполнителей, места сосредоточения строительных конструкций и материалов, графики строительства. Решили за зиму и весну накопить все необходимое, а как снег растает — сразу «навалиться» на работу.

Когда была налажена система подачи щебенки и отправки ее в Заполярный, строители поняли, что имеют дело с солидными людьми, и сами предложили нам два сборнощитовых барака. Конечно, мы ухватились за них, но установку их решили отложить тоже на лето. Однако начальник стройки сказал, что пришлет нам перфоратор с двумя мастерами. Они ювелирно вырубят в мерзлом грунте паз для ленточного фундамента. Пообещал начальник и привезти блоки, дать еще двух специалистов, которые уложат эти блоки, скрепив их цементной связкой. Это на тридцатиградусном морозе!

Мы были благодарны нашему партнеру. В одном щитовом бараке сразу оборудовали клуб, а старый отдали спецподразделениям. Во втором разместили учебный корпус. Конечно, звучит громко, но барак есть барак. Затем мы вынесли некоторые классы из казарм и улучшили условия быта личного состава.

Приобретя весьма ценный опыт, мы начали тем же путем

пристраивать к каждой казарме с тыла санузлы и автономные котельные (общее центральное отопление мы, конечно, потянуть не могли). А в конце февраля — сразу при въезде, слева от центральной дороги, расчистили площадку для строительства штаба полка, и вскоре здесь выросло двухэтажное солидное красивое здание из бруса. Через несколько месяцев штаб и все службы праздновали новоселье в этом добротном особняке (вылезли из землянок).

И в целом весь намеченный план мы не только выполнили, но и перевыполнили. Полк буквально «заболел» стремлением сделать свою жизнь лучше, комфортнее. На общих полковых построениях я прямо ставил вопрос перед личным составом: «Кто за нас будет благоустраивать нам военный городок? Кто вместо нас будет переустраивать казармы и другие объекты? Кто будет заботиться о том, чтобы мы с вами жили и учились в культурных благоприятных условиях? Только мы! Мы сами должны позаботиться о себе, используя те средства, которые выделяет государство!»

И личный состав, выполняя в основном программу боевой подготовки, активно включился в строительные работы, облагораживая свою жизнь и быт. Что и говорить, все это благотворно сказалось на уровне подготовки полка — из самых последних и «дохлых» в дивизии он стал лучшим.

Вот так проявлялась моя «предприимчивость» на уровне полка. Как я уже говорил, к ней приходилось прибегать, когда мне доверялось командовать дивизией, корпусом, армией. Но я хотел бы, перескочив через эти ступеньки, хотя бы в общих чертах показать, как доводилось обращаться к ней, предприимчивости, на уровне командующего войсками округа, первого заместителя начальника Генерального штаба ВС — начальника Главного оперативного управления Генштаба (у которого вообще в непосредственном подчинении не было войск) и, наконец, на уровне Главнокомандующего Сухопутными войсками — заместителя министра обороны СССР.

Итак об округе. Мне посчастливилось — сразу был назначен на округ первого разряда — Прикарпатский военный округ. Всего 16 дивизий (вместе с Воздушной армией) и приблизительно столько бригад и отдельных полков. Округ считался неплохим, но его не было слышно. Располагался он на западе Украины, его оперативные границы включали 10 из 25 украинских областей: Львовская, Ровенская, Волынская, Ивано-Франковская, Черновицкая, Закарпатская, Тернопольская, Хмельницкая, Житомирская и Винницкая. Округ расположен компактно. Климат прекрасный, условия жизни в целом тоже замечательные. А

военные городки — чахлые. Единственно, что вызывало гордость, так это заново отстроенное здание штаба округа и военный городок с двумя новыми казармами для окружного полка связи. В связи с этим все с благодарностью вспоминали командующего войсками округа того времени генерал-полковника Петра Николаевича Лащенко. Остальное размещалось в старых или даже старинных строениях. Изредка можно было найти отдельные казармы, отстроенные уже с претензией на современный вид.

Было ясно: округу надо влить новую кровь. Разумеется, сделать это можно лишь созданием необходимой материальной базы. Но на те средства, которые выделял министр обороны на год (20–24 млн. руб., из них 16 млн. руб. — на жилищное строительство для офицеров), можно было не рассчитывать — этими деньгами «революции» не сделаешь. А ведь хотелось сделать так, чтобы офицер шел в полк как на праздник, а не на каторгу. Чтобы солдат утром, просыпаясь, улыбался, зная, что сегодня опять встретится вместе со своими сослуживцами, со своим любимым командиром взвода и командиром роты и что их ждут интересные и очень нужные занятия.

И мы этого добились в большинстве частей. Взять, к примеру, 7-й мотострелковый полк 24-й Самаро-Ульяновской-Бердичевской Железной мотострелковой дивизии. Бывший командир полка, а ныне генерал-полковник Э.А.Воробьев и бывшие командиры этой дивизии генералы армий вначале К. А. Кочетов, а затем И. Н. Родионов могут подтвердить, как с изменением материальной базы полка, его обустройства менялась и психология всего личного состава. И отношение его к исполнению воинского долга. Как поднимался полк и наконец поднялся до уровня лучшего полка в Сухопутных войсках Вооруженных Сил.

Но как и что мы делали в войсках — это потом. А сейчас — о том, где же мы брали деньги и средства.

Конечно, мощнейшая и конкретная материальная поддержка была со стороны первого секретаря ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкого и Председателя Правительства Украины А. И. Ляшко. Неоценимая помощь шла от руководства всех 10 областей, но, в первую очередь, первого секретаря Львовского обкома КПСС В. Ф. Добрика и председателя облисполкома Т. Д. Телишевского. Все они лично очень много сделали для благоустройства округа, выделив для этой цели большие средства.

Но мы находили и другие каналы. Первый и весьма значительный — это союзные министры, интересы которых были представлены в областях Украины, где базировались части округа. И второй канал — это главнокомандующие видами Вооруженных Сил, заместители министра обороны (типа

начальника тыла), начальники Главных и Центральных управлений, имеющие производства и предприятия или имеющие просто деньги, как, к примеру, Центральное финансовое управление Минобороны.

О союзных министрах. Я давал задания, чтобы по каждой области у меня была справка — какими крупными предприятиями представлено то или иное министерство СССР и какие у этого предприятия проблемы. Располагая нужной информацией, оценивая ситуацию и прикидывая, как можно было бы помочь этому предприятию и, следовательно, министерству тоже, я одновременно просчитывал, чем и как министерство может взаимно помочь округу. В основном требовались деньги с фондами, потому что просто за деньги в то время ничего купить было нельзя, особенно на строительство. Приведу один пример.

В Виннице находился огромный радиоламповый завод. Директор завода Василий Васильевич Пшеничный — очень деятельный, умный и опытный руководитель. Но завод идет буквально на грани, вот-вот сорвется и завалит план. А это не только моральная травма всему коллективу и, в первую очередь, директору — летят премиальные. И вот в таком напряжении завод пребывает уже не один год. В чем дело? Оказывается, не хватает производственных площадей, а министр на строительство средств не выделяет. На ремонт или переустройство — пожалуйста!

Звоню министру Петру Степановичу Плешакову. Мы уже были с ним в близких отношениях, так как на базе нашего округа проводился ряд испытаний новой техники по его линии, в том числе автоматизированной системы управления войсками «Маневр». Обменявшись приветствиями, я начинаю дипломатично:

— Петр Степанович, уважая вас лично и ценя министерство, как одно из ведущих ведомств, обеспечивающих высокую боевую готовность Вооруженных Сил, я, конечно, интересуюсь, а как выглядят и в чем нуждаются предприятия министерства, расположенные на западе Украины. Вот, в частности, Винницкий радиоламповый завод.

И начинаю ему рассказывать обстановку. Он меня перебивает:

— Директор пожаловался?

— Да нет, — говорю, — рабочие переживают и при разговоре на партактиве или как депутату они прямо заявляют, что может все кончиться плохо. А у меня есть дельное предложение. Сейчас кончается год. У вас значительная сумма денег не освоена. Я готов за небольшую плату отдать вам военный городок в поселке Гайсин. В течение полугода вы могли бы из него создать филиал

завода.

— Да нет, наверное, не получится. Это же потянет за собой весь соцкультбыт — а это огромные деньги.

— Какой там еще соцкультбыт? Рабочие будут ездить из Винницы рейсовым автобусом — всего 20 минут. Плюс местное население.

— Это другое дело. А когда можно посмотреть?

— Хоть завтра.

— Завтра во Львов прилетит заместитель, а вы уж там посодействуйте. Это нас устраивает.

Прилетает заместитель министра. Мы с ним детально все оговариваем. Связываемся с директором завода Пшеничным, чтобы он встретил нас на военном аэродроме и никому — в обком, облисполком — о нашем полете ни слова, иначе они нас заарканят и сорвут деловую поездку. Прилетели. Пшеничный встречает на двух машинах. Едем сразу в Гайсин, где наша служба предупреждена о предстоящем смотре — все должно быть открыто.

Что из себя представлял военный городок в Гайсине? До середины 60-х годов здесь были ракетчики-стратеги. Но затем они перешли на новую технику, для которой выгоднее построить новый военный городок, чем переоборудовать старый (затрат меньше в полтора раза). Поэтому им построили все новое, в том числе и шахты, а старые военные городки они передали нашему военному округу на баланс. Что нам с ними делать — никто не знает, но охранять надо.

Поэтому мы в свою очередь готовы были передать его на баланс кому-нибудь, в данном случае Минрадиопрому, но не просто так, а за пять-шесть миллионов с фондами. Городок осмотрели. Всем все понравилось. Заместитель министра сказал, что я замечательный человек, а Пшеничный: «Вечно буду в долгу перед округом». Разъехались. Через неделю приехала группа Минрадиопрома принимать городок. А мы получали желаемые деньги и фонды и сразу пустили их до окончания года в дело.

Но таких ракетных военных городков только в 43-й Ракетной армии по округу было несколько десятков. Наши отдельные небольшие гарнизончики тоже совершенно не могли существовать, их необходимо было ликвидировать, а фонды — реализовать, найдя для этого заинтересованные ведомства.

Теперь — о главнокомандующих видами ВС и других военачальниках.

Например, звоню Главкому ВВС Главному маршалу авиации Павлу Степановичу Кутахову:

— Товарищ главнокомандующий, мы знаем, как много вы

уделяете внимания укреплению здоровья летчиков, и, конечно, это приветствуем. В округе есть два желудочных санатория — один в Морщино, второй — в Шкло, плюс туристические базы. Офицеры-авиаторы не только нашей Воздушной армии, но ВВС в целом очень нуждаются в путевках в наш санаторий. Целесообразно расширять их площадь. Но округ такими средствами не располагает, а нам известно, что Главкомат ВВС не осваивает крупную сумму к концу года. Если вы сочтете возможным перевести четыре-пять миллионов на наш округ, да еще и с фондами — мы будем вам очень благодарны. Главком согласен. Деньги округ получает. В итоге мы за год осваивали все то, что определял нам министр обороны, и еще столько же, а иногда и больше. Вот почему уже в первые годы командования округом у нас налицо были и высокие результаты.

А ведь не только то, что мною уже было описано, подтолкнуло меня к активным и очень решительным действиям. Дело в том, что, приняв летом 1973 года Прикарпатский военный округ (ровно через две недели со дня моего появления), я оказался перед фактом необходимости проведения совместного с Болгарской и Венгерской армиями учения на полигонах нашего округа. Руководителем, обеспечивающим все эти учения, назначен командующий Прикарпатского военного округа. Когда я ознакомился с материальными условиями, на которые можно было опереться, то ужаснулся: во Львовском учебном центре было две неготовых к приему даже солдат казармы, солдатская столовая и небольшой клуб. И хотя в учениях от каждой страны принимало участие только по одному мотострелковому полку, но численность свиты, которая ехала от болгар и венгров в качестве представителей и генералов, была почти такая же, как и войска. При этом одна треть — генералы, а остальные полковники и подполковники. Куда их деть, где разместить, как кормить? О каком комфорте может идти речь? Поселить было негде.

Успели только побелить внутри казармы и столовую, вымыть и вычистить все помещения, подмести территорию этого военного городка, на учебном центре и у входа в клуб поставить государственные знамена каждой страны — участницы учения.

Вот и все. В общем, позор. Это тоже подтолкнуло меня к активным действиям. После учения собрал Военный совет округа и заявил:

— Больше такого в округе не будет. Строить будем только то, что утвердит Военный совет.

И строили много, быстро и добротно, за что, кстати говоря, я мог поплатиться партийным билетом. Однажды меня даже вызывали к председателю ЦКК Арвиду Яновичу Пельше — стоял

вопрос об исключении меня из КПСС, но об этом позже.

Вот так выглядела предприимчивость на уровне командующего войсками округа. Несколько иначе это было в ранге первого заместителя начальника Генштаба — начальника Главного оперативного управления. Ведь войск в подчинении нет, а только семь управлений и отдельные направления. А это сотни офицеров. И это мозг Вооруженных Сил. Он не должен быть воспаленным и тем более больным. Наоборот, он должен быть здоровым, холодным и максимально дееспособным. А для этого офицерам нужна сила и здоровье Геркулеса. И в это время врач, курирующий ГОУ, докладывает мне о большом количестве военнослужащих с больным сердцем, язвой желудка или кишечника. Причина — сидячий образ работы и курение, отсутствие элементарной физической культуры. Принимаю решение: первое — всем бросить курить (во всяком случае, в стенах Генштаба это было запрещено). Было сделано лишь одно исключение генерал-полковнику И. Г. Николаеву. Второе — интенсивно проводить физическую подготовку. Но для этого нужна спортивная база поблизости к Генштабу. Нахожу основу для нее — конюшни в Хамовниках. Склоняю к этому заместителя министра обороны по строительству маршала инженерных войск Н.Ф.Шестопалова. Лично руковожу работами в субботу и воскресенье, а будни поручаю генералу Евстигнееву. В итоге через полгода приобрели прекрасный спортивный комплекс, который постоянно был занят офицерами Генштаба (а с 1992 года был переведен почему-то в личное пользование министра обороны генерала Грачева). Через год здоровье офицеров резко улучшилось.

Второй пример по Генштабу. Из войск для уточнения оперативных и других планов постоянно приезжали в Москву командующие войсками военных округов, их заместители, ответственные работники штабов и т. д. Каждый раз приходилось организовывать их размещение в гостинице на Мосфильмовской улице. Это было очень неудобно. Во-первых, далеко, во-вторых, она частенько бывала переполненной. Позарез требовалась небольшая гостиница, непосредственно подчиненная Генштабу.

Ищу подходящее здание. Мне доложили обо всех зданиях, находящихся в радиусе трех километров от Генштаба и принадлежащих Министерству обороны. Среди них было и одно прекрасное старинное здание, построенное еще при императрице Елизавете, неподалеку от станции метро «Кропоткинская». Оказалось, занято под склад Военной академией Генерального штаба. Сама академия как раз переходила в новое здание и этот склад должна была освободить. На это здание уже «положило

глаз» 10-е Главное управление, приглядевшее его под свой склад. Но, когда узнали о моих намерениях, оно отступило, отпали и все другие поползновения. И здесь нам помог Н. Ф. Шестопалов. Он и не мог не помочь, так как я был назначен председателем Государственной комиссии по приему нового здания для Генерального штаба.

В итоге мы получили прекрасную гостиницу на 64 номера с небольшим буфетом и другими бытовыми услугами. Да еще и вблизи Генштаба!

Наконец, о предприимчивости на уровне Главнокомандующего Сухопутными войсками. Хочу обратить внимание на три основные позиции (хотя были и другие).

Первое — когда возник вопрос о выводе наших войск из Германии, нам не следовало было брать у немцев (у Коля) какие-либо деньги для обустройства войск на территории Отечества. Ведь мы же победители! И пришли мы в Германию не по своему желанию — они нас вынудили! А чего все это стоило? 28 миллионов человеческих жизней ничем не окупятся. И вдруг Горбачев согласился, чтобы Коль дал 13,5 млрд. марок — и дело с концом. Да мы одной только недвижимости оставили в Германии более чем на 90 млрд. марок! Но и это не все. Как только определились в цифрах, немцы заломили такие тарифы на перевозки по их территории, что 50 % от 13,5 млрд. вмиг растаяли как дым. А поляки вообще заявили, что не только все эти деньги должны остаться у них, но мы еще и должны им доплатить.

А ведь мы, военные, логично предлагали (точнее, я буквально внушал это Горбачеву, в том числе во время маневров в Одесском военном округе летом 1990 г.): никаких денег не брать, а обязать немцев — если они хотят объединиться и вывести наши войска, — строить военные городки и жилые дома для офицеров на нашей территории под Западную группу войск (бывшую ГСВГ) и по мере готовности этого строительства выводить наши части. Это было бы и справедливо, и удобно.

Что касается вывода наших войск из Польши, Чехословакии и Венгрии, то надо было поставить другие, менее сложные условия, но такие, которые бы совершенно не ущемляли наших морально-политических и финансово-экономических интересов.

Но всего этого не случилось, потому что Горбачев — холуй для Запада и тиран для своего народа, особенно для Вооруженных Сил, — принял решение, выгодное для Запада и нанесшее ущерб нашей стране.

Второе — о рациональном использовании нашей недвижимости, которая оставалась в странах Восточной Европы.

Огромное количество построенных нами почти за пятьдесят лет ремонтных заводов, баз и мастерских, различных хранилищ, арсеналов и складов, военных городков, аэродромов, учебных центров, зданий жилых, общественного и специального пользования позволяло нам (точнее — обязывало нас) правильно и с достоинством распорядиться всем этим богатством. На мой взгляд, надо было твердо провести обоюдовыгодную линию: «Мы уходим, но мы остаемся!» То есть наши войска уходят, но для поддержания нормальных политических и экономических отношений и в интересах эффективного использования нашей недвижимости на этой базе следует организовать совместные предприятия по производству сборных конструкций для строительства жилых домов, казарм и других зданий. Да и вообще для зарабатывания в этих целях денег. Мало того, эти предприятия могли бы со временем создавать дочерние организации у нас, в Советском Союзе, и, наконец, главную базу организовать тоже у нас.

Но программа не должна была ограничиваться этим. Было много других вариантов строительства и развития совместных предприятий. Например, в Венгрии наши военные ремонтные (в том числе автомобильные) заводы могли реально объединиться с венгерской фирмой «Икарус», автомобили которой по экологическим признакам не могли быть использованы в Европе. При этом контрольный пакет мог быть у нас.

Но для всего этого нужна была оперативность и решительность, забота о наших государственных интересах, чего нашему Правительству явно недоставало. Наоборот, оно было неповоротливо и консервативно. Несколько месяцев я потратил на уговоры министра обороны Дмитрия Тимофеевича Язова. Убедив его в важности и целесообразности этого решения и получив наконец добро, я приступил к обработке непосредственно Правительства. Когда Николай Иванович Рыжков «созрел», его вдруг «освобождают» от Правительства, а Совет министров переделывают в Кабинет министров во главе с премьером Валентином Сергеевичем Павловым. Почти полгода «ухлопал» на него, а тут события августа 91-го года. И хоть я основу заложил (получил разрешающие постановления и т. д., а также создал реальное ядро управления, которое все-таки потом заработало), но подавляющее большинство наших возможностей было утрачено и не реализовано. А организация, которая в последующем была названа «Конверсия — жилье» (т. е. в итоге конверсии военных предприятий мы должны были приобрести жилье), обрела менее одного процента от всего того, что могла иметь. И все же и она начала выдавать Вооруженным Силам по

1000 квартир в год.

Третье — участие местных органов власти в размещении выводимых наших войск из-за рубежа.

Руководители в республиках, краях и областях видели и понимали, в каких тяжелейших условиях оказались Вооруженные Силы, а также те войска, которые выводились из-за рубежа к себе на Родину. Они, как и военные, представляли, что руководство страны само в сложном положении и поэтому сами предпринимали меры, чтобы облегчить положение войск и семей офицеров (хотя, как позже выяснилось, — это была преднамеренная предательская линия Горбачева — Шеварднадзе — Яковлева).

Наиболее эффективно помогали Украина, Белоруссия, многие края и области России, особенно Краснодарский край, Волгоградская область, Поволжье, Урал. Слабее — Казахстан.

Но читатель должен представлять, что уже к концу 80-х годов в результате горбачевской перестройки были нарушены многие экономические хозяйственные связи. Поэтому у каждого региона были «свои» проблемы. Кроме того, надо иметь в виду, что и руководители в областях и краях не одинаково относились к нашим бедам: одни, как уже отмечалось, сами, без просьб, предлагали помощь, а других надо было к этому подталкивать, и когда они на что-то соглашались в пользу Вооруженных Сил, то ставили ответные условия о помощи. Чем я и вынужден был заниматься.

Приведу схематично один из примеров. Условно назову своего собеседника — первого секретаря обкома КПСС Иваном Ивановичем (можно было бы назвать и настоящее имя, но это может навредить ему сегодня).

Встретившись с ним, после обоюдных приветствий, я сразу же приступил к деловому разговору, тем более что мы друг друга знали давно.

— Иван Иванович, как известно, на территорию области выводится дивизия одной из групп войск. Воинские части, которые уже сейчас находятся в границах области, максимально уплотнены для размещения органов управления и небольшой части офицерских семей. Мы подобрали около сотни квартир внаем. Но все это обеспечит не более 10–12 процентов офицерских семей. Для солдат мы вынуждены разворачивать лагерные палаточные городки на территории учебных полей. Но ведь семьи в палатки не поселишь! Я очень вас прошу — помогите. Если бы вы временно, на полгода, — максимум на год смогли выделить нам свои фонды, армия была бы вам благодарна. У нас строительство уже началось, основные усилия

сосредоточены на жилье. Вам виднее, что именно вы могли бы нам предложить, но знаем, что у вас имеется большой дом отдыха, пансионат, турбаза рядом с городом, да и другие объекты…

— Но дело в том, что эти все объекты на хозрасчете. Притом они же ведомственные и принадлежат заводу-гиганту (мой собеседник называет завод).

— Правда, этот завод, — продолжает Иван Иванович, — сейчас в сложном положении. Если в течение года он не заменит всю сеть центрального отопления, водоснабжения и канализационную систему — он рухнет. Требуется огромное количество труб, причем разного размера. Они бьются два года, но ничего не могут сделать. Завод-поставщик только водит его за нос, сам же еще палец о палец не ударил. Вот если бы вы как народный депутат СССР подтолкнули это дело, глядишь, и наш завод пошел бы навстречу с домом отдыха и турбазой.

Беру основные данные по количеству и виду труб и лечу на завод-изготовитель. Рассказываю директору Семену Семеновичу (имя вымышленное) тяжелейшую историю с военными и о том, что мне обещали при условии, если… Тут подробно описываю условия.

— Мы будем вам, Семен Семенович, вечно благодарны.

— Благодарность — оно-то, конечно дело хорошее. А про историю с трубами для этого завода-гиганта наслышан — давненько она тянется. Я же ему говорил: «Помоги мне с кабелем, я задыхаюсь». Так он, хотя у него есть прямые выходы на кабельный завод, с места не сдвинулся.

— Но ведь этот завод ждет от вас трубы, которые «забиты» в план Госпланом или, точнее, Госснабом!

— Валентин Иванович, дорогой, какой сейчас план действует? Сегодня, хоть президент напишет, смогут найти тысячу причин, чтобы не выполнить. Времена, когда планы еще выполнялись, канули в Лету. А сейчас — эпоха гласности и демократии. Вы слышали, что ваш Горбачев сказал в отношении директоров предприятий, обращаясь к участникам съезда народных депутатов? «Вы, рабочие, давите их снизу, а мы их — сверху! Тогда будет то, что надо! «А что будет? Бардак! Вот он уже три года и длится. Бардак и хаос. Но, Валентин Иванович, — продолжает Семен Семенович, — я за то, чтобы помочь нашим воинам. Это недопустимо, чтобы они так страдали. Помогите мне пробить вопрос с кабелем, тогда и трубы пойдут.

Беру у этого директора все данные по кабелю (а это тоже, оказывается, забито в плане Госснабом) и координаты завода. Лечу далеко, но одно обнадеживает: первый секретарь обкома и

председатель облисполкома — толковые руководители, помогут. Рассказываю им обстановку. Первый секретарь при мне вызывает к телефону директора-кабельщика, объясняет ему ситуацию и говорит:

— Этот вопрос надо обязательно решить, а с министерством я сам договорюсь. Сейчас к вам подойдет Валентин Иванович с председателем облисполкома — решите все вопросы!

Мы обнялись, и я уехал на завод. Растолковал все подробно. Директор-кабельщик вызывает по телефону директора-трубача и говорит:

— Вот у меня главком Сухопутных войск Валентин Иванович Варенников с твоим ходатайством. Ты что, сам не мог приехать или хотя бы позвонить? Просто неудобно…

Тот что-то ему бубнит. Но этот, перебивая, решительно заключает:

— Завтра присылай своего снабженца, заказывай вагон. Послезавтра отправим все, что положено. Передаю трубку Валентину Ивановичу.

Я спрашиваю директора-трубача: «Мне к вам еще раз приехать?» Отвечает, что не надо и он благодарен за такую оперативность. Но я прошу его прямо сейчас позвонить на завод-гигант директору и сообщить им, что отгрузка труб начинается. Договорились.

Уже поздно ночью прилетаю в исходный пункт. Мои товарищи не спят, ждут меня. Рассказал им о своем «путешествии» в деталях. А утром — опять в обком, к Ивану Ивановичу, — сообщаю: трубы будут. Секретарь, хоть и первый, но скептик, посмеивается. Я ему:

— Позвоните директору-гиганту.

Звонит. Тот даже без вопроса первого говорит, что на этой неделе уже начнут поступать долгожданные трубы и что он очень благодарен Ивану Ивановичу за такое содействие. Затем мы договариваемся и в обкоме, и на заводе в отношении дома отдыха и турбазы. Оставляю на месте свою оперативную группу, чтобы это дело «добивали», а сам возвращаюсь в Москву.

Вот так мы и выкручивались, вынужденно прибегая к предприимчивости. Приблизительно таким же образом решались проблемы моих избирателей, а это были калмыки, проблем же была тьма.

Все, о чем я рассказал, лишь отдельные примеры из многогранной и многоликой организаторской деятельности. Надеюсь, что они для молодых командиров частей и соединений, да и для уже зрелой категории военачальников, а также просто руководителей послужат определенным подспорьем в отыскании

решений. Правда, жизнь сегодня намного усложнилась, но зато нет таких, которые, если проявляешь предприимчивость, постоянно грозили бы тебе пальцем: «Отберем партбилет!»

Но вернемся в Заполярье. Для меня и моей семьи оно уже стало родным. Все-таки за плечами была Кандалакша, а сейчас, вот уже второй год — Мурманск. Наш полк был на высоте. Все показательные, методические и другого типа занятия для дивизии или для армии готовились и проводились на базе нашего полка. А командир дивизии Чайка вообще «заболел» этими показными занятиями. Минимум раз в неделю, обычно в пятницу, звонит и говорит:

— Ну, как?

— Все в порядке. Происшествий нет.

— А что новое вы там придумали?

Это касалось всего, но в первую очередь, конечно, боевой и политической подготовки, поддержания внутреннего порядка, несения караульной службы и т. д. Кстати, на одно из занятий мы пригласили командование дивизии с семьями. Праздник проводили в Доме офицеров — это был и наш полковой клуб. Выступала самодеятельность полка. Ее руководитель, он же и дирижер полкового оркестра, был исключительно одаренным и действительно влюбленным в свое дело человеком. Поэтому самодеятельность была на уровне профессионалов. Наши «артисты» покорили всех.

— Это чьи? — спрашивает меня Федор Васильевич Чайка по окончании концерта.

— Как, чьи? Наши!

— Так это же артисты. Готовь любые показные занятия, а в заключение покажем самодеятельность. Я приглашу командование всех частей с женами. Надо, чтобы они обязательно посмотрели.

— Ну, если вы хотите пригласить с семьями, то тут никакие показные занятия не подходят. Можно часа за полтора-два показать жизнь и быт полка. Затем обед в нашей офицерской столовой, но — из солдатского котла. И в заключение — самодеятельность.

— Вот, вот. Так и сделаем.

Через неделю и провели намеченное. И все хорошо получилось. И цель — распространять передовой опыт — командиром дивизии была достигнута. Однако жизнь сложна, когда полк «под боком» у начальства. Но в то же время приятно, что на наш полк опирались, доверяли.

В зиму с 1957-го на 1958 год по плану командующего

войсками Северного военного округа проводилось тактическое учение с 131-й мотострелковой дивизией (к этому времени и наша 67-я стрелковая дивизия перешла на новый штат и именовалась 116-й мотострелковой дивизией). Она дислоцировалась в районе Печенги, т. е. у государственной границы с Норвегией. По замыслу учения, дивизия должна была из этого района перейти в наступление в общем направлении на Мурманск. При этом, используя две дороги: магистральную, действующую — Печенга — Мурманск и вторую — полевую, от Луостари через Большой Кариквайвиш к реке Титовка, а затем к реке Большая Западная Лица. Дивизии ставилась задача: прорвать тактическую зону обороны на рубеже реки Титовки, развить наступление, с ходу овладеть второй полосой обороны на рубеже Большая Западная Лица и далее, применяя обходящие отряды, стремительно выйти к Кольскому заливу — овладеть портом г. Мурманска.

На противоположной стороне в качестве обороняющегося действовал наш 266-й мотострелковый полк, который имел на своем вооружении, кроме всего остального, гусеничные транспортеры северные или ГТС. Они были средством транспортировки, в том числе по бездорожью, стрелковых подразделений и отличными тягачами для полковой артиллерии (в зимнее время орудия и 120-мм минометы ставились на лыжи).

Оборона должна была строиться на широком фронте, поэтому могла быть только очаговой, т. е. с созданием узлов сопротивления на дорожных и на наиболее доступных направлениях, перехватывая дефиле и все командные сопки. При этом имея сильный второй эшелон и резерв, а также заранее подготовленные несколько рубежей в глубине.

У нас было два преимущества.

Первое — чтобы наступающая дивизия не прошла, руководство учениями разрешило применять все (естественно, кроме применения боевого оружия и боеприпасов), особенно различные обманные действия, контратаки на неожиданных направлениях, создание «огневых мешков» и т. п. На всем протяжении или в полосе действий войск были участковые посредники, которые на своих участках могли вынести соответствующий вердикт в пользу той или другой стороны. А во всех подразделениях, начиная от батальона и выше, имелись войсковые посредники, которые давали оценку командирам и личному составу за их действия.

Второе преимущество — к тому времени выпало огромное количество снега. К концу февраля, когда проводилось учение, снег, в связи с резким потеплением, спрессовался, и его можно

было буквально резать или пилить. Причем верхний слой сантиметров на 30–50 был всегда свежим и рыхлым (на машине не проедешь), а глубже — это до трех и даже четырех метров — можно проделывать целые тоннели. Чем мы и занимались.

Учитывая, что полку для устройства всех рубежей было дано достаточно времени, мы смогли обстоятельно подготовиться. Как-то руководитель учения — командующий войсками округа генерал-полковник Стученко приехал на наш командно-наблюдательный пункт. Перед этим мне позвонили: «Встречай». Стою на дороге один, а КП у дороги, жду. Подъезжают два автомобиля. Поскольку я был один, да еще в белом маскхалате, машины вполне могли проскочить мимо, не заметив, как я поднял руку. Машины остановились. Подхожу, докладываю командующему войсками, что полк находится в обороне и имеет задачу не допустить прорыва «противника» к Мурманску. Стученко вышел. Посмотрел вокруг — никаких признаков жизни. Была середина дня, поэтому небо было уже светлое, хотя солнце не поднялось. Однако все вокруг было белым-бело.

— Понятно… — медленно произнес командующий, хотя мне совершенно не было понятно, что ему «понятно».

— Ну, куда ехать? Где ваш командно-наблюдательный пункт?

— Никуда ехать не надо. Мы находимся на КНП. Разрешите проводить вас на рабочее место?

И я повел удивленного командующего и не менее удивленных его сопровождающих в снеговой «замок». Буквально в пяти метрах от дороги был вход вниз. Метрах в двух-трех заподлицо было сложено из снежных блоков добротное, с крышей укрытие для парного поста, охраняющего вход на КНП со средствами связи. В амбразуру просматривались глаза часовых. Я сделал пояснение, тем более что с дороги пост можно было и не заметить, и мы спустились по ступенькам (они были деревянными, чтобы не разрушались, а сверху присыпаны снегом) почти на три метра вниз. Потолок был на высоте двух метров. Следовательно, над нами было еще не менее метра снежного покрова. Справа и слева были вырезаны в снегу комнаты, где за столами-раскладушками сидели офицеры и работали. Надо заметить, что и в самом ходе сообщения, особенно там, где были эти комнаты, имелись крепления — подпорки из деревянного бруса (как в шахте), чтобы не было обвала. Для освещения справа-слева были вырублены ниши, там стояли фонари «летучая мышь». Через каждые 15–20 метров вверху были проделаны люки, тоже укрепленные брусом, через которые и поступал свежий воздух и дополнительный свет.

— У вас не КНП, а какой-то сказочный снеговой дворец! А где место, откуда можно наблюдать? — спросил командующий,

однако по его тону нельзя было понять — то ли командующий раздражен, то ли приятно удивлен.

— Мы уже подошли, — коротко ответил я.

Ход сообщения кончался Т-образным перекрестком: здесь справа и слева были вырублены в снегу «комнаты» для работы, прямо шли широкие удобные, тоже укрепленные ступеньки, они выводили к площадке для наблюдения за полем «боя». Площадка была широкой и длинной. Она вся была «облицована» брусом, впереди и по сторонам имелись амбразуры, откуда открывался хороший обзор, сверху все было обложено снежными блоками. Здесь стояли стол с картами, стол с телефонами и радиовынос, здесь же была установлена стереотруба. Несколько биноклей лежало прямо на амбразуре.

— Ну, а если надо прямо выйти наружу? — все тем же тоном спросил командующий.

— Пожалуйста! — ответил я и вывел его наверх — у нас был предусмотрен такой выход.

— Теперь доложите мне по порядку: боевую задачу, как вы намерены ее выполнять, что уже сделали для подготовки обороны, что еще должны построить, покажите на местности боевые порядки.

Вначале я это сделал на карте. За моим объяснением внимательно следил начальник штаба Дубин, который специально пришел с КП на КНП по этому случаю. Затем я все представил на местности. Все были предупреждены и готовы к действиям, поэтому я без особого труда смог представить командующему все элементы боевого порядка. По моей команде по телефону обозначить передний край, серия ракет взлетала вдоль первой траншеи каждой роты первого эшелона. Затем представил резервы и вторые эшелоны, артиллерию.

— А вы подготовили какие-нибудь контратаки? — поинтересовались представители командования.

— Разумеется. Вот перед нами 1-й мотострелковый батальон. У него боевой порядок — в два эшелона. Рота второго эшелона расположена на сопке — впереди справа. Склоны сопки, обращенные к противнику, обрывистые, а вот обращенные к дороге, т. е. к нам, — относительно пологие. Учитывая, что противник будет сосредоточивать основные усилия вдоль дороги и может прорваться, предусмотрена контратака этой роты во фланг вероятному противнику.

— Вы можете это продемонстрировать?

Я ответил утвердительно. Командующий дал вводную, что противник вышел на дорогу, и разрешил действовать. Мною были отданы команды артиллерии на подавление прорвавшегося

противника и батальону — на проведение контратаки. «О готовности к контратаке — доложить». Подполковник Дубин предложил использовать для контратаки и взвод разведки полка, который находился слева, т. е. на другом фланге. Я приказал его готовить тоже. Через 15 минут все были на старте. Я даю команду о переносе огня артиллерии в глубину — по батарее противника и резервам, а батальону и разведчикам перейти в контратаку. Все получилось удачно. Особенно хорошо «сработала» рота. Она неслась по склонам сопки, как вихрь, ведя огонь на ходу. Именно огонь (конечно, холостыми патронами) выдавал их контратаку. Все были в белых маскхалатах, и вести по ним прицельный огонь противник почти не мог.

Командующий войсками по телефону переговорил с командиром батальона, объявил ему благодарность. Потом ко мне:

— Как комбат?

— Хороший, высокоподготовленный, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе.

— Так и бери его к себе начальником штаба, а Дубина выталкивай на полк.

Я поблагодарил командующего войсками за внимание и обещал сразу после учения предпринять шаги, но добавил:

— Если нас всех после учения не поснимают.

— Это почему такие мысли?

— А вдруг «противник» прорвется к Мурманску?

Командующий войсками посмеялся и уехал. А мы, вдохновленные неплохим началом, приступили к действиям. Ведя разведку визуально, установили, что противник проводит рекогносцировку — большие группы офицеров появлялись в разных районах вблизи своего передового края. Следовательно, он готовится к активным действиям или к смене войск. Такого рода донесения мы направили в вышестоящий штаб, а на учениях для нас таким вышестоящим штабом был штаб руководства. Получив донесение, он прицепился к нам: «Так все-таки противник будет проводить смену войск или наступать? И чем вы это обосновываете? Доложите».

Конечно, мы в своем кругу посмеялись, прочитав это требование, но решили играть свою роль до конца: «Безошибочно такой вывод может сделать только стратегическая разведка. Что же касается данных разведки полка, то по ним можно сделать только предположения. По тем признакам, которыми располагаем, считаем, что противник перейдет в наступление. Обоснование: во-первых, проводимая им рекогносцировка особое внимание уделяет дорожному направлению, а не распределяет

его равномерно по всему переднему краю; во-вторых, если бы он ставил перед собой лишь задачу провести смену войск, то мог бы ограничиться только проводниками, которые вывели бы новые подразделения на свои направления. Здесь же налицо не только рекогносцировка, но и, одновременно, командирская разведка — офицеры противника изучают нашу оборону; в-третьих, на наш взгляд, если противник не намерен наступать, то нет смысла и делать смену войск в целом — с имеющимися войсками годами можно сидеть в обороне, меняя личный состав в целом и группами, но сохраняя при этом преемственность; в-четвертых, что особо важно, противник в светлое время хоть и на большой высоте, но применяет разведывательную авиацию, чего раньше не было».

С учетом всего этого я принял решение: силами разведывательного взвода полка провести глубокую разведку, при благоприятных обстоятельствах захватить «языка», а также провести другие мероприятия, позволяющие подтвердить наши предположения о готовящемся наступлении, и нанести ущерб противнику.

Наш план был утвержден. Еще до начала активных действий кто-то из командования полка предложил — при очередном обсуждении обстановки в узком кругу — смелую, но шальную идею — заслать в тыл противника нашу группу, которой поставить задачу: с наступлением темноты, когда 131-я дивизия начнет выдвижение в исходное положение, снять всех регулировщиков в районе Печенга — Луастари, поставить своих, заменить дорожные указатели населенных пунктов и направить силы, выходящие из Печенги, не на Титовку и Мурманск, а на Луастари и Никель.

Мысль была заманчивая. Провернуть это — значит сорвать наступление в намеченные сроки. Но в то же время дело опасное — это же ведь учение. А за срыв его не похвалят. В общем, риск был большой. Но мы на него пошли.

Конечно, предварительно мы вели самую настоящую разведку в штабе руководства, чтобы знать точную дату и время выхода на занятие 131-й дивизией своего исходного положения и время перехода ее в наступление. Этим занялся лично Дубин с учетом своих знакомств. Конечно, с формальной точки зрения, прием недозволенный. Однако мы себя успокаивали тем, что в действительности (т. е. на войне) стратегическая разведка, конечно, могла располагать такими данными и войска или, во всяком случае, командиры дивизий и полков могли бы получить информацию о возможных действиях противника и сроках таких действий.

Итак, мы пошли, так сказать, ва-банк. Когда посылали разведчиков, все страшно переживали — ведь надо было ночью пройти около 15 километров по пересеченной местности (по бездорожью), не заблудиться среди сопок, выйти на станцию Печенга (это в 5 километрах от самой Печенги), там днем пересидеть, а в следующую ночь — а это была уже ночь начала выдвижения дивизии — действовать.

Принципиально все получилось. Но командир взвода не стал разбивать своих людей на две группы, как мы предполагали (одна действует в районе Печенги, а вторая — в районе Луастари). Командир имел на то санкцию — действовать по обстоятельствам. А погода между тем ухудшилась: температура понизилась, подул ветер, началась пурга. Группы с трудом добрались до станции и, передневав, набрались сил. Для прикрытия (если кто-то поинтересуется: «Кто такие?») представлялись армейской лыжной командой. С приходом на станцию белые маскхалаты сняли и сложили в вещевые мешки, заняли укромное место в углу на вокзале и всласть поспали.

В связи с тем, что они действовали только в районе Печенги, то эффект был процентов на 50–60 от запланированного. Но и это сорвало сроки перехода «противника» в наступление на сутки. Части печенгского гарнизона в основной своей массе ушли не в сторону Титовки и Мурманска, а на Луастари. Всю ночь разбирались, что же произошло? Почему части заблудились?

Обратно разведчики шли в том числе и в светлое время. Но главное — пришли все, целые и невредимые, выполнив задание.

Из штаба руководства ко мне прибыл полковник и спросил:

— Вам что-нибудь известно, что происходит в частях противника?

— Да, но в определенной степени. Получив вот этой телеграммой разрешение штаба на нанесение ущерба замыслу противника, мы послали ему в тыл наш разведывательный взвод, который, во-первых, опросом военнослужащих уточнил сроки возможного перехода в наступление, а во-вторых, в районе Печенги отрегулировал выдвигающиеся части в другое направление.

— А что дальше?

— Разведчики вернулись без потерь, задачу выполнили, а противник, наверное, собирает свои части.

— Это верно — собирает. А как с наступлением?

— Думаю, что завтра вряд ли у него это получится. А вот послезавтра — это реально.

Полковник уехал. Мы все были мрачные, в ожидании чего-то. Но телефоны молчали. И мы — тоже. Уж лучше кто-нибудь

отругал нас, что ли, или сказал бы: правильно сделали. Кстати, и на разборе обошли этот вопрос. Только отметили: «По причине неорганизованности дивизия не смогла перейти в наступление в установленные сроки».

Но мы были довольны и тем, что нам эта затея «не вышла боком». А дальше учение развивалось, как было спланировано: дивизия, имея трех-четырехкратное превосходство, прорвала оборону и начала теснить наши подразделения, а полк, несмотря на проведенные контратаки и т. д., вынужден был отходить на последующие, подготовленные в тылу рубежи. Посредники делали свои дела невзирая на решения командиров и действия подразделений.

Однако мысль лихорадочно работала: надо обязательно сделать что-то такое, чтобы если уж не сорвать его наступление, то хотя бы «насолить» ему. И такой случай представился. На дороге от Мурманска до Печенги, между рекой Большая Западная Лица и Мурманск (ближе к реке), стоит небольшой поселок, в котором живут дорожники, обслуживающие эту магистраль. Поселок стоит сразу за длинным озером (если ехать в сторону Печенги). Дорога проходит по самому берегу. Слева — озеро, а справа — огромная, обрывающаяся над дорогой скалистая сопка. В радиусе 15–20 километров это место не объехать.

Я принимаю решение: подорвать скалу и завалить участок дороги валунами и горной породой. Докладываю своему посреднику, тот — в штаб руководства. Оттуда: «Ни в коем случае. Сорвется завершающий этап».

Звоню сам в штаб руководства. Настаиваю на утверждении моего решения. Мне не разрешают, но говорят: придумайте что-нибудь другое, полегче.

Тогда я, ничего больше не докладывая, на самом узком участке дороги, где может пройти только одна машина, ставлю танковый тягач, вместе с экипажем сажаю туда начальника разведки полка и ставлю задачу: стоять насмерть! Уходить с этой точки только с моего разрешения — и так объяснять любому начальнику. Если только тягач возьмут таким же танковым тягачом или танком на буксир — заводите двигатель, включайте заднюю передачу и тяните их к себе!

Экипаж обеспечили хорошим питанием, двумя большими термосами горячего сладкого чая и дополнительной радиостанцией. Чтобы «противник» не обошел по озеру, — взорвали толстый лед поперек, создав огромную полынью. А дороги по тому берегу озера нет.

Когда передовые подразделения наступающих войск прошли по этой узкой дороге почти два километра и уперлись в тягач —

начались «концерты». Все и всё встали. Колонна растянулась на дороге в несколько десятков километров. А руководство штаба считало, что если передовые подразделения выйдут к Кольскому заливу, то можно считать — дивизия с задачей справилась и учение надо заканчивать. И вдруг срыв! Все недовольны. Одни мы не знаем, что нам делать, — радоваться или горевать. Все зависело от того, как расценит наши действия руководитель учения.

Из тягача наши ребята постоянно докладывают, что им стучат, угрожают, говорят, что подожгут или сбросят в озеро, если по-хорошему не уйдут сами. Из штаба руководства мне звонят:

— Ну, как?

— Стоим. И они стоят. Хотя через Килп-Явр можно было бы сделать обходной маневр. Но это большой труд и времени требуется не менее суток.

Штаб руководства решений не принимал. А командир 131-й мотострелковой дивизии генерал В. Т. Ягленко считал, что он здесь, на дорожном направлении, имеет достаточно сил, чтобы протаранить нашу оборону. В реальных боевых условиях таран безусловно был бы произведен. Наконец, Виктор Титович Ягленко через узел связи штаба руководства вышел по телефону на меня:

— Слушай, Валентин Иванович, ну убери ты этот ржавый тягач. Ведь на войне так не бывает. Я бы его разнес в прах. А из-за него учение остановлено.

— Товарищ генерал, дорогой Виктор Титович (у нас с ним были добрые отношения), поставьте себя в мое положение. Полку поставлена задача: не допустить прорыва противника (т. е. 131-й дивизии) к Мурманску. Вы правы — на войне тягачом дорогу не закроешь, но я хотел подорвать скалу у озера и завалить дорогу. Вы вообще бы недельку копались, коль уперлись только в дорогу, хотя можно сделать и глубокий обход.

Виктор Титович был эмоциональный и экспансивный.

— Мать-мать-перемать! Убери тягач, или я его утоплю в этом гнилом озере, — потребовал он.

Но я и не думал сдаваться.

— Уберу, но только по приказу штаба руководства, — ответил я на все его грозные тирады.

— Ну, ладно! — чертыхнулся он.

А дальше события развивались банально. Видимо, Ягленко удалось выйти на руководителя учения, по-своему «доказать» ему свою правоту, и тот поручил начальнику штаба руководства передать мне, чтобы злополучный тягач убрали. Что и было сделано. Однако, передав это распоряжение, начальник штаба руководства добавил:

— Руководитель учения сказал, что ваш полк со своими задачами справился.

Мы воспряли духом. Но задолго до этого разговора, а точнее, как только поставили тягач на дороге, мы устроили противнику на последнем рубеже западню. Дорога в одном месте проходит среди сопок, которые образуют как бы естественный, в несколько километров, коридор, а далее она сворачивает направо. За этим поворотом мы и сделали на дороге снеговой завал. А на сопках справа и слева посадили по батальону, которые должны были по сигналу расстрелять колонну противника холостыми патронами и снарядами.

Посреднику при полку я пообещал:

— Сейчас вы увидите, как мы уничтожаем противника.

Когда тягач был убран, все ринулись вперед с радостным чувством: скоро Кольский залив. Но их снова встретила преграда, хотя и не страшная. Тем не менее голова колонны остановилась и, пока принимались меры по расчистке, не могла тронуться с места. А количество машин здесь все увеличивалось и увеличивалось. Когда их стало очень много — я дал команду открыть огонь. Если бы противник оказался в таком огневом мешке, конечно, в настоящем, а не в учебном бою, то от него остались бы только рожки да ножки.

Однако это уже был последний эпизод, правда, весьма эффективный.

На разборе учения 131-я дивизия получила удовлетворительную оценку при условии, что будут устранены все недостатки, отмеченные в его ходе. Наш 266-й полк получил хорошую оценку, но с оговоркой: «Конечно, полк был в более выгодных условиях — сама местность ему способствовала». Правда, все интересные эпизоды, которые мы организовали, в разборе были упомянуты.

После общего анализа учения мы провели и отдельный — с офицерами полка и со всем личным составом, отметили отличившихся и поставили задачи. Вечером того же дня собрались командир и заместители командира полка, а также начальник артиллерии полка, которого я включал в их число, так как сам был в годы войны в этой должности и чувствовал, что он, конечно, должен быть заместителем командира. Всего нас было семь человек — прекрасный дружный коллектив людей, понимающих друг друга не только с полуслова, но и с одного взгляда.

Собрались мы не столько для того, чтобы откровенно поговорить о проведенных учениях и вообще о положении дел в полку, сколько для того, чтобы послушать заместителя командира

полка по политической части Сбитнева. Он ездил на Украину хоронить тестя — участника и инвалида войны, а на обратном пути три дня был в Москве, у него полно друзей в ЦК, Главпуре, Генштабе и даже в Совмине. Естественно, привез много новостей, однако капитально «выложить» не успел, так как у нас уже была круговерть с подготовкой к учению. Ну, а сейчас вроде в самый раз.

Алексея Сбитнева я отношу к тому числу офицеров-политработников, которые, выполняя свой долг, трудились действительно самоотверженно и честно. Он всегда до удивления был откровенен, даже наивен.

Когда завязался по обыкновению непринужденный разговор, он перечислил, с кем виделся в Москве, и, еще не передавая сути этих разговоров, сразу сделал вывод:

— Все они друг друга не знают, лично не знакомы, занимают по рангу разные посты, работают в различных ведомствах, а выводы у всех приблизительно одинаковые: Никита Сергеевич Хрущев не способен руководить государством. То, что его допустили до власти, большая ошибка.

И далее Сбитнев говорит, что в Москве все больше и больше растет возмущение Хрущевым. Не успели похоронить Сталина — в том же году, чтобы замести все следы своих деяний, разделался с Берией и всеми его соратниками — Меркуловым, Деканозовым, Кабуловым, Гоглидзе, Машуковым, Владзимерским. А Крым?! Не успел прийти к власти, как уже в январе 1954 года «подарил» Крым Украине, не спросив на то согласия ни у народа, ни у правительства России.

А поскольку у него на пути последователи Сталина, то он их поочередно давит, нанося по ним удары. В январе 1955 года на Пленуме ЦК в прах раскритиковал Маленкова якобы за оппортунизм. Парадокс! Оказывается, не Никита оппортунист, а Маленков, который в интересах улучшения жизни народа сделал некоторое смещение приоритетов между тяжелой и легкой промышленностью.

Но самое главное — народ не может простить Хрущеву ни Сталина, ни Жукова. Ясно видно, что развернутая шумиха по поводу культа личности Сталина фактически имела и имеет цель — отомстить уже мертвому Сталину за свои, личные обиды. Кстати, «демократ» Хрущев почему-то от нас скрыл, что в Тбилиси в марте 1956 года, т. е. сразу после XX съезда, были волнения и против демонстрантов было применено оружие. Не потому ли, что они шли с лозунгами: «Долой Хрущева!», «Молотова — главой страны». Причем выступления трудящихся были дважды.

Учитывая, что Маленков, Молотов и Каганович пользуются

большим авторитетом, Хрущев инспирирует дело об антипартийной группировке, вписав их в эту, так сказать, группировку. Смотрите, как нахраписто он действует! Еще и Шепилова туда «примкнул».

А события в Венгрии в 56-м?! Конечно, контрреволюция там подняла голову, но отдавать приказы подавить это выступление танками «демократу» Хрущеву просто не к лицу. Ведь Советский Союз в итоге таких действий выглядел в глазах мировой общественности «душителем свободы». О чем, кстати говоря, трещат до сих пор.

А как Хрущев поступил с Г. К. Жуковым? Тот только начал набирать темпы, вошел капитально в роль министра обороны, как вдруг Хрущев снимает его. За что? «За потерю партийной скромности». Какой скромности? Когда на заседании Президиума ЦК встал вопрос — снимать Хрущева за ошибки или оставлять и все зависело от позиции Жукова, то тот стал на защиту Хрущева. Это, что ли, потеря скромности? Это был просчет Жукова, к сожалению. Вот Никита его и отблагодарил…

— Я не знаю точно, — продолжал выкладывать новости с Большой земли Алексей Сбитнев, — но вроде в июне прошлого, т. е. 1957 года было принято решение Президиума ЦК КПСС о смещении Хрущева с поста первого секретаря. А мы ничего не знаем. Разве может быть так в партии? А сейчас ходят разговоры, что будто уже вынашивается мнение о том, что, кроме поста первого секретаря ЦК, Никите отдадут еще и пост Председателя Совета Министров СССР. А это разве не культ, когда один подгребает под себя все посты? Фактически рождается диктатор. У нас что — война? Это в годы войны все должно быть в одних руках! А он в мирное время все под себя тянет. Вот такие дела творятся, друзья.

Мы сидели молча. Алексей разошелся, и никто его не перебивал. То, что он разошелся, — это не страшно. А вот от того, что он говорил горькую правду, было тяжело. Но что на нашем уровне можно сделать? Я высказал эту мысль, а потом понял, что зря — «подлил масла в огонь». Леонид Дубин взорвался:

— Как — что? У нас есть Программа и Устав партии. Мы перед фактом нарушения и того, и другого. Если действовать в соответствии с Уставом, то мы должны принять решение — осудить завихрения Никиты Сергеевича Хрущева. Естественно, к этому собранию надо хорошо подготовиться, чтобы не было разброда и шатания.

— Леня, — прервал его Сбитнев, — я иногда витаю в облаках, но ты вообще фантазер: сегодня, допустим, проходит собрание, а завтра ты — на Северном полюсе или на Новой Земле, я — на

Южном полюсе или в Кушке, Валентин Иванович — на Чукотке, соответственно, и другим найдут место. Надо что-то другое, но что — пока не представляю. Но дальше так продолжаться не может.

Остальные высказались тоже и пришли к выводу: обмен был хороший, нужный, теперь надо всем подумать — а что же конкретно мы можем сделать.

Расстались, однако, с тяжелым осадком. Пошел домой пешком — немного развеяться, подумать. В голову лезли разные мысли, в том числе о том, как сложно проходило мое становление в полку. Мало того, что штаб армии и штаб дивизии (точнее — начальники этих штабов) выступили против моего назначения, так они долгое время не могли успокоиться и еще до приезда на дивизию генерала Ф. В. Чайки меня предложили посланнику Управления кадров Сухопутных войск кандидатом на учебу в Ракетные войска Сухопутных войск. Этот род войск только организовывался. Меня вызвали в отделение кадров дивизии. Подполковник из Москвы начал уламывать меня, чтобы я дал согласие пойти на эти курсы, мол, после них я получу ракетную бригаду.

— Престижно, отвечает духу времени и вашим призваниям, которые были проявлены в годы войны, — подслащивал пилюлю подполковник.

Но я отвечал сухо:

— Каждый из нас должен был защищать страну как мог. А сейчас выбор сделан, я окончил общевойсковую академию, вступил в должность, меня это устраивает, отвечает интересам, да и сразу здесь встретился с такими проблемами, решать которые надо немедленно.

— Валентин Иванович, — не унимался подполковник, — но Ракетные войска — это новый род войск в Сухопутных войсках. Туда подбирают самых лучших. Это же ракетчики! Давайте договоримся так: сейчас вы окончательного решения не объявляйте, подумайте, а затем мы решим.

— Нет! Возвращаться к этому вопросу я не намерен. Решение принято окончательно.

— Ну, все-таки подумайте. Через месяц позвоню.

Я отлично понимал, откуда «дует ветер». Здесь сказывалось не столько то, что я в годы войны командовал артиллерией стрелкового полка, сколько стремление Никитина и Крутских все-таки избавиться от меня. Аргумент о моем прошлом был, конечно, весомый, но и мое настоящее, а самое главное — желание тоже было не последним фактором.

Действительно, через месяц к этому вопросу вернулись снова

— из Управления кадров Сухопутных войск пришла телеграмма, из которой следовало, что я должен прибыть на беседу к первому заместителю министра обороны — Главнокомандующему Сухопутными войсками маршалу Р.Я.Малиновскому.

Меня вызвал комдив Чайка и, зачитав телеграмму, спросил:

— Зачем вызывают? Чья это работа?

Я все подробно рассказал, что было и что я предлагаю. Федор Васильевич в сердцах выругался (мне от этой «солидарности» стало даже легче), затем упорно начал названивать всем кадровикам — армейскому, окружному, в Сухопутные войска. Добравшись до начальника Управления кадров Сухопутных войск и поздоровавшись, Федор Васильевич степенно начал докладывать:

— Костя, вот у меня в кабинете командир полка нашей дивизии подполковник Варенников. Человек только принял полк, взялся с охотой за работу и никуда, ни в какие Ракетные войска переходить не намерен, а вы его вызываете к главкому на беседу.

Я, естественно, не слышал, что говорилось на другом конце провода, зато комдив распалялся все больше:

— О каком списке может идти речь, если он не давал никакого согласия? Доложи маршалу, что Варенников не желает…

— ?

— Ну, почему я должен ему звонить? Ты же начальник Управления кадров, твои ребята затеяли все эти дела, ты и передоложи.

— ?

— Ну, хорошо, хорошо. Где сейчас маршал? У себя? Буду звонить, но тебя прошу поддержать.

Положил трубку, закурил, поворчал на наших общих «друзей» и начал опять звонить. Оказывается, он звонил непосредственно главкому Сухопутных войск Р. Я. Малиновскому.

— Товарищ маршал Советского Союза, докладывает командир 67-й стрелковой дивизии Северного военного округа генерал-майор Чайка…

; —?

— Так точно, Герой Советского Союза. Товарищ маршал, вынужден обратиться непосредственно к вам потому, что кадровики сказали, что решить можете только вы. У меня в дивизии командует одним из полков подполковник Варенников. Всего два месяца, как принял полк и выполняет свой долг отлично. Кадровики беседовали с ним на предмет перехода в Ракетные войска Сухопутных войск. Он категорически отказался. Однако…

— ?

— Нет, он окончил Военную академию имени М.В.Фрунзе, а до этого был два года заместителем командира стрелкового полка…

— ?

— Да нет, товарищ маршал, он вот у меня в кабинете и никуда не хочет переводиться, просит оставить в полку.

— ?

— Спасибо, товарищ маршал.

— ?

— До свидания, товарищ маршал Советского Союза.

У меня на протяжении всего этого разговора было напряжение максимальное. Как вы поняли, вопросительным знаком я обозначил в этом диалоге слова главкома, слышать которые я не мог. Только когда Федор Васильевич поблагодарил маршала, я понял, что все решено. Комдив, улыбаясь, довольный разговором, не торопился раскрывать его содержание. Наконец, медленно закурил и, отдаваясь во власть воспоминаний, начал:

— Родион Яковлевич знает меня давно. И по Великой Отечественной, и по войне на Дальнем Востоке, когда японскую Квантунскую армию гоняли по всему Китаю. Человек он внимательный. Видишь, как он рассуждает: «Ну, если офицер не хочет переходить на другую службу, тем более менять профиль своей специальности и просит, чтобы его не трогали, — пусть командует полком, это тоже важно». Так что всем можно успокоиться: и нам, и тем, кто хотел «вытолкать» тебя из дивизии.

Затем Федор Васильевич позвонил еще раз начальнику Управления кадров Сухопутных войск генерал-лейтенанту К. Майорову и передал ему решение главкома. Кстати, тот сообщил, что командир уже получил его. На этом эпопея с моим выживанием меня из этого полка закончилась.

На службе все шло вроде нормально. А вот в целом в стране было как-то тревожно. Хотя в то время «с нашей колокольни» не все было видно и не все можно было понять. Но то, что с Г. К. Жуковым обошлись несправедливо, — это факт! Конечно, сменивший его Малиновский — тоже фигура. Но это — не Г. К. Жуков. Очень важно будет и для нас, военных, и для страны в целом, какую линию поведет Малиновский.

Оказалось, что прогноз Сбитнева оправдался: в марте 1958 года на очередной сессии Верховного Совета СССР Хрущева утверждают Председателем Совета Министров. В том же году Никита Сергеевич едет в США. Но это произошло уже после того, как я оказался по долгу службы на полуострове Рыбачьем.

А случилось это мое назначение довольно интересно. В

начале лета я отправил жену с малышами на юг, на море. Как, собственно, и многие другие — все тоже посылали семьи, в основном из-за детей, кто куда мог. Но на этот раз договорились, что моя семья возвращается в начале августа. Во-первых, потому, что во второй половине этого месяца будет сложнее с билетами. Во-вторых, нашему старшему сыну, который уже окончил 1-й класс, надо подготовиться к школе, адаптироваться, да и август в Заполярье, как правило, месяц хороший.

Как-то приезжаю со стрельбища. Уставший, но довольный — стреляли хорошо. А уставший потому, что был день и «ночь» на стрельбах (летом ночи нет). Заходит возбужденный Дубин. У него вообще от природы сильный румянец, сейчас же он полыхает, как помидор. Что-то произошло. Говорю: «Садись, рассказывай», — а сам сделал вид, что мне вроде что-то известно.

— Да чего рассказывать? Плохи мои личные дела. Вызывал меня командарм генерал Лосик. Предлагал должность командира отдельного полка, но на полуострове Рыбачьем. Я отказался. До меня он вызвал еще двух и тоже с выдвижением — отказались. Вот теперь не знаю, какая моя будет дальнейшая судьба. Ведь начальство как может расценить мой отказ? А-а, не захотел? Ну и сиди до увольнения. Или на военкомат запрут.

— Я не думаю. Коль они за вас взялись, то еще поступят предложения. Вы, очевидно, обосновали свой отказ?

— Да, я сказал, что если ехать на полк, то надо на несколько лет. У меня же сын закончил 7-й класс, а на Рыбачьем только семилетка. Значит, придется его держать в Мурманске, в интернате. Но это крайне нежелательно, потому как за ним нужен глаз да глаз. Командующий вроде посочувствовал. «Ну, ладно, — говорит, — идите».

— На мой взгляд, довод убедительный. В общем, Леонид Николаевич, не будем нагонять тучи, лучше надеяться на лучшее.

Уточнили с Дубиным план на завтра, и он ушел. Я разобрал документы и уже собрался домой. Вдруг звонок. Кто бы мог в такой час?

— Слушаю вас.

— Это Чайка. Командующий армии тебе не звонил?

— Нет, звонков от него не было.

— Так вот, он приказал тебе прибыть к нему завтра к девяти часам.

— Товарищ генерал, может, вы сориентируете меня хотя бы в общих чертах?

— К сожалению, не знаю. Сказал, что лично поставит задачу, поговорит. Вообще-то у меня есть предположения, но я не думаю, что вызов по этому поводу.

— Ну, вы меня совсем озадачили. Тогда хоть свою версию скажите.

— Нет. Пока ни о чем не думай, отдыхай — завтра все прояснится. До свидания.

— До свидания.

Я положил трубку, а в голове закружились мысли. Не исключен опять вариант с ракетчиками, а возможно, надо в чем-то помочь городу? Может, подошел срок морского похода полка на Новую Землю (это было как-то высказано в общих чертах), или нас ждет какое-нибудь показное занятие, представление полка солидной делегации и т. д.

Какой уж там сон! Так — в полусне-полудремоте промаялся всю ночь. Утром размялся, принял душ — и в штаб армии. Прибыл за 15 минут до назначенного часа, однако адъютант сразу же говорит:

— Заходите.

— Но…

— Он сказал: чтобы заходили, как только появитесь. Вхожу в кабинет. Генерал Лосик за столом, смотрит документы. Представляюсь. Командующий подошел, поздоровался и внимательно посмотрел в глаза. Спросил, как дела в полку, как настроение у личного состава, у командира полка. Ответил, что все в пределах нормы, оснований для беспокойства нет. Тогда он как выстрелил:

— Вам надо ехать на Рыбачий принимать полк!

— Когда?

Понял, что мой вопрос застал его врасплох больше, чем предложение, которое он высказал мне. Он удивленно поднял брови, немного подумал и ответил:

— Завтра.

— Разрешите послезавтра?

— А почему не завтра?

— Завтра с юга приезжает семья — жена, дети, я их встречу, а послезавтра с утра все вместе отправимся на новое место.

Лосик стал ходить по кабинету, о чем-то думая. Потом остановился передо мной:

— А вам свой полк не жалко?

— Как же не жалко?! Конечно жалко. Вложил в него столько сил… Сейчас командуешь и радуешься — какой коллектив!

— Да, полк хороший. А на Рыбачьем 6-й отдельный пулеметно-артиллерийский полк развалился. Надо его поднять. Надеюсь, что вы это сделаете.

— Постараюсь задачу выполнить.

Мы расстались. Я поехал к командиру дивизии. На душе было

и торжественно, и тоскливо: торжественно, потому что оказывалось такое доверие, а тоскливо — не хотелось расставаться со своим детищем — 266-м мотострелковым полком. Ведь каким я его принял и каким он стал за два года! Сколько сил и души вложено, сколько бессонных ночей и до предела заполненных работой будней…

Захожу к командиру дивизии.

— Я уже все знаю. Звонил командующий. То, что не отказался, — это, может быть, и правильно. Но он тебе подсунул такую развальню, что с ней надо возиться капитально. А главное — полк разбросан побатальонно: один батальон на северо-востоке Рыбачьего, второй — на северо-западе, третий — на полуострове Среднем, штаб и полковая школа со спецподразделениями в Озерко, а танковый батальон и артиллерийский дивизион — южнее Озерко. Полк — 3,5 тысячи. Устроен неважно. Одно утешение — штат хороший: все предусмотрено до мелочей. Почему я все это знаю? Да потому, что кое-кому уже предлагали этот полк, но все отказывались, хоть и полк подчиняется армии.

— Товарищ командир, есть еще одно преимущество.

— Какое?

— Далеко от начальства.

Чайка рассмеялся. Смеялся, долго кашляя и вытирая глаза. Потом сказал, что полностью со мной согласен. Мы договорились, что полк я передам сегодня первому заместителю командира полка подполковнику Суетину, а завтрашний день посвящу личным сборам. Командир дивизии разрешил взять легковой газик и грузовую машину. На прощание Чайка сказал мне, что жаль расставаться, поблагодарил за службу, обнял и вздохнул. Мне тоже было грустно. Люди привыкают друг к другу, и потому расставаться трудно, особенно если установились добрые отношения.

День прошел в будничной работе — подчиненные докладывали свои письменные рапорты о состоянии подразделения или службы. Потом собрал офицеров, поблагодарил их за то, что они сделали полк передовым. Перед ужином построил полк и сказал, что командование назначает меня на другой полк, но буду близко — на полуострове Рыбачьем. Попрощался и пожелал успехов. Вечером, так уж повелось, устроил товарищеский ужин с заместителями. Поговорили откровенно. Меня просили не забывать, а я приглашал их на Рыбачий — «Театр военных действий надо изучать». В общем, все прошло хорошо.

Утром встретил семью. Мое сообщение было воспринято нормально, как я и ожидал. И мы рано утром на следующий день

уже отправились на Рыбачий к новому месту службы.

Дорога от Мурманска до реки Титовки и одноименного поселка, а далее до Печенги и госграницы с Норвегией, как и до города Никеля, мне была известна отлично. А вот от Титовки на север, вдоль реки, т. е. на Рыбачий, я никогда не ездил. Переехав через мост, мы свернули направо и двинулись, уже с меньшей скоростью, по левому или западному берегу. Дорога постепенно поднималась к перевалу, извиваясь все больше и больше. У водопада, точнее, у огромного, метров в семь-девять, порога, где Титовка падала со скалы в русло, которое проходило по ущелью и уносило воды в море, мы остановились и долго любовались этим чудом природы. Кругом скалы, кое-где небольшие, уже в осенней ярко-желтой или красной листве березки, а также темно-зеленые, тоже карликовые елочки или сосенки. Среди мха виднелись ягоды — брусника, черника, морошка. Но главное — могучий водопад. От мощного удара огромной массы воды внизу, над выбитым в граните бассейном, и далее — над речным потоком стояла водяная дымка, преломляясь в которой солнечные лучи создавали сказочную радугу. На все это можно было смотреть часами, получая не меньшее удовольствие, чем в Петергофе, Эрмитаже или Третьяковке, в Лувре или Версале, Дрезденской галерее или в индийском Тадж-Махале. Картина, созданная природой, просто завораживает.

От водопада дорога уходит в сторону — в скалистые горы, затем, круто извиваясь и даже обвивая одну и ту же скалу двумя кольцами, идет дальше вверх, причем, круто поднимаясь все выше и выше к перевалу через хребет Муста-Тунтури. Здесь нас подстерегали все новые и новые открытия. Например, через каждые 300–500 метров слева или справа от дороги расположились, как на этажерке, небольшие темно-синие и очень глубокие озера, буквально кишевшие редкостной рыбой, о чем мы узнали уже позже. Причем, чем выше, тем дорога все более сужается и, наконец, становится такой, что по ней с трудом проходит только один автомобиль, В связи с этим через каждые 100–200 метров в скале вырублены ниши — площадки или просто сделано расширение дороги, где могут поместиться две-три машины. Как только перекатили перевал — сразу изменилась и обстановка. Во-первых, дорога стала почти нормальной — достаточно широкой и умеренно прямой. Во-вторых, она не имела таких крутых участков, как по другую сторону перевала. В-третьих, перед нами открылась широкая панорама тех таинственных земель, о которых пока мы слышали только в песнях: «Растаял в далеком тумане Рыбачий — родимая наша земля».

Мы сделали еще одну остановку, вышли из машины, и водитель «газика», который здесь бывал уже не один раз, стал степенно и подробно рассказывать, что мы там видели. Оказывается, дорога в начале приведет нас на полуостров Средний, где располагается штаб погранотряда и один пулеметно-артиллерийский батальон нашего полка. Далее дорога шла вдоль берега Мотовского залива и выводила на перешеек, который соединял полуостров Средний с полуостровом Рыбачьим. Рыбачий в сравнении со Средним — это, конечно, огромная земля. На берегу, обращенном к нам, просматривались солидная пристань и какие-то постройки складского типа. Далее в глубине — военный городок. Но это был не Озерко, где располагался штаб полка, — его не было видно.

Подышав уже морским воздухом, мы отправились в путь. Приблизительно через полчаса были уже в Озерко. Кстати, на маршруте нам попался маленький госпиталь (фактически полевой, так как располагался в землянках).

Мы остановились при въезде в поселок, который состоял из одной улицы жилых щитовых домов, которые выстроились справа и слева от дороги и упирались в большой плац. А по периметру плаца располагались три казармы, солдатская столовая, клуб и штаб полка. На некотором удалении — склады и парк стоянки машин, боевой техники и крупного вооружения, различные хозяйственные постройки.

Но самое удивительное и поражающее воображение нового человека было то, что сам поселок и прилегающая к нему округа на сотни метров, а кое-где и до километра состояли из крупной морской гальки. Когда эту гальку видишь на берегу, то в сочетании с водой она воспринимается приятно. Но, когда весь ландшафт, да еще относительно далеко от моря фактически состоит только из этого гладкого, серого камня округлой формы, а вокруг не только ни одного деревца или кустика, но и травинки нет, — становится грустно. Какая-то странная пустыня, и посреди нее — военный городок. Замысел первопроходцев и устроителей этого поселка под названием «Озерко» совершенно нельзя было понять. Проехать буквально 2–2,5 километров или не доехать километр — а там приличная земля, уже что-то растет. Какую цель ставили, когда строили этот военный городок? Найти ответ было невозможно. Галька покрывала землю очень внушительным слоем: у нас было три колодца-сруба, глубина которых достигала 6–7 метров, и стены срубов были пробиты в толще гальки. Откуда она здесь взялась? Что занесло сюда морской камень?

Весь этот серый пейзаж в сочетании с серым небом произвели на меня удручающее впечатление.

Мое унылое настроение передалось и семье. Время было уже послеобеденное, поэтому улица безлюдна и лишь непосредственно у казарм стояли группы солдат.

Я отправился в штаб. По пути мне встретился сержант и как ни в чем не бывало прошел мимо, будто меня и не было. Разумеется, я его остановил и заставил представиться, что он и сделал с явной неохотой.

— Сержант Шевченко.

— Такая знаменитая фамилия, а устав не соблюдаете. Честь-то надо офицеру отдавать. Как вы считаете?

Сержант пожал плечами и тоскливо стал смотреть в сторону. Чувствуя, что здесь дело не только в этом сержанте, я его отпустил, а сам поднялся в здание штаба. Сразу при входе к застекленной двери прибита табличка: «Дежурный по части», хотя на ней должно значиться: «Дежурный по полку». Захожу к дежурному. Тот лениво встает и спрашивает:

— Вы к кому?

— А вы кто?

— Я дежурный по части.

— Во-первых, не дежурный по части, а дежурный по полку, а во-вторых, надо представиться: назвать свое воинское звание, фамилию, а уж потом задавать вопросы.

— Дежурный по шестому отдельному пулеметно-артиллерийскому полку старший лейтенант Герасимов.

— Вот это другое дело. Я — подполковник Варенников. Мне надо увидеться с командиром полка полковником Сергеем Ивановичем Беловым.

— Я сейчас доложу ему. Он дома на обеде.

Звонит Белову на квартиру, тот приказывает передать мне трубку. Я беру ее и слышу:

— Здравствуйте, Валентин Иванович.

— Здравствуй, здравствуй, Сергей Иванович. Вот приехал, как мы с тобой договаривались вчера.

— Сейчас бегу.

Дежурному Белов приказал провести меня в кабинет. Я стоял у окна, откуда, как с наблюдательного пункта, просматривались значительная часть полуострова Рыбачий, Мотовский залив, частично полуостров Средний и хребет Муста-Тунтури, за которым была Большая Земля. Стоял и думал: что меня здесь ждет? Почему Сергея Ивановича Белова перемещают (а фактически снимают с полка)? Я был с ним знаком, как и с другими командирами полков нашей армии, встречался у командарма на совещаниях или занятиях. Он производил хорошее впечатление — общительный, толково рассуждающий,

имел многолетний опыт командования полком и уже года три или четыре был полковником (кстати, в этом полку первый заместитель командира, начальник штаба и начальник политотдела полка тоже были полковники; обратите внимание — в полку был положен по штату политотдел). В общем, командир полка — вроде солидная фигура, как и заместители, а дела в полку идут неважно. Мне было известно, а позже, когда уже стал командовать полком, то разобрался в деталях и еще раз убедился, что штатом в полку предусматривалось буквально все. Поэтому за счет боевых подразделений держать где-то никого не надо. Например, есть заведующий складом и у него три кладовщика — солдаты. При этом полк само собой, но и каждый батальон тоже имел все хозяйство в миниатюре: и склады по всем службам, и небольшой клуб, и узел связи, и банно-прачечный комбинат, и столовую, и подсобное хозяйство, и свинарник, и многое другое. Но везде штатом предусматривались лица, которые вели это хозяйство. Это очень большое подспорье. Не надо что-то выкраивать и где-то вне штата кого-то содержать. Единственно — это наряд: в караул, на кухню, в баню, на пристань (когда приходит пароход) и патрули. Плюс дежурное подразделение для решения внезапных непредвиденных задач. Все это, конечно, должно благоприятно сказываться на жизни и деятельности полка. Кроме штата, полк располагал еще небольшим кораблем — посыльным катером (сокращенно — ПОК), который имел уже по своему самостоятельному штату семь человек (командир-мичман, боцман-старшина 2-й статьи, радист, два моториста и два матроса) и мог в двух каютах перевозить 19 человек (с местами для лежания) плюс брал в трюм 25 тонн груза. Так что фактически мы постоянно имели возможность сноситься с Мурманском и Североморском, тем более что с октября и по май включительно перевал был закрыт — заваливало снегом. Это тоже должно было благотворно сказываться на жизни полка.

Не прошло и пяти минут, как появился Сергей Иванович Белов. Встреча оказалась теплой, доброй. Он извинился, что не встретил: по его расчету, я должен был подъехать часа через два-три.

С Сергеем Ивановичем Беловым мы устроились в кабинете, и он начал рассказывать о житье-бытье. Почему-то начал с себя: якобы написал рапорт, чтобы его перевели на любую должность в Московскую область, так как родители его в престарелом возрасте, чувствуют себя плохо, и им нужна его сыновья помощь. Руководство решило его просьбу удовлетворить, и он, сдав полк, едет в распоряжение командующего Московского военного округа.

Потом перешли к полку. Оказывается, полк действительно насчитывал по штату более трех тысяч человек. Все подразделения были полностью укомплектованы.

— Штатная категория командира полка, — продолжал Сергей Иванович, — записана: «Генерал-майор, полковник».

— Так тебе надо было получить генерала, а потом уж ехать.

— На этом полку и в этой дыре могут и «полковника» отобрать.

Я эту тему не стал поддерживать и дал понять, что готов слушать дальше в отношении полка. Сергей Иванович подробно описал обстановку с офицерами. Всем здесь надоело, и каждый под любым предлогом хотел бы уехать. Всех одолевает скука, поэтому кое-кто попивает, даже сделали змеевики и гонят самогон, хотя на службу приходят исправно. Когда я спросил: «Почему же такая рутина вас засосала, почему нет интересной боевой учебы?» — Сергей Иванович сказал, что сама программа подготовки полка не позволяет оживить боевую подготовку. Уточнять я, конечно, не стал, но ведь известно, командир полка вправе вносить любые дополнения.

Конечно, пулеметно-артиллерийский полк проводил свою подготовку в соответствии с оперативным предназначением — оборонять полуострова Рыбачий и Средний, не допустить высадки морских десантов противника на побережье и воздушных — на всей территории. В связи с этим каждый пулеметно-артиллерийский батальон занимал оборону на десантно-опасных направлениях — вдоль берега на широком фронте, имея небольшой резерв. А танковый батальон с полковой школой и артиллерийским дивизионом, составляя полковой резерв, должны были обеспечить уничтожение воздушных десантов или оказать помощь на том направлении и тому батальону, который в этом нуждается.

Исходя из всего сказанного, уже ясно, что тактическая и специальная подготовка полка должна, конечно, вестись с накалом. Так, чтобы подразделения не просто вышли на свои позиции, заняли заранее построенные, мощные, из бетона и металла доты, а также добротные, тоже в бетоне или одетые деревом окопы, и все — сиди, жди. Нет. Давая различные вводные и обозначая противника (за счет других своих подразделений), надо совершать маневр — сбивать и уничтожать противника, проводить контр-атаку на другом направлении, возвращаться на свои позиции, вновь маневрировать в противоположную сторону, где «противнику» удалось захватить плацдарм и т. д. Эта оборона может выглядеть интереснее любого наступления. Но, видно, ничего подобного здесь не проводилось. Вот и кисли офицеры, а

вместе с ними и солдаты.

Сергей Иванович жаловался на начальство, мол, оно «ссылает» в полк всех разгильдяев армии. А это, в свою очередь, разлагает остальной личный состав.

— Вот ты встретишься с такой картиной — попадаются солдаты, которые ходят в морской форме, в авиационной, кавалерийской и даже КГБ. И командиры подразделений ничего не могут сделать.

Чем больше я его слушал, тем меньше у меня оставалось сомнений в отношении способностей и возможностей командования полка. Не может быть такого, чтобы все офицеры были забулдыгами и не знали, что делать от скуки. Кроме того, гарнизоны такого характера должны все вместе (офицеры, их семьи, солдаты) позаботиться, в первую очередь, сами о том, чтобы их жизнь била ключом, гейзером, а не затягивалась болотной жижей.

Чувствуя, что основное уже понял, я предложил обсудить порядок приема и сдачи и на том закончить. Сергей Иванович намеревался растянуть это на неделю, в том числе провести командно-штабные учения полка, которые по плану должны состояться через три дня. Кроме того, он любезно хотел проехать со мной по всем батальонам и представить меня личному составу.

— Я думал, что с тобой кто-то приедет от командования или штаба армии и представит, а получилось, что ты сам.

— Да мне не привыкать! Везде в батальонах я представляюсь сам. Предлагаю, как сейчас модно, встречный план: сегодня через час начнем заслушивать всех заместителей и начальников служб полка — они представляют рапорта с описанием состояния дел и их оценкой; завтра к десяти ноль-ноль собираем всех офицеров от командира роты и выше (начальники штабов батальонов останутся на месте), я представлюсь, заслушаем командиров батальонов — они тоже представят рапорта. Затем вы выступите — попрощаетесь. Завтра перед обедом я построю местный гарнизон и представлюсь ему. Если вы желаете что-то ему сказать — тоже будет хорошо. В заключение мы с вами подписываем телеграмму на имя командующего армией о приеме и сдаче полка. Думаю, что завтра после обеда, если это вас устраивает, можно было бы выехать в Мурманск. Или, в крайнем случае, послезавтра утром. Что касается учений, то мы их отложим на недельку, я подготовлюсь и проведу.

— У меня возражений нет. Единственная «поправка» — я хотел бы уехать послезавтра утром, и не на машинах, а на катере.

Мы договорились обо всех деталях, в том числе и о порядке работы сегодня.

Через некоторое время пришел начальник политотдела:

— Валентин Иванович, может, я вам представлю письменную информацию о состоянии полка?

— Почему информацию и почему о состоянии полка? Вы же начальник политотдела тире заместитель командира полка по политической части. Вы должны сделать краткий содоклад о политико-моральном состоянии полка, дать оценку и сориентировать меня, что политотдел намерен предпринимать в перспективе. Послушаем вместе с Сергей Ивановичем. Возможно, у нас будут вопросы — втроем и разберем. Затем оставите мне письменный доклад.

Начальник политотдела согласился, хотя без энтузиазма, но попросил присутствовать при докладе всех остальных. Я, естественно, его поддержал и дал команду, чтобы присутствовали при докладах также первый заместитель командира и начальник штаба полка.

Все прошло организованно. Доклады мной оценивались (без оглашения) по-разному. Такими же были и первые впечатления о докладчиках. Для себя сделал вывод, что наиболее сильными оказались начальник инженерной службы, начальник разведки и начальник тыла полка, которые давали конкретные обстоятельные ответы на все вопросы и, что особо понравилось, видели перспективу, вносили предложения.

Домой вернулся поздновато, но никто спать не ложился — ждали меня на ужин. На столе гора жареной рыбы. Спрашиваю — откуда? Оказывается, принес командир хозвзвода. В полку есть команда, которая постоянно занимается промысловым ловом рыбы, и весь гарнизон «Озерко» каждый день в летнее время обеспечен треской без ограничений. Мы торжественно поужинали. Попили чай с ягодами (соседка принесла) и начали делиться впечатлениями. У ребят уже объявилось много дружков. Старший сын, Валерий, конечно, уже провел разведку, где школа, познакомился с некоторыми учениками, окончившими, как и он, первый класс. А младший, которому шел третий год, приобрел себе приятеля — соседа, такого же, как он. Естественно, жена тоже не дремала и обзавелась не только приятельницами, но многими ценными знаниями, особенно в вопросе, как хорошо подготовиться к зиме. Судя по общему настроению, никто не грустил. Единственно, что тревожило жену, так это тонкие стены дома.

— Ты открой окно и посмотри, какая тонкая стена. В этом доме зимой в Сочи и в Сухуми замерзнешь.

Действительно, стены были в ладонь толщиной. Очевидно, устроители этого поселка рассчитывали в перспективе обложить

щитовые дома кирпичом, но все так и заглохло. Что-то надо было предпринимать уже сейчас, до зимы. Мне и моей семье зима особо не угрожала, потому что я перееду в дом, где жил Белов. А он был каменный, как и все казармы, столовая, клуб, три или четыре жилых дома, школа и баня. А вот сборно-щитовые дома надо было утеплять.

На следующий день, проведя все намеченные мероприятия, мы в обед подписали телеграмму, письменный доклад о приеме и сдаче полка и послали его фельдъегерской почтой.

— Думаю, что сейчас надо позвонить командующему и доложить ему о сдаче-приемке полка, тем более что ты завтра утром намерен отправиться катером в Мурманск, — предложил я Белову.

Сергей Иванович согласился. Звоню по ЗАС (закрытая связь министерства обороны). Соединили немедленно. Доложил генерал-лейтенанту Лосику о том, что полк принят и письменные донесения с актом направлены в штаб армии. Командующий армией задал множество вопросов из различных областей жизни, быта и деятельности полка. Судя по реакции на ответы, был удовлетворен. Затем он взялся за Сергея Ивановича. Причем говорил только командующий, а Белов отвечал: «Так точно!» или «Никак нет!» Когда этот своеобразный интересный доклад Сергея Ивановича закончился, командующий опять переключился на меня:

— Вы, товарищ Варенников, постарайтесь максимально укрепить полк. Вы уже опытный командир, а полк стоит на очень важном направлении. Поэтому он напрямую и подчиняется армии. Надо, чтобы это хорошо усвоили все офицеры.

В этом духе он продолжал еще минут десять. Я все это время помалкивал, наверное, поэтому в трубке посыпались тревожные возгласы:

— Алло, алло! Вы меня слышите?

— Товарищ командующий я вас прекрасно слышу и делаю себе пометки.

— Это правильно. Это очень хорошо. Так вот…

И он опять начал растолковывать мне важность задач, которые возложены на полк. Когда, наконец, разговор закончился и Белов получил «добро» на выезд в Мурманск, мы облегченно вздохнули, уселись за стол и поговорили еще немного. Меня особо интересовала характеристика старшего звена офицеров.

А на следующий день утром при большой воде (т. е. во время полного прилива) с оркестром на пирсе и множеством офицеров и их семей мы проводили Сергея Ивановича Белова на Большую землю. Прощание было торжественным. На море, точнее в заливе,

стоял штиль, над всей местностью небо раскинуло свой голубой купол, яркое солнце слепило глаза. Получился какой-то праздник, а в честь чего — никто понять не мог. Но то, что мы по-доброму распрощались с Беловым, — это факт.

Конечно, о жизни и службе на Рыбачьем можно писать долго, много, и все будет интересным. Но я этого делать не стану, и по всей остальной службе «пройдусь» так, чтобы осветить те события и факты, которые оставили след в моей судьбе и которые, на мой взгляд, будут интересны читателю любой категории и любых взглядов на жизнь военных.

Проведя знакомство, а точнее, смотры всех подразделений полка до тыла включительно, я предупредил, что командно-штабное учение полка, запланированное на следующую неделю, будет мною проводиться обязательно — с обозначенными войсками; подразделения будут подниматься внезапно по тревоге и включаться в учения.

А перед этим после приказа по полку о том, что я вступил в командование полком, последовал приказ: «О наведении порядка в соблюдении формы одежды и выполнении личным составом требований уставов Советской Армии».

Для меня этот приказ означал то же самое, что приказ Сталина «Ни шагу назад», но — в масштабе полка. Нам нельзя было делать ни одного шага в то болото, в которое засасывается личный состав. Действительно, как и говорил Сергей Иванович, солдаты носили такую форму одежды, которая им нравилась, а ротные и взводные командиры с этими матерыми нарушителями не хотели портить отношения. Никто никому не отдавал чести. Наиболее агрессивные могли организовать столкновения. Утром на подъеме поднимались не все, многие не выходили на физическую зарядку. Вечером, после сигнала «отбой», можно было встретить много праздно болтающихся.

Даже гражданский человек, а военный тем более, может представить, что это за войско. Изменить обстановку без резкого поворота офицеров в сторону выполнения уставов было, конечно, невозможно. Поэтому, накануне выхода приказа, я проводил работу с офицерами каждого гарнизона (батальона), где прямо заявил, что буду максимально поддерживать, поощрять, выдвигать по службе каждого, кто с рвением будет наводить порядок и поддерживать командира полка. Я объявил: «Дальше мы так жить не должны! Мы часть Вооруженных Сил, а не вооруженный анархический сброд». Пообещал также, что особо нуждающихся в замене в течение августа — сентября заменим. В то же время предупредил, что, если мне станут известны факты нейтрального отношения к моим требованиям или тем более

саботажа, — приму к этим лицам самые суровые меры, вплоть до снижения в должности и отправки по замене на Большую землю — в районы, которые значительно хуже Рыбачьего.

Через штаб армии попросил, и мне прислали группу следователей, которые начали вести разбирательство по уже зафиксированным преступлениям.

Видно, мои обращения к офицерам возымели действие, тем более что в приказе было прямо записано: начальнику тыла полка полностью обеспечить весь личный состав установленной формой одежды взамен одежды с нарушениями (последнюю либо распустить на ветошь, либо сжечь). Для насаждения четкого распорядка дня всему офицерскому составу, командиру полка включительно, помочь личному составу выполнять необходимые процедуры в утреннее (с подъема) и в вечернее время, в том числе под руководством офицеров проводить физическую зарядку и самоподготовку. Всех нарушителей дисциплины разбирать перед строем батальона, а отличившихся — поощрять, в том числе представлением краткосрочного отпуска.

Было также дано указание, что с получением приказа командира полка командирам подразделений и особенно заместителям по политической части широко разъяснить всему личному составу значение приказа для решительного изменения жизни полка. Это многократно делалось и на политинформациях, и на политзанятиях, и на занятиях по изучению уставов, на что, как и на строевую подготовку (на последнюю выделялся ежедневно один час), было специально отведено в эти дни значительно больше времени. Теперь в каждой роте с помощью музыкантов раздавалась строевая песня. В выходные дни проводились спортивные праздники. Каждый гарнизон построил себе хорошие спортивные городки, материалы для которых мы получили в отделе фондового имущества Северного флота.

Между прочим, в приказе также было записано, что, в дополнение к Уставу, как временная мера, все военнослужащие, независимо от ранга, отдают друг другу честь и каждый из них обязан первым проявить эту инициативу. Кстати, я этим методом пользовался все 50 лет службы, а на Рыбачьем — с первого своего шага. Солдаты, да и офицеры, которым я при встрече первым отдавал честь, уверен, думали вначале, что к ним прибыл командир полка с какими-нибудь отклонениями (это по меньшей мере). Но со временем все встало на свое место — солдат еще издалека, наблюдая, что навстречу идет командир полка, приводил себя в порядок, поправляя головной убор, подтягивался и, перейдя на строевой шаг, четко отдавал честь. Может, кому-то покажется, что это мелочь и даже солдафонство, фактически же

это рождало у воина высокие чувства благородства, уважения к воинским устоям, а следовательно, и к Вооруженным Силам и стране.

В целом положение стало со временем меняться. Правда, не обошлось и без тяжелых последствий. Дважды приезжал суд военного трибунала и проводил показательный процесс над лицами, грубо нарушающими дисциплину, не выполняющими Устав и оказавшими командирам физическое сопротивление. В обоих случаях нарушители получили значительные сроки. Судом офицерской чести судили трех офицеров. Процедура тяжелая, но отступать было нельзя. Правда, двум объявили только выговор, а третьего решили понизить в воинском звании от старшего лейтенанта до лейтенанта.

Одновременно офицеры, у которых положение явно улучшалось, и это видели все, конечно, широко поощрялись. Мне удалось добиться, чтобы несколько командиров рот и заместителей командиров батальонов могли уехать к новому месту службы. Вместо них замену не прислали. Это позволило нам в полку сразу выдвинуть целую группу офицеров на вышестоящие должности.

Но вернусь к командно-штабному учению. Заручившись поддержкой нового начальника штаба армии генерал-майора И. И. Белецкого, я практически смог на учении «подвигать» все подразделения полка, привлекая их на различных этапах отработки многих учебных вопросов. А что касается танкового батальона, то он выходил в центр Рыбачьего и совместно с полковой школой уничтожал «воздушный десант противника». Мало того, учебная группа танков выходила на полуостров Средний и отстрелялась там боевыми снарядами по мишеням, которые, по моей просьбе, были выставлены моряками из базы в Лиинахамари.

Учение прошло динамично, очень интересно. Все могли себя проявить. Фактически под «шумок» и под видом командно-штабного у меня получилось войсковое полковое учение, да еще и со стрельбами. Немного помешал нам поднявшийся сильный ветер, который продолжался целые сутки. К счастью, никаких бед он нам не принес, если не считать, что кое-где сорвало крышу и несколько лодок унесло в море. Были и неудобства: во время сильных порывов ветра нельзя было двигаться никакому виду транспорта.

Не обошлось и без домашних «картинок»: во время штормового ветра звонит мне жена по телефону на учение и говорит сквозь слезы, что у нас разваливается дом, что все скрипит, стонет и дом вот-вот рухнет. Я, естественно, как мог,

успокоил ее и, перезвонив дежурному по полку, попросил его разобраться с обстановкой и передоложить. Через полчаса звонит и докладывает, что действительно дом сильно скрипит, но развалиться не должен — все щитовые дома скрипят. Конечно, с отъездом Белова можно было переехать в квартиру командира полка, но там затеяли перекладывать печи (одна стояла на кухне, а вторая — на две комнаты) и развезли этот ремонт на неделю. Вернувшись с учения, первое, что услышал от жены, было неожиданное заявление:

— Вон видишь гору Ракопахту? Так вот, если я здесь, на Рыбачьем, помру — похоронишь меня на этой горе.

Причем все это было сказано серьезно, сквозь слезы. Но ничего, все обошлось. А после этого ей пришлось увидеть и пережить столько всяких трудностей, значительно более тяжелых, чем на Рыбачьем.

Прожили мы август, сентябрь, октябрь. Дела стали заметно поправляться. Улучшили быт солдатам и офицерам. Тем офицерским семьям, которые жили в сборно-щитовых домах, помогли обить стены снаружи толстым слоем пакли, а сверху — вагонкой. Несколько десятков кубометров ее я привез из Мурманска — с того заводика, который организовал в 266-м мотострелковом полку. Правда, это пошло в обмен на несколько огромных прожекторов и большое количество кабеля, что я взял, конечно, у моряков.

Еще в августе вместе с начальником тыла я поехал осмотреть низменность, простиравшуюся от Озерка — поселка, где размещался штаб полка, до горы Ракопахта — это на юго-восточной оконечности полуострова. Оказалось, что там такие сочные травы, что не сыскать и в средней полосе страны. А у нас в каждом батальоне было по две коровы.

Спрашиваю:

— Почему вы не заготавливаете сено для коров?

— На то количество коров, что есть, мы заготавливаем. Да и нам еще сюда забрасывают.

— А почему вы не держите стадо?

— Да зачем? Нам присылают осенью мороженое мясо, у нас хороший естественный холодильник-ледник, и всего этого хватает до следующей осени.

— Думаю, что это не лучший вариант. Переговорите с тыловиками армии и округа и скажите, что есть такое мнение, чтобы с весны следующего года нам завезли телят. Они на этих выгонах за лето нагуляют столько, что мы по первому виду (финансов) будем иметь огромные накопления, которые в свою очередь сможем использовать в социальных интересах личного

состава.

Забегая вперед, должен сказать, что к нашей идее отнеслись очень внимательно и оперативно. Тем более что мы обосновали ее предложениями и примерами из прошлого — финны на Рыбачьем откармливали скот. И действительно, в мае 1959 года нам большим сухогрузом завезли 500 телят, в основном бычков, килограммов на 150–200 каждый. А к ноябрю они весили уже около полутонны. Правда, мы подкупали и комбикорма. Фактически мы обеспечивали полк свежим мясом весь год. К тому же вылавливали большое количество трески. Рыба давалась солдатам и офицерам без ограничения. Так что продовольственное обеспечение личного состава было на высоком уровне.

Жизнь полка изменялась к лучшему. Чувствовалось, что появилась заинтересованность совершенствовать наши условия и понимание, что никто за нас этого не сделает. Многие осознали, что образ жизни, ее уют или дискомфорт — в наших руках. И это радовало.

И тут, как гром с ясного неба, прозвучало для нас совершенно неожиданное решение командования. Кстати, в унисон этому решению случилось странное явление природы, о чем, конечно, я обязан рассказать.

Но — все по порядку.

Итак, прожили мы август, сентябрь, октябрь. И вдруг звонит мне командующий армией генерал-лейтенант О.А.Лосик:

— Товарищ Варенников, хочу сообщить вам решение командования, имеющее исключительно важное и особое значение.

Должен заметить, что Олег Александрович вообще любил практически в любом разговоре, на любую тему использовать такие слова и так излагать свои мысли, чтобы максимально заострить внимание подчиненного. Как и другие, я уже привык к таким оборотам и первоначально не придал началу его тирады особого значения, как того требовал Олег Александрович. Однако, когда он сказал, что пока я не должен об этом говорить даже заместителям командира полка, а готовиться к этому событию лично, — я невольно насторожился.

Наконец, командующий объявил главное, причем мне показалось, голосом и методом Левитана, когда тот передавал в годы войны сообщения Совинформбюро:

— В соответствии с директивой Генерального штаба Вооруженных Сил Советского Союза командующий войсками Северного военного округа издал приказ, по которому 6-й отдельный пулеметно-артиллерийский полк должен быть в

течение ноября этого года расформирован.

Сказал и замолчал. Видно, от такой неожиданности он сам еще не мог прийти в моральное и духовное равновесие. Я в свою очередь никак не мог поверить тому, что слышу. Спрашивается, зачем тогда послали меня на этот полк? Вообще с какой целью решили поднять полк? Для чего нужны были те затраты и те усилия, которые мы применили для достижения этой цели? Ведь прошло всего несколько месяцев, как мне было сказано: «Надо сделать все, чтобы полк был хорошей воинской частью». И вот теперь полк расформировывают…

Я не нашел ничего другого, как спросить:

— Товарищ командующий, а чем это вызвано? Ведь полк сейчас на подъеме?!

— Это решение руководства, и мы обязаны его выполнять. Вы сейчас пока продумайте все лично, а затем я вам еще позвоню. Но учтите: времени для расформирования полка у вас будет очень мало. Кстати, затронут не только ваш полк.

— Так если к тому же для этого дается мало времени, то позвольте мне ввести в курс дела командование полка — пусть хоть они к этому готовятся. Зачем же делать из этого секрет? Тем более что есть приказ, есть сроки…

— Хорошо, — перебил меня командующий, — но пока проинформируйте заместителей, не более. Я дополнительно еще дам вам указание. Письменное распоряжение сегодня высылаем. До свидания.

Я все еще не мог прийти в себя. Словно оглушенный, сидел я и думал: вот так, трах-бах — и нет полка! Но думал и о другом: неужели до старших начальников не могло дойти, что глядя на зиму не следует предпринимать такие шаги? Ведь, если даже заглянуть в недалекую перспективу, можно же было еще летом это решить? Можно. Или, допустим, отнести все до весны. Нет, именно зимой, да еще и в Заполярье.

Конечно, с моей «колокольни» видно не было, что творится в высших эшелонах власти. Это потом уже стали известны определенные подробности той колоссальной работы, какую приходилось проводить Генеральному штабу по реформированию армии после войны. А затем, с приходом к власти Хрущева, все стало меняться. Известно, что поставленный еще Сталиным на должность начальника Генерального штаба маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский на протяжении восьми лет очень умно, осторожно, без потрясений реформировал армию и флот, делая их более совершенными и в то же время не нанося ущерба обороне страны. Еще более внимательно и мягко шла реформа в области сокращения в целом и особенно офицерского

корпуса. В. Д. Соколовскому приходилось решать эту задачу с разными министрами обороны, от которых, несомненно, зависело очень многое. И если министры Василевский (до 1953 года), Булганин (до 1955 года) и Жуков (до 1957 года) полностью разделяли взгляды и поддерживали Соколовского, то с приходом на пост министра Р. Я. Малиновского появились трудности.

Дело в том, что Василевский, поддерживая начальника Генерального штаба в вопросах реформирования ряда соединений Вооруженных Сил, конечно, проводил генеральную линию Сталина. В период, когда министром был Булганин, последний, мало что понимая в военном деле, полностью полагался на Генштаб и умело уговаривал Хрущева не предпринимать в армии революционных преобразований. Этому, кстати, способствовал и Жуков, будучи у Булганина первым заместителем. Когда же у руля руководства Вооруженных Сил встал Жуков, то Хрущев вообще практически прекратил проявлять свои инициативы по армии и флоту. И вот Жукова в Министерстве обороны не стало. Хрущев назначает министром обороны Р. Я. Малиновского — человека умного, весьма подготовленного, имеющего богатейший опыт, но… очень податливого. Поэтому линия по проведению сокращения Вооруженных Сил под давлением Хрущева все сильнее переходила от плавной к все более жесткой. Вот и наш полк попал уже в струю ужесточенного курса сокращения, о чем свидетельствовало даже то, что не считаются ни с временем года, ни с местом пребывания части, ни с возможностями обеспечения увольняемых всем необходимым, в том числе квартирами. А когда Хрущев объявил об одновременном сокращении Вооруженных Сил на 1 миллион 200 тысяч человек и Малиновский безропотно согласился, — Соколовский выступил категорически против. Тогда натянутая до предела в руководстве Министерства обороны струна взаимоотношений лопнула, и Соколовский «хлопнул дверью» — в знак протеста ушел в отставку.

Конечно, Василий Данилович принципиально не был против сокращения. Однако он правильно полагал, что этого нельзя делать «одним махом» — ведь за этими цифрами и планами люди, десятки тысяч офицеров. Но если бы шла речь только об офицере, который не имеет гражданской специальности! А ведь у него семья. Куда ему деваться с детьми и женой, тем более если нет родственников? Это Хрущева не интересовало. Он протащил закон от 14 января 1960 года об одностороннем сокращении Вооруженных Сил на миллион 200 тысяч — и точка! А там хоть трава не расти. Ему лично надо проявиться, чтобы о нем лично заговорили. А люди? Что люди? Перемелется.

Но что делать? Мы — военные, и приказы надо выполнять.

Пригласил я заместителей командира полка и, исходя из разговора с О. А. Лосиком, дал им ориентацию. После горячих споров, когда все «выпустили пар», мы договорились, что начальник штаба составит лично план расформирования полка, определили его основные разделы и решили, что завтра к утру каждый из нас даст письменно свои предложения во все разделы плана. Председателем комиссии по расформированию полка назначался командир полка.

Позвонил командующему армии и обо всем этом ему подробно доложил (Лосик любил подробные доклады, а еще больше — если ему докладываешь несколько вариантов). Он подумал и сказал:

— Все правильно. Вы на верном пути, но надо поиметь в виду следующее: во-первых, вы сами лично никуда не уезжаете, а остаетесь на месте. Мы вам пришлем другой полк — я позаботился (?), чтобы вас не дергали. Во-вторых, мы вам присылаем 266-й мотострелковый полк 116-й мотострелковой (бывшей 67-й стрелковой) дивизии, и вы вступаете в командование этим полком. В-третьих, мы пришлем вам завтра штат и табели, в соответствии с которыми вы рассчитаете, сколько надо оставить вам оружия и материально-технических средств, а все остальное отправите судном на Мурманск с соответствующей комиссией. Чтобы не возить одно и то же туда и обратно. Главное, конечно, это расформирование артиллерийского дивизиона и танкового батальона, отправка их техники и вооружения на центральные склады. Вот это поимейте в виду.

Я ответил, что все понял. Вначале «подмывало» поблагодарить за проявленную заботу и за то, что я остаюсь на Рыбачьем, но передумал. Однако я с ходу задал ему несколько вопросов, разрешение которых отразится на составлении планов.

Первое — разрешается ли мне из ликвидируемого полка оставить 20–25 офицеров-специалистов для преемственности — штабных, технических работников, связистов, тыловиков, в том числе начальника тыла?

Второе — разрешается ли оставлять также 300–400 солдат и сержантов, а также сверхсрочнослужащих, тоже в основном специалистов?

Третье — в скольких гарнизонах будет базироваться новый полк? Если предполагается ликвидировать гарнизоны отдельно стоящих пулеметно-артиллерийских батальонов, то можно было бы разместиться в двух военных городках — в Озерко и там, где сейчас стоит танковый батальон, плюс хозяйственная зона у

берега. Все высвобождавшиеся городки — законсервировать.

Четвертое. Желательно оставить для обеспечения жизнедеятельности полка имеющийся посыльный катер с экипажем семь человек, а также полевой госпиталь (фактически это медрота), который дислоцируется на полуострове Среднем.

Пятое. Сохранить прежний режим движения судов из Мурманска на Рыбачий (летом — два раза в неделю, а зимой — один раз). А для вызова личного состава, техники и имущества — снарядить специальные судна.

Командующий со всеми просьбами и предложениями согласился и сказал, что предварительно это можно закладывать в основу планирования. Снова я собрал руководящий состав полка — на этот раз до командира батальона и отдельной роты, без ведома штаба армии, иначе вообще все завалили бы. Всем поставил конкретные задачи, и «машина» завертелась.

Как уже было сказано, будто в унисон этому тяжелому для нас решению и как предвестник ему, неожиданно разразилось настоящее чудо природы.

Еще в сентябре все завалило снегом, придавил небольшой морозец. И такая обстановка наблюдалась в течение месяца, даже несколько больше. За это время, естественно, всё и все адаптировались. Люди перешли на зимнюю одежду, военные — на зимнюю форму одежды, а животные и птицы соответственно тоже позаботились о своем внешнем виде: куропатки сменили свои перышки с ржаво-серого цвета на чисто белый, заяц-беляк сбросил свой летний пух и оделся в белую шубку. То есть все, как и требуется, приведено к зимней норме. Но вдруг во второй половине октября резко потеплело, а на Рыбачьем прошли проливные дожди. За три-четыре дня снега — как не бывало. Людям проще: переоделись — и все. А живности? Зайца-беляка и белую куропатку на темно-сером фоне видно за километры. Когда к ним приближаешься, они, бедняжки, не знают, куда спрятать свое тело.

На Рыбачьем была всего лишь одна гражданская бездетная семья. Глава семьи — Тимофей, а его жену мы звали Тимофеевна. Жила эта семья в избушке недалеко от пристани, находились они на службе в Мурманском пароходстве, и в их обязанности входило вести нехитрое навигационное хозяйство: створные знаки должны быть в исправности и ярко-белыми летом, а зимой Тимофей и Тимофеевна должны зажигать оранжевые створные огни. Особенно это касалось Мотовского залива, куда постоянно к нам, в Озерко, ходили суда, а иногда по большой воде заходили и небольшие военные корабли.

Приходил Тимофей ко мне редко, но всегда по делу и с

каким-нибудь сообщением. Обычно он имел дело с начальником тыла полка, которому я поручил обеспечивать эту семью всем необходимым (продовольствием, солдатскими вещами, мебелью и т. д.). Они были очень довольны, но и взаимно чем могли, тем и помогали.

Когда пошли дожди и растаял снег, а куропатки и зайцы оказались как на ладони, Тимофей пришел и коротко обронил:

— Это не к добру. Что-то будет. Гляди, командир!

Вот я и догляделся, пока не грянул гром — приказ о расформировании. Через два дня пришла телеграмма, чтобы я прибыл в штаб армии с планом расформирования полка и необходимыми справочными документами. Я уточнил у начальника штаба армии генерала Белецкого, какие брать справки, и отправился на ПОКе в Мурманск. У нас в порту уже было постоянное место и портовики нас принимали в любое время. На «газ ике» добрался до штаба. Предварительно обошел важнейших начальников и понял, что на расформирование 6-го отдельного пулеметно-артиллерийского полка и на переброску на Рыбачий 266-го мотострелкового полка 116-й мотострелковой дивизии дано всего десять дней. Эти сроки меня просто озадачили — столько проблем, причем одна тяжелей другой, и такой дефицит времени! Не скрою, клял я в душе всех начальников, которые совершенно не представляют, как это все будет выполняться на практике. Получив из штаба армии штат и табели на новый, 266-й, полк, я первым делом произвел все необходимые расчеты: кого, сколько и что мы должны вывезти, что и сколько мы получаем и кого и что мы оставляем от старого полка.

Заседание проводилось в зале Военного совета армии. Вел заседание командующий, рядом с ним находился начальник штаба армии с пухлыми папками.

Командующий начал с вопроса:

— Все прибыли? — хотя с его появлением начальник штаба отрапортовал ему, что все вызванные на совещание прибыли.

— А товарищ Варенников здесь?

Я поднялся и представился.

— Хорошо. Наша задача, как вам уже известно, — детально разобрать все вопросы, связанные с расформированием 6-го отдельного пулеметно-артиллерийского полка и переброской на Рыбачий полка 116-й мотострелковой дивизии. Вы, товарищ Варенников, подробно все записывайте и, если возникнут вопросы, обязательно задавайте их, чтобы никаких неясностей ни у нас, ни у вас не было. Итак, приступаем к разбору плана по разделам.

И дальше, на протяжении всего дня до вечера, с небольшим перерывом на обед, подробно, но очень нудно тянулось это разбирательство. Однако когда я по ходу разбирательства попытался несколько раз задать вопросы, то мне было сказано, чтобы я все вопросы систематизировал и по окончании разбора плана задал их по каждому из разделов. Меня особенно беспокоило два обстоятельства: первое — это то, что мы, во всяком случае я, теряем на ненужное обсуждение много времени, и второе — никому нет дела до меня, хотя у меня по некоторым вопросам было принципиально другое мнение.

Вот один из примеров (думаю, что он читателя заинтересует).

Начали обсуждать вопрос, как судами вывозить с Рыбачьего танки. Около двух часов затратили на то, чтобы отобрать из имеющегося перечня именно то судно, которое имеет кран грузоподъемностью 40 тонн, может взять в трюм несколько машин. Потом обсуждали, как их крепить, особенно на верхней палубе. А вдруг шторм, а в Баренцевом море он возникает быстро. Обсуждали с теми, кто не будет этим заниматься. Зачем?

Когда покончили с танковым батальоном (а этот вопрос командующий считал центральным и потому оставил его на конец нашей работы), командарм, довольный собой и своими подчиненными, спросил:

— Надеюсь, всем ясно?

— Нет, не ясно!

Все в изумлении повернулись ко мне (я сидел в последнем ряду).

— То есть как — не ясно? Что конкретно, товарищ подполковник, вам непонятно?

— Товарищ командующий, мне непонятно, как судами вы намерены вывозить танки.

— Так вы же слышали, как именно все это будет делаться.

— Дело в том, что грузоподъемность нашего пирса рассчитана максимально на 10 тонн. А предполагается, что танк должен подойти к концу пирса, где пришвартовано судно, и затем судовым краном его станут устанавливать в трюме или на палубе. Это не получится.

Лосик растерянно посмотрел на начальника штаба, затем на всех присутствующих и уже резко ко мне:

— Так чего же вы сидели и молчали? Вас для чего сюда вызвали?

— Товарищ командующий, я просил вас, поднимая руку, выслушать меня, однако вы не замечали…

Лосик походил туда-сюда вдоль стола, затем, не обращаясь конкретно ни к кому, вдруг спрашивает:

— Что вы предлагаете? Есть выход?

Все молчат.

— Есть четыре варианта, — начал я. — Первый — строить новый пирс, но это три-четыре месяца и зима. Второй — просить в порту большой морской кран, но я не уверен, что он сможет взять с берега 40-тонную махину и забросить ее на судно, хотя стрела у него и большая. Третий вариант — танковому батальону идти с Рыбачьего в Мурманск своим ходом, несмотря на то что перевал закрыт. Четвертый — танки законсервировать до лета, а затем перегнать.

Опять наступила тишина. Лосик, потирая лоб, сказал задумчиво:

— Да, одно другого хуже. Но танки оставлять нельзя. Приказ надо выполнять.

Вмешался Белецкий:

— Может, у командира полка есть предложение — на какой вариант сделать ставку? Вы как считаете, товарищ Варенников?

— Думаю, что самый верный способ — это вывести танки своим ходом сейчас или летом.

— Летом нельзя — мы нарушим приказ. А сейчас — закрыт перевал.

— Будем пробиваться.

Лосик опять заходил, раздумывая, потом произнес:

— Хорошо. Я утверждаю ваше предложение. Но смотрите — только без ЧП. Делайте все продуманно, осторожно, чтобы танк не сорвался в пропасть. Я же летом ездил по этой дороге и знаю, что это такое. А сейчас зима…

— Разрешите идти?

— А вы куда собрались?

— Так я же пришел катером и хочу сегодня отправиться обратно. А это только по морю два часа. К тому же поднимается ветерок. Отпустите меня.

— Но еще вопросы есть?

— Никаких вопросов нет.

— Если есть — останьтесь и разберите их с начальником штаба армии. Иван Ильич, — обратился Лосик к генералу Белецкому, — разберите с командиром полка все вопросы. Совещание объявляется закрытым, — заключил командующий и с озабоченным видом вышел из зала.

Все задвигались, зашумели. Некоторые на меня косились, иные, похлопывая по плечу, приговаривали: «Ну, ты даешь?!»

Я пробился к Белецкому. Он усадил меня рядом и сразу приступили к делу:

— Ты как намерен действовать?

— Мы разработали детальный план. В него я внес некоторые поправки, в основном касающиеся сроков, с учетом тех указаний, которые были даны командующим. Хочу предложить утвердить план моих действий. Один экземпляр я оставлю вам. Вы посмотрите, и я буду действовать. Я фактически уже действую. Если будут какие-то замечания — можно уточнить по телефону.

— Но в отношении танкового батальона все-таки не ясно. Как ты намерен его перетащить через закрытый перевал?

— В обеденный перерыв я позвонил к себе и приказал снарядить группу для инженерной разведки перевала. Она должна быть готова после моего инструктажа выйти и провести изучение условий на месте. Одновременно готовится мощный, из нескольких самостоятельных групп, отряд обеспечения движения. Каждая группа будет на ГТСах выходить на самые опасные участки и, подрывая лед и расчищая полотно дороги, создавать условия для прохождения танков. На всем маршруте до Мурманска у нас будет комендантская служба.

— Все, договорились. Счастливо!

Мы распрощались, и я уехал с тяжелыми раздумьями, сожалея, что пропал день. Домой вернулся ночью: нас все-таки прихватил шторм, и катерок покидало на волнах изрядно. Все обледенело. Видимость плохая. Без конца летели снежные заряды, встречный ветер швырял наше суденышко по волнам. Лишь когда зашли в Мотовский залив, стало полегче. Во время швартовки матрос экипажа поскользнулся и упал за борт. Хорошо, что здесь была широкая полоса воды — мы смогли его выхватить. А ведь была большая опасность того, что человека могло раздавить между пирсом и бортом катера. Но все обошлось. В общем, домой добрались часа в три ночи.

Медлить было нельзя, особенно с танковым батальоном, тем более он готов выступить в поход через два часа после команды. Все эти дни мы без указаний все уже проделали и практически подготовились к маршу.

Как я и предполагал, перевал не был сильно заснежен — сказались потепление и дожди. Ряд участков нуждались в капитальной работе по подрыву наледи. А кое-где пришлось ставить танковые тягачи, закрепленные анкерами и лебедками, — они тянули очередной танк на себя. А он еле-еле проползал на первой передаче отдельные участки. Контрольный трос не позволял ему соскользнуть в обрыв.

Эпопея преодоления перевала и сосредоточения батальона у моста через реку Титовка заняла у нас ровно 12 часов. Мы сделали часовой перерыв: отдохнули, поели, напились крепкого чая и двинулись дальше. Но оказалось, что вся дорога на

Мурманск была покрыта сплошным льдом. Поэтому двигаться можно было только на второй передаче, на подъеме же и уклонах переходили и на первую. Можете представить танк на катке — малейший поворот, и его корму заносит. Приходилось механиков-водителей периодически подменять хорошо подготовленными для вождения командирами танков или даже офицерами.

Я видел, что напряжение было не меньше, чем в боевых условиях. Бесспорно, присутствие мое и других офицеров командования полка подбадривало личный состав. Перемещаясь по маршруту и лично пропуская колонну на наиболее опасных участках, постоянно будучи в поле зрения танкистов, освещенные фарами в кромешной тьме полярной ночи, мы только этим и вливали силы подчиненным. Я это хорошо понимал, вспоминая годы войны.

Ледово-дорожная битва на марше закончилась только утром в населенном пункте Кола, который находился на берегу Кольского залива, фактически в пригороде Мурманска, куда нам было предписано прибыть. Здесь располагался отдельный учебно-танковый батальон армейского подчинения. Еще до совершения этого «марш-броска» мы договорились с командиром учебного батальона, что он приготовит нам завтрак и место для отдыха, возьмет под охрану танки, которые будут построены прямо на площади, а передачу мы проведем уже после обеда, отдохнув.

Все было сделано, как договорились. Но меня поразило полнейшее равнодушие армейских представителей к этому сложнейшему испытанию. Они лишь посчитали танки, поинтересовались — весь ли прибыл личный состав и, не сказав ни здравствуйте, ни до свидания, — уехали. Я позвонил начальнику штаба армии генералу Белецкому и доложил, что батальон прибыл в полном составе и без происшествий. Тот похвалил и сказал, что доложит командующему армией. Я спросил:

— Мне можно отправляться на Рыбачий?

— А кто будет передавать батальон?

— Заместитель командира полка по технической части с офицерами штаба полка. Они все полномочия имеют.

— В таком случае отправляйтесь. До свидания.

Удивительное дело! Когда искали решение задачи переброски танков, то весь день просиживали всем штабом с начальниками служб армии, «нащупывая» пути и способы наиболее удачного разрешения этой проблемы, и, не найдя его, остановились на варианте, предложенном полком. А когда проблема была решена, а она действительно была тяжелейшей, то это было воспринято как само собой разумеющееся.

Возможно, командующий и штаб армии заняты более сложными делами, но ведь политотдел армии мог бы приехать с корреспондентами, посмотреть, поговорить. Нет, их тоже не оказалось. Ехал я в порт и думал: посадить бы каждого в танк за рычаги вместо механика-водителя и прогнать его хотя бы пару часов по ледовой дороге, вот тогда мозги бы просветлели, да и сердце стало бы человеческим. Вспомнил при этом курсы, на которых командиры стрелковых полков готовились на танкистов.

В порту я намеревался проверить готовность нашего ПОКа, который должен был уже утром пришвартоваться в Мурманском порту и загружаться кое-каким имуществом. А вечером мы отправимся на полуостров Рыбачий. Первым делом зашел к начальнику порта и выразил ему соболезнование в связи с потерей судна «Акоп Акопян», которое много лет ходило к нам на Рыбачий. На днях в Кольском заливе в условиях плохой видимости его протаранило другое судно, и «Акоп» затонул в течение нескольких минут. Хорошо хоть спасли весь экипаж. Теперь вместо «Акопа» к нам будет ходить «Вологда». Это более солидный сухогруз с современными средствами навигации и управления.

На обратном пути в Колу, где я хотел попрощаться с личным составом батальона, я заехал в 266-й мотострелковый полк, днями убывающий на Рыбачий. Все были рады моему появлению, отчего и у меня потеплело на сердце. Полком временно командовал Дубин, но и его судьба уже была предрешена — он назначался командиром полка в 131-ю мотострелковую дивизию, которая дислоцировалась вокруг Печенги. Мы договорились, чтобы они всех слабеньких, неспособных служить на Рыбачьем, всяческими путями постарались оставить в Мурманске. Пожелал им хорошо подготовиться, рассказал про жизнь и службу на Рыбачьем и уехал в свой батальон в Колу, прихватив в полку несколько десятков грамот для награждения командиров танков и механиков-водителей за совершенный подвиг.

В учебном батальоне первая смена уже пообедала, готовились к приему пищи наши танкисты. Они уже посвежели, появились улыбки. Я обошел их всех, предупредив, что после обеда состоится построение. В это время наши офицеры подготовили грамоты с печатью местного батальона, но за моей подписью.

Так и сделали. Сразу после обеда весь наш танковый батальон и три батареи САУ были построены. Я выступил и подробно рассказал, какая перед нами стояла задача, какие исключительные трудности необходимо было преодолеть, и мы их успешно преодолели благодаря мужеству и высокой профессиональной подготовке всего личного состава. Объявил

всем благодарность, вручил грамоты и объявил, что весь офицерский состав будет представлен к поощрению командующему армией. А в конце познакомил с новым командиром отдельного армейского учебного танкового батальона — начальника гарнизона населенного пункта Кола. Объявил, что с этого момента весь личный состав нашего батальона и батарей САУ поступает в его подчинение.

Расстались тепло, даже трогательно. Ведь уже сроднились, стали своими. Отдельно поговорил с офицерами — относительно их судьбы. Пообещал проявить всяческую заботу о их назначении, (что и было сделано в течение месяца).

Но вот все слова сказаны. Снова еду в порт. Наш ПОК отчалил и взял курс на Рыбачий уже в полной темноте. Мы устроились в каютах и каждый занимался своим делом. Я снял сапоги и, поскольку ходу всего два часа, лег, не раздеваясь, — немного подремать. Но меня одолевали одни и те же думы — о заботе, справедливости и доброте к солдату — в смысле, к военному вообще. Обязанности солдата, записанные в присяге — переносить все тяготы и невзгоды воинской службы… а если потребуется, то, не щадя своей крови и самой жизни и т. д. — это все правильно. Но надо, чтобы и государство несло ответные обязательства перед солдатом. То есть если солдат должен не щадить своей жизни во имя интересов государства, то и государство обязано… Если солдат должен за службу обучиться главному — многотерпению и выносливости, то офицер к этому еще должен выработать в своей душе железную стойкость — не взрываться даже тогда, когда, по всем канонам логики, надо было давно взорваться. Не взрываться, а спокойно разобраться, принять решение и добиться полного и точного его выполнения, применяя для этого все дозволенное уставом. Однако и государство должно отвечать ему взаимностью. Точнее, оно должно действовать упреждающе, создавая условия для четкого исполнения воинского долга. Оно, государство, в Вооруженных Силах должно проявить себя через заботу старшего о младшем, начальника — о подчиненном, и не формально, лишь потому, что записано в Уставе, а искренне, с душой.

Конечно, было обидно, что из армейских руководителей никто не приехал в Колу и не встретился с личным составом. Ведь любой начальник всегда должен быть там, где сложнее всего. Его присутствие вдохновляет людей, даже если он ничего лично не сделает и даже ничего не скажет. Помню, под Сталинградом — молва, как молния, разносила весть: «Жуков и Василевский у нас, с нами!» или на Одере: «Жуков на переправе». А в это время немцы бросали на переправу самолеты-снаряды. Конечно, одно

его бесстрашное присутствие вдохновляло саперов и помогло, собрав все силы и волю, быстро восстановить плавучий мост, разрушенный мощным взрывом.

…На Рыбачий пришли в полночь при самой низкой воде, так что от нашего катера выше пирса была только верхушка мачты, даже рубки не было видно. Но мы уже имели богатый опыт загружаться и выгружаться при полном отливе и полном приливе. Машину выгрузить не смогли, поэтому все пошли пешком в Озерко. Не успел появиться — дежурный бежит навстречу: «Вас искал командующий армией!» Звоню оперативному дежурному штаба армии и спрашиваю — по какому поводу меня искали. А сам подумал: наверное, спохватились и хотели бы как-то подчеркнуть эпизод с переходом, но не угадал. Дежурный штаба сказал, чтобы я утром позвонил командующему: «Он, кажется, интересовался, когда вы сможете принять 266-й мотострелковый полк!»

Утром позвонил. Умышленно очень подробно доложил, что и как было сделано с танковым батальоном и тремя батареями САУ. Попросил также разрешения представить ему список офицеров для поощрения и лишь в конце в общих чертах доложил обстановку о ходе расформирования полка.

Генерал О. А. Лосик, являясь танкистом, вопросам подготовки, обеспечения танковых частей и подразделений всегда уделял исключительное внимание. Однако на этот раз только одобрил проведенные мероприятия и разрешил представить офицеров на поощрение (думаю, что командование все-таки осознало, что надо было с их стороны кое-что предпринять). После чего стал детально разбирать, как я буду встречать, размещать и включать в боевую службу 266-й мотострелковый полк, когда я мог бы его принять и что надо еще сделать, чтобы доподготовиться. Но когда я сказал, что уже через 5–6 дней готов полк принять и нужен только приказ на офицеров, которые переводятся из 6-го отдельного пулеметно-артиллерийского полка в 266-й мотострелковый полк (список мною представлен), то командующий не сразу отреагировал так, как я бы хотел. А я хотел бы так: «Решено! Через 5 дней полк будет на Рыбачьем!» Нет, он начал издалека:

— А вы все продумали по офицерам? Уж слишком большой список вы представили на перевод из полка в полк… Какая в этом целесообразность? Ведь в 266-м полку хорошие офицеры, сколочен коллектив, у вас все готовое. Вы же предлагаете целые службы переводить.

— Товарищ командующий, действительно, офицеры, которые приедут с полком, очень хорошие. Но и те, которые здесь

остаются, не хуже. Дело в том, что местные офицеры прекрасно знают все условия жизни, быта и учебы, имеют навык и им ничего изобретать не надо. Есть такие области, где требуется преемственность, например, инженерная служба, особенно поддержание в рабочем состоянии пирса круглый год, связь, службы тыла. Если говорить о службе тыла, то оставленные мною начальники еще и материально ответственные за запасы, а их от 6-го отдельного пулеметно-артиллерийского полка переходит огромное количество.

— Вы все о службах обеспечения, — перебивает командующий, — и ничего о боевой учебе и боевой готовности.

— Так если мы обеспечим нормальную жизнь, то будет и боевая подготовка, и должная боевая готовность, и боеспособность полка. Меня беспокоит, что кадровики подзатянут с назначением офицеров, а это может отразиться на состоянии дел. — Кивая в сторону кадровиков, я, конечно, имел в виду, в первую очередь, самого командующего, потому что он, задавая вопрос офицерам, сам давал понять, что решение еще окончательно не принято.

— Хорошо, разберемся. Значит, через неделю полк можно присылать. Мы же должны зафрахтовать судно.

— Так точно! Я подтверждаю, что к приему готовы.

— Комиссию присылать надо, чтобы проверить готовность?

— Нам никакая комиссия не нужна. Она будет только отвлекать нас от дела. А если командующий считает, что нас надо проверить, то это другое дело.

— Хорошо. Я вам верю. Никакой комиссии не будет. Желаю вам успеха, до свидания.

Неделя пролетела как один день. Всех, кто был предназначен к переводу в другие части, мы отправили. Отдельные военные городки, как и оборонительные сооружения, законсервировали, жилые дома для офицеров и казарменный фонд держали на подогреве, все системы жизнеобеспечения работали нормально.

К тому дню, когда прибывал полк, мы подготовили торжественную встречу. «Вологда» пришла при большой воде, так что разгружаться было легко, поскольку борт парохода на много метров возвышался над пирсом. Мы сделали дополнительное освещение и района пристани, и самого поселка, и ведущей к нему дороги. С приходом «Вологды» я с пирса по громкоговорящей связи обратился с приветственным словом ко всем, кто приехал на Рыбачий жить и служить, пожелал им счастья и успехов. Оркестр, который мы тоже оставили себе, постарался на славу, так что встреча получилась торжественной и сердечной.

Вначале мы приняли офицеров с семьями и отвезли их в Озерко к клубу, где размещалась оперативная группа с проводниками. У них уже все было расписано. Прибывший называл свою фамилию, и проводник сразу вел семью в дом, где она будет жить. Там было тепло, светло, имелись необходимая мебель, постельные принадлежности, посуда и даже горячий чай в огромном солдатском чайнике. Вот только цветов не оказалось в нашем Заполярье.

Затем разгружались подразделения. В каждом как минимум был один офицер (на роту). Они подвозились к штабу полка, а там уже другая оперативная группа разводила их по казармам и указывала место, которое отведено этому подразделению.

Вечером всех ожидал торжественный ужин. Гвоздем программы была рыба в разных видах и даже в пирожках. Блюда украшала зелень-лучок, свежие огурцы, соления (полк имел парник). Как говорят солдаты, всего было до отвала, без нормы. Мы такую возможность имели.

В общем, получилось весьма удачно. Все угнездились, переночевали, а с утра начали обустраиваться, как было расписано по планам. К непрерывным звонкам штаба армии теперь еще добавились и звонки 116-й мотострелковой дивизии, которой продолжал командовать генерал-майор Ф. В. Чайка. Правда, сам комдив позвонил лишь один раз и, убедившись, что все идет нормально, оставил нас в покое. А дня через два-три я сам вынужден был связаться с Чайкой и, опираясь на прежние наши добрые отношения, сказать ему, что звонки замучили, не дают нормально работать. В связи с этим желательно, чтобы хотя бы месяц штаб и службы дивизии не беспокоили полк. Хорошо бы это подсказать и командарму. Буквально в тот же день мы почувствовали совершенно другой режим. Все ожили. Однако через пару дней вдруг звонит мне из Печенги командир 131-й мотострелковой дивизии генерал-майор Виктор Титович Ягленко:

— Валентин Иванович, дорогой! Ну, кого ты прислал мне в дивизию? Ведь половина из них — мочуны. Чем вы их там кормили-поили, что у них ничего не держится?

— Товарищ генерал, видимо, вам недостаточно точно доложили либо значительно преувеличили. Не исключено, что штаб армии под шумок сплавил вам людей из частей армейского подчинения. А наши солдаты в основном выглядят нормально.

— Да я не исключаю этого. И, кроме того, достоверно знаю, что они всех твоих пересортировали и самый низкий уровень сбагрили к нам, в Печенгу. Правда, надо отдать должное — стреляют хорошо. А вот на лыжах не только не могут ходить — стоять не могут: валятся, как снопы.

— Ну, зима-то только началась, все впереди. И на лыжах будут бегать — олень не догонит.

В общем, Ягленко отвел душу, и не больше. Такое правило: что получил — то твое, и изволь заниматься, как положено.

А наш теперь уже сводный полк набирал силу. Даже сейчас, вспоминая то время, благодарю судьбу, что она покидала меня в разные края, в том числе на Рыбачий. Это было просто уникальное место. Две трети года перевал закрыт, а морем добираться к нам в осенне-зимне-весенний период удовольствия мало — штормит. Поэтому мы жили по народной поговорке — «как у Бога за пазухой». Никто не мешал. И это самое главное: все, что наметил, обязательно сделаешь. А поскольку материальное обеспечение было отличным, то и темпы повышения уровня подготовки были высокие.

Конец 1958 года для меня был знаменателен двумя событиями: получением досрочно воинского звания «полковник» и хирургической операцией.

Совершенно неожиданно для меня состоялся приказ министра обороны СССР маршала Советского Союза Малиновского о присвоении мне воинского звания «полковник» досрочно. Не скрою, я был очень рад этому шагу со стороны нашего командования. Это, конечно, постарались и командир дивизии Ф. В. Чайка, и командующий армией О. А. Лосик, и командующий войсками округа А. Т. Стученко, и главнокомандующий Сухопутными войсками В. И. Чуйков. В то время получение звания досрочно вообще, а тем более — полковника — было крайне редким событием. И я не могу припомнить еще такого примера за всю длительную службу на Севере. А если учесть, что армия сокращалась, то это вообще было просто невероятно. Вместе со мной радовались все — и семья, и друзья, и весь полк. Это было искренне. Мы все считали, что такой шаг командования — это не только признание моих личных заслуг, но и оценка труда всего коллектива полка.

Но жизнь устроена так, что, хотим мы этого или нет, однако равновесие в состоянии чувств всегда поддерживается. Так было на этот раз и у меня. Вдруг я почувствовал боли в нижней части живота. Не придавая этому значения, ставил на ночь грелки (а это было вопреки процессу), пил различные обезболивающие средства. Однако состояние ухудшалось, и я вынужден был пригласить полкового врача. После беглого осмотра он установил, что у меня аппендицит. Несмотря на наступившую ночь и начавшуюся пургу мы отправились на двух ГТС (транспортерах) в госпиталь, куда предварительно позвонили, чтобы там готовились к операции.

Начальник госпиталя подполковник медслужбы Шахкильдян с группой своих работников был в отъезде, на Большой земле, но сотрудники меня встретили, быстро подготовили к операции, посвятив меня при этом, как и что будет делаться. На операционном столе я лежал под огромным круглым зеркалом с лампой. В этом зеркале хоть и с трудом я мог видеть часть своего тела, в том числе именно ту, которая попала под скальпель.

Операцию делал молодой старший лейтенант. Ему помогали две операционные сестры. Одна из них вместе с хирургом копалась в моих кишках (аппендикс оказался где-то внизу и плюс к тому образовались спайки) и подавала ему необходимый инструмент, вторая забирала ненужный инструмент и постоянно промокала хирургу лоб, который был в крупных каплях пота.

Когда мне сделали местную анестезию и немного распороли живот, я чувствовал себя прекрасно, даже пытался шутить, но врач одернул меня, сказав, чтобы я не мешал. Кстати, он отослал и нашего полкового старшего врача, чтобы тот не отвлекал, да еще у входа в землянку (а хирургическая располагалась, как и многие другие службы, в землянке), поставили часового, чтобы тот без разрешения хирурга никого не пускал.

Операция длилась более двух часов. Врач и обе сестры замучились. Чтобы у меня оперируемый участок не болел, они дополнительно вливали мне необходимые средства. Но самое главное было в другом. Как и везде, на полуостровах Рыбачьем и Среднем в каждом военном городке было автономное электрическое освещение от своего движка (их было, как правило, два — основной и запасной). Кроме того, в каждом помещении были керосиновые лампы — на всякий случай.

Во время операции поначалу электроосвещение было в пределах нормы. Однако накал электролампочек то немного усиливался, то спадал. Это у нас считалось нормальным. Приблизительно через час этот накал и затухание стали обозначаться более резко. Врач заволновался и сказал одной из сестер, чтобы та дала распоряжение запустить запасной движок, а сам продолжал копаться во мне. Через небольшое время сестра вернулась и сказала, что второй движок неисправен. Хирург невозмутимо скомандовал: «Зажечь все керосиновые лампы». И это оказалось как нельзя кстати, потому что через минут десять электрический свет погас. Хирург был невозмутим:

— Все нормально, Аня, вы одну лампу пододвиньте, а двумя другими подсвечивайте нам.

— Хорошо.

Аня встала у моего изголовья с двумя лампами.

Я не выдержал:

— Дайте мне одну лампу, а другой маневрируйте и помогайте доктору.

Хирург промолчал. Сестра передала мне в левую руку лампу, сама же второй светила хирургу, продолжая еще и вытирать лоб врачу. Наконец, старший лейтенант победоносно провозгласил:

— Все, нашел! Сейчас мы его прихватим.

Мы повеселели. Врач начал действовать быстро и решительно. Это меня приободрило, хотя в се тело было в напряжении. Когда все, что надо, было вырезано и очищено — начался процесс укладывания всего моего «имущества», вывернутого наружу, на свое место, после чего хирург приступил к накладыванию швов. Я еще раз вмешался и на полном серьезе сказал:

— Доктор, только ничего не забудьте из своих инструментов у меня в животе.

— Нет, нет. Я проверил — все нормально.

Через неделю я уже был в полку. Все зажило и никаких последствий. Позже я шутя говорил Шахкильдяну, что он, предчувствуя мою операцию, умышленно уехал в Мурманск. К сожалению, Шахкильдян воспринимал это всерьез. Протирая свои толстые очки, он принимался убеждать меня, что это было случайное совпадение. Я же настаивал на своем и даже припомнил ему неисправный запасной электродвижок. Но потом, я, конечно, сознавался, что все это шутка и что его подчиненные — мастера высшего класса. И действительно, это так. Я не представляю современного хирурга в тех условиях. Близкие к ним были в Афганистане и Чечне, но в том и другом случае — не с керосиновой лампой.

Жизнь в полку бурлила. Но она бурлила и в стране. 2 января 1959 года в сторону Луны была запущена первая многоступенчатая космическая ракета. А в конце января открылся внеочередной XXI съезд КПСС, который утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства до 1965 года включительно, т. е. на семь лет. А летом в том же году открылась Выставка достижений народного хозяйства.

С учетом того, что 266-й мотострелковый полк прибыл в новые условия, боевая и политическая подготовка велась интенсивно. Мы для очистки от снега сделали навесное оборудование на автомобили, и к пробуждению полка каждое утро они активно расчищали все дороги, которыми мы пользовались, и, конечно, полностью приводили полковой плац в порядок. Дежурной службе у казармы или каждой семье у своего крыльца оставалось только расчистить входы в помещение. Правда, бывали такие заносы, что дверь на улицу открыть было

нельзя и хозяину надо было вылезать через чердак и слуховое окно на крышу и с лопатой спрыгивать вниз для того, чтобы расчистить крылечко. В зимнее время кое-где мы натягивали веревки между зданиями, к колодцу, к школе. Так называемый «заряд» налетал мгновенно, и пешеходу, застигнутому им в темное время (а зимнее время — это сплошная полярная ночь) на полпути (т. е. вышел из дома или казармы и не дошел до складов), ничего иного не оставалось, как присесть и переждать. Натянутая веревка — путеводитель выведет куда надо, когда спадет вьюга. «Заряд» — это разновидность вьюги, сопровождаемой очень интенсивным снегопадом и ветром с огромной скоростью. Случалось, хозяйка вышла из дома по воду, и ее застал «заряд». Она переворачивает ведро вверх дном, садится и сидит закутавшись, пока не утихнет вьюга. Иначе можно пропасть.

Снег из «заряда» мог вывалить и за час, а ветер — продолжался. После снежной атаки сразу же начинался поиск человека. И все обходилось благополучно. Однако бывали и печальные случаи — с гибелью людей. Это касалось в основном команд Северного флота, которые были разбросаны по периметру полуострова: посты — наблюдательные, акустические, связи, специальные. Там находилось от нескольких человек до 20–30. Летом им завозили продовольствие, горючее, дополнительную аппаратуру, запчасти и т. д. А мы, т. е. полк, раз в неделю (а если не было погоды, то и реже) на вездеходах ГТС доставляли газеты, почту. Связь со всеми с ними у нас была надежная: проводная, а с некоторыми и по радио. Кстати, телефонные столбы сопровождали все наши дороги, и если в зимнее время все покрывалось многометровым снеговым покровом (а в низинах до 5–6 метров), то верхушки телефонных столбов все равно торчали и по ним можно было ориентироваться, где проходит дорога.

Так вот, существовал приказ начальника гарнизона полуостровов Рыбачий и Средний (а таким начальником был я), который запрещал в течение ноября, декабря, января, февраля и марта ходить на лыжах от этих постов до Озерко — «столицы» полуострова. В другое время совершать такие вылазки можно было только с разрешения штаба гарнизона. Но в таком случае этот лыжник или лыжники брались на контроль, и в случае ненастья навстречу им высылался ГТС. Некоторые же храбрецы, желая проявить себя в глазах товарищей, ходили в Озерко за почтой и в запретные месяцы. Это был большой и неоправданный риск. Частенько лыжник попадал под «заряд», в пургу и с трудом вырывался из этого капкана. Но иногда такие храбрецы и погибали. Этих несчастных мы обнаруживали, только когда

сойдет снег. Иногда трупы были обезображены россомахами, которые хоть и в небольшом количестве, но на Рыбачьем водятся.

Весной 1959 года, по окончании зимнего периода обучения, в полк нагрянула окружная комиссия. Первоначально мыслилось, что полку дадут возможность самому подвести итоги — все-таки недавно переехал, условия — новые и т. д. Но, очевидно, из-за того, что шли доклады о благополучном состоянии дел, командующий войсками решил лично убедиться, а что же там на Рыбачьем за часть?

Подготовились к «экзамену» мы хорошо. Опыт у всех был достаточный. Командиры батальонов, особенно Прокопенко и Красивский, вообще были на уровне профессора, прежде всего по тактике и огневой подготовке. Поэтому хоть в какой-то степени мы волновались, но в целом считали, что как минимум на «государственную» оценку, т. е. на «удочку», мы, конечно, сдадим.

И вот наконец комиссия прибыла. Мы представили свой вариант графика проверки с учетом полученных предварительных данных и условий. Все было отвергнуто и сделано по-своему. Разумеется, это внесло определенную нервозность, но мы постарались воспринять все как должное. Лишь деликатно предложили заменить ночные стрельбы дневными, так как в конце апреля у нас ночью фактически уже светло, а в мае, июне, июле и августе солнце вообще не заходит полностью. Проверяющие вначале оторопели, но потом вынуждены были с нами согласиться.

Конечно, во время проверки было много интересного. Но самое интересное нас ждало впереди. Полк отчитался уверенно, хорошо. Итоги подвели и доложили по инстанции. Оценки вроде были утверждены. Мы собрали офицерский состав, председатель комиссии выступил и в очень удобной для нас форме сделал сообщение, показал положительные и негативные стороны работы, отметил, над чем надо особенно поработать летом, в общем, все было так, как это делалось всегда.

С разрешения председателя комиссии построили полк. Я выступил и, повторив принципиальные выводы комиссии, отметил лучшие роты и взводы полка, поставил задачи. В заключение, хотя с самого начала проверки строевой смотр и торжественное прохождение уже было, полк вновь прошел под оркестр торжественным маршем. Видно, я перебрал — не надо было эту заключительную часть делать в присутствии комиссии. Но кто не ошибается? Однако эта ошибка вышла нам боком.

Комиссия уехала. Все были довольны. Комдив и командарм звонили и поздравляли. И вдруг на пятый день после проверки мне звонит командующий армией Лосик:

— Товарищ Варенников…

Я насторожился: когда он так начинает, значит, последуют какие-то плохие вести, и они не замедлили.

— Командующий войсками нашего округа, — продолжал Лосик, — генерал-полковник Стученко не утвердил те оценки, которые были ему доложены, распустил ту комиссию и создал новую во главе с заместителем командующего округом по боевой подготовке. Послезавтра они выезжают, и через три — четыре дня будут у вас.

— Товарищ командующий, это что — перепроверка?

— Командующий войсками округа хочет убедиться, что полк подготовлен хорошо, — Лосик никогда не мог позволить, чтобы в его словах была хоть малейшая тень в адрес старших.

— Коль решение принято — будем его выполнять, — говорю я.

— Вот и правильно. И офицерам своим разъясните.

Да, уж я своим офицерам разъясню, как надо, т. е. как оно есть: не верят тем оценкам, а следовательно, и нам. Наша задача — доказать, что выставленные оценки соответствуют действительности.

Минут через десять звонит Чайка:

— Ты слышал? Эти петрозаводские… доложили Стученке, что будто ты устроил в честь комиссии парад и проводил их с музыкой. В связи с этим командующий войсками сказал, что им втерли очки и надо полк перепроверить. Ты понимаешь, что творится?

— Понимаю. И приступил к подготовке повторной проверки.

— Правильно. Желаю удачи!

Через час по моей команде собрался весь офицерский состав. Я коротко проинформировал заместителей командира полка. Начальнику же штаба и заместителю по техчасти приказал составить график пользования батальонами и отдельными ротами, объектами учебной материальной базы (стрельбищем, танкодромом, автодромом и т. д.), явиться к концу совещания и объявить этот график, чтобы уже завтра с утра приступить к подготовке по ускоренной программе. Что они и сделали.

— Мы, несомненно, обязаны подтвердить свои оценки, а кое-где и приумножить, — сказал я в конце совещания. — Особо необходимо сосредоточить усилия на огневой, тактической и политической подготовке, на вождении боевых машин, изучении материальной части, содержании техники и вооружения. В связи с этим расход боеприпасов, моторесурсов и горючего — не ограничивается. Личному составу следует разъяснить, что занятия проводятся с целью распространения передового опыта, а

поэтому всем надо выложиться капитально.

После объявления графика пользования учебной базой офицеры разошлись, а командование полка собралось у меня. Немного почертыхались, чтобы выпустить пар. Затем договорились, кто за что отвечает. Все отношения с комиссией только официально и по уставу, никаких пререканий и поводов для взвинчивания обстановки.

Нам выпало на всю подготовку ровно четверо суток. Стреляли и водили боевые машины день и ночь, хотя ночи не было. К обеду четвертого дня я дал команду занятия прекратить, личный состав привести в порядок к строевому смотру и дать отдохнуть. К исходу дня прибыла комиссия на нашей ПОКе, поскольку рейсового парохода в этот день не было. Члены комиссии сумрачные, чем-то недовольные. Ни одного из прошлого состава не заметил. Я доложил генералу, что полк готов к проверке. Генерал поздоровался, вяло пожал мне руку и, больше ничего не сказав, начал вместе с прибывшими разглядывать с пирса, что находится вокруг. Какой-то «знаток» из их команды пояснял. Я не вмешивался, но, отозвав в сторону мичмана — командира катера, спросил:

— Как шли?

— Неважно. Только вышли из Кольского залива, как поднялся ветерок баллов пять и боковая волна, а штормового предупреждения не было. Вот нас и пошвыряло. Все лежали в лежку, еле дыша. Только когда в Матовский залив вошли, то будто в рай попали. Все очухались, умылись. Я им чайку горячего — не отказались. Вот поэтому они, как мякина.

У пирса стояли газик и два автобуса. Председатель комиссии, уже окончательно адаптировавшись, зычным голосом, который соответствовал его званию, служебному положению и упитанной фигуре, повелительно бросил:

— Командир полка, нам надо ехать в штаб. Хватит прохлаждаться.

— Все готово. Но, прежде чем двигаться, предлагаю поехать и устроиться со своим временным жильем, а затем через полчаса-час, как прикажете, — всем собраться в офицерском классе штаба полка. Размещение предлагается в двух помещениях. В гостинице со всеми удобствами на три человека — это у штаба полка. Остальные, по одному-два человека в комнате, разместятся в школе.

— Утверждаю, — сухо молвил генерал.

Мы отправились в поселок. Через час собрались в штабе. Генерал спросил своих подчиненных, как они устроились. Все сказали: всё хорошо, проблем нет. Затем я приступил к графику.

Все однозначно сказали, что расписание оставить то, что было, а один из проверяющих полковников добавил:

— Коль мы перепроверяем, то надо не просто оставить прежнее расписание проверки, но и во всех подразделениях должны по соответствующим упражнениям проверяться именно те солдаты, сержанты и офицеры, которые были на прошлой проверке.

Все согласились. Генерал утвердил. Мы, естественно, обрадовались такому обороту дела. На завтра у нас с утра значились строевой смотр и строевая подготовка, а затем, уже в обед, стрельба, вождение и политподготовка. Одно беспокоило: дул ветерок. Пока он был умеренный и на стрельбище дул в затылок. Это неплохо. Однако нет гарантий, что он не перерастет в штормовой. Тогда возникнут большие опасности.

Прошло несколько дней. Главные показатели уже были получены, в том числе и по огневой подготовке. В ходе проверки дело доходило до диковинных поступков.

Например, при проверке одиночных стрельб в 1-й мотострелковой роте, которой командовал капитан Киселев, произошел интересный случай. Ефрейтор Славин выполнял третье упражнение, где требовалось поразить три цели из трех появляющихся неожиданно мишеней на разных рубежах в ходе наступления. В этом случае давалась оценка «отлично». Славин поражает первую цель, наступает дальше — поражает вторую, продолжает наступление — сбивает третью. Но вслед за этим проверяющий полковник со своего пульта управления дает электросигнал и появляется четвертая цель. Солдат, еще не израсходовавший патроны полностью, сделав несколько шагов вперед, поражает четвертую цель. Полковник поднимает ему еще одну, уже пятую цель. Но у солдата кончились патроны. Однако он не растерялся: примкнув к стволу автомата штык-нож, он с криком «Ур-ра!» бросился на «врага» и заколол его!

Этот случай покорил полковника. Он прекращает стрельбы, строит роту, выводит Славина из строя и минут пятнадцать рассказывает, что значит в бою быть отличным и умным стрелком и как действовал на контрольных стрельбах ефрейтор Славин. Он прямо сказал: «Я больше двадцати лет служу в армии, но впервые встречаю такого замечательного солдата. Славин является прекрасным примером для всех». И завершил тем, что объявил ему благодарность.

Эта весть, конечно, облетела весь полк. Мы старались не особенно явно для проверяющих, но максимально эффектно довести этот случай до подразделений и с помощью этого вдохновляющего примера мобилизовать весь личный состав на

дальнейшие действия.

Однако к концу проверки все-таки разразилась пурга. То усиливаясь, то затухая, она длилась четверо суток. Казалось бы, всему оставшемуся снегу надо бы уже растаять, но получилось наоборот — все замерзло. Хорошо, что на последние дни у нас была спланирована проверка знания материальной части оружия и боевой техники, их состояния и т. п. То есть в основном эти занятия проводились в помещении.

Но на этом наши испытания не закончились. Так как проверка по расписанию подошла к финишу, а выехать с Рыбачьего было невозможно, председатель комиссии принял решение дополнительно проверить все подразделения по всем уставам, послушать полковую самодеятельность и досконально изучить состояние всех складов.

Когда подвели итог, оказалось, что проверок проведено значительно больше, чем предусматривалось программой, а результаты оказались выше предыдущих. Мы внутренне ликовали, но вида проверяющим не показывали. Оценки, доложенные в Петрозаводск в штаб округа, на этот раз лично утвердил командующий войсками округа. Были довольны все — и личный состав полка, и командование дивизии, и командование округа. Но, на мой взгляд, тем, что оценки утверждены командующим, больше всего была довольна комиссия. Генерал-полковник А. Т. Стученко был очень требовательным и своенравным человеком. От него можно было ожидать всего.

Проверяющий генерал названивал в штаб армии и допытывался — нет ли там штормового предупреждения. Наконец ветер утих, за ночь море успокоилось и мы благополучно отправили комиссию в Мурманск. Мы помахали многострадальной комиссии и отправились в полк заниматься своими насущными делами.

В эти дни у нас, не умолкая, звонил телефон. Было, конечно, приятно слушать теплые слова поздравлений различных начальников. Но особо звучали, конечно, тирады таких же, как и я, командиров полков. Например, позвонил командир 284-го мотострелкового полка нашей же дивизии полковник Соловьев:

— Слушай, Валентин Иванович, ну ты нас всех заморил. Мы уже ничего не делали, а только ждали вестей с Рыбачьего. Это как в войну — все внимание Сталинграду! Никто не дышал — ни друзья, ни враги. Ну, и молодцы же вы все там, на Малой земле — показали им кузькину мать.

А нам эти слова — что бальзам на сердце…

Прошли дожди — и снега как не бывало. А через несколько дней появилась и трава. Кстати, через день после отъезда

комиссии пришло судно и привезло нам, по нашей заявке, телят. Естественно, пришлось около двух недель держать их на сене и комбикорме, заготовленных заранее. А уж потом, как весна у нас вступила в свои права, для них началось раздолье — вольная трава, простор, солнце…

Лето выдалось теплое. Но мы все равно отправляли семьи на юг, чтобы детишки подзакрепились. Отправляли с южного берега Баренцева моря на северный берег моря Черного. Многие уезжали в центральные районы России, на Украину, в Белоруссию. А вся наша забота была сосредоточена на солдатах и на разрешении житейских проблем, подготовке к зиме. В Заполярье настоящий хозяин готовится к зиме сразу, как растает снег. А где он не тает с появлением на горизонте первого в этом году солнца!

Прошло лето, наступила осень. Мы времени даром не теряли: заготовили много грибов, ягод, завезли с Большой земли овощей, солений. Позаботились и о сене. Стадо у нас было уже огромное. Бычки за лето вымахали капитально.

Завезли также некоторые виды боеприпасов, горючее, кое-какие запчасти.

Несколько дней у нас гостил командир дивизии генерал Ф. В. Чайка. В порядке ознакомления объехали с ним по береговому периметру весь Рыбачий. Его особо заинтересовали бухты на севере полуострова. Нам повезло: мы дважды наблюдали стада нерп (кольчатых). Это небольшое морское животное, разновидность тюленей. Они достигают одного-полутора метра и весят в пределах 50–70 килограммов. Когда смотришь на залив, складывается впечатление, что кто-то высыпал на воду футбольные мячи. И вот эти мячи периодически исчезают, а затем появляются вновь. Это и есть нерпы.

Кстати, мы наблюдали забавный случай с ними. Мирно качавшееся на плавной волне стадо нерп вдруг одновременно рвануло к берегу и выбросилось на пляж. Мы находились приблизительно в километре на высокой части берега, куда обычно подступает вода только в период полного прилива (а сейчас была малая вода), и поэтому вначале ничего не поняли. А когда внимательно пригляделись и разобрались, оказалось, что в залив вошла стая акул и, словно волки, набросилась на добычу. Первым их заметил водитель с машины: «Так это же акулы! Смотрите — плавники торчат». Действительно, стая в пять-шесть акул, нагрянув в залив, а затем рассыпавшись по нему, стала бороздить его вдоль и поперек, как торпеды. «Это, видно, колючая акула, есть такое название, — продолжал просвещать нас водитель. — Она небольшая, но хищная. А вот когда приходит гренландская акула — так та в несколько метров. Но у них у всех

один прием — нападая на нерпу, они стараются отхватить у нее плавники или хвост, после чего нерпа становится беспомощной. Тогда все налетают, и от жертвы остается лишь пятно. Оказалось, отец водителя — рыбак, ходит в море на несколько месяцев. Один год и его сын работал вместе с отцом матросом, потому и знает многое об обитателях моря.

Из поездки по полуострову вернулись к ужину. Чайка вышел из машины, потянулся, посмотрел на спокойный Мотовский залив, залитый лучами бронзового солнца, на огромную долину-пастбище, где гулял наш скот, на бакланов (чаек), которые гнездились на скале Ракопахта, и медленно произнес:

— Идиллия…

— Почему идиллия?

— Ну, посмотри вокруг — какая прелесть! Ты вообще живешь, как Бог в Одессе до революции.

Мы рассмеялись. Непонятно, почему Бог, да еще в Одессе, плюс до революции? Он никак не мог мне этого объяснить. Но родня его жены была из Одессы, да и он семьей туда частенько наведывался в летнее время. Естественно, увлечение одесским жаргоном не могло не сказаться.

Зимой на торпедном катере (видно, «одолжил» Северный флот) прибыл к нам в хорошую погоду, но, естественно, уже в темноте командующий армией генерал-лейтенант О. А. Лосик. Он уже получил «лейтенанта». О том, что командующий отбывает к нам, мы были извещены заблаговременно. У нас все в полном порядке. Я сижу в штабе, в своем кабинете, готовлюсь к докладу. Вдруг залетает заместитель по тылу с выпученными глазами и орет:

— Прачечная горит! — И снял шапку. Вроде конец света.

Я выскакиваю из штаба. Действительно, полыхает так, будто горит большой завод. Пламя — до самого неба. Кругом зеваки.

Приказал немедленно всем разойтись. Пожарная команда с бульдозером и машины с навесным оборудованием уже прибыли. Я уточнил задачу, и они приступили к действиям. А задача состояла в том, чтобы со всех сторон нагрести на эту землянку, где размещалась прачечная, возможно больше снега и погасить пламя. Вызвали танковый тягач и привели в готовность медпункт. Последний, к счастью, не потребовался. Танковый тягач, периодически наезжая на собранный снег, наконец раздавил эту землянку — и пламя погасло. Подгребли еще как можно больше снега, чтобы не вспыхнуло, и поехали на пирс встречать командующего. Над военным городком включили прожектора.

Мы особенно не горевали, что прачечная сгорела. По нашим планам, она уже в следующем месяце должна была прекратить

свою работу. Все переносилось в новое помещение, которое уже было готово во втором городке — там, где раньше дислоцировался танковый батальон. Но сам факт пожара был малоприятный.

Встретили командующего хорошо. Командир торпедного катера — мастер экстра-класса: подходил к пирсу на большой скорости, затем дал задний ход с такими оборотами, что за кормой катера образовался бурун. И пирса борт коснулся ювелирно точно. Командующий торжественно спустился по трапу, и мы отправились в полк. Остановились у штаба полка, где была и гостиница. Ярко горели прожектора: одни освещали небо, другие — прилегающие к городку сопки и местность. Сплошные лучи отражались от снега, как от зеркала, и создавали весьма комфортную обстановку. Командующий помолчал, потом говорит:

— Когда мы входили в Мотовский залив, моряки мне сказали, что у вас в Озерко что-то горит, и показали мне пламя. У вас что, был пожар?

Зная дотошный характер командующего и не желая, чтобы он с первого шага занялся ненужным делом, а лучше бы познакомился с полком, я ответил дипломатично:

— Товарищ командующий, было так, кое-что по мелочи. Оно не заслуживает внимания.

Начальник тыла Гривко, видя, что командующий продолжает смотреть на меня вопросительно, решил пояснить:

— У нас была старая прачечная в землянке. Мы сделали новую, а старую сожгли.

Как и следовало ожидать, началось разбирательство:

— То есть как это «сожгли»? Она же на балансе!

— Да на каком балансе, — возмущался Гривко, — эта землянка со времен войны.

— Э, это вы мне бросьте! При чем здесь война и землянка? — И пошло-поехало! Минут двадцать Лосик втолковывал начальнику тыла, что он бесхозяйственный работник, что он безответственный человек, не бережет государственное имущество, что для него «плевое дело — сгорела прачечная, ну и что?!», что надо в корне перестроиться и т. д.

Когда я, наконец, понял, что уже пора мне вмешаться, пришлось задать вопрос из другой области:

— Товарищ командующий, мы с этим разберемся, но я хотел бы уточнить ваш план действий. В первую очередь — на какое время вы приехали? Торпедный катер стоит у причала — очевидно, он будет ожидать вас?

— Да. Я хотел бы познакомиться с полком в новых условиях,

разобрать проблемы, повстречаться с офицерами, поговорить с личным составом.

— Сколько у вас времени?

— Ну, часа три-четыре.

Исходя из этого, я предложил программу, которую он утвердил. Командующий побывал на стрельбище, где проводились занятия по огневой подготовке и боевой стрельбе, на танкодроме и автодроме. Здесь же и побеседовал с солдатами. Вспомнил с благодарностью и о тех проверках, которые были весной. Осмотрел расположение полка — казармы, классы, столовую, клуб и т. д. Когда шли от столовой к клубу, то слева в 400–500 метрах еще интенсивно парило то место, где была прачечная. У меня это вызвало опасение, что опять отвлечемся на эту проклятую землянку. Но пронесло. В клубе уже ждали офицеры. Командующий выступил хорошо — подробно рассказал о стоящих задачах, а потом, не оставшись на обед, уехал. Я доложил о визите комдиву. Тот на следующий день звонит и говорит:

— Командующий провел совещание. Вызвал и командиров дивизий. Уточнил задачи. Когда коснулся вашего полка — похвалил. Но он сказал что-то в отношении тебя лично. Я ничего не понял. После совещания подошел к начальнику отдела кадров армии и спросил: «Что сказал Лосик?» Тот уточнил, что Варенников уже давно на Рыбачьем. Это что-то значит. Возможно, у него какие-то планы:

— Поживем — увидим.

— Это верно. Но ты должен иметь в виду.

И действительно, в декабре, приблизительно через две-три недели после посещения полка, звонит мне Лосик и говорит:

— Товарищ Варенников, командующий войсками округа, положительно оценивая ваш труд на Рыбачьем, принял решение в порядке поощрения перевести вас на материк, как вы говорите, на Большую землю. Приказ уже состоялся, так что можете временно полк передать заместителю командира полка, а самому отправляться к новому месту службы.

— А новое место службы — это где?

— Это 61-й мотострелковый полк 131-й мотострелковой дивизии, что в Печенге. А полк стоит на 112-м километре по дороге от Мурманска в Печенгу. На магистральной дороге. Буквально в нескольких километрах от полка железнодорожная станция. Вы уже не будете чувствовать себя так оторванными от всего, как это, наверное, было на Рыбачьем.

— Спасибо, товарищ командующий, за заботу. Когда я должен принять 61-й полк?

— Пару дней на сдачу и на сборы, а на третий день утром своим катером доберетесь в Мурманск. Здесь вас встретят и отвезут в Печенгу.

— Задача ясна.

Позвонил генералу Чайке и доложил обстановку. Он минут пять чертыхался, перебирая косточки всем начальникам, а в заключение сказал:

— 61-й полк это же дыра! Рыбачий — рай по сравнению со 112-м километром.

Вот так я «в порядке поощрения» попал фактически на четвертый полк.

Сборы были недолгими, но мрачными. Начальник штаба полка подполковник Н. Сологуб подготовил акт о передаче с приложениями. Сели вдвоем с заместителем командира полка подполковником Э. Гринбергом, которому передаю полк, и спрашиваю:

— Вопросы есть?

— Есть.

— Выкладывай.

— Что все это значит — вот эта возня с вами? Вы же могли, наверное, и отказаться. Это же ведь провальный полк!

— Во-первых, меня никто не спрашивал. Командующий объявил, что я назначен, и все. Во-вторых, если бы и спросили, то я не отказался бы. Просто не мог бы это сделать, хотя знал, что 61-й мотострелковый полк очень слабый.

— Там же командир полка фактически сбежал. Разными путями добился, чтобы его взяли в штаб армии.

— Не будем об этом. Вопросы по службе есть?

Какие могут быть вопросы у заместителя командира полка, с кем решал вместе, как и с другими заместителями, все проблемы. Мы подписали акт и договорились, что через час я встречаюсь с офицерами, а через два — он построит весь полк. Как решили, так и сделали. На офицерской встрече я принципиально и тепло высказался о нашей совместной работе и об их труде, который обеспечивал нам победы, пожал каждому руку, пожелал всем хорошей службы и продвижения. Солдат поблагодарил за все то, что они сделали в полку, за высокий уровень боевой и политической подготовки, за постоянную надежную боевую готовность, за сплоченность, подтянутость и отличную воинскую дисциплину. На мое: «До свидания, товарищи!» — полк дружно ответил: «До свидания, товарищ полковник».

Вот так мы распрощались. А сердце опять щемит — опять его частица остается с полком. Прощание с самыми близкими, в основном заместителями командира полка, было за столом в

гостинице. Выпили всего лишь по одной чарке и спели гимн моряков Северного флота — он по традиции остался и нашим гимном: «Прощайте, скалистые горы!» Действительно, Рыбачий и Средний — оба эти полуострова были скалистыми. И лишь в низине имелся грунт и там вольготно чувствовала себя буйная растительность — кустарник, травы. Все остальное — это гранитная скала, покрытая местами мхом. Особенно тяжелой и мрачной была гора-скала Ракопахта.

«Прощайте, скалистые горы!» — с особым чувством пел я в тот вечер. В этой песне, слова которой написал Николай Букин, а музыку Евгений Жарковский (оба служили и воевали в рядах североморцев), проникновенно все — и слова, и мелодия. Поэтому мы часто ее пели, хоть и не были моряками, но считали, что сам Рыбачий — тоже корабль.

Я должен был переехать из Озерко в мурманский порт на ПОКе, поэтому эта песня тем более была кстати. В ней есть такие слова:

Прощайте, скалистые горы!
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут о борт корабля…
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

Утром пораньше на ПОКе отправился в Мурманск. Хоть погода в целом и была спокойной, но с выходом в открытое море нас, конечно, изрядно покачало. Добрались к своему причалу только к 11 часам. Никто нас не встречал. Я отвел семью к дежурному — ПОК качало, а на пирсе холодно, мороз под 30 градусов и «ветерок» пробирает до костей.

Начал дозваниваться до штаба армии. Дежурный ответил, что ему ничего не известно. Я бросил звонить в штаб армии и добрался до своего прежнего командира — генерала Чайки. Он моему звонку обрадовался, но когда я рассказал ему, где нахожусь, то, естественно, проклял всю бюрократию и бюрократов и пообещал через два часа прислать грузовую и легковую машину для поездки в Печенгу.

Действительно, вскоре пришел легковой «газик» и крытый грузовик, куда мы сложили вещи. Сопровождал нас старшина-сверхсрочник, который многократно бывал в Печенге, так что можно было не беспокоиться. Мы тронулись в долгий путь. Зимой

дороги хоть и расчищали хорошо, в том числе от Мурманска до Печенги, но двигаться можно было со скоростью 40–50 километров. Поэтому до своего 112-го километра мы добрались лишь вечером.

У въезда в полк стояла будка, снятая с машины. Ни забора, ни ворот. Все это напомнило мне 56-й стрелковый полк. В окне будки просматривался слабый свет. Очевидно, от керосиновой лампы. Постучал — дверь открыл солдат. Я спросил его: «Где дежурный по полку?» Кто-то ответил: «Здесь». Я, конечно, удивился, но тут вошел среднего роста, но крепкого сложения капитан и четко представился:

— Дежурный капитан Сидоренко.

— Не дежурный, а дежурный по полку. А вообще-то, если по уставу — то: «Товарищ полковник, дежурный по полку капитан Сидоренко».

— Так точно, товарищ полковник. А вы к кому?

— Я — к вам.

— К нам в полк или ко мне лично? — заулыбался капитан.

— В полк, конечно. Я назначен командиром этого полка.

— Извините…

— Да за что извинять-то? Вы меня видите впервые, я вас — тоже. Лучше помогите разобраться с жильем. Я приехал с семьей, и, видимо, где-то мне отвели место для расположения.

— Я не в курсе, но сейчас быстро разберемся.

Он послал солдата за каким-то старшиной, а мы присели и хорошо поговорили о полковых делах. Оказывается, он командир мотострелковой роты. Служит здесь два года — прибыл по замене с Украины. Дела в полку не блестящие. Замучили всех ЧП. Главная беда — плохое устройство.

Подошел старшина. Мы познакомились. Он оказался командиром хозвзвода и знал, где для меня отведена квартира, но никаких команд о ее подготовке не получал. Я посадил старшину третьим в кабину грузовой машины и сказал, чтобы он ехал к дому, где мы будем жить, а «газик» последует за ним.

Проехали по краю военного городка, свернули влево к жилым домам. Они состояли из нескольких двух- и одноэтажных домов, но все были сборно-щитовыми. В них все печи должны быть раскаленными, тогда тепло будет держаться. В одном из двухэтажных домов на первом этаже была отведена мне двухкомнатная квартира. Вошли, включили свет и, уже ко всему привычные, не могли удержать удивление. На окнах не только иней, а лед, который расплылся по подоконникам толстым слоем, как на улице. Разница лишь в том, что здесь не дует. В комнатах — шаром покати, нет даже табуретки. Только огромная

нетопленая печь на обе комнаты.

— Здесь что, никто не жил? — спрашиваю старшину.

— Да. Мы их используем только летом — для комиссий. Эту квартиру и на втором этаже. Зимой здесь холодно.

— А зимой что, комиссии не может быть?

— Нет, к нам зимой никто не приезжает.

Мы занесли вещи. Постель (а она у нас большая) бросили в угол второй комнаты и укутали детей. У них поднялась температура, видно, простудились еще в Мурманске — был сильный ветер. Приказал старшине немедленно принести колотых дров, угля, керосина, солдатский чайник с горячим чаем и вызвать ко мне начальника тыла полка.

Машины, которые привезли меня из Мурманска, отправил обратно, поблагодарив и приказав дежурному по полку накормить водителей.

Пока старшина копался с дровами и прочим, подошел начальник тыла — заместитель командира полка по тылу подполковник Г. А. Терьян.

— Хорошо же вы встречаете у себя новых офицеров, — сердито бросил я.

— Товарищ полковник, мы не знали, что вы приедете именно сегодня, — извиняющимся тоном сказал он.

— Я не намерен заниматься разбирательством, но в этой берлоге даже собака не сможет жить. Квартиру надо неделю отогревать. При чем здесь сроки? Ваша задача — не позже чем через час здесь должны быть: четыре солдатских кровати с полным комплектом постельных принадлежностей, два стола, стулья, шкаф для одежды. Пришлите также врача с жаропонижающими таблетками и солдата с шваброй, чтобы он мог смести с потолков и стен иней. Кроме того, передайте начальнику штаба полка, чтобы он сейчас же зашел ко мне.

Пришел старшина с солдатами, которые привезли на санях дрова, керосин, уголь и паклю.

— А паклю зачем?

— Хорошо горит.

Начали растапливать печь. Оказалось, это целая проблема: совершенно не было тяги. Думали, что на втором этаже перекрыта наша труба. Открыли верхнюю квартиру, но там свои дымоходы. Решили и там затопить печь.

Тепла не прибавилось, зато дыма было полным-полно. Лишь часа через полтора-два началась тяга. Все разъяснилось: просто в дымоходе образовалась пробка из морозного воздуха, и она давила вниз, не позволяя подняться теплу. Между тем нам принесли мебель. Солдатскими матрацами мы закрыли окна и

прихватили вверху гвоздями, а сверху покрыли одеялами и прибили их по периметру. Чтобы вытянуло верхний дым, распахнули дверь. Печь была уже горячей, поленья полыхали. Нам принесли горячий чай, подошел доктор — майор медицинской службы Б. Дворкин. Жена поила детей чаем. Доктор мог осмотреть их только внешне, после чего дал аспирин. Потом, подумав, сказал, что всей семье лучше сейчас переехать в его медпункт — там тепло и уютно, в стационаре всего три солдата, а мест — на двенадцать человек. Я поблагодарил, но воздержался, хотя малышам в таких диких условиях, да еще с температурой, было не сладко.

Наконец, появился начальник штаба — подполковник Д. Песков, представился. Я многозначительно посмотрел на часы, давая ему понять, что жду его слишком долго, а затем дал задание.

— Чтобы через полчаса у меня здесь был установлен телефон, по которому я мог бы говорить и с командиром дивизии, и со штабом армии в Мурманске, и, естественно, с каждым командиром батальона, и со всеми службами полка.

— Со штабом армии нас соединяет только Печенгский узел связи, — вставил подполковник.

— Второе, — продолжаю я, не обращая внимания на пояснение, — через час чтобы были телефонограммы в адрес командира 131-й мотострелковой дивизии и командующего 6-й армией, что я, в соответствии с приказом командующего войсками Северного военного округа (продиктовал номер и дату издания приказа), вступил в командование 61-м мотострелковым полком.

— Но я должен доложить, у нас в полку пока нет никаких официальных документов. Так… один разговор на уровне второстепенных лиц.

— Третье — завтра в 9.00 вы должны построить весь полк и доложить мне. Я выйду к полку и представлюсь в качестве их командира.

— Товарищ полковник, но у нас полк всегда строит заместитель командира полка.

— А вы что, не умеете этого делать? Заместитель командира полка болен. Поэтому вы строите полк, объявляете всем мое воинское звание, фамилию и что я вступил в командование полком. Ясно?

— Так точно, ясно!

— Четвертое. В 11.00 собрать весь офицерский состав в клубе. В это время старшинам с сержантами один час заниматься с личным составом изучением устава внутренней службы, первой

главы.

— Пятое. В 12.00 в клубе должны быть собраны заместители командира полка, начальники служб полка, командиры батальонов и отдельных рот, готовые доложить о своем участке, и представить на этот счет письменные доклады. Очередность заслушивания: командиры батальонов, командиры отдельных рот, начальники служб полка. По мере принятия докладов офицеры могут уходить. Затем останется командование полка, и мы обсудим состояние дел.

Шестое. Сегодня договориться с начальником штаба дивизии, когда командир дивизии сможет меня принять завтра во второй половине дня. Желательно часов в 16.00–17.00.

И седьмое. Послезавтра с утра разбираем подробно два документа: план боевой готовности и план боевой подготовки. После этого едем и смотрим основной и запасный район сосредоточения. Все. Вопросы есть?

— Пока вопросов нет.

— Но если появятся, то я готов их выслушать сегодня. А сейчас мне нужен телефон.

Начальник штаба ушел. Кстати, он уже сидел за столом, который принесли солдаты, и записывал мои указания. В квартире становилось тепло, можно было снимать шинель и шапку. Присутствовавший при моем разговоре с начальником штаба полка начальник тыла неуверенно спросил:

— Какие-нибудь указания будут?

— Никаких. Готовьтесь завтра к докладу. Скажите командиру хозвзвода, чтобы мне принесли месячный продовольственный паек (в Заполярье давали продпайки), так как в связи с болезнью детей жена на склад пока ходить не может. И, естественно, в коридоре постоянно должно быть достаточно дров и угля. Одновременно надо протапливать квартиру на втором этаже. Вот все.

Терьян ушел. Все вроде нормализовалось. Принесли и установили телефон. Я позвонил — работает. Наконец мы с семьей остались одни. Детишки после горячего чая и аспирина уснули. Постелив постель, мы перенесли их на свои кровати. Немного прибрались и сами сели поужинать. В квартире уже было тепло, хотя от пола все еще сильно несло холодом. Жена немного поворчала по поводу «заботы», которую о нас проявили полковые начальники, но потом успокоилась.

Было уже за полночь.

Однако я, попивая чай, сидел и думал. Вот сменил я двух Беловых — на Рыбачьем Белова Сергея Ивановича, а здесь — Белова Михаила Ивановича (ирония судьбы — менять Беловых).

Но Сергей Иванович, хоть и командовал слабо, зато был нормальным человеком, добрым и порядочным. Подготовил жилье, продукты, поручил заняться семьей. При этом там все происходило летом, условия были более благоприятные. А здесь — полярная противоположность. Мало того, что стоит трескучий мороз и ветер, так еще — никто палец о палец не ударил, чтобы хоть чуть-чуть проявить внимание. И вроде у Михаила Ивановича ко мне лично не было никаких претензий, нигде вместе не служили. Единственно, где мы «пересеклись», так это на двухмесячных курсах танкистов в Медвежьегорске, но и там все было в норме. Откуда здесь такое бескультурье? Приехал в полк такой же, как он, человек с края света, в разгар зимы. Неужели нельзя было хотя бы формально отдать необходимые распоряжения (если личное барское положение не позволяет)?

Хорош и заместитель командира полка подполковник А. Фомичев — второе лицо в полку. Ну, если у Белова чего-то там не хватало, чтобы сделать благородный шаг, то заместитель командира, которому в последующем вместе со мной служить, должен проявить такт и уважение. Но он сам даже не соизволил появиться. Оказывается, Михаил Иванович Белов гарантированно обещал Фомичеву, что именно он остается командовать полком, что все уже готово и т. д. Однако если даже и так, то разве можно вести себя подобным образом по отношению к офицеру, которого назначили сюда приказом. Эти действия свидетельствуют о том, что понятия о чести у них капитально размыты.

Забегая вперед, хотел бы кратко описать дальнейшую судьбу этих двух моих «благожелателей».

Михаил Иванович Белов, вырвавшись со 112-го километра, попал в штаб армии на должность заместителя начальника какого-то отдела. Со временем его выдвинули на пост начальника отдела. Через несколько лет он добивается, чтобы его послали в Группу Советских войск в Германии по замене. Попадает он в штаб 3-й Ударной армии в Магдебурге — самую большую армию в ГСВГ. В 1969 году я получаю назначение на должность командующего этой армии. Буквально на 3-й или 4-й день моего вступления в должность, как обычно, приезжаю на службу, выхожу из машины, смотрю — перед входом в здание, куда никого не пускали, кроме членов Военного совета и офицеров оперативного отдела штаба армии, прохаживается нарядная солидная дама. Увидев меня, она энергично приблизилась и, широко улыбаясь, заговорила так, будто мы с ней были знакомы тысячу лет:

— Здравствуйте, дорогой Валентин Иванович.

Я вопросительно смотрю на неожиданную визитершу,

которая продолжала громко щебетать:

— Мы так рады, мы так рады, что именно вас назначили в нашу Группу войск. Заполярника! Кто не был в Заполярье, тот и службы-то настоящей не знает…

— У вас какие-то ко мне есть вопросы или просьбы? — Я вынужден был прервать ее.

— Да, нет, нет! Я просто хотела от нашей семьи Беловых выразить вам чувства глубокого уважения, как это было всегда. Вы же помните Михаила Ивановича Белова…

Я все так же вопросительно-непонимающе смотрел на сию весьма экспансивную особу, которая продолжала играть роль старинной доброй знакомой.

— Ну, Белова Михаила Ивановича, которого вы сменяли на полку? 112-й километр в конце 1959 года — помните?

— Да, ну как же, как же!

— Так вот он, бедняжка, дослужился только до начальника отдела и засох. Затирают! А ведь способный человек. Да вы лучше знаете. С вашим приходом мы воспряли. Появилась надежда. Ему бы на генеральскую должность, он оправдает. А, Валентин Иванович?

— Извините, вы же знаете, я только что приступил к руководству армией. Со временем разберусь, в том числе и с Михаилом Ивановичем. Желаю вам всяческих благ и всего хорошего. К сожалению, меня ждут. До свидания.

Поднимаясь к себе, я вспоминал, как после отъезда Михаила Ивановича из полка его же соратники занимались россказнями о том, что полком командовал не Михаил Иванович, а его жена. Я хоть и пресекал эти разговоры, но в душе разделял мнение тех, кто презирал мужиков, позволявших вмешиваться женам в свои служебные дела. Естественно, это не означало, что жена должна жить своим миром, а ты — своим. Нет. Но есть рамки, границы службы, которые должны быть неприкосновенными.

Как правило, такие чересчур «активные» жены в итоге приводят своего муженька в тупик или даже к краху, как это случилось с Горбачевым, хотя на пути к трону было все гладко!

Со временем на одном из совещаний офицеров управления армии мы встретились с Михаилом Ивановичем. В перерыве заговорили о Заполярье. Полк он не вспоминал, а так, в общих чертах… Потом попросился на прием. Перед этой беседой я переговорил с начальником штаба армии генералом Николаем Васильевичем Сторчем — прозондировал, что Белов может просить.

Николай Васильевич очень резко отозвался о Белове, как о слабом и ленивом работнике. Кроме того, он сказал, что срок его

службы в ГСВГ подходит к концу, он должен в этом году уехать по замене. Соглашаясь со Сторчем во всем, я все-таки попробовал склонить его к тому, чтобы создать Белову какие-то условия пусть к небольшому продвижению, хотя это было и против моих принципов и у Белова не было объективных показателей для такого ходатайства. Но я подробно рассказал Николаю Васильевичу все о 61-м мотострелковом полку и выразил убеждение, что мое бездействие может быть расценено отместкой за прошлое. Он согласился и пообещал переговорить по этому вопросу с начальником штаба Группы войск. И решение было найдено: Белова отправили из ГСВГ, но не по прямой замене, а с повышением. Михаил Иванович звонил, прощался и благодарил. После этого все его следы я утерял.

Что касается Алексея Алексеевича Фомичева, то мы с ним, как и со всеми другими, работали хорошо. И не просто вытянули полк из болота, а сделали его передовым в дивизии. А когда меня ставили заместителем командира дивизии, я ходатайствовал, чтобы его назначили на полк, что и было сделано. Затем он уехал по замене. Через много лет, когда я уже командовал Прикарпатским военным округом, вдруг получаю письмо от полковника Алексея Алексеевича Фомичева. Он сообщал, что служит в Южной Группе войск начальником штаба дивизии, служба его подходит к концу, он будет увольняться. Но хотел бы обосноваться во Львове, где живут родственники его жены. Однако сложно с квартирой: «Помогите».

Мне удалось помочь — ему выделили хорошую большую квартиру с учетом состава семьи и в престижном районе. Он был доволен. Однако ни разу ко мне так и не зашел, хотя я командовал округом много лет.

Считаю, что в обоих случаях поступил правильно, хотя горечь обиды за их необдуманные поступки осталась. А сколько еще после этого было случаев разочарования в тех, в ком видел достойного, порядочного человека? Мы ведь привыкли верить людям, верить и доверять. И очень часто о других судим по себе и ждем, что если к кому-то относиться по законам чести, то и он ответит тебе тем же. Увы, жизнь не раз преподносила мне удары.

Но вернемся в 61-й мотострелковый полк. Все, что спланировали с начальником штаба, так и провели. Бывший командир полка полковник Белов не появился, а заместитель командира полка стоял в строю. Командовал начальник штаба. И хотя дисциплина строя была низкой, а прохождение торжественным маршем было очень далеким от устава и ничего торжественного в нем не было, я все-таки был доволен. Полк с этого часа знал, кто их командир.

Несколько мрачной получилась беседа с офицерами полка. Чувствовалось, что у них накопилось немало вопросов, и я пообещал буквально в течение недели рассмотреть все проблемы. Значительно лучше прошла встреча отдельно с командирами подразделений и начальниками служб. Возможно, на них повлияло мое вступительное слово. Я же сказал им откровенно, как своим товарищам по службе:

— Товарищи офицеры! Мне довелось служить и командовать полками, которые находились приблизительно в таких условиях, как наш 61-й мотострелковый. Никто к нам не приходил и никто не создавал необходимых условий. Это мы все делали сами, своими руками. Но чтобы принимать какие-то решения, конечно, необходимо знать истинную картину, причины такой тяжелой обстановки, в какую попал полк.

Поэтому всех, кто будет докладывать за свой участок, я прошу представить обстановку честно и оценить ее так, как считаете именно вы. Прошу иметь в виду, что, во-первых, за пределы нашего полка этот разговор не выйдет, и, во-вторых, никто не должен опасаться каких-то последствий. Только мы и все вместе решительно изменим обстановку в полку. Я вам обещаю это.

И доклады пошли резкие, откровенные, даже с некоторым выпадом в сторону командования полка. А командир 1-го мотострелкового батальона прямо заявил: «Батальон по огневой подготовке оценивается удовлетворительно. Но ведь мы искусственно натягиваем эту оценку. Фактически солдаты стреляют плохо. Почему? Да вы посмотрите, какое у нас стрельбище? Его фактически нет. Так же, как и классов по огневой подготовке».

Очень много говорили о материально-бытовых условиях. Мне стало ясно, что из перечисленного почти все может быть решено на месте, в полку. Поэтому договорились, что по ряду вопросов меры будут приняты уже сейчас, а по остальным — позже. А чтобы учесть все мнения и пожелания, решили провести через неделю офицерское собрание (не совещание, а именно собрание), к которому каждый должен основательно подготовиться и выступить открыто, не опасаясь последствий. Но к такому откровенному разговору офицеров, конечно, надо было готовить. И со временем он состоялся. Сверх моих ожиданий собрание офицеров оказалось чистым и честным. Истинно офицерским. А почему сверх моего ожидания? Да потому, что первоначально офицеры полка произвели на меня впечатление затурканных служак и молчунов.

Сразу после построения полка и короткой моей речи, а также

после торжественного прохождения я позвонил командиру дивизии генералу Ягленко. Телефонистка ответила, что комдив в штаб еще не прибыл. Тогда я попросил соединить меня с начальником штаба полковником Анатолием Николаевичем Прутовых. У нас состоялся разговор по поводу моего прибытия и вступления в должность. Оказалось, он мою телеграмму получил и доложил генералу о том, что я уже представился полку и приступил к работе. Что касается личной встречи, то генерал готов принять в 16.00. А если что-то изменится, он мне сообщит.

Сбоев в намеченном плане не произошло. Я смог дозвониться в Лиинахамари (это морская база Северного флота, расположенная за Печенгой) и договориться с командиром о встрече в 18.00–19.00 часов сегодня — я хотел от него переговорить с начальником штаба флота.

Перед поездкой в Печенгу заскочил домой, переговорил с женой, «посчитал детей», перекусил и помчался к командиру дивизии, прихватив с собой начальника штаба полка. Дорогой он докладывал различные вопросы, что позволяло мне еще больше «врастать» в обстановку.

Ровно в 16.00 я доложил командиру дивизии, что в командование полком вступил. Сорокалетний генерал Ягленко оказался ниже среднего роста, грузный, с большим, немного одутловатым лицом, глаза навыкате, говорил мягким басом, подвижный. В беседе быстро располагал к себе. Иногда взрывался, но быстро отходил и зла не держал.

— Здравствуй, здравствуй, дорогой Валентин Иванович! Хорошо, что ты наконец приехал к нам. Вообще ты как ткачиха Валентина Гаганова — та все на отстающие участки и ты тоже. Придется тебя называть Валентиной Ивановной. Ну, ладно, рассказывай.

Я подробно доложил обо всем, начиная с момента прибытия, естественно, опустив недоразумения со встречей и жильем. А вот о встрече с офицерами и о решении провести собрание рассказал в деталях, проанализировал доклады командиров подразделений и представил выводы и свои решения. Видно, комдиву все это понравилось, потому что слушал внимательно и ни разу меня не перебил (а я знаю его давно, и его манеру перебивать собеседника, кто бы это ни был). Все действия он одобрил, а затем начал рассказывать о дивизии, ее предназначении, задачах, условиях жизни и учебы, проблемах. Фактически дивизия закрывала весь Норвежский участок (около 200 километров). Самый южный полк — это 257-й мотострелковый, стоит в Ахмалахти на реке Патса-йоки. «Там командует твой приятель Дубин, — пояснил Ягленко, затем добавил: «Пока с переменным

успехом». Наш разговор закончил напутствием: «Будем считать твоей главной заслугой, если уменьшишь количество ЧП».

Ровно в 18.00 комдив отпустил меня, и мы с Песковым поехали к морякам в Лиинахамари. Быстро отыскали штаб, встретились с командиром. Вообще-то заочно, по телефону, я был с ним знаком — переговаривались, когда бывал на Рыбачьем. А теперь вот личная встреча. Я сразу с дела:

— Очень прошу организовать мне разговор с начальником штаба флота.

— Все будет сделано.

Через пять минут я уже разговаривал с вице-адмиралом Рассохой. Он тепло поздоровался со мной (вообще адмирал был исключительно внимательным и высококультурным человеком), после чего я рассказал, что приехал с Рыбачьего на Большую землю, командую полком поблизости от их военно-морской базы, полк бедствует, и если бы командование Северным флотом сочло бы возможным помочь по линии отдела фондового имущества, то наш личный состав был бы очень благодарен. Рассоха воспринял это нормально и порекомендовал, чтобы я «порылся» на месте в Лиинахамари, чтобы не ехать за тридевять земель из Печенги в Североморск. По его указанию я передал трубку командиру, который под конец разговора сказал: «Есть, все будет исполнено!» — и опять отдал телефонную трубку мне.

— Все распоряжения командир получил, — сказал адмирал, — вы на месте посмотрите, что у него уже накопилось для сдачи, и затем, отобрав все, что требуется вашему полку, включите в акт о передаче — и дело с концом. Желаю успеха. Звоните.

Я искренне поблагодарил. Конечно, флотские начальники хорошо нас поддерживали. Забегая вперед, не могу исключить, что впоследствии это в какой-то степени повлияло на передачу 61-го мотострелкового полка в состав Северного флота и переименование его в 61-ю бригаду морской пехоты.

Командир базы сразу насел на меня:

— Товарищ полковник, пойдемте посмотрите.

— Ну, сейчас-то, наверное, уже поздно.

— Да нет, ничего. У меня этот начальник всегда на подогреве. А вам надо глянуть и хотя бы в общих чертах оценить обстановку. Завтра вице-адмирал обязательно будет звонить и интересоваться.

Я согласился. Это было недалеко от штаба. Когда мы вошли в огромное, ангарного типа, хранилище и мой спутник включил свет, у меня перехватило дыхание. Капитан 1-го ранга, видя мое состояние, улыбнулся и, не торопясь, сказал:

— Только вы не подумайте, что вам можно из всего этого отбирать. То, что подлежит списанию и отправке, сосредоточено вдоль левой стены. Подойдемте туда.

Что ж, пошли, куда он указал. Но и там чего только нет! Огромные катушки-барабаны с электрическим и телефонным кабелем различного сечения, просто провод в катушках, телефонные корабельные аппараты, генераторы, электромоторы разных видов и мощностей, различный инструментарий. А когда мы подошли к прожекторам различного калибра и фонарикам, то командир сказал:

— У нас есть три громадных пэвэошных прожектора, смонтированных на машинах вместе с электростанцией. Может быть, вас это тоже заинтересует? Машины исправны и на ходу.

Поблагодарив командира за любезность, я сказал, что послезавтра приеду с двумя специалистами.

Итак, лед тронулся. Мы могли полностью приобрести все оборудование не только для электрификации и механизации стрельбища, согласно последним требованиям, но и для освещения и телефонизации военного городка. Кроме того, мы могли кое-чем запастись для обмена. А когда я через бывшего военнопленного, попавшего к немцам еще в 41-м и отработавшего в каменоломнях три года, узнал о целых горах заготовленной щебенки, то у меня работа закипела.

Как и в Мурманске, мы приобрели пилораму и один строгальный станок (лес возили из района Ахмалахти). В будущий город Заполярный, по договоренности со строителями, направил взвод из саперной роты, который из их леса (мы его приобретали в обмен на щебенку) делал заготовки из бруса для строительства двухэтажного штаба, КПП, КТП, вышки, других помещений на стрельбищеи т. д. Кроме того, в обмен на щебень к нам «потекло» из Заполярного многое из того, в чем позарез нуждалась стройка — все, вплоть до оконных переплетов, дверей, гвоздей, красок и т. д. А для ограждения, т. е. забора, и нужд боевой подготовки и хозяйства доску делали уже на своей пиле.

Мы электрифицировали весь военный городок и все дорожки, которые вели к медико-санитарному батальону дивизии и в жилой городок. А там была школа, магазин, почта и т. д. Конечно, до Лужников было далеко, но все же стало посветлее и настроение у всех сразу поднялось. Представьте всего на один миг, читатель, поселок в заполярную ночь — кромешная тьма, человек часто идет, руководимый одной интуицией («где-то здесь должно быть…»), в лучшем случае, если тускло светятся окна, можно ориентироваться по этим редким огонькам. И вдруг все освещено прожекторами и другими электрическими установками

так, что не только весь поселок как на «ладони», но все видно и далеко за его пределами. А когда возвращаешься из далекой поездки, то уже за 5–7 километров видишь в небе зарево, ореол над поселком, хотя сам поселок еще скрывают окружающие сопки.

Уже только это сразу изменило настроение всего личного состава. Но когда переоборудовали клуб, построили КПП и лицевую часть ограждения полка — отношение солдат и тем более офицеров к службе заметно улучшилось. Затем мы улучшили казарменный быт, переоборудовали стрельбище на современный лад. Поставили казарму — учебный корпус. А с наступлением тепла на толстой щебенчатой «подушке» забетонировали въездную дорогу и часть строевого плаца (цемент, естественно, «добыли» в Заполярном в обмен на щебенку).

Особо мы гордились зданием штаба полка. Двухэтажное, с центральным отоплением, широким парадным входом, вестибюлем, широкой свободной лестницей, ведущей на второй этаж, с большими светлыми окнами, просторными кабинетами и залом заседаний. В общем, штаб был роскошный, даже с некоторыми излишествами. Когда мы обставили его новой мебелью (опять же за счет Заполярного) и переехали в новое здание, я пригласил командира и начальника штаба дивизии — посмотреть. Они откликнулись. Ягленко начал обходить вместе со мной здание, тщательно осматривая все своими выпученными глазами и, покашливая, приговаривал: «Вот дают, вот дают ребята». Закончив «экскурсию», вдруг «набросился» на начальника штаба дивизии полковника Прутовых:

— Анатолий Николаевич, а почему штаб дивизии не осуществляет должного контроля не только за войсками, но даже за штабами? Почему в полку штаб занимает два этажа? Это, считай, на голову выше штаба дивизии? У нас-то одноэтажное здание. Кто разрешил?

— Недосмотрели, товарищ генерал.

— Вот так у вас всегда — то недосмотрели, то упустили. Что теперь делать? Разбирать второй этаж или нам надстраивать? Если нам, то надо еще два, чтобы всего было три этажа. Это справедливо. Ладно, посмотрим дальше и на втором этаже примем решение.

Смотреть было на что — все было новенькое, чистое, светлое, мебель прекрасная. А главное — личный состав штаба выглядел блестяще: отутюженный, сияющий. Ягленко ходил, все ощупывал руками и искоса посматривал на меня. Затем поднялись на второй этаж, обошли несколько кабинетов. В кабинете командира

полка (а перед этим — просторная приемная) Ягленко закурил, пригласил всех сесть и, сощурив глаза, спросил:

— Валентин Иванович, а за какие денежки весь этот рай сделан?

— Мир не без добрых людей, — скромно ответствовал я.

— Это верно. Но, вообразим, приезжает прокурор и говорит: «Товарищ полковник, представьте все документы на это здание, в том числе кто и как профинансировал это строительство, откуда фондовые материалы». Ну, что ты скажешь?

— Во-первых, считаю, что командир дивизии оградит полк от таких нападений (Ягленко в это время дернул головой и процедил: «Ишь ты!»). Во-вторых, все документы имеются. Естественно, некоторые нарушения инструкций есть, но — без крупных криминалов. В-третьих, в полку совершенно не было помещения для штаба. Сейчас можно посмотреть эти полуразрушенные землянки.

Тут Ягленко, выслушав меня, обращается к Прутовых:

— Анатолий Николаевич, а может, мы попросим Валентина Ивановича и нам надстроить хоть один этаж? Все равно ему отвечать!

Все рассмеялись. Принесли чай. Командир и начальник штаба дивизии были не просто довольны, а шокированы. Они слышали, что у нас идет возня с благоустройством, но такого не ожидали: военный городок обнесен прекрасным ограждением, при выезде огромный КПП и механически открывающиеся ворота, широкая бетонированная дорога и через 10–12 метров, слева, — прекрасное здание штаба. Конечно, нам было чем гордиться. Тем более что все преобразования происходили на общем фоне улучшения дисциплины и повышения уровня боевой подготовки. Учтите, читатель, ведь это все делалось более 40 лет назад.

Были у нас и огорчения.

14 января 1960 года Верховный Совет СССР с подачи Хрущева принял закон о сокращении Вооруженных Сил страны в одностороннем порядке на 1,2 миллиона человек. Старшее звено офицеров знало, конечно, что в армии и на флоте ожидается сокращение, но чтобы это делалось так резко и в таких масштабах, — никто не ожидал. Разумеется, по линии ЦК через политорганы проводилась разъяснительная работа. Было рекомендовано в каждом полку и отдельном батальоне провести митинги в поддержку этой политики.

Проводили митинги и мы. Открывал и первым выступал, как водится, командир полка. Я так же, как и остальные, говорил: «Мы целиком и полностью поддерживаем политику нашей партии и правительства. Считаем, что решение о сокращении

Вооруженных Сил на миллион двести тысяч человек принято своевременно и крайне необходимо. Чтобы наша боеспособность не снижалась, мы обязаны еще лучше проводить занятия по боевой и политической подготовке, неустанно укреплять воинскую дисциплину и повышать уровень боевой готовности». И так далее в том же духе.

На митинг приехало много начальства из дивизии, в первую очередь, из политотдела вместе с начальником полковником Толочко. Был офицер из особого отдела. Никто из них не выступал, но все внимательно следили за тем, что и как происходит. Закончился митинг, подразделения развели на занятия, разошлись остальные. Ни у кого не было не только приподнятого, но и нормального настроения.

Я подошел к Толочко и спрашиваю:

— Ну, что — все?

— Да, наверное, все. Вот только на занятиях надо бы организовать разъяснение…

— А что разъяснять? — перебил его начальник штаба полка Песков. — А главное — как объяснить людям все это?

Песков всегда был прямолинейный, но честный и добросовестный офицер. Чтобы выйти из сложившейся ситуации, я бросаю Толочко «спасательный круг»:

— Очевидно, сегодня-завтра политотдел дивизии разошлет в части методическое пособие по этому вопросу?

— Да, да, конечно. Завтра вы получите.

Наконец, все разъехались и разошлись. Прежде чем идти в штаб, где у меня были дела, я отправился в клуб «на стройку века», как ее окрестили солдаты, потому что он капитально переоборудовался, работы шли форсированными темпами — полк не мог жить без клуба. Захожу в помещение и вижу Дворкина — нашего начальника медслужбы.

— Доктор, а вы-то чего здесь?

— Жду вас. Я знал, что вы сюда придете.

— Что-то случилось?

— Нет, я просто хотел поговорить с вами в той манере, как вы всегда мне разрешаете, то есть откровенно. Я уже понял, что вам в полку даже не с кем поделиться мыслями: наш замполит — пустое место, начальник штаба — весь в бумагах, первый заместитель — в своих личных проблемах, другие тоже не близки.

— Так чего же доктор хочет на этот раз?

— Доктор хочет, чтобы вы облегченно вздохнули, что митинг проведен, и все. И больше к этой проблеме можно не возвращаться.

— Почему?

— Потому что и школьнику ясно, что это удар по Вооруженным Силам. Чтобы снять напряжение, я проведу маленькую аналогию между вашим выступлением на митинге и моим разговором с Феликсом (Феликс — его сын лет шести-семи, очень развитый мальчишка). Так вот, он мне как-то говорит: «Папа, а почему когда ты разговариваешь с командиром полка, то весь меняешься и голос у тебя другой и ты через два-три слова все время повторяешь: товарищ полковник, товарищ полковник? А когда ты говоришь с другими, то становишься обычным». А я ему отвечаю: «Ты что же хотел, чтобы я с тобой говорил как с командиром полка?» А он мне ответил: «А что? Было бы неплохо! Ну если уж не со мной, то с подчиненными или такими же майорами. Но ты, как артист, сыграл свою роль и опять стал самим собой».

— Здорово он вас, доктор, причесал!

— Это верно. Но я к чему клоню? Только вы не обижайтесь. Ведь и я, и вы, и все остальные свою роль могут играть так, чтобы все выглядело естественно. Я, наверное, перехватываю через край, когда оказываю долг вежливости вам и другим начальникам. Вы это видите, но мне, по определенным соображениям, не говорите. А сын мне это говорит. Вот и я вижу, что вы на митинге перехватили через край и сами чувствуете это. Особенно вот это: «Мы целиком и полностью поддерживаем…» Хотя можно было бы просто: «Мы поддерживаем…» Суть та же, но этой ложной страсти, псевдопафоса уже нет. Ведь в душе люди думают о другом. Или еще: «Решение своевременное и крайне необходимое…». Ведь ни то, ни другое не соответствует действительности. И вы это знаете. Мы просто обязаны выполнять решение партии и правительства. Но что сказано, то сказано. Я только хочу вас попросить: выбросьте все это из головы, делайте свое любимое дело — и вам станет легче.

— Хорошо, доктор. Только я думаю, что ни вам, ни мне нет смысла касаться этой области.

— Согласен. Но я завел разговор лишь для того, чтобы у вас на сердце полегчало.

Мы с Дворкиным расстались. Он пошел к себе, а я, дав необходимые распоряжения строителям, отправился в штаб. Шел и думал. Конечно, доктор прав: можно было выступить сдержаннее. Солдаты еще воспримут, а офицеры задумаются. И без этого Никита уже наломал дров, а теперь рубанул Вооруженные Силы. Да, сам факт того, что майор Дворкин заговорил на эту тему, — уже показатель настроения офицеров. С этой «своевременностью» и «крайней необходимостью» я явно «вляпался». Надо в пропаганде сосредоточить внимание на

другом — коль Вооруженные Силы сокращаются, то оставшаяся часть должна повысить свой уровень подготовки. Но я был доволен тем, что у нас присутствует дух откровенности, что продемонстрировал Дворкин.

Думал также и о том, как странно иногда распоряжается судьба человеком. Вот взять майора Дворкина. Прекрасный врач-терапевт, делает и несложные операции, замечательный психолог, незаменимый администратор и организатор, любит людей — постоянно бродит по казармам, беседует с солдатами. Умный, хороший человек. А его начальник, дивизионный врач, подполковник мед-службы Финкель, — полная противоположность. Тупой, как пуговица, вообще ничего не смыслит в медицине, нулевой организатор. Народ над ним смеется. Но они одинакового возраста, одновременно кончали мединститут, затем прошли военную переподготовку, оба евреи, однако дурак ходит в начальниках, а умница — у него в подчинении.

Да, Дворкин молодец, что сказал все. Надо мне быть более осмотрительным.

Вторым огорчением в это же время был раздор между мной и заместителем командира дивизии полковником Пащенко, у которого я в свое время в Мурманске принимал 56-й стрелковый полк. Он нагрянул на наше полковое стрельбище в самый разгар работ по его электрификации. Фактически стрельбище было разворочено, а конца работам не видно. Мы договорились с соседним 10-м мотострелковым полком, что он будет выдавать нам два дня (пятницу и субботу) на период ремонта нашей учебной базы. Кроме того, у нас был стометровый тир, где постоянно стреляли из малокалиберного оружия. То есть навык не утрачивался. Но продолжать боевую учебу с таким стрельбищем, как у нас, нельзя. Представление мишени по старинке показывали солдаты из блиндажа, как говорится, дальше некуда.

В то же время на дивизионном складе уже с год лежит огромное количество подъемников мишеней. Не было только кабельного хозяйства и пультов управления. Последние мы изготавливали сами, а кабель и провод нам дали моряки. Пащенко приехал и ахнул:

— Вы что натворили? Кто дал вам право прекращать огневую подготовку? В самый разгар боевой учебы вы прекратили все стрельбы, и, когда они возобновятся, совершенно неизвестно! Вы меня игнорируете, но у командира дивизии вы спрашивали разрешение на переоборудование стрельбища?

— Нет, не спрашивал. Это действительно моя ошибка. Но

огневая подготовка в полку не прекращена.

И я рассказал, как организована учеба и что примерно через полмесяца мы намерены стрельбище запустить. Пащенко схватился за голову:

— А если нагрянет инспекция? Да и вообще, стрельбище не работает целый месяц! Где это видано?! Нет, к вам надо принимать меры. Только приступил руководить полком — и столько уже наворочал.

Пащенко уехал, даже не попрощавшись. А я думал — звонить или не звонить командиру дивизии о скандале? Решил не звонить, но через два-три дня узнал от Анатолия Николаевича Прутовых, что Пащенко докладывал комдиву о нашем стрельбище. Прутовых ответил ему, что в отношении стрельбища ему действительно никто ничего не докладывал. Тогда Пащенко стал склонять комдива к решению проверить ход боевой подготовки в полку, но поддержки не получил. Комдив якобы сказал: «Рано. Тем более что по вопросам боевой готовности полк недавно проверила армия».

Действительно, на пятый-седьмой день моего пребывания в полку нас поднимали по тревоге, и мы выдвигались в запасный район сосредоточения, где получали боевую задачу. Руководил всем этим первый заместитель командующего армией генерал-майор Василий Иванович Давиденко, который когда-то в Мурманске командовал 67-й стрелковой дивизией, а сейчас, после окончания Военной академии Генерального штаба ВС, вернулся в Заполярье и выступал уже в новом качестве. Опытный военачальник, глаз у него «набитый», сам быстро разбирается в обстановке и особенно в кадрах. Может «зажать» капитально вопросами и сложными задачами. Но если видит, что подчиненный старается решить эти задачи и не расползается, как парафин в жидком состоянии, то его поддерживает и даже помогает. Хорошее, но, к сожалению, редко встречающееся у начальства качество.

Так вот, по тревоге мы вышли в назначенный район, однако много техники осталось и в парке, и по пути в район сосредоточения. Причин было много: неисправность двигателей и ходовой части, аккумуляторов, слабая подготовка механиков-водителей. Были и другие «грехи». А все это важнейший показатель. Мы его не выполнили, следовательно, не могли претендовать на положительную оценку. Это, конечно, было большим огорчением. Но мы сделали все, чтобы вытянуть и собрать технику в полевых условиях: натянув палатки, организовали ремонт техники, как на войне.

Все это оказало влияние на проверяющих, и генерал

Давиденко, делая разбор и подводя итоги, сказал, что фактически в оценку мы не вошли, но у комиссии сложилось твердое убеждение, что полк в ближайшее время подтянется. Конечно, не уложиться в оценку, а по существу получить двойку, радости мало. Но то, что нам верят и на нас надеются, на нашем моральном состоянии сказалось положительно.

Однако вернемся к тому, что произошло у нас с Пащенко. К сожалению, вместо того чтобы помочь нам в реконструкции стрельбища, он старался при каждом случае «лягнуть» полк. Это не могло продолжаться бесконечно, и я вынужден был на первом же партактиве выступить и «влить» ему так, как он это заслужил. Внутренне я чувствовал, что делаю, наверное, не то — не следует затевать склоки и разбирательства, надо быть выше всего этого. Но если бы он касался лично меня — можно было бы молчать. Но когда огульно охаивается весь полк, причем постоянно, то терпеть этого было нельзя.

Как бы то ни было, но время шло, и наши дела продвигались. Полк «заболел» борьбой за хороший быт и образцовый порядок. Кстати, обходя вечерами казармы (это было у меня правилом), я повстречал всех своих «субчиков», как их называл генерал Ягленко, которых при расформировании пулеметно-артиллерийского полка на Рыбачьем я отправил в 131-ю мотострелковую дивизию. Виктор Титович Ягленко как-то мне говорит:

— Ну, вот, Валентин Иванович, собрал ты всех «отпетых» и сунул нам в дивизию. А я возьми — да всех в 61-й полк. Кругом сопки, не сбегут. Это же не Печенга. А теперь вот ты и сам к нам пожаловал, и тоже в 61-й. Как же иначе? Надо к своим, их уже знаешь и работать легче.

— Да ладно уж товарищ генерал.

— Чего — ладно? Знаешь поговорку: «Не плюй в колодец…»? Вот так-то.

Хорошо, Прутовых поддержал:

— Валентин Иванович поправит дела. А мы ему поможем.

Так вот, обходя вечерами казармы и встречая знакомые лица, я чувствовал, что они тянутся ко мне, как к родному. Конечно, я подолгу с ними беседовал, мы вспоминали Рыбачий, говорили о том, как сделать, чтобы легко служилось и весело жилось. Находил у них поддержку, а это очень важно получить поддержку тех, кто когда-то нарушал порядок.

Вдруг в апреле 1960 года мы получаем известие — сокращается ряд управлений военных округов, в том числе и наш Северный военный округ. Войска округа в полном составе передаются в Ленинградский военный округ (ЛенВО).

Естественно, приезжают приемные комиссии. На нашу 6-ю армию старшим приехал первый заместитель ЛенВО генерал-полковник Михаил Петрович Казаков и начал работу по приему войск с нашей 131-й мотострелковой дивизии. В программу входила и проверка боевой готовности.

В начале мая 1960 года среди дня подняли дивизию и приказали вывести в запасный район. Казаков приехал к нам только с двумя офицерами — своим и из штаба дивизии, который знал дислокацию войск. Полк поднялся хорошо и полностью вышел из военного городка. Генерал обошел весь парк — ни одной боевой машины не было обнаружено. Это, конечно, показатель. Затем приказал отвезти его в запасный район. Я следовал впереди, он, тоже на «газике», — за мной. Свернули с основной магистрали и, проехав 100–150 метров, остановились на сопке с плоской верхушкой (в виде площадки). Отсюда практически просматривался весь район полка, и я подробно доложил генерал-полковнику Казакову, где расположено каждое подразделение, и подсказал, что штаб полка рядом с нами, у подножия этой сопки. Но, чтобы туда попасть, надо проехать вперед, потом по этой же полевой дороге сделать петлю, и тогда мы окажемся внизу.

— А зачем ехать? Спустимся здесь прямо вниз и будем в штабе. Я вижу людей и блиндажи.

— Товарищ генерал, это не безопасно — уклон большой, около 40–45 градусов, да к тому же наст очень скользкий. Лучше проехать. Это минутное дело, — попробовал я отговорить его от затеи, но он был неумолим:

— Что вы за кисейные барышни? Ведь вот он штаб, рукой подать! Под самым носом, а вы предлагаете делать крюк, объезжать.

— Но, понимаете, слишком уж крутой склон. Здесь невозможно благополучно спуститься…

— А, ну вас! — махнул генерал рукой и решительно сошел с дороги. Не успели мы что-то предпринять, как он уже сделал несколько шагов по склону, разумеется, сразу поскользнулся, свалился, как сноп, и, выставив вперед ноги, помчался вниз со скоростью звука. При этом полы шинели задрались и во время спуска развевались сзади, как шлейф у длинного старомодного женского платья, а черные сапоги и синие брюки с ярко-красными генеральскими лампасами расчищали путь. Папаха, естественно, свалилась и катилась за ним. А он, как на митинге, размахивая руками, кричал:

— Не турки — турки, а вы — турки!!!

Естественно, мы все, не раздумывая, в тот же миг бросились

вниз и кубарем полетели следом за генералом. Внизу помогли ему привести себя в порядок, а он, топая ногами, требовал, чтобы его немедленно отвели к начальнику штаба полка. Я предложил ему идти за мной.

Можете себе представить: прошло лишь несколько минут, как штаб уже втянулся в свой район. Еще не только не расставили в блиндаже полевую мебель, не растопили печки и не наладили освещение, но кое-где еще даже не очистили от снега сам вход в блиндаж, а штаб уже действовал.

Начальник штаба полка подполковник Песков, встретив нас, доложил генералу, что штаб прибыл в район в полном составе и размещается. Радиовыносы из боевых машин (точнее, из ГТС) делаются, проводная связь проверяется.

Генерал сурово и коротко:

— Карту! Буду ставить задачу.

Песков попросил разрешения поставить стол прямо у блиндажа, развернуть карту и приступить к работе.

— Нет, все это будем делать в блиндаже, — сказал Казаков и двинулся вперед. Все за ним. В блиндаже темнота, лишь с трудом можно различить солдата у печки, который безуспешно пытался ее разжечь. Наконец наладили свет, генерала усадили за стол и развернули перед ним карту. Песков дал команду:

— Пробить дымоход.

Солдаты завозились. Двое выскочили из блиндажа. Видно, всем хотелось, чтобы в блиндаже было тепло, поэтому никто не обращал внимания на карту, все наблюдали за действиями солдат. Генерал изредка задавал вопросы, а Песков пояснял. Оказывается, солдаты, очистив вокруг трубы снег, должны были шестом, который имеется в каждом блиндаже, прочистить от снега дымоход, а затем в него бросить сверху вниз обильно политые бензином клочки подожженной пакли или ветоши. Эти «заряды» быстро ликвидировали в трубе пробку холодного воздуха, и тяга стала налаживаться. Через пять-семь минут печка уже испускала долгожданное тепло.

— Приступим к работе, — сказал Казаков. — Начальник штаба, доложите, куда должен был выйти полк, в какие сроки и как в действительности это выглядит.

Пока Песков докладывал по карте задачу, которая стояла перед полком (фактически это план подъема и выхода полка по тревоге), в это время два офицера штаба обзванивали подразделения и уточняли обстановку. Затем заместитель начальника штаба доложил, что все подразделения в полном составе вышли в район сосредоточения, через час будет выдана горячая пища (нас подняли по тревоге до завтрака). Вижу, что

генерал уже малость «отошел», сменив грозный вид на милость.

— Понятно, понятно. Я поеду в штаб дивизии, а вы, — обратился он к своим полковникам, — здесь все посчитайте — и в середине дня чтобы были у меня с докладом.

В целом все прошло нормально. И если бы не этот эпизод с генеральским «полетом» по склону сопки, то вполне можно было бы считать, что никаких происшествий не случилось.

Наши войска были приняты в состав Ленинградского военного округа с принципиальным заключением: «Боеготовы». А через несколько дней командиры дивизий уехали на сборы, которые проводились в Бобочино, под Ленинградом, командующим войсками Ленинградского военного округа генералом армии Н. И. Крыловым.

Николай Иванович Крылов — поистине легендарная личность. Он приблизительно ровесник Чуйкову и Гречко, но об этих полководцах пишут достаточно много и они этого заслужили (кстати, все — дважды Герои Советского Союза), а вот о Николае Ивановиче сказано мало. Однако под Сталинградом он был начальником штаба 62-й армии (позже она стала 8-й Гвардейской) и даже несколько месяцев, до прихода В. И. Чуйкова, исполнял обязанности командующего армии. Затем в ходе Великой Отечественной войны успешно командовал 21-й и 5-й армией. Его войска отличились при форсировании Березины и в Восточно-Прусской операции, за что он получил Золотую Звезду Героя. А вторую такую звезду ему вручили за классическую операцию по разгрому Квантунской армии милитаристской Японии на Дальнем Востоке. После войны командовал Дальневосточным, Уральским, Ленинградским и Московским военными округами. Но самое главное — он родоначальник Ракетных войск стратегического назначения. Прокомандовал ими почти 10 лет, являясь главнокомандующим РВСН — заместителем министра обороны СССР. События 1937–1938 годов в отношении военачальников обожгли и его жизнь. В личной беседе он рассказывал, как работал грузчиком на Волге — носил четырех-пятипудовые мешки. «Вот поэтому у меня и такие ноги,» — говорил он. А ноги у него действительно были мощные. Да и вся фигура — внушительная, сильная, лицо с крупными чертами, очень внимательные глаза, — все производило ощущение большой силы. Это был самородок — крепкий и духом, и телом. Имея за плечами высшее образование (окончил институт), он военную подготовку прошел только на курсах «Выстрел» и все. Однако много работал самостоятельно и в оперативном искусстве был незаурядной личностью. Неспроста Малиновский, являясь министром обороны СССР, в одной из характеристик на Крылова сделал такую запись: «Военных академий не кончал и в них не

нуждается».

Личная встреча у нас произошла летом 1960 года. Мы уже привыкли к своему новому положению — к тому, что находились в составе Ленинградского военного округа (ЛенВО). Как-то звонит комдив и говорит, что в Мурманск в штаб армии приехал командующий войсками ЛенВО и намеревается поехать к нам в Печенгу.

— Смотри, будь начеку. Ты же знаешь машину командарма — черный ЗИМ. Ну, вот эта машина и, я думаю, еще пара «Волг» за ним будут мчаться. Как увидишь «кавалькаду» — значит, он. Однако вам позвонят, когда выедут.

Естественно, я обошел все свое «хозяйство», дал необходимые указания. Побывал на стрельбище (а это буквально через дорогу), вижу — занятия организованы хорошо. Успокоился, поднялся к себе в кабинет и, ожидая звонка, стал готовиться к возможному докладу. И хотя знал обстановку хорошо, детали все-таки уточнял — командующий войсками все может спросить. Вдруг — звонок. Беру трубку:

— Слушай, — говорит Ягленко, — там у них в Мурманске чудеса: говорят, что потеряли командующего войсками округа. Мотор забарахлил, и, пока ремонтировали ЗИМ, генерал армии Крылов исчез, и никто не знает, где он.

— Я этого не представляю. Там же есть служба? Не мог же он выйти незамеченным!

— Я тоже так думаю. В общем, начало его поездки хреновое, не в нашу пользу.

Это меня взвинтило: как можно потерять командующего? Что он вообще подумает о войсках, если даже в штабе армии такой базар?! Человек первый раз к нам приехал, а мы — как пошехонцы. Сидел, чертыхался, никакие мысли о докладе вложить в голову было уже невозможно.

Как потом выяснилось, все произошло весьма прозаично. Все начальники бросились на ремонт ЗИМа. Оставшийся за командарма (командарм Лосик был в отпуске) его первый заместитель генерал В. И. Давиденко усадил командующего войсками округа в кабинет командарма, дал ему свежие газеты, чай и сказал, что придет за ним, как только приведут в порядок машину. И ушел заниматься этой проблемой. Крылов ждал-ждал, а потом вышел из кабинета (адъютанты в это время отлучились), спустился к выходу, никого не встретив в коридоре, и вышел на улицу. Часовой — молодой солдат — отдал честь при виде генерала, а генералов не проверяли. У подъезда стоял старый, замызганный «газик». Крылов открыл дверцу и спрашивает водителя:

— Машина исправна?

— Так точно.

— Заправка на сколько километров?

— Километров на 200–250.

— Дорогу в Печенгу знаешь?

— Так точно. Ездил туда много раз.

— Поехали!

Командующий забрался на сиденье рядом с водителем, и машина покатила. Конечно, солдат, впервые увидев такого начальника, да еще дважды Героя, обомлел и машину вел старательно. Однако, выехав из города, генерал ему сказал всего одну фразу за всю поездку, как выяснилось позже: «Что ты едешь еле-еле, вроде молоко везешь! Ну-ка, давай повеселее, а то я усну!» Ну и водитель нажал на все педали!

Предчувствуя недоброе, я вышел из штаба, прошел контрольно-пропускной пункт и направился на стрельбище. Машинально посмотрел на дорогу. Справа на затяжном крутом спуске, с явным нарушением, не обращая внимания на установленный знак ограничения скорости, мчался «газик». «Вот же, разгильдяй, — подумал я. — Ведь это же ЧП. Как подъедет, «волью» и водителю, и старшему машины». Остановился у дороги и стал поджидать. Метров за сто я уже стал угрожающе махать рукой, а в 30–50 метрах погрозил кулаком. «Газик» промчался мимо меня, как метеор. Но вдруг начал резко тормозить, так что его даже немного развернуло. «Ну, я им сейчас дам!» — подогревая себя, я быстро шел к «газику». Тут передняя дверца у машины открылась, однако никто не появлялся. Я подошел, и первое, что бросилось в глаза, были лампасы, четыре генеральских звезды на погоне (генерал армии), две Звезды Героя Советского Союза и большая планка государственных наград. «Так это же командующий!» — дошло до меня, и вместо нагоняя лихачам пришлось представиться, как положено по Уставу.

— Вы всех так встречаете — с кулаками? — не удержался высокий гость.

— Товарищ командующий, у нас на этом спуске, который вы проехали, частенько бывают дорожные происшествия из-за того, что водитель не может справиться с управлением. Поэтому мы перед спуском поставили два знака: предупредительный, что сильный уклон, и второй — ограничивающий скорость до 50 километров. У вашей машины скорость была в два раза больше. Это вынудило меня к таким жестам.

— Понятно. Но у меня классный водитель.

Я глянул на солдата — грязный, зачуханный, просто срамота. «Где он такого выкопал?» — подумал я, но ничего не сказал. А

солдат, не поворачивая к нам головы, хитровато смотрел прямо.

— Вы думаете, — продолжал командующий, разглядывая солдата, — что на лице и на руках — это грязь? Нет, это веснушки.

Несмотря на массивную фигуру и вес, командующий легко вышел из машины и спросил:

— Значит, это первый полк вашей дивизии по пути из Мурманска в Печенгу?

— Так точно.

— Вот и хорошо. Пойдем и познакомимся. А что за стрельба под сопками?

— Это наше стрельбище. Идут занятия.

— Мы туда не пойдем. Меня интересует, как устроены солдаты и офицеры, какие условия жизни, быта и учебы. Пойдем в городок.

На ходу генерал сказал мне, чтобы никто никаких команд не отдавал — все должны заниматься своим делом. И чтобы никто не звонил ни в Мурманск, ни в Печенгу о том, что он здесь. Я знаком подозвал к себе дежурного по полку и, немного приотстав, передал ему вполголоса распоряжения командующего.

Перед нами открылись ворота. Командующий вошел в черту городка и остановился, не задавая никаких вопросов. Долго и внимательно рассматривал все строения. Я попытался давать пояснения, но он меня остановил и сказал, что все видит. Затем зашел на КПП, детально рассмотрел все комнаты (видимо, ему особенно понравилась просторная и уютная комната для посетителей), спросил, как мы поступаем с родителями, которые не могут в этот же день уехать. Я доложил, что у нас большая и удобная гостиница, хоть и барачного типа.

Пошли в штаб. Там командующий посмотрел только первый этаж, а на второй подниматься не захотел, о чем я очень сожалел. Но в нарядном вестибюле его внимание, конечно, привлекло торжественно оборудованное место для знамени полка. Тем не менее он спросил, почему у нас в одну сторону коридор до конца открыт, а с другой стороны — только первые два кабинета, а далее все перекрывается дверями. Я пояснил, что эти два кабинета занимает дежурная служба (дежурный по полку и дежурный по штабу полка), остальная же часть занята офицерами технической службы и тыла, к ним вход с торца здания. Мы вышли из помещения, обошли вокруг. Командующий, похлопывая по свежему брусу дома, спрашивает:

— Когда поставили?

— Месяц назад.

— А кто складывал?

— Наша саперная рота.

— Мастеровые ребята.

Дальше командующий с удовольствием прошелся по бетонной широкой и длинной центральной дороге (по ее обочинам мы посадили небольшие березки) и по плацу. Потом мы отправились в городок и внимательно осмотрели весь жилой фонд для офицеров, зашли даже в две квартиры, чем вызвали переполох у хозяек. Точно так же обошли солдатские казармы, столовую и клуб. Лишь так называемый учебный корпус наш гость своим вниманием не удостоил: прочел крупную табличку, улыбнулся, но в помещение не вошел, о чем я также сожалел: конечно, барак есть барак, но внутри у нас начинка была не хуже, чем в полках под Ленинградом.

— Ты лучше расскажи мне, — командующий перешел на «ты», — вообще о жизни солдатской, офицерской, их семьях, о климате, обеспеченности, чем занимаются в свободное время?

И я, прохаживаясь по плацу, начал рассказывать обо всем, что интересовало командующего. Вдруг распахиваются ворота и к нам въезжают две «Волги». Из одной выходит генерал Давиденко и — к нам. Извиняется перед командующим, а мне грозит: почему не доложил, что командующий в полку? Тут, простите за тавтологию, Крылов взял меня под крыло:

— Это я приказал не докладывать. Но как вы меня нашли?

— Начал обзванивать всех и у дежурного по полку узнал, что вы уже два часа здесь. Я ехал полтора часа. Они хоть догадались вас покормить обедом? Время-то уже подошло.

Конечно, я уже все предусмотрел, но командующий вдруг говорит, что обедать будем на берегу реки, там, где офицеры иногда занимаются рыбалкой. Услышав это, я дал команду начальнику тыла выгнать штабной автобус- фургон командира полка на берег речушки и доставить туда приготовленную еду. А пока мы расхаживали по городку, командующий делился своими впечатлениями. В заключение он сказал:

— Я еще посмотрю остальные полки Печенгского гарнизона и сделаю окончательные выводы, но предварительно решение уже созрело: здесь надо строить капитальный военный городок с отличными жилыми домами офицерам. Одно дело жить под Ленинградом, Москвой или тем более под Киевом, а другое дело — в Заполярье, да еще и в оторванном от мира отдельном полку.

На обед мы поехали к речке. Там все было приготовлено, и даже спиннинги. Командующий сказал, что обед начнется только тогда, когда поймаем хоть одну рыбину. Увы, идти на крючок рыба долго не хотела. Однако судьба все же сжалилась над нами — поймали не просто рыбину, а семгу килограммов на пять-

шесть. На костре в чугунке вода уже кипела, и, пока мы занимались закуской, уха поспела. Николай Иванович всегда ел с аппетитом, обильно. Видать, и сама фигура того требовала.

На прощание командующий войсками сказал, что вот когда мы весь комплекс здесь отстроим, тогда он встретится с офицерами и всем личным составом. А потом вместе с генералом Давиденко отбыл в штаб дивизии в Печенгу. Я же, проводив гостей, пригласил к себе в кабинет заместителей командира полка и подробно рассказал, как проходил смотр всех объектов, подчеркнув заключительные слова командующего.

— Как говорят в народе: «Его бы устами да мед пить». Много было начальников, много обещало, — прокомментировал услышанное Песков.

— Это верно. Но будем надеяться.

И наши надежды оправдались — уже через неделю приехал заместитель командующего войсками ЛенВО генерал-майор Грачев с большой свитой специалистов. Произвели все расчеты у нас и в Печенге, а ровно через месяц начали поступать первые эшелоны со строителями и механизмами. А вслед за ними уже шли строительные материалы, в основном сборные конструкции.

Но тут фортуна опять подкидывает неожиданность — меня назначают заместителем командира 131-й мотострелковой дивизии (т. е. к Ягленко), а на полк ставят Фомичева. Вообще-то это не должно было стать неожиданностью, так как со мной по этому поводу командир дивизии уже беседовал. И все-таки новое назначение было внезапным. И опять расставание с полком, и опять грусть-тоска в душе. Утешало лишь то, что здесь я хоть мог наведываться к своим и далеко от них не отрывался.

В эти же майско-июльские сроки в Петрозаводске ликвидируется управление Северного военного округа. На его базу переезжает управление 6-й армии. А в Мурманск переводится штаб 131-й мотострелковой дивизии, который занимает здание 6-й армии. К этому времени 116-я мотострелковая дивизия расформировывается. В Нагорновском поселке остается один полк — 131-й мсд, а в городе только ее спецподразделения (батальон связи и т. д.). Однако все запасы на 116-ю мсд остаются тоже, а в штат 131-й мсд вводится несколько офицеров (в том числе заместитель командира дивизии — как старший), которые отвечают за мобилизационную работу, имеющую цель — развернуть 116-ю мсд, когда это потребуется.

Итак, штаб дивизии размещался теперь в Мурманске, а следовательно, и квартиры все мы получили в городе. Однако главные силы дивизии оставались в Печенге, и, конечно, ими надо было управлять на месте, а не из Мурманска. В связи с этим

принимается решение о создании оперативной группы дивизии за счет всех ее служб во главе с заместителем командира дивизии, т. е. во главе со мной. Во всех службах предусматривалась ротация офицеров, лишь я оставался на постоянной основе в Печенге. Мне разрешалось иногда на субботу и в воскресенье выезжать в Мурманск к семье. Было сложно. Но другого выхода не было. Однако и это не все. С конца лета 1960-го и до февраля 1961 года включительно у нас не было командира дивизии. Генерала Ягленко назначили заместителем командующего 6-й армией по боевой подготовке, и он уехал в Петрозаводск. Вместо него должен был приехать на дивизию полковник В. К. Мерецков (сын маршала Советского Союза Мерецкова), который был в то время заместителем командира дивизии в Группе Советских войск в Германии. Однако проходит месяц, второй, третий, а он не появляется. Я исполняю обязанности командира дивизии. Естественно, с учетом новой дислокации войск, нового масштаба работы, да еще без одного постоянного руководителя в Печенге, на которого можно было бы положиться, мне приходилось чертовски трудно. Как-то начал переговоры с отделом кадров армии по этому вопросу. Там оказался только Чичвага (уже полковник), мой крестный, который некогда первый предложил мою кандидатуру на пост командира полка. После расформирования Северного военного округа он остался служить в управлении 6-й армии, так как до этого вел это направление и кадры армии знал прекрасно.

Спрашиваю его:

— Что так затянулось с назначением командира дивизии?

— Дело в том, что приказ министра обороны уже будто состоялся и к нам должен был ехать Владимир Мерецков, но, учитывая его «пролетарское» происхождение, сложные климатические условия, а также то, что дивизия по многим показателям «тяжелая» — сейчас его сняли с этого назначения и подыскивают ему дивизию в средней полосе. А сюда начали подбирать там же в ГСВГ нового кандидата.

— Надо бы как-то подтолкнуть все это.

— Да мы стараемся, но было бы неплохо, если бы вы позвонили Лосику.

Конечно, я намеренно не стал звонить тотчас, сразу. Но когда прошло еще два месяца, то в очередном недельном докладе о состоянии дел в дивизии вынужден был спросить:

— Товарищ командующий, уже пять месяцев нет командира дивизии. Скажите, как нам ориентироваться?

— Не беспокойтесь, меры принимаются. Думаю, через две-три недели он прибудет. Кажется, конкретная кандидатура уже

подобрана и включена в проект приказа. В общем, ждите.

И мы ждали. Но, кроме обыденных забот, на все это накладывалось очень крупное сложное мероприятие центра — проведение исследовательского учения на тему: «Наступление мотострелковой дивизии в Заполярье в зимнее время». Руководитель этого учения — маршал Советского Союза В. И. Чуйков, который в то время занимал пост главнокомандующего Сухопутными войсками — заместителя министра обороны СССР. Конечно, такие учения, да еще и такой руководитель требовали, чтобы у дивизии был камандир, а не временно исполняющий обязанности.

Действительно, через месяц приезжает из ГСВГ командовать дивизией полковник Сергей Иванович Молокоедов. У нас была самая горячая пора подготовки к учениям. При этом было не столько сложно подготовиться войскам и штабам, сколько подготовить фонд для размещения всего штаба руководства и исследовательской группы. Всего ожидалось более 150 человек в ранге от полковника до генерала армии, не считая руководителя учениями. И всем нужны удобства и машины. Поэтому все возможное нужно было освободить и провести косметический ремонт. Вроде получалось, хотя комфорта было мало или не было вообще (койка, тумбочка и стул — какой уж тут комфорт?).

А тут нас подстерегла еще и беда. В Печенге, на северной окраине, у красивой громадной скалы стояли два домика, которые считались «резиденцией» Военного совета. Когда приезжали командующий армии или войсками округа и их заместители, то они всегда размещались в этой гостинице. А остальные — в общей гостинице КЭЧ района, которую офицеры в шутку назвали «Метрополь». Два дома — гостиницы Военного совета — выглядели прилично, но мы решили и их «освежить». Но во время работы ремонтники оставили на ночь (а сами, естественно, ушли) включенным электрочайник. Хорошо, что я в это время был в Печенге. Среди ночи меня будят и кричат: «Пожар! Горят дома Военного совета!» Через пару минут я уже был на пожарище, успев отдать распоряжение гарнизонной пожарной команде и в ближайшие полки, чтобы прислали водовозки.

Оказалось, что горят не оба дома, а один, но главный, где должен был располагаться Чуйков. И не полыхал, а горел в одном углу, но уже занялась крыша и огонь быстро распространялся по всему зданию. Прибежавших пожарников мы разделили на две небольшие команды (в доме было два входа — парадный и тыловой). Они должны были войти в дом, набросить на очаги огня одеяла, которыми мы их вооружили, взяв из второго дома, и

погасить пламя огня. Действовать они должны были в течение одной-двух минут, после чего выбежать из дома. А дальше будет видно.

Кое-что нам удалось. Потом подъехали пожарные машины с горячей водой (они зимой у нас всегда на подогреве) и залили крышу. Весь дом был хорошо освещен фарами машин. Открытого пламени не было. Пожарники со своим «оружием» отправились внутрь дома. Я попросил их ничего не ломать, действовать только избирательно,т. е. если требует обстановка. К утру борьба за дом закончилась, и я подвел итоги. Оказалось, что выгорела полностью кухня и соседняя с ней адъютантская комната. Остальное — столовая, кабинет и спальня — не пострадало, если не считать потолков, которые во многих местах были залиты водой и требовали ремонта. Но, вот досада, времени-то нет! Звоню командиру дивизии. Тот, естественно, как новый человек, ничего посоветовать не может, однако считает, что лучше было бы мне позвонить и доложить о случившемся командарму. Ничего не поделаешь — пришлось звонить. Командующий ответил сразу. И я решил его «обрадовать»:

— Докладывает полковник Варенников. Товарищ командующий, у нас в Печенге беда — наполовину сгорел главный дом гостиницы Военного совета.

Трубка долго молчала. Тогда я уточнил:

— Это дом, где предполагалось размещать маршала…

— Что же вы намерены делать?

— Восстанавливать.

— Но ведь времени нет: через неделю-полторы уже начнут заезжать.

— Ничего. Придется поторопиться.

А дальше Олег Александрович долго и подробно мне растолковывал, что надо разобрать несколько вариантов, всем сесть, посоветоваться и отобрать оптимальный, затем на этот вариант составить план восстановления дома, определить сроки и обязательно ответственных лиц, иначе потом и не найдешь, кто виноват, что не выполнена работа. Я несколько раз повторил, что мне все ясно. Однако он продолжал «разъяснять». Тогда я попросил разрешения приступить к действиям, а он в ответ:

— Вы как считаете — командующему войсками округа об этом надо докладывать?

— Думаю, что нет.

— Хорошо. Действуйте.

И мы стали действовать. Дивизионного инженера из оперативной группы я назначил старшим и приказал силами саперного батальона и саперной роты местного мотострелкового

полка быстро и полностью ликвидировать внешние и внутренние последствия пожара, а также сделать инженерную прикидку (черновые чертежи), как ликвидировать последствия за пять дней, какие работы можно проводить параллельно, при этом организовать интенсивную сушку чердака и потолка, да не поджечь вторично! На всякий случай приказал организовать круглосуточную охрану, сам же отправился в город Заполярный — к своим старым друзьям-строителям, прихватив по пути с собой заместителя командира саперного батальона дивизии. Ему вменил в обязанность поддерживать связь со строителями и доставлять все необходимые материалы.

Через неделю дом как в сказке возродился из пепла.

Снаружи блистал, как новенькая игрушка, но внутри еще ощущался запах краски, поэтому постоянно устраивали сквозняки. Мебель и прочее частично обновили, так что все выглядело прилично. Я тем временем уже принимал заместителей, помощников руководителя учения, штаба руководства, исследовательской группы.

Одним из первых приехал генерал армии Жадов — первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками. Конечно, такие фигуры такого масштаба надо было не только принять, разместить, обеспечить транспортом, но еще и чем-то занять. С этой целью я при начальнике гарнизонного Дома офицеров создал группу, которая должна была предлагать различные варианты поездок: по населенным пунктам (Никель, строящийся Заполярный, Луастари, Лиинахамари); по местам боев в годы Великой Отечественной и т. д. Начальнику Дома офицеров поручил лично посмотреть библиотеку кабинета в доме, где остановится маршал, «осовременить» ее.

Наконец все было готово. Дивизию вывели в исходное положение для наступления. Все пункты управления заняты командирами и штабами, все готовы к действиям. Тут мне дают команду, чтобы я прибыл в Мурманск. А в штабе дивизии только дежурная служба — «все ушли на фронт»! Дежурный по штабу говорит, что звонили из Ленинграда и приказали, чтобы я лично позвонил командующему войсками. Командующим уже стал генерал армии М. И. Казаков, а Н. И. Крылов уехал командовать Московским военным округом.

Звоню по «ВЧ» правительственной связи. Отвечает командующий. Я ему представляюсь и говорю, что получил команду позвонить ему.

— Верно. Я такую команду давал, — окая, сказал командующий (он был вологодский). — Какая обстановка?

Я подробно доложил о дивизии, о штабе руководства и

других военачальниках, о том, что мы готовы встретить маршала.

— Вот об этом я как раз и хотел поговорить. Поскольку вы те края знаете хорошо, будьте постоянно с Василием Ивановичем и давайте ему пояснения. Завтра утром он приезжает поездом. Вы встретите его вместе с руководством области и будете его сопровождать. Первым делом его надо повезти в Печенгу, в штаб руководства. Он даст там указания. А потом — по его плану. Учение продлится неделю. В субботу — разбор, а в воскресенье надо организовать ему охоту на медведя. У вас есть медведи? Он любит поохотиться.

— Медведи-то есть, но сейчас такая пора, что сделать это очень сложно.

— В каждом облисполкоме есть отдел, который занимается охотой. Свяжитесь с ним и скажите, что очень надо. Они постараются и сделают. Можете передать просьбу от моего имени. Но чтобы были соблюдены меры безопасности! И, конечно, важно, чтобы убил медведя именно Василий Иванович.

У меня и без медведя было полно забот, а тут еще это! Если бы дивизия не была задействована, то вопросы решались бы проще — офицеры управления дивизии и некоторых полков могли быть использованы для оказания помощи в работе штаба руководства и исследовательской группы (ведь они в этих краях впервые, поэтому их надо консультировать, помогать). Однако все подчистую ушли на учение. Я фактически остался один как перст. Набирал в свою команду работников Домов офицера Мурманска и Печенги, комендатуры, работников КЭЧ и даже прокуратур.

Но коль поставлена задача еще с медведем — поехал в облисполком, познакомился со специалистами этого дела. Говорю: так, мол, и так, нужен медведь живой.

Те смеются:

— Да вы что, военные, неужели не представляете, что в марте у нас в Заполярье охота на медведя вообще исключена?

— Ребята, надо! — сказал я и поведал о свалившейся на мою голову «боевой задаче», добавив, что, очевидно, Василий Иванович Чуйков попросил об этом командующего войсками округа, а генерал армии Михаил Ильич Казаков в свою очередь просит постараться всех их, работников облисполкома. В выходной день.

— Да чего уж там… Надо так надо. Вот только где его взять, этого медведя? В этом году шатунов мало, да и охотиться на них надо с вертолета. Маршал с вертолета никогда в медведя не попадет, даже если тот не будет убегать, а ляжет или сядет. Ну, а найти берлогу с медведем здесь поблизости, да еще после такой снежной зимы, почти невозможно. Но даже если мы ее найдем, то

от дороги до берлоги надо добираться на лыжах километров 10–15.

— Хорошо, — заключил старший из них, — мы возьмемся за организацию «операции», а вы периодически нам позванивайте.

Мы обменялись телефонами, я предупредил, что здесь, в Мурманске, от моего имени к ним будет обращаться начальник гарнизонного Дома офицеров и передавать мне, как продвигается дело.

Утром следующего дня мы встречали Чуйкова на перроне железнодорожного вокзала. Он ехал своим вагоном, прицепленным в хвосте поезда «Москва — Мурманск». На вокзал от области и города прибыли все первые лица, а от военных встретить высокого гостя было поручено мне. Собралось человек восемь-девять. Все-таки член ЦК КПСС, Маршал Советского Союза, дважды Герой, Главнокомандующий Сухопутными войсками, а их подразделений на территории области много. Долг вежливости требовал этого. А потом у нас это было просто принято — оказывать честь крупным военачальникам. Так было и при царях.

Подошел поезд. Я предложил для порядка всем встать в одну шеренгу: на правом фланге — руководство области, а на левом — я. Поезд остановился, и мы оказались прямо против вагона маршала. Двери у всех вагонов открылись, и пассажиры посыпались на перрон. А наш вагон закрыт. Ждем пять минут — никакого шевеления, десять минут — полная тишина, даже окна зашторены. Кто-то говорит, что поезд скоро погонят в тупик. Может, они там спят? Я подошел к двери и громко постучал. Через пару минут дверь открылась и появился офицер для особых поручений Главкома полковник Косенко:

— Вы чего, товарищи, волнуетесь? Маршал собирается.

Подошел председатель облисполкома Н. Ломакин и говорит ему, что мы прибыли встречать и что надо бы доложить маршалу. Косенко предложил пройти. Ломакин направился к маршалу, однако буквально через полминуты выскочил, махнул рукой и пошел на выход. В дверях появился Василий Иванович:

— Чего вы собрались? Вам что, делать нечего? Мне просто за вас неудобно. Вот полковник пускай останется, а остальные — свободны. У всех же есть работа.

Много лет спустя, когда я был уже генералом армии и, как и Василий Иванович Чуйков, депутатом Верховного Совета СССР, я напомнил ему все эти «картинки». Благо что во время раздельного заседания палат наши места были рядом (видно, кто-то в аппарате знал наши близкие отношения). Мы усаживались, и он говорил:

— Давай, рассказывай про меня. Они пусть там выступают, все равно проголосуем единогласно. А ты лучше обо мне.

И я ему про него рассказывал. А знал я много — и лично видел, и еще больше — со стороны, товарищи муссировали. Не исключаю, что кое-кто добавлял и от себя, но, зная характер Василия Ивановича и его «изысканные» выражения, ничего отвергнуть было нельзя. Однако маршал отсеивал то, что ему не нравилось, и прямо мне говорил: «Это ты врешь. Такого не было. Или было не так, как ты рассказываешь». А если байка была в его пользу, он говорил иначе: «Да, припоминаю. Это было». Иногда же он охотно добавлял к тому, что было сказано мной.

Вот и с этим случаем в Мурманске. Изложил ему все доподлинно, как было, а он знай твердит свое:

— Такого не могло быть! Я вышел, со всеми поздоровался, поблагодарил, что встретили, и посоветовал всем действовать по своим планам. Вот так могло быть.

Очевидно, когда на его же поступки смотришь со стороны его же глазами, то они вызывают как минимум критические замечания. И в данном случае — конечно, его поведение выглядело не только нетактично, но и грубо. И Василий Иванович то ли действительно запамятовал, как было, и преподнес этот эпизод в том виде, каким должен был быть. Или же, стараясь хоть сейчас как-то сгладить досадную ошибку, решил несколько «закруглить углы».

События военного или послевоенного периода в Группе оккупационных войск в Германии, которые бросали на него тень, он напрочь отвергал. Эту его реакцию еще можно было «списать» на то, что он не помнит. Но когда и относительно недавние события вызывали у него сомнения, то здесь уже явно проглядывало стремление задним числом поправить свою оплошность или нетактичность. Хотя в ряде случаев, не отвергая сам факт, он добивался от меня признания, что он в принципе был прав. Вот два примера.

Как-то Василий Иванович, уже будучи главкомом Сухопутных войск, проводил в Ленинграде научно-практическую конференцию. Командующий войсками округа вызвал весь руководящий состав. Присутствовал и я, являясь командиром армейского корпуса. Разбиралась проблема действий фронта на приморском направлении. И в качестве примера была взята группировка ЛенВО. С докладом выступил В. И. Чуйков. Все шло нормально, но в одном месте Василий Иванович оговорился и вместо «Ботнический» сказал: «Ботанический залив». Полковник из числа его помощников, находясь рядом за столом, из самых хороших побуждений потихоньку ему говорит: «Ботнический

залив». Чуйков взорвался:

— Я сказал: «Ботанический залив», значит, «Ботанический». И вы мне не мешайте!

Инцидент для полковника закончился благополучно. Может, потому, что это была научная конференция, а наука требует интеллигентного подхода. В других условиях его бы маршал выгнал, это точно.

Когда я напомнил Василию Ивановичу об этом случае, он отреагировал однозначно:

— Ну, скажи мне: что он сует свой нос туда, куда его не просят? Я делаю доклад. Я мог оговориться, как и любой. Зачем же заострять на этом внимание?

Вообще в принципе Василий Иванович был прав, но настаивать на своей оговорке было не обязательно.

А вот другой пример. Главнокомандующий Сухопутными войсками проводит показное занятие на тему: «Оборона мотострелкового полка» — на базе Московского военного округа. Я в это время был в Москве на сессии Верховного Совета РСФСР (служил в ГСВГ). Поскольку сессия закончилась, военных депутатов тоже пригласили на эти занятия, подготовленные специально для руководящего состава. Мы приехали задолго до начала занятий и вдоль «полазили» по обороне, посмотрев отдельные ее элементы. Конечно, все было сделано здорово. И в плане защиты от оружия массового поражения, и в противовоздушном, и в противотанковом отношениях, и в целях совершения маневра силами и средствами и т. д. Все было сделано добротно и красиво, как на плакате. Конечно, это был большой труд.

В установленное время все были построены. ПриехалВ. И. Чуйков. Его первый заместитель А. С. Жадов доложил, что все к занятиям готово. Главком не торопясь обошел всех, поздоровался за руку с каждым, отошел в сторону и начал осматривать оборону, а посмотреть, как я уже говорил, было на что. Вдруг, откуда ни возьмись, вынырнул небольшого росточка генерал-майор и, обратившись к Чуйкову, начал бодро:

— Представитель инженерных войск генерал-майор…

Василий Иванович перебивает его:

— Мне работники нужны, а не представители.

— Да я, да мы работали день и ночь, не спали…

— Ну, и дурак, ночью надо спать.

Бедненький генерал, понурив голову, боком, боком отошел в сторону и исчез так же, как и появился. Приступили к занятиям, но настроение у всех было испорчено.

И этот эпизод я тоже Василию Ивановичу рассказывал, в том

числе и о настроении. Он подумал и говорит:

— Вот скажи откровенно: если ты опоздал в строй, если уже фактически приступили к занятиям — какого черта ты лезешь? Встань тихо в строй и занимайся со всеми. Может, я и не так буквально сказал — это уж ты накрутил, но в принципе же я прав?!

Действительно, с ним надо было соглашаться. Порядок есть порядок. Тем более в армии. И это вовсе не солдафонщина, а именно дисциплина. Конечно, я понимаю, что генералу тоже хотелось, чтобы маршал пожал ему руку, но получилось все наоборот. Но и Василию Ивановичу можно было бы несколько полегче. Можно и нужно взыскивать за служебные промахи, но не смей при этом унижать подчиненных. Они ведь не могут ответить тем же.

Я частенько задумывался: отчего он такой грубый? Может, сама жизнь сделала его вот таким? Если взять хотя бы только главные вехи его жизни, то можно представить, как это все отразилось на характере маршала: 18-летним красноармейцем участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа эсеров в Москве (1918 год); прошел всю гражданскую войну; получив необходимую подготовку, в 27 лет был отправлен в Китай военным советником, участвовал в освободительном походе в Западную Украину (1939 г.) и в финской кампании (1939–1940 гг.); вновь направляется в Китай (1940–1942 гг.) уже в качестве военного атташе; прошел всю Великую Отечественную войну и, конечно, важнейший ее этап — Сталинградскую битву. Возможно, все это наложило отпечаток на его характер. Но, видно, только очень твердые люди, особенно командиры и командующие, смогли удержать Сталинград и, окружив и уничтожив огромную группировку противника, переломить весь ход войны в целом. Таким твердым, как гранит, и был В. И. Чуйков. Когда говорят: «Чуйков» — сразу эта фамилия ассоциируется со Сталинградом. И наоборот. Но что странно — Чуйков за Сталинград Героя Советского Союза не получил. Он был награжден орденом Ленина. Однако это показатель. Нельзя исключать, что во всем этом определенную роль сыграл его характер. Дело в том, что у Чуйкова стиль отношений с начальниками всех рангов был такой же, как и с подчиненными. И все же за войну он дважды получил Героя, имел 9 орденов Ленина, 4 ордена Красного Знамени и, что очень важно, три ордена Суворова первой степени, плюс другие ордена. Я не знаю больше ни одного полководца, который бы имел три ордена Суворова первой степени. Это показатель! И хочу еще раз подчеркнуть, что он только внешне казался грубым, слова у него

часто были, как полено, но при этом он был очень человечным, честным и весьма обязательным. Однако терпеть не мог лжи: если кто-то однажды ему солгал, то уже никогда не отмоется. Презирал и слабых: если на кого-то гаркнет и тот сразу скис, он станет его «добивать». Но если устоял или тем более дал сдачу — все нормально, будет относиться с уважением.

Но вернемся в Мурманск, на перрон вокзала. После «приветственного слова» маршала всех сдуло как ветром. Я, естественно, остался — такая уж участь.

— Ты кто? Заходи в вагон.

— Заместитель командира 131-й мотострелковой дивизии.

— Это дивизия, с которой я провожу учение?

— Так точно. Мне, товарищ маршал, приказано находиться с вами и давать пояснения в части местных условий и наших войск.

— Интересное дело. А зачем тогда мне штаб руководства?

— Но штаб руководства здесь впервые, как и вы. А я уже служу здесь седьмой год.

— Ишь ты какой! А где еще служил?

— Начинал службу под Сталинградом в 1942 году в62-й армии. Закончил войну в Берлине в 8-й Гвардейской армии. Пять лет служил в Группе оккупационных войск в Германии. Год в Киевском военном округе, а после академии направили сюда.

Василий Иванович «потеплел», что мне и надо было. А если бы он и меня вытолкал, то мне свои задачи пришлось бы выполнять, выглядывая из-за угла.

— Так мы с тобой, выходит, земляки. Ну, расскажи, кого ты помнишь по армии?

Я начал перечислять, а он им всем давал характеристику, причем весьма точно. В разгар беседы пришел проводник вагона и сказал, что поезд сейчас будут загонять в тупик. Все зашевелились. Я сказал, что машины стоят сразу при выходе. Порученец и адъютант с вещами двинулись вперед, а мы с маршалом пошли вслед за ними. Многие останавливались и здоровались с ним. Василий Иванович отвечал, улыбался.

Говорят, что на Севере люди суровые, неприветливые. Я не могу этого подтвердить.

Мы разместились в машинах и отправились в путь. Впереди на «Волге» ехали адъютант маршала с вещами и я. За нами следовал ЗИМ с маршалом и порученцем. Условились, что по пути, если потребуется, ЗИМ нам просигналит и мы остановимся. Остановок было три. Первая, — когда проехали Мурманск и въехали в Колу, здесь оканчивался Кольский залив и сюда же впадала река Кола. Маршал вышел, посмотрел на залив и задал несколько вопросов. Вторая остановка была на реке Большая

Западная Лица. Здесь я подробно рассказал об оборонительных боях и о том, что этот рубеж немцы перешагнуть фактически уже не могли. Третью остановку сделали на реке Титовка — там, где начиналась война. В двух последних случаях маршал внимательно слушал и, расхаживая, рассматривал все вокруг.

Наконец, добрались до Печенги. Проехали прямо к домам Военного совета. Пока порученец и адъютант заносили вещи в дом, маршал изучал окружающую местность, задавал вопросы. Время уже подходило к обеду. Мы зашли в дом, маршал снял шинель и зашел в главную комнату — гостиную, она же и кабинет. Зашли и мы — и у меня все внутри оборвалось: прямо на стене висел большой портрет Чуйкова со всеми регалиями. Он посмотрел на портрет, нахмурился, покосился на меня. В это время из столовой выскочила незнакомая мне, но боевая официантка и к маршалу:

— Василий Иванович, обед готов, стол накрыт, можно приступить к трапезе, пока все свеженькое.

Маршал помедлил, а потом, глядя на портрет, спрашивает у официантки:

— А это здесь давно висит?

У меня вспотела спина. Официантка сложила руки и, тоже глядя на портрет, говорит:

— Вы знаете, я уже даже не помню, когда появился здесь портрет. Но давно.

Я, чтобы вырваться из этой нелепой ситуации, попросил разрешения выйти, сказав, что буду в оперативной группе и что порученец (а он при этом присутствовал) может меня в любое время вызвать. Маршал разрешил.

Я быстро вышел, вытер шею и лоб и, продолжая переживать из-за этого портрета, отправился к начальнику Дома офицеров.

— Это чья работа с портретом Чуйкова? — накинулся я на свою жертву.

— Нашего художника Ивана Ивановича, он прекрасно написал…

— Я в смысле — кто вас уполномочил вывешивать портрет в доме у маршала?

— Так вы же сами, товарищ полковник, сказали, уезжая в Мурманск, чтобы я пересмотрел библиотеку и, вообще, создал в доме уют. Я все выполнил.

— Но портрет совершенно ни к чему. Вы знаете, чем это попахивает?

— Ничем это не попахивает. У нас в стране портреты членов и кандидатов в члены Политбюро, а у военных, кроме того, — членов коллегии Министерства обороны вывешивались во всех

Ленинских комнатах, в спальных помещениях казарм, в клубах, на строевых плацах, в Домах офицеров. И у нас, вы знаете, есть не только портреты членов коллегии Министерства обороны, но и всех маршалов Советского Союза — целая галерея на втором этаже.

— Ну, вы же могли хоть со мной посоветоваться?

— Вас не было, а я хотел как лучше.

В общем, «разгромить» мне начальника Дома офицеров не удалось. Но когда я пошел на обед и навел справки в отношении официантки — откуда она взялась, то наш начальник военторга доложил, что вчера вечером привезли двух поваров и двух официанток из Ленинграда. Сказали, что они давно Чуйкова обслуживают и он к ним привык, и попросили разместить их в соседнем доме, где и продукты.

— Да маршал впервые ее видел, так же, как и я, и вопросы ей задавал как местному работнику!

Этого мне никто объяснить не мог, но то, что, кажется, на этот раз пронесло и первый день в основном прошел «без больших потерь», принесло облегчение.

Маршал встретился со штабом руководства. Ему доложили, что дивизия выведена в исходное положение, всем участникам учения вручены необходимые документы, командир дивизии принял решение начать боевые действия и готов это решение доложить. После этого будут отданы распоряжения в войска, и начнется организаторская работа по подготовке частей дивизии к наступлению. Чуйков поехал на командный пункт дивизии заслушивать командира дивизии.

Полковник Сергей Иванович Молокоедов в должности командира дивизии до начала учений был всего несколько недель. Читатель, особенно военный, может себе представить сложность его положения. Не только полное незнание особенностей Заполярья, но незнание состояния частей дивизии, незнание возможностей и способностей каждого командира части, да и отсутствие времени на совместные с ними и со штабом дивизии тренировки! И в этих условиях выйти на дивизионные тактические учения, да плюс к тому — исследовательские, которыми руководит В. И. Чуйков, — это очень сложное испытание. Тем более что по ряду фрагментов, представленных выше, читатель может представить эту фигуру.

Чуйков спросил Молокоедова, готов ли он доложить свое решение, тот ответил утвердительно. Маршал разрешил докладывать. Сергей Иванович толково доложил сложившуюся обстановку, выводы, полученную задачу и приступил к изложению решения. Через некоторое время маршал вдруг задает

командиру дивизии вопрос:

— Полковник, ты хочешь командовать дивизией?

— Так точно!

— Продолжай.

У всех присутствующих, в том числе у членов штаба руководства, — круглые глаза. Все переглядываются, что-то шепчут друг другу, но никто не может понять, чем вызван такой вопрос — вопрос на грани: быть или не быть! Я тоже быстро-быстро перебираю в памяти все, что уже было сказано Сергеем Ивановичем, и не могу с самых придирчивых позиций понять, где он сделал осечку.

А Молокоедов после такого удара сразу взмок, но все еще уверенно продолжил свой доклад. Минут через пять маршал опять обращается к Сергею Ивановичу:

— Полковник, я тебя вторично спрашиваю: ты хочешь командовать дивизией?

— Так точно, товарищ маршал Советского Союза, хочу!

— Продолжай.

Каждый раз, когда маршал говорил: «Продолжай», все облегченно вздыхали, но так и не могли понять, где прокол. А маршал каждый раз опускал глаза в очках в свою тетрадь и что-то там непрерывно писал. Со стороны можно было подумать, что он занимается совсем другим делом, фактически же он очень внимательно слушал докладчика. А тот — уже не красный, а совсем белый, мокрый — достал носовой платок, вытер лицо и шею, чтобы хоть как-то прийти в себя после второго удара. Но не тут-то было. Через две-три минуты Чуйков, отбросив тетрадь, резко рявкнул:

— В конце концов, полковник, ты хочешь командовать дивизией или нет?

Все и всё замерло. Это конец. У меня все похолодело: неужели Чуйков его снимет? Ведь человек только принял дивизию! Да и никакой крамолы в докладе полковника я не увидел.

А Сергей Иванович не сказал, а выдохнул:

— Хочу, товарищ маршал, хочу…

— Так если хочешь командовать, то почему у тебя морской десант высаживается раньше перехода главных сил дивизии в наступление? Мы же с этим государством не в состоянии войны! Другое дело, что на его территории сосредотачивается группировка войск стран, с которыми мы уже воюем, и принято решение внезапным ударом ее разгромить. Но переход государственной границы — это прерогатива правительства, а не ваша, полковник. Метод и место высадки нормальные, а время не

годится. Вам дадут добро на начало действий только после того, как правительство объявит, что мы с этой страной в состоянии войны, поскольку она нарушила наш договор о недопущении на свою территорию войск других государств. Переделайте эту часть, и тогда мы вас будем слушать, — заключил маршал.

Переделать он, конечно, переделает, но какое напряжение ему пришлось перенести! Чего это стоило!

Учение прошло напряженно, но без особых потрясений. Конечно, маршалу В. И. Чуйкову хотелось, чтобы войска действовали активнее, но фактически с техникой, тем более тяжелой, они могут продвигаться только на дорожных направлениях. Обходящие отряды могли быть только легкими и состоять, как и в прошлом, из подразделений на лыжах и волокушах. А в начале зимы, когда снег еще не глубокий, и весной, когда снега много, но уже образовалась твердая, заледеневшая корка наста, могут быть использованы отряды на ГТС.

В ходе учения в основном исследовались вопросы тактики и оперативного искусства. Какое они нашли окончательное выражение в выводах — нам так и не удалось услышать. В связи с этим невольно приходят на память командно-штабные оперативно-стратегические учения, которые проводились маршалом Советского СоюзаР. М. Малиновским в 1957 году, когда он только вступил в должность министра обороны СССР. На разборе, который он сделал почему-то в Кандалакше в Доме офицеров, было четко и ясно сказано, что противника в наших условиях и летом и тем более зимой надо не прижимать к морю (океану), а, наоборот, отсекать от него и загонять в сопки, в тундру. А море для него является кормушкой, коммуникацией. Кстати, тогда еще в 131-й стрелковой дивизии была рота собачьих упряжек. Малиновский решил подняться на одну из сопок, где располагался командно-наблюдательный пункт, но неудачно — нарты на полпути перевернулись и он скатился к подножию сопки, как шар. Однако все обошлось, он ничего не повредил, а в моральном плане сей случай только вызвал у него веселую шутку:

— Ну, вот теперь я обогатил свой опыт еще и в этой области.

Учения, проведенные Малиновским, носили крупномасштабный характер. На разбор были приглашены все командиры полков и выше Северного военного округа, а также представители Северного флота. Были сделаны четкие и ясные выводы. А исследовательское учение, проведенное Чуйковым, было оперативно-тактическим. Оно решало вопросы как бы в развитие учения министра, — как надо отсекать противника от моря и как его загонять в тундру, какие при этом должны быть

методы и способы действия войск — подразделений, частей, соединений.

Однако на разборе этих учений мы не услышали выводов исследования. Возможно, нам и не должны были сообщать эти выводы, вероятно, требовалось еще обрабатывать весь накопленный фактический материал учений. Очевидно, поэтому и разбор носил другую направленность — разбирались детально действия войск, штабов и командиров. Ну, а тональность оценок в устах В. И. Чуйкова всегда одинаковая — беспощадная, безжалостная критика.

Главным недостатком считалось то, что все и всё привязано к дорогам, а темпы наступления — крайне низкие. «Нет свободного, смелого маневра, выхода во фланг и тыл противнику», — говорил Чуйков. А мы сидели, слушали и думали: а как его совершить в зимних условиях с той техникой и вооружением, которое у нас имеется? Будь у нас аэросани или гусеничные вездеходы с крайне малым удельным давлением на грунт — другое дело. А с теми средствами, что мы имеем, — это просто невозможно.

Но маршал делал другой вывод: причиной всему этому является слабая обученность войск и отсутствие творческого мышления у командиров и штабов. Кто виноват? Армия. Командование 6-й армии и лично командующий армией генерал Лосик. И минут двадцать Чуйков в своей манере посвятил критике Лосика.

Разбор проходил в Мурманском гарнизонном Доме офицеров. В первых рядах восседал штаб руководства и исследовательская группа, затем командование и штаб армии, далее — участники учения до командира батальона и, наконец, приглашенные на разбор из других дивизий армии. Я сидел у центрального прохода приблизительно в десятом-одиннадцатом ряду слева. А Олег Александрович Лосик — тоже у прохода, но на седьмом-девятом ряду справа. Поэтому я хорошо видел его почти в профиль. Он, конечно, тяжело переживал от тех беспощадных несправедливых ударов, которые наносил Чуйков. Крупные слезы катились по щеке, и Лосик их не смахивал. Я смотрел на него, сам переживал, но и думал: «Что же ты, боевой генерал, Герой Советского Союза, сидишь и слушаешь все это? Почему не встанешь и не уйдешь, если не можешь оборвать маршала? Почему терпишь?»

А он сидел и терпел. Так уж устроен. У каждого в этом отношении свои взгляды.

Наконец разбор закончился. На улице мела пурга. Прогноз на завтра (на воскресенье, на которое назначена охота) — еще хуже. У меня было смешанное настроение: тяжелый осадок от разбора

скрашивали радостные вести синоптиков, я надеялся, что охота в пургу, конечно, не состоится. Хотя медвежатники, представьте, все-таки нашли на вертолете двух шатунов и одну берлогу, причем недалеко от дороги. Когда я поинтересовался о маршале, то мне сказали, что он уже приехал в свой вагон и там будет ночевать. Сегодня вечером вагон цепляют к поезду «Мурманск — Москва». Маршал знает о прогнозе погоды на завтра, поэтому охота не состоится. Для меня это была наиболее приятная информация.

Пробыв в должности заместителя командира дивизии два с половиной года, я, конечно, приобрел значительные навыки руководства войсками. Практически все вопросы жизни, быта, боевой учебы и т. д. командиры частей Печенгского гарнизона, где я возглавлял оперативную группу дивизии, решали со мной на месте. Лишь особо важные и принципиальные проблемы обязывали их звонить командиру дивизии в Мурманск или разрешать их, когда комдив приезжал в Печенгу. Приезды его были частыми и знаменательными, Сергей Иванович, не торопясь, выходил из машины, закладывал правую руку за борт шинели, вторую — за спину и, как правило, спрашивал:

— Ну, как тут у вас дела, печенеги?

А я в тон комдиву отвечал:

— А у нас с вами, товарищ командир, дела в Печенге идут неплохо.

И начинал подробно докладывать по установившейся схеме, но уже в штабе оперативной группы. В заключение предлагал порядок работы — в зависимости от того, на сколько дней он приезжал. Конечно, каждый его приезд оживлял работу в частях. А в целом боевая учеба шла нормально.

Периодически проверяли дивизию и армейские начальники. Как правило, это был заместитель командующего армией по боевой подготовке генерал-майор В. Г. Ягленко — бывший командир этой дивизии. Частенько с его приездом в нашей жизни тоже появлялось оживление. Вот один из примеров.

Как-то зимой просочились данные, что вроде к нам в армию должна нагрянуть инспекция — во всяком случае, так нам объявили. Естественно, командарм принимает решение ряд соединений армии предварительно проверить своими комиссиями и тем самым подтянуть войска. К нам старшим приезжает Ягленко. Большая часть комиссии во главе с ним отправляется в Печенгу, а часть остается в Мурманске для проверки местного гарнизона. Вообще-то это не столько была проверка, сколько оказание помощи, но весь ее ход — по почерку инспекции.

Началось со строевых смотров полков. Приехали мы в танковый полк. После определенного церемониала с выносом боевого знамени приступили к опросу личного состава — есть ли у кого жалобы и заявления. Обычно он проводится отдельно по категориям военнослужащих: вперед выходят старшие офицеры полка и стоят в одной шеренге, в нескольких шагах от них — младшие офицеры, остальной личный состав остается в строю на месте. Закончив опрос старших офицеров, Ягленко начал обходить шеренгу младших. Я, естественно, рядом, тут же кадровик и представители разных служб. Дело подходило к концу, как вдруг нам попадается старший лейтенант, которому уже за 40 лет. Ягленко остановился и удивленно смотрит на него, а затем, чтобы как-то смягчить обстановку, говорит ему:

— Ну, я смотрю, ты карьерист!

— Так точно. Вся карьера из одной только ступеньки — взводный командир.

— Так когда ты окончил училище?

— Как когда? Мы же с вами не только одно училище окончили, но и учились в одной роте. Вы что, меня не узнаете?

Старший лейтенант еще раз назвал свою фамилию и имя. Ягленко достал из кармана большой носовой платок и долго сморкался, вытирая заодно и глаза.

— Вот дела-то какие. Это же надо?! Ну, а как это так получилось? — допытывался генерал.

— После училища четыре года войны. Потом попал служить на Украину. В одном полку прослужил долго, вдруг дивизию расформировывают. У меня взвод был отличный. Переводят в другую дивизию. Пока там служил — хвалили. Потом кадровики говорят, что я долго служу на Украине — надо в Заполярье. Приехал в 67-ю стрелковую дивизию. Затем она стала 116-й мотострелковой. Шесть лет оттрубил — дивизию расформировали. И вот два года служу здесь.

— Но ты же знал, что я командую этой 131-й дивизией?

— Конечно, знал.

— Почему же не пришел или не прислал письмо?

— Да зачем приходить? Уже увольняться пора.

— Нет, нет! Мы хоть как-то это дело поправим.

Он мне запомнился навсегда: этот стройный, высокий (рост явно не для танкиста) офицер, крутые плечи, мужественное лицо с умными, открытыми глазами, твердо стоял на земле. Иногда говорят: вот служба распорядилась! Да нет, не так все это. Я допускаю, что в бою — дело случается — рядом убило, а ты жив. Но в мирное время судьба офицера зависит от командиров и кадровых органов. К сожалению, есть такие командиры частей,

которые не только не уделяют должного внимания росту офицеров, их карьере, но держат подолгу на одной должности тех, кто хорошо работает. Тянет? Ну, и пусть дальше тянет.

Вот почему у меня фактически на протяжении всей службы одним из принципов было отыскание «застоявшихся», точнее, забытых или умышленно не продвинутых по службе взводных, ротных командиров и батальонных офицеров.

После строевых смотров начались стрельбы. Естественно, зимой стрельбы шли в условиях полярной ночи. И вот мы с Ягленко на танковой директрисе. Танки стреляют по целям, которые обозначают себя мигающими огоньками — имитаторами стрельбы. В очередном заезде один из экипажей, потеряв ориентировку, ерзал, ерзал, развернулся на 180 градусов и выстрелил из пушки по нашей вышке, откуда шло управление стрельбой. Выстрелил и попал! Снаряд «прошил» нашу каланчу и улетел в тыл. Хорошо, что стреляли практическими снарядами (т. е. болванками) и никто не пострадал. Такое, к сожалению бывает.

Генерал, расстроившись, прекратил стрельбы, распорядился перенести их на завтра и, забрав меня, поехал в Печенгу. Полигон находился километрах в тридцати по дороге в сторону Никеля и Заполярного.

Летом 1962 года у меня была первая встреча с Виктором Георгиевичем Куликовым. Сейчас он маршал Советского Союза, а тогда — генерал-майор, первый заместитель командующего армией. Заменил генералаВ. И. Давиденко, которого перевели в центральный аппарат. Знакомство с генералом произошло при особых условиях. Я вернулся с полигона в Печенгу и, как всегда, зашел в оперативную группу узнать у дежурного — какие были звонки и возможные распоряжения. Дело происходило в середине дня. Дежурный докладывает, что позвонили из 10-го мотострелкового полка — туда на стрельбище приехал какой-то генерал и всех там разогнал. Это рядом с Печенгой, поэтому через пять минут я был уже на стрельбище. Я знал, что в 10-м полку, в связи с тем, что «пробило» главный кабель, сгорели два электромотора на подвижных целях и из-за этого и других неприятностей стрельбище закрыли на два дня для ремонтных работ и профилактики. Заместитель командира полка подполковник Малышев, отвечающий за боевую подготовку и учебную материальную базу, лично руководил работами подразделений и ремонтных бригад, которые были для этой цели выделены командиром полка полковником Смирновым.

Приезжаю и наблюдаю такую картину: нигде не видно ни одного человека, кроме генерала и подполковника. Стоят они на

расстоянии 15–20 метров друг от друга, генерал мечет гром и молнии, а подполковник, понурив голову, покорно их воспринимает. Я остановился, вышел из машины и приблизился на такое же расстояние, какое было у «собеседников». Решил не перебивать генерала (это было бы нетактично, тем более речь у него была на подъеме), а представиться в удобный момент. Он, конечно, видел, как я подъехал и тем более как подошел, но делал вид, что не замечает. Инцидент начинал затягиваться. Но самое главное — генерал «полощет» Малышева незаслуженно. Называет его бездельником и что он воспитывает таких же бездельников, как и он сам, что он загубил боевую подготовку, тем самым нанес ущерб боевой готовности полка, что этого он так не оставит. Что во всех нормальных частях стреляют день и ночь, а у него, подполковника, стрельбище в нерабочем состоянии, что таких, как подполковник Малышев, надо гнать и т. п.

Видя, что дальше терпеть уже нельзя, решил вклиниться в генеральскую тираду и представиться Куликову:

— Товарищ генерал, заместитель командира 131-й мотострелковой дивизии полковник Варенников.

— Ну и что?

— Не знаю, кто вы, но…

— Я первый заместитель командующего 6-й армии генерал Куликов, — перебивает меня Виктор Георгиевич.

— Тем более, товарищ генерал, я обязан вам доложить, что, во-первых, на стрельбище нет занятий по техническим причинам. Я разрешил на два дня прекратить стрельбы и провести ремонтные работы, поэтому все обвинения должны быть адресованы мне. Во-вторых, подполковник Малышев — один из самых лучших офицеров нашей дивизии, представлен на выдвижение, на должность командира полка. В-третьих, вы впервые у нас, первый раз видите и наших офицеров, поэтому я готов вам доложить подробно всю обстановку и дать характеристику каждому, кто вас будет интересовать.

Генерал взорвался:

— Мне теперь понятно, откуда все это исходит.

И далее начал говорить о долге, о боевой учебе и т. д. Заключив, что нам, т. е. мне и подполковнику Малышеву, это говорить бесполезно, сел в машину и укатил. Я со стрельбища позвонил в оперативную группу, предупредил, что сейчас приедет первый заместитель командующего армией — надо, чтобы его встретили, дали все справки и разместили в доме Военного совета. Дал также команду, чтобы оповестили все части гарнизона, что у нас появился новый начальник. Одновременно

позвонил командиру дивизии и посетовал на то, что никто нас не предупредил о возможном приезде Куликова.

— Мы с ним договорились, что он вначале посмотрит части в районе Мурманска, а затем в Печенге. Дал ему офицера. Не захотел, чтобы я с ним ехал. А он вдруг уехал в Печенгу. Ну, да ничего, — сказал комдив.

Вечером того же дня я позвонил Куликову в домик и поинтересовался его дальнейшими планами. Он ответил мирным тоном, что намерен завтра познакомиться с гарнизоном и вечером уехать в Мурманск. Когда же я сказал, что по Уставу я обязан его сопровождать и в связи с этим в какое время мне удобнее к нему завтра подъехать, он резко прервал мой вопрос:

— Не нуждаюсь в сопровождении. Разберусь сам. У меня есть такой офицер.

Я, конечно, доложил об этом командиру дивизии. Решили с ним Куликова не раздражать — пусть действует сам.

Но на этом день не закончился. Уже поздно вечером звонит мне из Петрозаводска кадровик полковник Чичвага. Оказывается, ему сообщили о том, что мой рапорт о моем желании учиться в Военной академии Генерального штаба находится в Главном управлении кадров в Москве. Я, естественно, поблагодарил его за это приятное сообщение и еще раз подумал, какие все-таки есть до удивления внимательные и обязательные люди. Вот именно таким и только таким, как Чичвага, можно и должно работать в кадровых органах. Всегда бескорыстно делает добро. Я вспомнил наш с ним разговор на эту тему при очередном его приезде в дивизию.

— Валентин Иванович, — сказал он, — у вас сейчас такая категория, которая позволяет поступать в Военную академию Генерального штаба. Можно было бы написать и рапорт.

— Может, рановато? Я назначен недавно.

— Но вы полгода исполняли обязанности командира дивизии.

— Все равно, думаю, что это будет преждевременно.

— Я уже договорился с Сергеем Ивановичем Молокоедовым — он согласен. Надо писать. Не получится сейчас — надо на следующий год пробиваться.

В итоге он меня все-таки уломал. Забрал мой рапорт, а потом добился согласия у комдива. Приехав в Петрозаводск, получил «добро» у командарма. Отправил рапорт в округ и проследил, чтобы там тоже было положительное решение. В Главном управлении кадров Министерства обороны мой рапорт отложили на следующий год. В заботах по службе я уже и думать об этом забыл. А через год вопрос «всплыл» опять.

Как-то в Печенгу приехал командарм Лосик, его первый заместитель Куликов, группа армейских работников и, естественно, командир дивизии Молокоедов. Проверялся ход боевой подготовки. По окончании проверки в конце недели Лосик сделал разбор. Затем мы обедали в узком кругу, и, кроме сказанного в официальной обстановке — а формулировки были острыми, — Лосик добавил, что он в целом удовлетворен состоянием дел, но на разборе умышленно заострил некоторые вопросы, чтобы мобилизовать командиров частей. Я подумал: может, это и надо делать, но у нас подобрались такие командиры, что их подгонять не следует — каждый прекрасно знает, когда, что и как проводить. Ему только надо помогать, в том числе с учебной материальной базой, но главное — не мешать. Однако сказанного не вернешь. Но наши командиры частей и так прекрасно понимали «маневр» командарма.

Далее за столом потолковали о других делах, и вдруг Лосик, глядя на меня, говорит:

— Из ГУКа (Главного управления кадров Минобороны) интересуются, как там полковник Варенников. Можно ли его рассматривать кандидатом на учебу в Военную академию Генштаба?

Я еще не сообразил — реагировать как-то на это сообщение или промолчать, а генерал Куликов, с которым мы были уже в прекрасных отношениях, фактически высказался за меня:

— Товарищ командующий, конечно, надо положительно решить этот вопрос. Варенников работает отлично — это может подтвердить каждый. Перспективный офицер, должность и возраст позволяют ему поступить в академию. К тому же он девять лет в Заполярье. Надо поддержать.

Все сидящие за столом начали, перебивая друг друга, выражать солидарность. Но Лосик не сказал ни да, ни нет. Однако в начале 1963 года я вместо академии был назначен на должность командира 54-й мотострелковой дивизии в Кандалакшу. Круг замкнулся: начал службу в Заполярье, в Кандалакше, затем Мурманск, полуостров Рыбачий, 112-й километр (поселок «Спутник»), Печенга, опять Мурманск, но фактически семья в Мурманске, а я в Печенге, — и опять Кандалакша. Знакомые края да и многие лица — тоже.

Бывшего командира дивизии генерал-майора Баюра постигло несчастье: он потерял жену и на этой почве у него развился недуг. В связи с такой ситуацией он был переведен в другой военный округ с некоторым повышением — заместителем командующего армии по боевой подготовке.

Верный своему принципу — вначале создай нормальные

условия для жизни и службы солдат, сержантов и офицеров, а затем уже предъявляй к ним требования по учебе, поддержанию боевой готовности на высоком уровне, я и здесь начал с того же. Хотя дивизия была в целом обустроена уже лучше, чем мурманская, где строительство только развернулось, однако два гарнизона — в Аллакурти (это на границе с Финляндией) и в Пинозеро, неподалеку от Кандалакши, требовали значительных капитальных вложений. Добыть мне их удалось с учетом ранее приобретенного опыта. Дивизия на глазах стала преображаться. Конечно, было очень важно, что я нашел прямую поддержку всех командиров частей. Особо я дорожил единодушием командиров полков Прокудина, Крапивина, Довгаленко — мотострелковые полки, Демина — танковый полк, Жмурина — артиллерийский полк.

Не давая мне «передохнуть» и, очевидно, желая лично убедиться, как взялся за дело новый командир дивизии в Кандалакше (все-таки она была развернутой, как и в Мурманске), командующий Ленинградским военным округом генерал армии М. И. Казаков уже летом 1963 года приезжает с группой офицеров для проверки хода боевой подготовки. Проверка прошла в основном нормально, хотя и замечаний было много. Но специального разбора не делали, а старший группы проверяющих оставил мне перечень вопросов, на которые следовало обратить внимание.

Но для меня особый интерес представлял Казаков. И не только потому, что он был командующим войсками округа, а как личность. Человек он был мудрый, опытный военачальник, имел много и больших наград, но, как и у каждого, у него тоже были свои особенности и даже странности. Например, он может с вами ходить в течение всего дня и не проронить ни одного слова. Так было и в этот раз. Целый день он посвятил подробному изучению состояния дел в частях дивизии в Кандалакшском гарнизоне. При этом везде я докладывал ему все подробности, однако он молчал. Для того, чтобы раскрыть какие-то детали, я привлекал командира части, который дополнял мой доклад. Он опять ни слова. Лишь обменялся одной-двумя фразами со своим порученцем, и всё. Разумеется, поскольку он командовал округом почти три года, то, конечно, дивизию он уже знал. Тем более мне хотелось услышать какие-то его оценки, рекомендации, требования. Но увы…

Второй день он посвятил Пинозерскому гарнизону. Картина — та же, хотя побывал он не только в военном городке, но и на стрельбах, на вождении боевых машин и на батальонном тактическом учении.

Вечером, распрощавшись с нами, уехал в свой вагон, который должны были прицепить к проходящему в сторону Мурманска ночному поезду. Мне коротко сказал: «Командуйте». Сказал и уехал, оставив всех нас в раздумье. Особенно меня: как понимать «командуйте»? То ли как «всё нормально, есть недостатки, но поправляйте»; то ли — «пока командуйте, а дальше мы еще посмотрим, стоит ли такому доверять дивизию или нет»; то ли «командуйте, но мы к этому вопросу еще вернемся».

Чувства были сложные. Совершенно непонятен метод изучения своих кадров. На мой взгляд, в собеседовании раскрывается многое, и, в первую очередь, интеллект и профессионализм. Но самое главное — молчание начальника порождает у подчиненного чувство неуверенности, какие-то сомнения. Ночью я проводил группу командующего, которая этим же поездом отправлялась в Мурманск. Старший группы, видя, что мне многое неясно, сказал: «Все в пределах нормы, продолжайте решать задачи по плану боевой и политической подготовки». Это в какой-то степени сняло напряжение, но не полностью.

Утром я доложил обстановку командарму. Тот начал допытываться и добираться до всех подробностей, сказав при этом, что он, Лосик, тоже собирался приехать, но командующий войсками категорически запретил делать это. Командарм все напирал на меня:

— А как командующий войсками реагировал?

Я прямо ответил:

— Никак не реагировал!

— Этого не может быть. Он, конечно же, высказывал свое отношение, делал оценки.

— Это вы так предполагаете, товарищ командующий, фактически же ничего этого не было.

— Нет, нет. Такого не могло быть! Я знаю Михаила Ильича Казакова — он очень конкретный человек. Это вы, наверное, были невнимательны. Посмотрим, чем это для нас всех аукнется.

Конечно, я был раздосадован. Мало того, что от Казакова лично не получил никаких указаний, да еще и Лосик сомневается в моей внимательности, забеспокоился, а какие будут последствия. Ко всему этому добавились звонки командиров полков: «Что сказал командующий войсками?» А как я могу сказать им, что он вообще ничего не сказал? Пришлось разводить дипломатию. Тем, у кого он лично не был, я успокаивающе говорю: «Серьезных замечаний нет, я пришлю перечень вопросов, на которые надо обратить внимание». А командирам тех частей, которые командующий посетил, мне не оставалось ничего другого, как ссылаться на весь ход смотра командующим

войсками. Но такие, как командир Пинозерского 279-го мотострелкового полка полковник Валентин Иванович Крапивин (весьма острый на язык), не успокаивались:

— Товарищ командир, — обращался он ко мне, — ну вы поймите меня: вот, например, приедет даже генерал Ягленко, увидит какие-то недостатки и мощно отм… отругает — мне все ясно и понятно, что и как надо делать. А здесь — не хвалит, не ругает и вообще ничего не говорит. Это как понять?

— Ну, и радоваться вам надо, что командующий войсками не высказал никаких замечаний, — лукавил я. — А то, что он в основном молча осмотрел все объекты, познакомился с ходом боевой учебы, выслушал ваши доклады, не значит, что он не сделал никаких выводов. Он все видел, даже больше нас с вами, все слышал и все запомнил. Так что за него вам беспокоиться нет необходимости.

Осенью того же 1963 года для подведения итогов за год из Ленинграда приехала комиссия, которую возглавил первый заместитель командующего войсками округа генерал-полковник, тоже Казаков и тоже Михаил, но только не Ильич, а Петрович. Михаил Петрович Казаков до этой должности командовал Северной Группой войск в Польше. Привык, чтобы офицеры к нему обращались не иначе как «Товарищ командующий». И отнюдь не приветствовал, когда говорили: «Товарищ генерал-полковник», хотя вида не показывал, что недоволен.

Проверка началась со строевых смотров. Михаил Петрович решил лично провести смотр полка в Пинозеро у Крапивина. Полк был подтянутый, командир полка лично являл собой образец. Он даже кое в чем перехлестывал сверх, но в целом я был даже рад, что председатель комиссии сделал такой выбор.

В назначенное время комиссия вместе с генерал-полковником приехала в полк. Все выглядело на редкость нарядно, даже празднично. Ночной снег «освежил» все вокруг, в том числе вычищенные дорожки и особенно строевой плац. Много различных транспарантов, плакатов, флагов и различной наглядной агитации. Даже один из политработников из числа ленинградцев бросил безадресно реплику (но так, чтобы слышал генерал): «Зачем так много флагов?» Михаил Петрович остановился, поправил свои усы — а они торчали своими концами вверх — и, глядя вокруг, разъяснил:

— Так ведь у них сегодня праздник! Они отчитываются за год боевой учебы, а вы говорите — зачем флаги?! Ну, и что, если здесь есть и лишнее, но сам факт, как они прилежно к этому подошли, какое они сами придают этому значение, — это уже хорошо. И не надо их корить за то, что у них все красиво и

нарядно. Теперь посмотрим, как они подготовлены.

Полк уже был построен. Боевое знамя в строю, погода отличная — ветра нет, появилось солнце, морозец. Генерал Казаков подошел к строю, а вся комиссия выстроилась против полка у трибуны. Командир полка доложил генералу, что полк построен для строевого смотра. Генерал поздоровался — личный состав ответил дружно, четко и очень громко, так громко, что создалось впечатление, будто у каждого солдата микрофон. Генерал даже почему-то оглянулся. Потом он вместе с командиром полка обошел строй, вышел на середину плаца, дал команду «вольно» и разрешил приступить к осмотру и опросу личного состава. Эта процедура была закончена в течение часа. И мы перешли к самому интересному — к торжественному прохождению и прохождению с песней.

Торжественное прохождение было не только четким и красивым, но и мощным — широкий шаг и очень твердая поступь. Для усиления звука Крапивин укрепил микрофоны вдоль плаца, справа и слева от трибуны, на щитах наглядной агитации и вывел все на многочисленные динамики. Было очень эффектно и торжественно. Личный состав выглядел безукоризненно. Я смотрю на генерала, а он вынул носовой платок и вытирает глаза — растрогался старый воин. Когда прохождение закончилось, генерал подозвал командира полка и говорит (чуть ли не просит): «Пройдите еще раз торжественным маршем».

Командир полка побежал к полку, быстро прошел вдоль строя, очевидно, предупреждая, что будет повторное прохождение, потом вышел на середину и скомандовал:

— Полк, равняйсь! Смирно! К торжественному маршу! — Далее по уставу должны были идти слова: «На одного линейного дистанция…» Но он говорил другое: «На отличную оценку!» и далее все то, что требует Устав.

Когда он это «ляпнул», я понял, что командир несколько обнаглел и надо его в удобный момент одернуть. У Крапивина это бывало: как только хорошо получается, он тут же отрывается от земли и витает в облаках. А в итоге может сесть в лужу. Надо было срочно поправить. Гляжу на генерал-полковника. Вроде все нормально. Но члены комиссии хихикают. Конечно, они «засекли» эту выходку.

Полк прошел второй раз так же четко, как и первый, и вышел в исходное положение. Командир полка, чеканя шаг, подошел к трибуне и, обращаясь к генералу, спросил разрешения унести знамя и приготовиться к прохождению с песней. Генерал разрешил. Прошла церемония уноса знамени. Это тоже интересный и торжественный акт, и прошел он достойно. Тогда

командир полка еще раз подошел к трибуне и спросил разрешения у Казакова, чтобы после прохождения всех подразделений с песней спеть всем полком. И это разрешил генерал. В этот момент я подошел к Крапивину:

— Товарищ Крапивин, ну, к чему эта выходка: «На отличную оценку?» Ведь так можно все сломать.

— Вырвалось, товарищ командир, вырвалось. Я сам жалею.

— Следите за собой и за остальными офицерами. Все должно быть только по Уставу.

— Есть. Все будет нормально.

Успокоившись, я отправился на трибуну. Генерал поинтересовался — какие даны указания. Я вынужден был сказать, что командир полка обязан уложиться в то время, которое установлено расписанием проверки для строевого смотра, так как дальше идут следующие занятия. Другого выхода у меня не было. Да это и не принципиально. Как выяснилось дальше, генерала интересовала песня, которую будут петь всем полком, и он думал, что я на эту тему говорил с командиром полка. Однако сказал, обращаясь ко мне:

— Даже если вы знаете, какую они исполнят песню, — не говорите нам. Пусть это будет неожиданностью. Но то, что они поют даже полком, — это здорово.

— Докладываю: все части дивизии практикуют исполнение двух-трех песен в составе части. Каждая рота и батарея имеет «свои» песни. И сегодня они пройдут, не повторяя друг друга.

Действительно, во всех частях нашла применение такая методика. Мы ее «обкатали» еще на Рыбачьем. А здесь тем более надо было ею пользоваться. Это хорошо сплачивает подразделение и часть в целом. В полках, где имеются по штату музыкантские взводы, т. е. оркестры, проще. За каждым оркестрантом закрепляется одна-две роты, и он с ними занимается вместе с офицером или со старшиной роты. Но там, где нет оркестра, мы их создавали за счет спецподразделений — небольшие, но необходимые для жизни части. У Крапивина был огромный, прекрасно сыгранный оркестр. Почти половина его состава были воспитанниками — это мальчики школьного возраста, которые приобретали в оркестре профессию музыканта, находились на полном государственном обеспечении, а после обеда, во вторую смену ходили в школу.

Началось прохождение. В подавляющем большинстве рот и батарей были свои запевалы. А где их не было — становился в строй кто-нибудь из оркестра. Все оркестранты имели чудесные голоса.

Подразделения прошли с песней, как будто пропели соловьи.

Генерал смотрел на всех окружающих немного выпученными глазами и с высоко поднятыми от удивления бровями:

— Я просто не могу их оценить. Все подготовлены просто отлично.

Наконец полк построился в линию батальонных колонн, компактно, в центре его — оркестр. Задние подразделения были несколько приподняты, поскольку стояли на заснеженном пригорке. И это создавало впечатление некоторой театральности, к чему был склонен Крапивин (любил и умел это делать мастерски).

Командир полка тоже встал в строй. Дирижер занял свое место перед ним на небольшом пьедестале. Крапивин скомандовал: «Полк, на месте шагом марш!» И полк зашагал. Дирижер махнул своей палочкой — и оркестр грянул «Бородино». Затем в сопровождении оркестровой музыки запел полк. Если даже я, уже привыкший к этим эпизодам в нашей военной жизни, чувствовал душевный подъем и радовался за полк, то, уверен, такое же чувство охватило и всех остальных, тем более что они такое слышат редко или вообще не слышат. Полк пел, как огромный профессиональный хор, в два и три голоса. Со всеми музыкальными кульбитами, которые имеют место в «Бородино». Я радовался, а сам рассматривал лица рядом стоящих.

Все были заворожены. И это не моя фантазия. Действительно, все, не отрываясь, смотрели на полк и слушали проникновенные слова и чудесную бравурную мелодию. Нет слов — сильная песня. Но ведь ее надо и сильно исполнить! И полк справился с этой задачей блестяще. Когда умолкли голоса, фанфары и медные трубы, стало тихо, однако никто не шелохнулся. Это оцепенение продолжалось с минуту. Первое чувство и желание было поаплодировать. Но ведь это строевой смотр! Командир полка, смотрю, тоже не двигается. Я уже хотел было разрядить обстановку и сказать, что эта часть программы проверки закончена и после перерыва продолжим ее дальше, как вдруг генерал засуетился, поправил микрофон и что есть сил выдал всем нам на радость:

— Вы все молодцы, офицеры, сержанты и солдаты! От лица службы я объявляю полку благодарность!

А полк как один человек:

— Служим Советскому Союзу!

Вконец растроганный генерал махнул рукой, что можно было расценить по-всякому, и отправился к машине. Я и еще кто-то из комиссии — за ним. Нас догоняет Крапивин и приглашает на обед. Генерал пожал ему руку, поблагодарил, и я с ним уехал в Кандалакшу, а комиссия осталась продолжать проверку.

Ехали на двух «газиках». На первом — генерал и я (генерал сел впереди). На втором — адъютант генерала и полковник из комиссии. Вначале минут пять-семь молчали. Затем генерал заговорил:

— Подтянутый полк. А как командир полка? Давно командует полком?

Я понял, что генерал усёк ляп Крапивина и сейчас хотел бы уточнить свои мысли. Конечно, я начал расхваливать Валентина Ивановича Крапивина на все лады. И этого он действительно заслуживал. Полностью отдавался службе, командовал умело, и результаты в полку были хорошие. Новатор, личный состав его любит. Он живет в полку и живет только мыслями о полке. Командует три года. Никаких признаков, что он тяготится, нет, и уверен, что их не будет. Перспективный, достойный для выдвижения офицер.

— Мне показалось, что он иногда выскакивает из седла, — заметил генерал, а это означало, что речь идет о самовлюбленности, стремлении показать себя, обратить на себя внимание.

— Товарищ генерал, каждый офицер должен стремиться к самопожертвованию. Я лично не вижу в его действиях каких-либо пороков. Наоборот, он заслуживает внимания и уверен, что результаты проверки это подтвердят:

— Ну, и хорошо. Но умелый наездник всегда должен плотно сидеть в седле. Иначе расшибется.

Я промолчал, но понял, что обязан передать это Крапивину в назидание. Что в свое время и сделал. Генерал хоть и деликатно, но довольно прозрачно давал понять: не зарывайся!

В общем, проверка прошла нормально. По боевой и политической подготовке мы получили хорошую оценку. А по состоянию и содержанию техники — удовлетворительно. Поэтому и общей оценкой была «удочка». Но несколько частей, в том числе и полк Крап ивина, получили общую хорошую оценку.

Разбор проверки был ровный, без надрывов. Конечно, всем хотелось, чтобы дивизия получила четверку. Однако оценка была справедливой. Сам факт, что в большинстве частей не было современного, заводского типа, теплого пункта технического обслуживания, где можно было бы проводить не только профилактику, но и средние ремонты, уже говорил о многом. Но мы еще летом заложили во всех полках и в большинстве отдельных батальонов такие пункты. Здания фактически уже были готовы, однако не было оборудования. И я показывал комиссии эти помещения, что, несомненно, возымело значение для получения всей оснастки в течение декабря — января.

Забросили нам и много запчастей. Разумеется, на техническом оснащении частей это сказалось решительным образом.

1964 год для нас ознаменовался большими событиями.

Первое — это убытие генерал-лейтенанта Олега Александровича Лосика на Дальний Восток в качестве первого заместителя командующего войсками ДВО (в последующем он будет командовать войсками этого округа). На должность командующего армией был назначен генерал-майор Виктор Георгиевич Куликов, а первым заместителем к нему — генерал-майор Бахметьев. По характеру и внутреннему содержанию Бахметьев и Ягленко очень похожи. Поэтому самому Куликову приходилось лично «вкалывать» капитально.

Буквально через несколько дней после своего назначения Виктор Георгиевич объехал войска армии уже в новом качестве. Побывал он и у нас в Кандалакше. Мы, конечно, его поздравили и пожелали успехов. Когда с ним остались вдвоем, Куликов говорит мне:

— Вот что, Валентин Иванович, я знаю, что на протяжении всех лет службы в Заполярье ты (он перешел уже на «ты» — все-таки командарм) никогда лично не ездил в отпуск летом. Теперь будешь каждое лето получать парную путевку на море и отдыхать так, как отдыхают многие.

Никак не комментируя, я сижу напротив Виктора Георгиевича и улыбаюсь.

— Ты чего смеешься? Готовься — в следующем месяце поедешь с семьей в Крым.

— Большое спасибо, товарищ командующий, за заботу. Это было бы неплохо, — неуверенно ответил я.

Действительно, все годы я ездил отдыхать дней на 15–20 в декабре или в январе — за прошлый год. Но были и такие годы, когда вообще в отпуск не ездил. А тут вдруг такое решение! Оно, конечно, звучало заманчиво, но в то же время, с учетом полученного опыта, воспринималось с недоверием. И вдруг действительно я получаю путевки на жену и на себя в Гурзуф. Мало того, начмед армии звонит мне и говорит, что в Гурзуфе уже заказали номер: «Можете брать детей и ехать».

Я был на седьмом небе. А дома вообще ликовали. Звоню командарму и благодарю его от себя и семьи. Откровенно сказал ему, что даже не верится, хотя путевки в руках.

— Вот так будет всегда — только летом и на море! — подвел черту Виктор Георгиевич.

Все это происходило в середине августа 1964 года. Мы собрались, благополучно добрались с берега Белого моря до берега Черного, т. е. от Кандалакши до Гурзуфа. Все — как в

сказке. Даже двухкомнатный номер.

Проходят первые сутки. Мы плаваем, загораем, вдыхаем ароматы чудесного приморского парка нашего санатория. Проходят вторые сутки — все вроде спокойно, но на душе что-то тревожно. Однако уже расхрабрились и на третьи сутки после обеда мы решили пройти по всему гурзуфскому побережью и изучить, кто и как здесь представлен. Впечатлений было много. После интересной прогулки зашли в столовую, поужинали и отправились к себе в номер. А здесь нас ожидал сюрприз — дежурная вручила сразу две телеграммы. Обе приблизительно одинакового содержания, но одна из Ленинграда за подписью командующего войсками округа, а вторая — из Петрозаводска за подписью командарма. Было сказано, что уже завтра Главная военная инспекция начинает проверять дивизию и что я должен немедленно прибыть к месту службы.

Я ничего не мог понять. Ведь всем хорошо известно, что о начале инспектирования с перечислением конкретных дивизий становится известно за 7–10 дней. А здесь — всего за двое суток?! До моего отъезда в отпуск наверняка было известно, что нашу 54-ю мотострелковую дивизию тоже будут инспектировать. Почему же меня отправили в отпуск? Но как бы я ни возмущался, однако время дорого, надо действовать. Вдруг приходит дежурная и приносит еще одну телеграмму — уже из Кандалакши за подписью заместителя командира дивизии. Она подтверждала две первые. Я отправился с этими телеграммами к начальнику санатория. Он дал мне машину добраться до аэропорта и в моем присутствии связался с комендантом города, который пообещал лично втолкнуть меня в какой-нибудь самолет на Мурманск. А из Мурманска буду пытаться любым ночным поездом добраться до Кандалакши.

Сейчас, вспоминая эту операцию, сам не верю, что все произошло так четко. В Симферополе на аэровокзале меня действительно ждал комендант города, полковник. Шла посадка на мурманский самолет. Он уже договорился о том, что меня возьмут. Я на всякий случай держу с собой телеграмму. За билет я расплатился уже на борту самолета. Через три часа уже был в Мурмашах — это аэродром южнее Мурманска. На такси добираюсь до железнодорожного вокзала. Но дежурный комендант говорит, что кроме поезда «Мурманск — Москва» других нет. А он приходит в Кандалакшу на час позже в сравнении с поездом «Москва — Мурманск», с которым приезжает инспекция. Меня это не устраивает. Начинаем перебирать товарные поезда. Один отправляется через час и в Кандалакше останавливается. Приходит за полтора-два часа до прихода

поезда из Москвы. Это было прекрасно! Дежурный комендант передал меня какому-то железнодорожному начальнику, а последний привел прямо к товарняку, познакомился с бригадой на тепловозе, предупредил, что я поеду до Кандалакши, затем отвел на тормозную площадку в середину состава. Там никого не было. Минут 10–15 посудачили. Тут подошел мужичок в брезентовом плаще, бросил на площадку свою сумку и сверток, зажег и подвесил фонарь. Разговорились. Оказалось, что мы ждем именно его. Величали его Петром. Он сам сказал мне с гордостью: «Я хоть и не Великий, но Петр». Железнодорожный начальник, распрощавшись, ушел, и мы остались вдвоем. Петр обошел весь состав, постукивая молоточком по колесам и куда-то заглядывая. В установленное время состав дернулся и, набирая скорость, покатился.

Петр, скептически посмотрев на мою легкую одежонку, развернул свой сверток, достал такой же, как у него, плащ и дал мне: «Набрось на плечи — без него продует насквозь. Не бойся, там никаких паразитов нет». Последнее он добавил, когда я начал внимательно рассматривать эти брезентовые доспехи — плащ с капюшоном, который пристегивался. Я, естественно, поблагодарил и надел. Петр кое-что поправил и, любуясь своей работой, оценил: «Вот теперь нормально».

До Кандалакши наш товарняк «пролетел» без единой остановки. Петр оказался неразговорчивым, да и у меня не было желания говорить о чем-то постороннем — все мысли были в Кандалакше. Правда, кое-что я выяснил. Оказывается, сам он родом из Медвежьегорска, а свояк его — сверхсрочник, механик-водитель танка, служит в учебно-танковом батальоне в Пиндушах, где я когда-то проходил курсы танкистов (я припомнил этого старательного и опытного старшего сержанта). Кроме того, я понял, что состав в основном предназначен в Харьков (в порту загружали какое-то оборудование), но вторая половина будет отцеплена в Петрозаводске. Вот почему сам Петр и располагался в месте расцепки.

В Кандалакшу прибыли около двух часов ночи. Распрощался с Петром, как с родственником. Пожелал ему всего наилучшего, пригласил в гости в Кандалакшу. Он все улыбался своим щербатым прокуренным ртом и ничего не говорил. Лишь в конце выдавил:

— Ну, бывай..

Я отправился в военный городок пешком — так быстрее, чем звонить от коменданта и вызывать машину. Шел, так же как летел и ехал, и «перебирал все косточки» своим вышестоящим начальникам. Ну, неужели нельзя все сделать по-человечески,

предупредить заранее? Это хорошо, что мне так повезло с перекладными. А если бы не было самолета или не посадили — ведь все билеты были проданы за месяц, это август, время массовых отпусков. А если бы не было вообще никакого поезда? Да в конце концов я лично обязан же подготовиться!

Иду, а сам смотрю на военный городок: во всех окнах свет, все улицы освещены. Внутри снуют легковые машины. Кругом люди. Захожу на контрольно-пропускной пункт, меня останавливают вопросом:

— А вы к кому?

— То есть как к кому?! К себе. Я же командир дивизии полковник Варенников. Вы что?!

— Ох, извините, товарищ полковник, не узнали. Но откуда вы такой?

До сих пор вспоминаю этот вопрос моих солдат и сопоставляю его с вопросом милиционеров к Борису Николаевичу Ельцину, когда тот пришел к ним на пост мокрый, грязный и с цветами, будто бы кто-то сбросил его с моста в речушку, накинув на голову мешок.

Однако, придя домой, глянул на себя в зеркало и ахнул: все лицо в саже и пыли, рубашка замызганная, небритый. В общем, как пещерный человек. Хорошо, что и в таком виде солдаты признали, а если бы задержали? Вот был бы номер!

Вызвал машину. По телефону переговорил со своим незабвенным другом, товарищем и сослуживцем — армавирским земляком, а ныне начальником штаба дивизии полковником Дубиным (служба опять нас свела в одну «семью») и с заместителем командира дивизии полковником Бринбергом (а на Рыбачем у меня был заместителем командира полка подполковник Гринберг). Оба были рады, что я уже на месте, и крайне удивились, что в такое жаркое для транспорта страны время мне удалось добраться в столь короткие сроки.

Мигом распределили обязанности: Дубин остается в штабе и оттуда осуществляет координацию, а Бринберг же отправляется сейчас на вокзал встречать комиссию. Мы встречаем вместе и с помощью группы офицеров развозим и разводим всех по гостиницам. Те, кто будет проверять гарнизон Пинозеро, сразу выедут на место. Группа, проверяющая гарнизон Ахмалахти (а там одна треть дивизии), может отдохнуть до утра в Кандалакше и затем отправиться на место или же в сопровождении заместителя командира дивизии отбыть сразу. Это решим на месте с руководством комиссии.

Я быстро привел себя в порядок, надел полевую форму, ведь все может быть — а вдруг поднимут по тревоге? Кстати, сказал и

Дубину, чтобы он передал об этом в части. На вокзал приехал, когда до прихода поезда оставалось еще 12–15 минут. Гляжу — по перрону прохаживается командующий армией. Я подошел, представился.

— А ты откуда? — обрадовался Куликов.

— То есть как откуда? Из Гурзуфа. Отдохнул, хватит шляться по курортам, да еще и летом. Надо совесть знать. Вот и прискакал.

— Однако «прискакал» весьма оперативно. Я только не пойму, каким поездом?

— Товарищ командующий, после я все подробно доложу. Но хотелось бы знать, почему же все получилось внезапно? Ведь объект, сроки проверки и программа обычно известны минимум за неделю!

— Верно. Но в данном случае «намудрил» округ. Они даже меня не предупредили, хотя все заранее знали и программу имели на руках. Инспекция наметила проверить мурманскую 131-ю дивизию. А командующий войсками округа уговаривал проверить вашу 54-ю. Это тянулось до самого последнего момента, когда уже подоспела пора выезжать инспекции и были взяты билеты на поезд. Тогда Казаков обращается с этой просьбой непосредственно к министру обороны. При этом говорит, что 54-я дивизия и по пути движения инспекции, и Военный совет просит… Министр дал согласие. вслед за этим последовали соответствующие распоряжения, в том числе и в Гурзуф. Я приехал вчера, мы с группой поработали со штабом дивизии и в частях. Думаю, что, хотя все и произошло внезапно, мы должны отчитаться достойно.

И смотрит на меня вопросительно.

— Конечно, — говорю я, — будем стараться изо всех сил.

Подошел поезд. Команда приехала огромная. Когда «инспектирующие» высыпали на перрон, это произвело такое впечатление, будто в поезде ехали одни военные. Руководитель инспекции здесь же согласился с нашими предложениями развести членов его «команды» по проверяемым гарнизонам (оказывается, они уже в поезде сделали соответствующие перерасчеты), затем пригласил старших, я свел их с нашими офицерами, и все отъезжающие в другие гарнизоны отправились к своим автобусам. Затем мы договорились, что все остальные развозятся по гостиницам в нашем военном городке, устраиваются, а в 9.00 после завтрака встречаемся в штабе для разрешения всех организационных мероприятий.

Забегая вперед, скажу, что наша дивизия на этой проверке отчиталась весьма успешно. Поэтому, дабы меня не упрекнули в

самовосхвалении, я опущу подробности, сразу перейду к принципиальному для нас итогу, но коснусь только отдельных эпизодов, где нам пришлось изрядно поволноваться.

Главным для нашей дивизии итогом было то, что она попала в приказ министра обороны. Оказывается, в 1964 году очень широко проводилось инспектирование многих военных округов, групп войск и флотов. И впервые был издан приказ министра обороны, где отмечались лучшие дивизии Вооруженных Сил СССР. Среди Сухопутных войск было отмечено шесть дивизий из двухсот девяти, входивших в их состав. В числе этих шести оказалась и наша 54-я мотострелковая дивизия. Но каких это стоило трудов! Кто подвергался проверке той еще Главной инспекции, которая была и интеллектуально, и профессионально, и морально-нравственно на должной высоте, тот знает, чего стоит получить у нее хотя бы тройку, не говоря уж о четверке и тем более пятерке.

Кстати, в числе шести была отмечена и 20-я Гвардейская стрелковая дивизия, которой в то время командовал генерал-майор Н. В. Огарков. В последующем нас свела судьба в Генеральном штабе Вооруженных Сил. Он был начальником Генштаба, а я — первым заместителем начальника Генштаба — начальником Главного оперативного управления.

Итак, наша дивизия вошла в число лучших в Вооруженных Силах. Не скрою, мне особо приятно было видеть, что командир дивизии, как и другие, тоже был отмечен в приказе министра обороны СССР. Но на пути к этому было преодолено столько препятствий! Отмечу только кульминацию. Когда вопрос оценок для всех полков был решен и уже вырисовывалась общая хорошая оценка, а в разделе боевой подготовки огневая подготовка дивизии могла быть оценена отлично, возникло одно «но». По положению, общая оценка дивизии не может быть выше оценки ракетного дивизиона. А с ним еще не проводилось главное — тактическое учение с пуском ракеты. Это учение обязан был проводить командир дивизии лично. Но практически бессонные ночи на протяжении всей проверки, начиная с момента моего прибытия, конечно, уже давали себя знать, хотя, в принципе, на здоровье я не жаловался. Но к тому времени я был измотан до предела и надо было поспать хотя бы несколько часов. Однако выкроить пару-тройку часов для этого не удавалось. Накануне учения в 22.30 меня вызвал генерал-лейтенант Борис Иванович Баранов, приказав захватить с собой план проведения учения. Доложил я ему нормально, к моему плану он отнесся одобрительно. Однако в итоге сказал:

— План хороший. Но будем проводить иначе.

И начал наговаривать мне новый план учений — с другим районом, с другими маршрутами, с другими позициями.

— А цели в ходе учения я сам буду назначать, — добавил генерал.

Отпустил меня в час ночи и приказал, чтобы в 4.00 я представил ему на утверждение новый план. Естественно, все было сделано точно к назначенному времени. Утверждение произошло без замечаний, а в 5.00 мы уже подняли дивизион по тревоге и стали выводить его в запасный район, где в последующем он будет действовать в рамках учения, и далее все пойдет по плану.

Я понимал генерала. Инспекция просто не могла принять мой план, хотя мы его и разработали в ходе инспектирования дивизии, из-за чего учение и было перенесено на последние дни. Однако инспекция именно поэтому не могла исключать того, что учение по этой схеме уже проводилось, а следовательно, всем все известно. В связи с этим первый план был на всякий случай отвергнут и пришлось оперативно составлять новый, причем само учение длилось двое суток.

Наконец все этапы были пройдены, расчеты дивизиона работали, как часы. Когда командир дивизиона подполковник Логунов, внешне похожий на Геркулеса, с головой, работающей как электронная машина, доказал уже инспекции, что свалить его невозможно, ей ничего не оставалось, как только дать «добро» на реальный пуск ракеты на полигоне — с позиции и по цели, которую укажет генерал. Сразу после разрыва головной части ракеты мы на «газиках» ринули по бездорожью к этому месту. Читатель может представить мое состояние. Оценка дивизии, напомню, не может быть выше оценки ракетного дивизиона. А в оценке дивизиона решающую роль играет практический пуск ракеты. «Газик» прыгал с ухаба на ухаб, а я думал: «Ну из каких соображений исходил и чем руководствовался автор Инструкции для инспекции? Ведь если все полки и отдельные дивизионы получили хорошую оценку, а ракетный дивизион провел пуск на неуд и сам оценен неудовлетворительно, то и вся дивизия получает неуд! Очень странное правило, но факт, с которым не поспоришь. Я ехал и переживал как никогда. Думал про себя: «Это, наверное, уже подбирается старость. Ведь мне уже сорок!»

Приезжаем на место. Прибывшие с нами топогеодезисты отмерили, посчитали — отклонение от контрольной точки всего 17 метров! Ура! Это сверхотлично. Генерал жмет мне и командиру дивизиона руки (ему тоже разрешили выехать). Все друг друга поздравляем. Все довольны.

Я оставил дивизион на месте переночевать, отдохнуть,

привести все в порядок, а на рассвете вернуться в Кандалакшу. Сам же, а также генерал и его помощники, отправились в Кандалакшу. Путь большой — по времени около четырех часов, поэтому я сразу завалился сзади на сиденье и уснул сном младенца, а офицер-оператор и водитель всю дорогу грызли зеленые кислющие яблоки, от которых челюсти сводит и глаза «вылазиют». Так что им было не до сна. В штаб дивизии мы прибыли ближе к вечеру. Там уже все всё знали и на огромной схеме (вот обнаглели!) успели проставить ракетному дивизиону все оценки, в том числе за тактические учения с пуском ракеты. Не было только общей оценки, как и у других.

Командарм похвалил нас за ракетный дивизион, а затем удалился с генералом Барановым — очевидно, подбивать окончательные итоги. Надо отдать должное и Виктору Георгиевичу Куликову, и его группе: они, конечно, хорошо помогли частям и в организации, и в мобилизации сил, и во взаимодействии с проверяющими.

Разбор прошел на подъеме. Там же командующий армией наградил отличившихся. Мы проводили комиссию, руководство армии и начали набирать обычный ритм жизни и боевой учебы.

Через два-три дня заходит ко мне начальник штаба Леонид Дубин и говорит:

— Надо ехать вам обратно в Гурзуф.

— Пожалуй, следует посоветоваться с командармом, — возражал я. — Да и времени уже много прошло. Почти две недели.

— Во-первых, если вы хотя бы недельку поваляетесь на пляже, это уже здорово. Во-вторых, можно договориться и продлить путевку. В-третьих, командарму надо позвонить и сказать, что вы поехали, иначе он опять заарканит.

Леонид как в воду смотрел: в этот же день, будто подслушав наш разговор, звонит Куликов:

— Я подумал: ну, куда ты сейчас поедешь в отпуск? Путевка кончается. В сентябре — октябре надо хорошо подготовиться к зиме. А там — подводить итоги за год, потом проведение сборов. Да и новый учебный год надо начать организованно. Кстати, в округ вместо Михаила Петровича Казакова приехал новый первый заместитель командующего округа — генерал-полковник Сергей Леонидович Соколов. Он, конечно, начнет объезжать войска, знакомиться. Хорошо, если командир дивизии будет на месте. Надо позвонить своим в Гурзуф и рассказать: так, мол, и так.

Я понял, что главное — это возможный приезд Соколова. А остальное — от лукавого. О каких итогах может идти речь, если только что проинспектирована вся дивизия? Это командирам

частей самостоятельно надо проверить те подразделения, которые не подвергались общей проверке. Разгадав замысел командарма, я ответил:

— Мне все понятно.

— Что понятно?

— Что надо позвонить в Гурзуф и дать команду, чтобы по истечении срока путевки ехали домой.

— Ну да! Они приедут, и ты с ними в Кандалакше недельку отдохнешь.

Это уже было смешно, и я, конечно, не выдержав, расхохотался.

— Ты чего смеешься?

— Да как можно командиру дивизии отдыхать, находясь в дивизии? Я уверен, что вы сами в это не верите. Товарищ командующий, все будет нормально. Не беспокойтесь.

Позже мы не раз вспоминали с Виктором Георгиевичем его категорическое решение — направлять командиров дивизии в отпуск только летом (ведь служба в Заполярье), и только с семьей, и только в санаторий, и только на море. Кстати, предметом наших воспоминаний был не только этот случай, но и многое другое, но уже более позднего периода.

Осенью этого 1964 года, когда уже выпало довольно много снега и стоял приличный мороз, к нам приехал Сергей Леонидович Соколов. Поезд приходил только ночью. Я встретил его, разместил, а утром после завтрака он начал знакомиться с Кандалакшским гарнизоном.

Кстати, в составе его команды был офицер-оператор, с которым я служил на фронте в одной части — 100-м Гвардейском стрелковом полку. Это был полковник Аношкин Виктор Иванович. Умный, толковый офицер. Рвался в войска, но его из штаба не отпускали — тянет! Ну, и пускай тянет. А ведь мог бы отлично командовать дивизией.

К нам Аношкин приехал с высокой температурой, и его сразу с поезда увезли в госпиталь. А у него был документ, подписанный командующим войсками округа дивизии по тревоге. Поэтому генерал-полковник Соколов два дня все «изучал» гарнизоны дивизии, а я все хожу с ним и думаю — когда же будет главное (т. е. подъем по тревоге). В то время мне, конечно, было не известно, почему генерал задерживает. Но вот на третий день болезни В. Аношкин вышел из госпиталя.

Генерал-полковник Соколов после очередного утреннего просмотра частей Кандалакшского гарнизона вместе со мной приблизительно в 11 часов пришел в штаб, поднялся ко мне в кабинет, а его офицеры разошлись по частям, что меня

насторожило. Я предупредил начальника штаба о возможных действиях. По просьбе Соколова мы сели за стол, и я развернул карту дислокации частей дивизии.

Аккуратно доложил расположение дивизии. Затем он вдруг предъявил удостоверение на право подъема дивизии (дивизию имел право поднять командующий войсками округа и выше), но из военных городков не выходить — ждать задачу. Я отдал распоряжение начальнику штаба и оперативному дежурному, обратив особое внимание на то, что части будут действовать по задаче, которую получат дополнительно, поэтому выйти только в пункты сбора.

Затем генерал, потребовав чистую карту местного района, быстро и умело набросал обстановку и сказал, что именно по ней мы и проведем командно-штабное учение. Так все и развивалось. Частям, после проверки их представителями округа, был дан отбой, и они занимались по своему расписанию. Штабы же частей со своими командирами были привлечены к этому учению. Точнее — к командно-штабной тренировке на местности. Будучи до прибытия к нам в округ начальником штаба Московского военного округа, Соколов, конечно, имел большие знания и богатый опыт в этой области. Поэтому и тренировка нам дала достаточную пользу и он, несомненно, достиг своей цели: увидел, кто есть кто. Но не обошлось и без накладок.

Ориентировочно в 14.00, уже находясь в поле, я предложил ему пообедать. Однако генерал сказал — попозже. Часа через два я еще раз предложил — он повторил то же самое. Я решил больше не навязываться с обедом, но начальнику штаба приказал, чтобы все были накормлены, естественно не прекращая боевой работы. Что касается меня, то я был уже закален Севером так, что в любом режиме жизни и работы чувствовал себя нормально, тем более в поле. Зимой, чтобы заморить червячка, два-три крутых комочка снега проглотишь и — прекрасно. А если еще представишь, что это был не снег, а «пломбир», то уже и сыт. У нас в Заполярье снег был не просто стерильный, но еще и ароматный. А летом и осенью полно грибов, хоть коси, да различных ягод. Особенно много черники, морошки, голубики, клюквы, а брусника и зимой не опадает. Районами попадаются малинники.

Вот и сейчас: коль обед откладывается на неопределенное время, я скомкал снежок в комочки и периодически подбрасываю их себе в рот. Вот уже и голова лучше работает. Еще Суворов нам завещал: «Держи голову в холоде, живот — в голоде, а ноги — в тепле». В общем, штабная тренировка продвигалась вперед. Словоохотливым генерал не был. Командующий войсками округа Казаков вообще молчал. Ну, а этот периодически, не торопясь,

задавал вопросы. Ему отвечали. Но он, как правило, своего отношения к этим ответам не высказывал, видно, резервировал для разбора.

Я невольно сравнивал: когда приезжал командарм Куликов, а до него — Лосик, то все имели возможность наговориться всласть. Но у каждого начальника свои методы. Нравится тебе или нет — изволь учитывать эти обстоятельства. Служба есть служба. Но все это не означало, что надо подстраиваться под начальника. Отнюдь! Принимая во внимание все его особенности, следует высказывать только свое мнение и по обстановке, тем более если требуется доложить решение. А уж коли объявил его — добейся, чтобы оно было выполнено. Так воспитывались и подчиненные, особенно командиры полков. Мало того, они знали, что если доложил решение, а оно было воспринято молча, то надо действовать без оглядки и никогда не допытываться: «Вы утверждаете или у вас есть вопросы, замечания?» Нет! Только вперед! Тактические учения, как и бой, — это не академический курс, где можно дискутировать: правым флангом наносить главный удар или левым. Решение принято, объявлено — значит, всё должно быть поставлено на всестороннее его обеспечение и проведение в жизнь.

Приблизительно так мы действовали и на этот раз. Особых замечаний не получили. Где-то часов в 20.00 генерал сказал: «Вот теперь можно и пообедать». А мы, «наступая», не дошли до Аллакурти километров 20–30. Нам принесли в автобус еду. Мы молча, но с аппетитом поели, попили чайку. Затем в штабном автобусе разобрали сложившуюся обстановку и генерал объявил «отбой».

Приблизительно через час собрались командиры частей и начальники штабов. В течение часа генерал провел разбор. Отметил в лучшую сторону командиров полков Прокудина и Крапивина, а также похвалил штаб дивизии во главе с Дубиным. Поставил задачи.

Ночью мы вернулись в Кандалакшу, и в эту же ночь генерал-полковник Сергей Леонидович Соколов уехал в 131-ю мотострелковую дивизию в Мурманск. Провожая группу на вокзале и прохаживаясь в ожидании поезда, я почувствовал, что генерал уже стал менее официален, «ледок» подтаял и повеяло «миром». Хотя и «войны» не было. Но официоз был.

Проводив руководство, занялись своими житейскими делами. Утром я еще не успел собраться с мыслями, чтобы звонить в Петрозаводск, как Куликов сам оттуда вышел на меня: «Ну, как?» Доложил — как! Все подробности, естественно, выложил. Командарм помолчал, а затем неопределенно сказал:

«Понятно…»

Не прошло и месяца, командарм снова звонит:

— Слушай, надо организовать охоту на оленя. Это же красота — северный олень!

Я про себя подумал: командарм вроде не охотник и никогда даже не проявлял интереса к этой области, а тут — на тебе!

— А кто будет охотиться? — спрашиваю.

— Да какая разница кто? Надо.

— Дело в том, что, во-первых, сейчас уже очень короткий день — светлого времени всего шесть-семь часов; во-вторых, если это на вашем уровне, то я предложу лучше охоту на лося — это наверняка; в-третьих, если речь идет именно и обязательно об олене, то надо отыскивать стада, а это не так просто.

— Я тебе позвоню через час.

Разговор происходил утром во вторник. Действительно, через час звонит:

— Приедут на оленя командующий войсками округа Казаков, первый его заместитель Соколов и, разумеется, я.

— На какой день готовить?

— На субботу. Они едут в Мурманск, но по пути в субботу и воскресенье заглянут к вам, а затем мы все поедем дальше.

Машина закрутилась. Еду в райисполком отыскивать местных охотников. Они рассказывают, как это сделать, и берутся организовать охоту, естественно, с нашей помощью.

Вторник у них ушел на сборы. Среда и четверг — на отыскание стада и определение способа их загона в нужную нам долину, где будет в снегу лежать засада из охотников. Вечером в четверг докладываю командарму:

— Стадо нашли, но далековато — в районе озера Имандра.

— Это в сторону Африканды?

— Да, севернее Кандалакши. Надо ехать на машине до озера и, не доезжая Африканды, свернуть налево, на запад в общем направлении на Ковдор. Между Африкандой и Ковдором стоит гора Уполокша — южнее Лапландского заповедника. Там большая долина, где пасутся дикие олени, потому как под снегом много ягеля. Придется несколько километров проехать по озеру.

— Ну, а как лед на озере?

— Нормальный.

— Итак, мы выезжаем.

Как всегда, в 3.00 часа поездом «Москва — Мурманск» приехал в своем вагоне Казаков. Вместе с ним Соколов и Куликов. Вагон отцепили и поставили в тупик. Вышел порученец командующего и сообщил: «Утром в 9.00 все трое после завтрака готовы ехать в военный городок. Группа офицеров штаба округа

уже этим поездом следует в Мурманск в 131-ю дивизию. А Казаков, Соколов и Куликов побудут у вас в Кандалакше сегодня весь день, а затем в следующую ночь, т. е. с субботы на воскресенье, отправятся в Мурманск.

С зазором в полчаса я подъехал на двух машинах к вагону. Вскоре генералы вышли. Командующий войсками округа Казаков, Соколов и Куликов сели в «Волгу», а я с порученцем командующего — в «газик», и мы отправились в дивизию. Командующий войсками стал медленно обходить части и внимательно, детально изучать положение дел. А в это время мне по радио из района охоты сообщили, что все готово: стадо приближается, загонщики на своих местах — надо начинать. Я незаметно доложил обо всем Куликову. Тот рассказал Соколову. Последний кивнул головой, но командующему войсками не доложил, видимо, не решившись прервать доклад. А Казаков медленно переходит из одной казармы в другую, задержался возле парка боевых машин. Командир полка полковник Прокудин подробно докладывал, а Казаков терпеливо выслушивал. Затем мы переехали в ракетный дивизион дивизии. Во время посадки в машины я вынужден был уже резко сказать Куликову, что им надо немедленно ехать или отказаться от затеи поохотиться — светлое время скоро кончится.

У ракетчиков командующий опять «застрял». Командир дивизиона начал подробно докладывать, как вверенный ему личный состав добыл отличную оценку на инспекторской проверке. Был парково-хозяйственный день. Все находились на обслуживании техники. Конечно, Казакова потянуло туда, а командиру дивизиона того только и надо — он взахлеб рассказывал о достоинствах нашей техники.

А мне тем временем по радиостанции, которая стояла в «газике», из района охоты продолжали идти доклады о том, что все готово и надо поторопиться. Смотрю на часы — уже 13.30, то есть осталось 2–2,5 часа светлого времени. Тогда я громко говорю Куликову, чтобы слышал Казаков: «Если мы сейчас не выедем, то нет смысла вообще ехать. Скоро стемнеет».

Учитывая такой оборот, Соколов поддержал меня: «Товарищ командующий, комдив прав. Скоро стемнеет, надо ехать». Казаков еще немного походил, потом молча направился к нашим машинам. Около часа ехали на автомобилях. Затем на берегу Инандры пересели на ГТС (их было два — в один забрались мы все, а второй страховал нас) и отправились по заснеженному льду озера к месту охоты. Рассчитывали, что поездка займет минут 20–30. Но, выехав на середину озерной части, наш ГТС стал продавливать лед и проваливаться. Поверх ледяных глыб и снега

начала подниматься вода. Это вызвало у механика-водителя (рядом с ним сидел Казаков, а мы все сзади) некоторое замешательство. Я скомандовал:

— Вперед!

— Есть вперед, — повторил механик-водитель и дал полный газ.

ГТС вырвался из этой пучины, но, не проехав и 50–70 метров, опять провалился. И так продолжалось около полутора километров. Генералы Соколов и Куликов на меня наседают: «Ты куда нас затащил? Тут беда может случиться! Почему лед проваливается?»

А я молчу. Только изредка подбадриваю механика-водителя: «Все правильно! Вперед! Пошевеливай». Казаков не проявлял никаких признаков недовольства или опасения. Сидел молча и только смотрел вперед. Больше всех переживал Куликов — как бы чего не стряслось.

Что же касается меня, то мне уже нечего было терять: провалимся и потонем — так все вместе. Но, совершенно не показывая вида, что мы в сложнейшей опасности, я продолжал утверждать: все нормально. Хотя сам не мог понять — а что же происходит? Это потом уже из рассказов наших офицеров стало известно, что руководство гидроэлектростанции несколькими днями раньше нашего приезда сделало пуск излишней воды, которая накрыла сверху материковый (в 60–70 сантиметров) лед на полметра. Эта вода сверху образовывала второй панцирь льда, но тонкий — сантиметров в 10–15, а между этими ледяными пластами был слой воды. Вот почему мы хоть и проваливались, но вскоре выползали на ледяную кромку и шли дальше.

На эту езду с препятствиями мы потратили почти час. К месту охоты прибыли, когда уже стояли сумерки. Запросили по радио посты загона. Нам ответили, что еще можно попытаться «тронуть» стадо и погнать. Все, кроме меня, переоделись — надели шапки-ушанки, теплые куртки и брюки, байковые портянки и валенки, вылезли из ГТС и под руководством охотника-специалиста спустились в долину — это метров 500–700 от нашей стоянки и залегли цепью в снег, метрах в 50–70 друг от друга. Однако командующий войсками с нами не пошел — темно и холодно. Остался сидеть в теплом ГТСе и наблюдать за нашими действиями. Радиостанция тоже осталась в ГТСе. Минут через 30 нашего лежания по радио сообщили, что загон пошел, стадо поднялось. Мы зарядили ружья. Соколов на всех цыкнул, чтобы никто не шевелился. Эта мера была правильной. Северный олень — очень чуткое животное. И, что особенно важно, он несется как метеор — со скоростью 70–80 км/час. При этом надо учесть, что

цвет у него светло-пепельный, поэтому на фоне снега ночью без подсветки вообще не увидишь. Но когда мы залегли, то фоном вдалеке, метрах в 500–600, был темный лес. Это облегчало обстановку. К тому же на месте стоянки наших ГТСов я поставил двух человек, которые должны были с началом нашей стрельбы осветить всю долину.

Было уже слышно, как вдалеке прозвучали два выстрела, а затем загонщики создали шумовой эффект. Наступившая ночь, точнее, вечер был очень тихий. Над долиной сияло звездное небо. Мороз был небольшой — около 20–25 градусов, но когда, не двигаясь, долго лежишь в снегу, то, естественно, коченеешь. А я оказался в худшем положении. Пока все переодевались, я сбегал на рубеж, который должен занять для стрельбы, проверил — все ли готово, и вернулся обратно. Шапку и куртку пришлось надевать на ходу, успел схватить ружьё и вместе со всеми отправиться на огневой рубеж. Конечно, брючки и сапожки, явно не рассчитанные на лежку в снегу, «давали о себе знать». Не притупляя бдительности, полностью погрузившись в наблюдение за долиной и стараясь в очень отдаленных шумовых действиях загонщиков распознать топот оленьих копыт, я все-таки энергично двигал пальцами ног, напрягал и отпускал мышцы бедер, чтобы не отморозить ноги.

Шум стал приближаться. Уже можно было различить звуки рожков. Куликов начал было ворочаться в своей снеговой ячейке (наверное, проверял — сможет ли он двигаться или уже все?), но Соколов заворчал на него, и все опять стихло. Да и звуки стали жидкими. А через некоторое время вообще все замолкло. Я почувствовал неладное. Вообще с момента начала нашего похода сюда уже было видно, что все перезрело и охотиться было поздно. Поэтому и зародилась неуверенность. Когда добрались до места, это чувство еще более усилилось. Вдруг слышу сзади скрип снега. Оборачиваюсь — к нам от ГТС бежит человек: «Командующий приказал всем возвращаться — стадо оленей ушло в параллельную долину».

Мы поднялись, размяли заледеневшие тела и, чертыхаясь, пошли к ГТС. Казаков, окая, как истинный вологжанин, встретил нас весьма «ласково»:

— Дурокам зокон не писон. Полежали в снежочке и хватит. Я знал, что затея пустая. Забирайтесь в машину и поехали обратно.

Я, конечно, злился, но сдерживал себя: приехали-то вместе с темнотой, а кто в Заполярье охотится по ночам?! Но все-таки я связался по радио с загонщиками и узнал, что стадо действительно умчалось в соседнюю с нами долину. А заранее перекрыть ее было невозможно, так как это спугнуло бы оленей.

В общем, мы намаялись изрядно, а толку никакого. Как говорится в народе: охота — пуще неволи. В обратный путь двинулись тем же маршрутом, но пробовали идти параллельно с прошлым путем. И опять проваливались в ледяную купель, и опять из нее выбирались. Когда образовывалась очередная полынья, то она сразу почему-то начинала парить. Каждый раз, как мы проваливались, Соколов и особенно Куликов выразительно смотрели на меня, будто спрашивая: «Это что — уже конец?» Но, понимая, что я и сам этого не знаю, переводили взгляд вперед, а впереди — с невозмутимым видом сидел флегматичный Казаков и рядом — потный от напряжения механик-водитель. Приблизительно через час мы добрались до берега, где на дороге нас ждали машины. Но здесь уже был разбросан крохотный палаточный городок. Я пригласил всех в большую палатку. Внутри она была ярко освещена электрическим светом, посередине, ближе к задней стенке, стоял накрытый для трапезы красивый и весьма аппетитный стол. Если учесть, что мы еще и не обедали, то можно понять наш немой восторг.

Казаков остановился посреди палатки и, глядя на стол, выдал (конечно окая):

— Вот дураки-то! Сюда сразу надо было и ехать.

Все повеселели, стали шутить. Сняли верхнюю одежду, здесь же, в углу, помыли руки и принялись за еду. Все было свежее, вкусное. «Гвоздем программы» был, конечно, наш заполярный деликатес — олений язык. Все за столом действовали активно, а Казаков не унимался:

— Вот если бы вы все в поле сейчас так работали, как за столом.

Естественно, охотники стали отбиваться:

— Мы бы и там показали класс, если было бы во что стрелять.

— Если бы да кабы…

Обед-ужин шел к концу, как вдруг в палатку входит крепкий мужичок лет пятидесяти, с бородкой, тащит в руках оленью голову и прямо к Казакову:

— Михаил Ильич, мы таки одного завалили, когда стадо свернуло в сторону. Смотрите, какой красавец! Это в доказательство, что олени были.

Все встали из-за стола и начали рассматривать оленью голову. Действительно, красавец! Северный олень значительно меньше центральноевропейского и рога у него тоже намного меньше, а главное — нет симметрии в развитии обеих ветвей рогов. Здесь же было какое-то исключение. Очень светлая голова и шея, а на этом фоне — черный, с большими, слегка

вывернутыми ноздрями нос, черные огромные глазища, темные уши и черная линия шерсти, которая идет от носа и, расширяясь ко лбу, а затем сужаясь, бежит по холке. Что и говорить — красавец!

— Даже жалко такого, — промолвил кто-то, вздыхая.

— Но он уже староват. Посмотрите на зубы, — и охотник задрал оленью губу. Действительно, зубы были сильно стерты, особенно передние. Все наперебой начали высказываться об оленях и их повадках, стараясь блеснуть знаниями в этой области. Заключил Казаков:

— Что и говорить-то! Олень отменный.

Снова уселись за стол — попить чаю. Казаков усадил с собой охотника, и тот за едой рассказывал ему о мире зверей этого края. Остальные охотники тоже уже пришли на лыжах и ужинали в других палатках. Оказалось, что «наш» охотник родом из Белозерска. Это на севере Вологодской области. Такое обстоятельство внесло еще больше тепла в отношения собеседников — ведь земляки.

Наконец, закончив трапезу, мы поехали в Кандалакшу. Дорога была расчищена (наши дорожники всегда были на уровне), поэтому шли с приличной скоростью. Впереди катилась «Волга» с тремя генералами, а за ней мы жали на все педали, чтобы не отстать. Не доезжая 10–15 километров до Кандалакши, «Волга» вдруг резко взлетела на ровном участке дороги, затем, приземлившись и вихляя вправо-влево, все-таки выровнялась. Мы притормозили, нас развернуло, и мы боком перекатились через не очень глубокую, но широкую канавку. Эта встряска, конечно, мигом согнала со всех сон. А в довершение всего пассажиры «Волги» ушибли головы. Таким был финал нашей неудавшейся охоты. Позже Куликов рассказал мне об этом злоключении подробно:

— Я не спал. Внимательно смотрел за дорогой. Никаких препятствий не было, и вдруг ни с того ни с сего всех подняло и ударило о крышу — папахи наши свалились, но они самортизировали удар, затем машина снова взлетела, с грохотом опустилась на дорогу, и мы ударились еще раз. Не знаю, почему у «Волги» не отвалились колеса? Но водитель справился с управлением и движение нормализовалось. Наблюдаю за реакцией Михаила Ильича — он надел папаху и, немного склонившись влево, правой рукой полез в карман шинели. У меня почему-то мелькнула мысль — сейчас вытащит пистолет. Вдруг он достал яблоко и совершенно невозмутимо начал им аппетитно хрустеть.

К вагону подъехали уже в полночь. Распрощались, но в три

часа ночи я еще раз подъехал сюда, чтобы убедиться, что вагон прицепили к проходящему в Мурманск поезду. Вышел порученец: «Все храпят». Я пожелал счастливого пути. Поезд тронулся, и я уехал домой досыпать.

Но сон не шел. Одолевали разные думы, как ни странно, весьма далекие от этой злосчастной охоты. Еще не остыли в памяти недавние события, которые в октябре этого 1964 года произошли в Москве — сняли наконец Никиту Хрущева, освободив его от всех государственных и партийных постов. Пленум ЦК КПСС, так сказать, устранил негативные наслоения субъективизма и волюнтаризма. Мне же совершенно было непонятно, как мог Пленум так быстро устранить те негативы, которые породил Хрущев? Пресечь пагубное развитие последствий субъективизма и волюнтаризма — это было можно и нужно. Так же, как избрать новый курс по различным государственным стратегическим направлениям. Например, отношение к армии: надо было от хрущевских перегибов перейти к нормальному развитию, без потрясений. Так же и в сельском хозяйстве — не выдавливать из него последние соки, а поднять его, поощряя при этом индивидуальное, а также подсобное хозяйство промышленных предприятий, как было при Сталине. А возьмите позицию, которую Хрущев занимал по отношению к народу. Никогда не забуду его выступление в начале 60-х годов на стадионе в Мурманске. Мы были поражены его поведением. Собрались десятки тысяч людей, а он в полупьяном состоянии начал хамить и оскорблять народ. Я видел не лицо лидера Великой страны, а рыло. Неудивительно, что он отдал в июне 1962 года приказ расстрелять в Новочеркасске бунт народа в связи с перебоями в снабжении города. Это было первое «потепление» и реальное проявление «демократии». А хрущевские опыты в общегосударственном масштабе, так сказать, по совершенствованию системы управления? Сколько вреда принесли его необдуманные, неграмотные «реорганизации» и «эксперименты».

Кое-кто старается его обелить во внешней политике. Например, он-де пошел на компромисс с Кеннеди и тем самым погасил Карибский кризис. Но кто этот кризис породил? Хрущев. А ведь тогда мир был на грани войны с возможным применением ядерного оружия. Конечно, революционная Куба для США — что красная тряпка для быка. И по понятным причинам американцы всячески давили на Кубу, в том числе применяя свой излюбленный метод экономической блокады, демонстрацию силы — посылали к ее берегам свои военные корабли, в небе круглосуточно летали самолеты стратегической авиации США.

Но, сделав через ТАСС осенью 1962 года серьезное заявление, в котором США предупреждались, что в случае их агрессии против Кубы эти действия не останутся безнаказанными, наше правительство (а точнее Хрущев) не должно было переходить тот рубеж, за которым явно открывается катастрофа. Но Хрущев пошел именно по этому пути — тайно от всех, в том числе (как это выяснилось значительно позже) даже втайне от нашего посла в США. Завез на Кубу 42 оперативно-тактические ракеты с ядерными зарядами, которые простреливали США до Вашингтона, Нью-Йорка и Чикаго включительно. Причем, учитывая небольшое подлетное время и достаточную мощность заряда, — это, конечно, была открытая угроза США и в целом угроза развязывания мировой ядерной войны.

Необдуманный шаг не только не снял угрозу нападения США на Кубу, а провоцировал это нападение.

Поняв наконец, куда он, Хрущев, вогнал нашу страну, и не имея за душой никаких вариантов к маневру, он вынужденно соглашается на предложение Кеннеди: Советский Союз вывозит свои ракеты, а США обязуются не нападать на Кубу. В итоге США выступают как победитель, а СССР — унижен до предела. Больше того, США представляются хранителем международной безопасности, предотвратившим ядерную войну.

Разрыв с Китаем — это тоже «заслуга» Хрущева.

Конечно, сейчас все надежды были на нового первого секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Как он себя проявит? Ведь у нас такая громадная страна!

Между тем зимняя учеба 1964–1965 годов осталась позади. Мы сами подвели итоги.

В отличие от прошлых лет очень торжественно отметили 20-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это был действительно праздник всего народа. Мы почувствовали, что народу возвращают его Величие. В этом проявились первые шаги Л. И. Брежнева.

После майских праздников командующий Ленинградского военного округа проводил сборы командиров дивизий, бригад и выше. Как-то на общее построение перед очередными занятиями приехал Казаков. Он прошел вдоль строя, здороваясь за руку с каждым. Остановился возле меня и громко, так, чтобы слышали многие, начал отчитывать. При этом когда он кем-то или чем-то был расстроен, то окал значительно сильнее:

— Товарищ Воренников, вы что, в Москве окодемию себе пробиваете?

— Товарищ командующий, нигде ничего я себе не пробиваю, это не в моих принципах. И то, что вы говорите, я впервые слышу.

— Ну, как же! Мне все названивают из Москвы, и все Воренников, да Воренников, в окодемию, да в окодемию.

— Мне ничего об этом неизвестно.

— Разберемся.

Когда был объявлен перерыв и наш строй рассыпался, товарищи, конечно, начали меня атаковывать: «Ну, чего темнишь? Нам-то можешь все честно рассказать? Давай выкладывай!»

Подошел Куликов и высказал предположение, что, возможно, мой рапорт, который был подан три года назад, начал сейчас «действовать». То есть кадровики сами его подняли, учли результаты, которые имеет дивизия, и начали толкать меня вперед, на учебу. Но, насколько мне было известно, от округа прошли утверждение только два кандидата — полковник В. Черемных и полковник Д. Язов (оба из управления округа). Что же касается меня, то я сам терялся в догадках — кто мог подтолкнуть мое дело? Очевидно, командующий армией В. Г. Куликов был прав: это сделали сами кадровики. Но если это действительно так, то стимулятором был, несомненно, полковник Чичвага. Мне неудобно было к нему обращаться, хотя любопытство (именно любопытство) подталкивало к этому.

И вдруг все развязывается в считанные дни. В июне приходит приказ министра обороны, объявляющий Постановление Совмина о присвоении группе офицеров генеральских званий. В том числе первое генеральское звание получил и я. Было это весьма неожиданно — обычно звания такого типа присваивали к 7 ноября, 23 февраля и к9 мая. А через месяц пришла выписка из приказа министра обороны о моем зачислении слушателем Военной академии Генерального штаба.

Я получил письменные поздравления о присвоении мне воинского звания «генерал-майор» отовсюду, до министра обороны включительно. Но в связи с зачислением меня слушателем академии позвонили только двое, и оба из армии. Первым был, конечно, Чичвага:

— Валентин Иванович, я поздравляю и рад за вас, что все-таки вас зачислили слушателем академии.

— Спасибо, — говорю я. — Но как это все-таки получилось?

— А я держал вопрос о вашей учебе на контроле. Вы в свое время рапорт написали, затем вас поставили на дивизию, поэтому будировать эту проблему было некстати, а сейчас вам пошел 42-й год, а это предел поступления в академию. Поэтому я начал кое-кого шевелить. В Главном управлении кадров меня поддержали, хотя в округе не все были согласны с этим.

Я тепло и искренне поблагодарил Чичвагу. Это замечательный человек и настоящий кадровик. И не потому, что

он сделал много доброго для меня лично, а потому, что по отношению вообще ко всем офицерам он был весьма внимательным и справедливым.

Позвонил в этот же день и Куликов:

— Поздравляю. Наконец-то справедливость восторжествовала.

И далее сказал много теплых, хороших слов — не формально, а искренне. Я тоже был искренне ему благодарен и за «генерала» и за академию. Но должен заметить, что в наше время командир дивизии мог получить «генерала», хорошо проявив себя в течение не менее двух-трех лет. И все-таки, если бы командарм не представил меня к званию, хоть я формально под этот установленный порядок и подходил, то мне, конечно, еще пришлось бы ходить в полковниках и год, и два.

Итак, я слушатель Военной академии Генерального штаба. По установленному порядку я должен был уйти в отпуск и отдыхать весь август, а 25. 08. 65 прибыть в академию. Но мы с Куликовым договорились, что ни в какой отпуск я не иду (надо же и совесть иметь: получил генерала, зачислен в академию — да еще и в отпуск?!), а занимаюсь дивизией, готовлю все к передаче, 25-го выезжаю в Москву, 26-го являюсь в академию.

Сборы, как всегда, были недолгими. Но прощания — душевными и теплыми. В установленное время я прибыл в академию. Мне выделили на семью из четырех человек трехкомнатную квартиру в академическом общежитии на проспекте Вернадского, дом 25. И хоть комнатки были небольшие, но они полностью обеспечивали наши потребности. Мы даже могли принимать гостей на несколько суток. Кстати, у нас останавливался и командарм Виктор Георгиевич Куликов со своей супругой Марией Максимовной.

В первый же день мы приступили к приведению квартиры в порядок. Провели разведку в отношении школы для ребят, познакомились с соседями. Вдруг через два дня вызывают в академию. Прихожу — мне вручают телеграмму следующего содержания:

«Генерал-майору Варенникову срочно прибыть к командующему войсками округа генералу армии Казакову тчк Белецкий».

Мои попытки навести справки — что случилось, к чему мне готовиться, какие взять документы и т. д. — были бесплодны. В этот же день 29 августа вечером выезжаю поездом «Красная стрела» и утром 30-го прибываю в штаб округа. Иду прямо в приемную командующего в надежде, что смогу предварительно разобраться в обстановке. А вдруг он поломал все с моей учебой?

Это был бы тяжелый вариант, но если это произойдет, рассуждал я, то буду проситься на свою родную дивизию. Все-таки столько труда вложено, да и дела идут неплохо.

Прихожу в приемную — все знакомые лица. Не успел я открыть рот и спросить, что происходит, как порученец говорит: «Командующий ожидает вас, заходите». Я пытаюсь все-таки уточнить, а мне в ответ: «Там все узнаете», — и открывает мне дверь. Я собрался и шагнул через порог — была не была!

— Товарищ командующий, генерал-майор Варенников по вашему приказанию прибыл.

Я не стал говорить: «слушатель Военной академии Генерального штаба», чтобы этим не раздражать Казакова. Он же был против моей учебы. Мало того, меня фактически зачислили слушателем против его воли.

Кабинет командующего был небольшой, но очень уютный, с шикарной лепкой и росписями. Посередине комнаты стоял длинный стол для заседаний, а в конце поперек — письменный стол командующего. Он сидел под большим красивым сводом арочного типа. Сам выглядел весьма эффектно: сверкающий, переходящий в большую лысину лоб, розовое лицо и буквально красные щеки, небольшие, но выразительные глаза, пушистые свисающие вниз усы, нарядный китель с планками многих наград. Словом, Казаков — во всей своей красе, на голубом фоне стены и под сводом — был как святой с ореолом.

«Ну, что мне выдаст этот святой пророк на сей раз?» — подумал я после доклада о прибытии. Доложил и застыл у двери (на всякий случай). Командующий не торопясь, довольно легко поднялся и степенно подошел ко мне, улыбаясь в усы и на ходу говоря: «Здравствуйте, товарищ Воренников, здравствуйте».

Чувствуя «мирную» обстановку, я тоже сделал несколько шагов к нему навстречу. Казаков поздоровался за руку, усадил меня ближе к письменному столу, а сам вернулся на свое место. И, окая, конечно, начал издалека: «Как вы одоптировались в окодемии? Кто из наших в вашей группе? Как устроились с жильем? Забрали ли вы семью? А кому передал дивизию?»

Я охотно и подробно отвечал на все вопросы, чувствуя в них добрую основу, отсутствие какой-нибудь опасности. И, не скрою, удивлялся столь необычной разговорчивости Казакова. Затем его вопросы сменились пространной тирадой. Он говорил, что я хорошо командовал дивизией, что дивизия по ряду причин была «серой», а я ее поднял и она стала лучшей, что я способный командир и т. п. В общем, продолжал в этом духе несколько минут. Видимо, во время его речи я выглядел не лучшим образом, потому что он вдруг спрашивает:

— Вы что так удивленно на меня смотрите? Я говорю так, как оно есть. Не преувеличиваю. И кумандующий (Казаков в словах командир и командующий букву «о» заменял в разговоре на «у») подписал приказ, где объявляет вам благодарность и награждает часами. Поздравляю вас.

Я встаю.

— Служу Советскому Союзу! — как всегда громко, ответил. И, вконец ошалевший, во все глаза смотрел на Казакова. Он никогда и нигде не говорил много. И тем более был очень скуп на поощрения и похвалу, особенно в такой форме. Что это с ним происходит?

Командующий вручил мне красивую, сафьяновую, малинового цвета папку, где был приказ, а также коробочку с часами. Сказал на прощание: «Спасибо. Желаю вам хорошей службы! До свидания». Я ушел, но еще долго сидел в приемной, приходя в себя. Ребята посмеивались: «Вот видите, как все хорошо».

До отхода поезда у меня был весь день. Я обошел всех своих друзей и товарищей. Зашел, конечно, и к начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Ивану Ильичу Белецкому, который давал мне телеграмму. Это был весьма общительный, умный и деловой человек. Он был рожден для штаба: всегда всё знал, всё помнил, всё связывал, своевременно и толково отдавал распоряжения, был всегда надежной и верной опорой командующего. Я все ему рассказал. Иван Ильич на мое удивление — чем вызвано такое высказывание командующего — ответил однозначно: «Он сам уже сожалел, что противился вашей поездке в академию и тем более что вы уехали так незаметно. Михаил Ильич чувствительный человек, поэтому этим шагом решил все поправить».

Конечно, мне все это импонировало. В Москву вернулся в приподнятом настроении. И сразу с «корабля на бал» — с поезда в академию, где утром 31 августа провели последнее организационное совещание, познакомились в группах, изучили все академические системы, а 1 сентября началась учеба.

Глава V
Новые горизонты

Годы в академии Генерального штаба. Ахромеев, Волошин, Язов, Стычинский, Елкин и другие. Руководство академии — В. Д. Иванов, А. И. Радзиевский. Интересного много, а времени мало. Метро — вместо вечерней прогулки. Напряжение с США по вопросам ПРО и взгляды слушателей. Арабо-израильский конфликт 1967 года. Еще один знаменательный год. Генерал П. Н. Лащенко. Методы Главного Управления кадров МО СССР. Опять Север, но другая орбита. Управление 26-го армейского корпуса — с нуля. Попов — Дрыгин — Косыгин. Первое знакомство с Г. В. Романовым. 50 лет Советской власти. События в Чехословакии — 1968 год. Остров Даманский — 1969 год. Подвижки по стратегическим вооружениям — где-то надо человечеству и остановиться. Получил самую большую армию.

Военная академия Генерального штаба является не просто элитным высшим военным учебным заведением, которое готовит офицеров для работы в высших звеньях военно-политического аппарата нашего государства. Но она является и научным центром для исследования важнейших проблем обороны страны. В свое время через эту академию проходили практически все руководящие кадры Вооруженных Сил, МВД и КГБ (особенно Пограничные войска) СССР. А со второй половины 80-х годов начали действовать и курсы по подготовке государственных чиновников, при этом обращалось особое внимание на военную экономику, мобилизационную работу в народном хозяйстве (особенно на промышленных предприятиях), на управление государством в мирное и военное время (преемственность такого управления), руководство военно-промышленным комплексом и военными заказами, международный рынок военной техники и вооружения (взаимосвязь с политическим курсом), оценку военно-политических явлений в мире.

Военная академия хоть и называлась академией Генерального штаба, но готовила офицеров не только для него, как первоначально это было унаследовано еще от прошлого, но и офицеров для руководства корпусами, армиями, флотилиями, военными округами (фронтами), флотами, видами Вооруженных Сил и родами войск. Мало того, наша Военная академия

Генерального штаба готовила военные кадры для многих стран мира, и это имело колоссальное значение для укрепления внешнеполитического курса нашего государства (хотя сейчас это все утрачено и вспоминается как сон).

Во всем мире не было такой Военной академии Генштаба, как у нас. Особенно по уровню подготовки профессорско-преподавательского состава и разработанных научных трудов, а в последнее время и учебно-материальной базы. Она не имела равных себе.

Еще и до первой установочной лекции, которую нам прочел первый заместитель начальника академии генерал армии Алексей Иванович Радзиевский, мне представлялось, что я обязан максимально использовать все возможности для пополнения своих знаний. А после выступления Алексея Ивановича я утвердился в этом еще больше. Наш курс был небольшой — 120 слушателей. В группе — 12 человек. Офицеры подобрались очень добросовестные, взаимно уважительные. На протяжении всей учебы не было никаких конфликтов. Старшим группы был генерал-майор Волошин Иван Макарович, бывший командир Таманской мотострелковой дивизии Московского военного округа. Этот хороший, добрый человек был душой нашей группы. В итоге своей военной карьеры он стал генералом армии и являлся Главнокомандующим войск Дальнего Востока.

Учеба, как в подавляющем большинстве академий, шла размеренно, без каких-то всплесков. В первые же дни пребывания здесь неожиданно встретился с Иваном Ильичом Людниковым — бывшим командиром 138-й стрелковой дивизии под Сталинградом (завод «Баррикады»). Тогда он был полковником, а сейчас передо мной стоял генерал-полковник. Герой Советского Союза. Оказывается, он командовал иностранным факультетом академии. Я его узнал сразу, хотя он стал грузнее, поседел, да и чуб поредел! Но ведь прошло 23 года. Мы просидели с ним весь вечер, вспоминая различные схватки и эпизоды на нашем «острове». Не забыли и случай, когда меня приняли за сына генерал-лейтенанта Ивана Семеновича Варенникова, начальника штаба Сталинградского фронта. Он все время вздыхал и повторял: «Не понимаю, как мы остались живы?» Действительно, и сразу после войны, и позже, и даже сейчас, вспоминая все, через что пришлось нам пройти, трудно, во-первых, представить, как мы смогли вынести такую нечеловеческую физическую и морально-психологическую нагрузку, а во-вторых, как из этого пекла — войны мы смогли выйти живыми.

Иван Ильич рассказал, что служба у него в целом проходила неплохо. После Сталинграда командовал корпусом и армией. А

после войны — Таврическим военным округом. После его расформирования согласился на начальника курсов «Выстрел» в Солнечногорске. Потом по семейным обстоятельствам и состоянию здоровья переехал в Москву, и вот сейчас — на факультете. Мне тоже пришлось кратко рассказать о себе. Потом мы еще не раз с ним встречались. Видно, к нему уже подкрадывалась старость, поэтому, может, для душевного равновесия ему нужны были воспоминания о том героическом времени.

Надо заметить, что с приходом нашего набора сменилось руководство академии — начальником стал генерал армии В. Д. Иванов. Он пришел с должности первого заместителя начальника Генерального штаба ВС. Несмотря на огромный опыт работы в войсках и в центральном аппарате, он себя как-то не проявлял. Если приходил на занятия в группу, то тихо садился где-нибудь в сторонке и, совершенно не проронив ни единого слова и не шелохнувшись, сидел, как монумент, до звонка, а потом, не комментируя урока, так же тихо уходил. Он и внешне был незаметен, с лицом, отмеченным страшной печатью войны, он походил на тень. Совершенно другим был его первый заместитель — генерал армии А. И. Радзиевский. Жизнь в нем так и кипела. Он тактично выслушивал и преподавателя, и слушателей, умело вмешивался в ход занятий и всех «разогревал» так, чтобы проблемы рассматривались не формально, а творчески. Слушатели, конечно, были ему благодарны и за «методу» преподавания, и за конкретные знания.

Занятия вместе с самоподготовкой проводились до18. 00. Затем слушателей и работников академии на автобусах отвозили в район нашего общежития. Многие задерживались часов до двадцати. Почитывали, капитально готовились к предстоящим занятиям. В нашей группе больше всех этим злоупотреблял я, а в соседней — генералы Сергей Федорович Ахромеев и Михаил Иванович Бесхребетный. Правда, домой приходилось возвращаться на метро. В наше время не было зазорным ездить в общественном транспорте, появляться в военной форме. Тем более после того, как отметили 20-летие Победы, авторитет армии и, естественно, всех, кто носит военный мундир, опять пошел вверх. Правда, случались казусы. Как-то после восьми вечера стою я на перроне станции метро «Фрунзенская» и жду поезда. Пассажиров мало. Ко мне подходит пожилая женщина и спрашивает: «Как проехать на станцию…» — и называет незнакомую мне станцию. Я извиняюсь и говорю, что не знаю, могу вместе с ней подойти к схеме и разобраться. Она окинула меня с ног до головы критическим взглядом и, показав рукой на

мою фуражку, а затем на лампасы, выпалила с иронией:

— А еще дежурный! Какой же ты дежурный, если ничего не знаешь? Заелись здесь все в Москве! — повернулась и ушла.

Я, конечно, не стал ее преследовать и уговаривать, чтобы выслушала, но последняя часть фразы — «заелись…» — навела на размышления. Женщина наверняка приехала из глубинки, обивает пороги различных чиновников и не встречает должного внимания. Ржавчина бюрократизма начала разъедать государственную машину. Разумеется, те бюрократы просто дети-несмышленыши по сравнению с нынешними. Теперь открытый рэкет — угрозы, шантаж, вымогательство, не просто взятки, а определение количества денег, которые обязаны дать, чтобы решить свой вопрос (это и в личном, и государственном масштабе), — стали привычными в российской жизни. Но уже тогда простому человеку порой не просто было пробиться. Хотя и прокуратура, и суд всегда его поддерживали. Однако что-то требовалось предпринимать, чтобы пресечь нежелательные явления. Это касалось и частных случаев, и общенародных, и социально-бытовых, и идейно-политических. Ведь сегодня уже ясно, что так называемой хрущевской «оттепелью» власти искусственно породили диссидентов. Сначала породили, а потом стали их душить. Не буду вдаваться в детали, в саму суть деяний писателей Синявского и Даниэля. Но я прекрасно помню, как в те годы на этих личностях упражнялся главный идеолог КПСС А. Н. Яковлев — в то время рупор стерильного марксизма-ленинизма, а ныне вывернувшийся наизнанку предатель и изменник, рядящийся в тогу ультрадемократа. Тогда, по указке Яковлева, от этих двух писателей только перья летели в связи с тем, что они издали свои памфлеты на нашу действительность за рубежом. И Яковлев долбал их до тех пор, пока их обоих все-таки не арестовали.

То, что бюрократизм, несправедливость высокопоставленных чиновников прорастали все больше и больше, порождая недовольных в социальной сфере, — это ясно. Но не ясно, куда смотрели соответствующие органы, когда у них на глазах, под видом борьбы за наши идеалы, фактически плодили все больше недовольных политикой партии и правительства. Умышленно плодили. А никаких мер, чтоб выправить положение и погасить источник недовольства, не принималось.

Вот так, с мыслями об учебе и приобретении возможно больших знаний переплетались и мысли о жизни страны — куда и как мы идем. Коль в то время возникали такого рода вопросы у меня, несомненно, они тревожили и других. И это я тоже понимал.

Поездка в метро и путь от станции метро к дому всегда заменяли мне вечернюю прогулку. На прогулке и думается лучше. А дома уже ждут не дождутся сыновья и жена. Мои школьники уже вытянулись — один «догонял» отца, второй — вровень с матерью. Проблем дома не было, наша семья всегда была дружной, на редкость спаянной. В выходные дни обязательно старались попасть в какой-нибудь театр, концертный зал, на выставку, в музей. Вот эти два студенческих периода (учеба в Военной академииим. М. В. Фрунзе, а затем в Военной академии Генштаба) были самыми насыщенными в духовном плане, когда мы жадно наслаждались искусством столичных театров, «охотились» за литературными новинками, читали, спорили…

Надо отдать должное командованию академии — для слушателей создавались все условия, чтобы они могли заблаговременно «вооружиться» билетами во многие центры культуры и искусства. В академию периодически приглашались с лекциями лучшие силы ученого мира столицы. Как-то прошло оповещение, что в часы самоподготовки в большом зале профессор МГУ прочтет лекцию о М. В. Ломоносове. Приглашались все желающие. У меня было довольно приличное представление об этом великом сыне России, желания идти не было: полагал, что открытий для меня не будет. Но коль шли все, я отправился тоже. Пришлось сесть в середине ряда, а не с краю, как я это обычно делаю. На всякий случай прихватил с собой работу, которую надо закончить сегодня — если лекция будет неинтересной, займусь своим делом прямо там.

В установленное время приходит заместитель начальника академии по политчасти и представляет нам профессора — маленький, сухенький старичок еле стоял на ногах. После представления его повели к трибуне на сцене. Он еле забрался по ступенькам, вошел в трибуну, выбросил вперед и свесил свои руки, как противовес, практически лег на кафедру и начал говорить. Мы видели только одну его голову. «Ну, — думаю с досадой, — пропал целый час». И взялся было уже за свою работу. Но каково было мое удивление, когда профессор вдруг сказал: «Некоторые молодые люди вроде вас иногда говорят: «Ну, что Ломоносов? Я все о нем знаю!» А фактически знания у него формальные. Даже малейшего дуновения настоящей жизни нет. А я вам расскажу то, чего никто не знает, и из области его научной и общественной деятельности, и из интимной жизни». И начал. Зал замер. Мы сидели с открытыми ртами, боясь пропустить хотя бы слово. Целый час никто даже вроде и не дышал, все застыли от изумления. А когда профессор в заключение сказал: «Михаил Ломоносов и в науке был глыба и до кокеток горазд!» — зал

взорвался аплодисментами. Профессор вышел из-за трибуны и, одной рукой держась за нее, а вторую приложив к груди, поклонился. Мы встали и продолжали его приветствовать. Он улыбнулся и с помощью офицера осторожно спустился по лестнице. Ну, какая светлая голова, какая чудесная память! А речь — как у артиста. Вот тебе и старик! Мы вернулись в свои классы, аудитории и продолжали обсуждать фрагменты жизни Ломоносова. Действительно, почти все, что поведал нам профессор, было услышано впервые.

Первый курс закончили командно-штабной военной игрой на местности (выезжали в Белоруссию). Руководителем учения был Алексей Иванович Радзиевский. Все прошло нормально. Вернулись — и в отпуск.

Я набрал книг и отправился в подмосковный санаторий Архангельское. Солнце, воздух и вода, дворец князя Юсупова и прекрасный парк — отдых, лучше не надо! Здесь я впервые повстречался с Алексеем Николаевичем Косыгиным. Оказывается, рядом с санаторием находилась его дача, и он ежедневно в кругу своих близких (как позже я узнал, это были дочь и зять) совершал прогулку по парку санатория. Я тоже, как и немногие другие, после ужина кружил по дорожкам. Маршрут был один и тот же. Поэтому почти ежедневно я встречался с Алексеем Николаевичем, естественно, раскланивался, он отвечал тем же. Это было летом 1966 года, а осенью 1967 года он вручал орден Ленина Вологодской области. Я был приглашен на эти торжества первым секретарем обкома КПСС А. Дрыгиным. Он представил меня Косыгину, а тот в ответ:

— А мы ведь с вами недавно встречались?

— Верно, летом прошлого года в Архангельском.

— Вы тоже делали вечерний променаж.

Меня удивила его память — ведь я всегда был в легкой спортивной одежде, а здесь — в военной форме, но мое лицо он запомнил капитально.

1966 год заканчивался для нас, военных, на минорной ноте — министр обороны Родион Яковлевич Малиновский с трудом объехал войска, выстроенные на Красной площади для парада в честь 49-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, еще с большим трудом поднялся на трибуну Мавзолея и фактически на последнем дыхании произнес речь. Он был тяжело болен. Да и погода была плохая — обильно шел мокрый снег. Все поняли, что его время сочтено. Действительно, в марте 1967 года мы простились с ним на печальной траурной церемонии.

Два года учебы буквально пролетели.

Накануне госэкзаменов кадровики предварительно сделали «пристрелку» с назначением. Мне было сказано: поскольку долго служил на Севере — поедешь в центральный район страны или на юг. Приехал начальник Главного управления кадров Министерства обороны генерал армии Гусаковский с комиссией. Он уже конкретно определял место службы и должность. Подошла и моя очередь. Захожу, представляюсь. Предлагают сесть. Гусаковский говорит:

— Вы окончили академию с золотой медалью и отличием, поэтому имеете право выбора места службы и должность с повышением относительно той, с которой вы прибыли на учебу. И вообще, в принципе хотели бы вы попасть на командную или штабную должность? Мы также учитываем ваше продолжительное пребывание в Заполярье.

— Что касается должности, то желательно, чтобы это была штабная.

— Например, начальник штаба армии, так, что ли?

— Это был бы для меня идеальный вариант. Мне практически почти не довелось бывать в роли руководителя штаба. После академии я мог бы хорошо реализовать в этой роли приобретенные знания.

— Понятно. А по части географии?

— Готов ехать в любой район.

— Хорошо. Вы пока покурите, а мы здесь посоветуемся.

Я вышел. Естественно, товарищи облепили меня: «Ну, что? Ну, куда? На какую должность?» Я передал им содержание нашего разговора. Кто-то позавидовал: «Вот счастливчик! Сейчас пошлют в Московский или Киевский военный округ — вот где малина! В крайнем случае, в Одесский или Северо-Кавказский — на Черное море».

Меня долго не вызывали. Друзья успокаивали: «Это они получше место подбирают». Наконец выглянул полковник и пригласил меня. Захожу. Опять усадили, и Гусаковский начал, глядя мне пристально в глаза:

— Учитывая ваши пожелания и долголетнюю службу в Заполярье, учитывая право выбора, но также принимая во внимание решение Военного совета Ленинградского военного округа, где высказано ходатайство перед министром обороны о возвращении вас обратно в округ, мы здесь всё взвесили и остановились на таком варианте: назначить вас командиром армейского корпуса в Архангельск.

Я молчу. Тогда Гусаковский спрашивает:

— Может быть, у вас в связи с этим есть вопросы?

— Вопросов нет. Какие могут быть вопросы? Мне все ясно.

Спасибо за доверие.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Гусаковский и, вздохнув, начал что-то искать на столе. Чувствую, что-то недоговаривает. Наконец Гусаковский взял какой-то листок, пробежал его глазами и говорит:

— Тут вот только одна существенная деталь. Раньше в Архангельске стоял 44-й армейский корпус. В связи с решениями нашего руководства управление корпуса в полном составе вместе с гражданским персоналом переброшено в Забайкальский военный округ. Но дивизии корпуса и корпусные части остались. Вам придется формировать управление корпуса вновь. Это непростая задача.

— Но мы вам офицерскими кадрами максимально поможем, — включился в разговор начальник управления кадров Сухопутных войск генерал-лейтенант К. Майоров.

— Да, конечно, — продолжил Гусаковский, — я отдам необходимые распоряжения и в Ленинградский военный округ. Что касается базы для размещения, то, насколько мне известно, там все сохранилось.

Поняв, что вопрос решен и надо уходить, я поднялся.

— Мне все ясно. Разрешите идти?

Все тоже поднялись. Гусаковский подошел ко мне и, пожав руку, по-отечески сказал: «Желаю вам успеха».

Не успел выйти в коридор, как меня сокурсники схватили и потащили в дальний угол: «Ну, давай, выкладывай все по порядку. Что-то долго у них засиделся».

— А что выкладывать? Как вы предполагали, так и получилось, — улыбнулся я, сделав довольную мину, — еду на море!

— Я же говорил! — выкрикнул кто-то.

Тогда я добавил:

— Только не на Черное море, а на Белое — в Архангельск.

— Так ты же на Севере уже двенадцать лет…

— Зачем об этом? Вопрос решен.

— Но в Архангельске нет армии, а ты же хотел идти на штаб армии, — не унимались друзья.

— Наверное, нет штабов армий.

— А кем тебя посылают?

— Командиром корпуса.

— Но там теперь и корпуса нет!

— Нет, так будет. Буду формировать управление корпуса вновь.

— Ну, Валентин Иванович, ты и даешь, — вмешался в разговор Иван Макарович Волошин. — У тебя точь-в-точь как в

армянском анекдоте — все наоборот: «Да, правильно — еду на море, только не на Черное, а на Белое! Да, правильно — назначение получил, но не на штабную работу (как просил), а на командную! Да, правильно — назначают командиром корпуса, только управления корпуса еще нет в помине — его надо формировать. А так все правильно!»

Посмеялись, повздыхали. Иван Макарович на все случаи жизни имел какую-нибудь байку. Всегда шутил и снимал любую напряженность. Мы его за это и многое другое искренне уважали. Это был настоящий товарищ. Душа офицеров.

Да, было еще важное событие. Во время государственных экзаменов председателя государственной комиссии П.Лащенко, в то время еще генерал-полковника (он командовал Прикарпатским военным округом), вдруг срочно отозвали и отправили на Ближний Восток. В июне 1967 года там опять разыгралась трагедия — Запад и, в первую очередь, США подготовили и спровоцировали агрессию Израиля против арабских стран. Главной целью они ставили свержение прогрессивных режимов в странах Ближнего Востока, в первую очередь в Египте и Сирии, и способствование осуществлению гегемонистских планов Израиля. Внезапным ударом своей авиации по аэродромам Египта, Иордании и Сирии агрессор фактически вывел из строя всю боевую авиацию своих ближайших соседей и с первых же часов захватил стратегическую инициативу. Нанося в последующем бомбо-штурмовые удары авиацией и огневые — артиллерией по воинским частям, Израиль танковыми таранами пробил на главных направлениях брешь и в течение шести суток захватил: у Египта — сектор Газа и Синайский полуостров, у Иордании — огромные площади Западных провинций, у Сирии — Голанские высоты, тем самым Израиль доминировал над значительной территорией этой страны.

Но благодаря вмешательству Советского Союза, других социалистических стран, а также прогрессивной общественности мира агрессия была пресечена. СССР в первый же день войны потребовал созыва Совета Безопасности ООН. А. Н. Косыгин от имени Правительства Советского Союза по «горячей линии» (эта телефонная связь между СССР и США существовала с 1963 года) обратился к президенту Джонсону, призывая его повлиять на Израиль и выполнить резолюцию Совета Безопасности о немедленном прекращении боевых действий. Одновременно Косыгин заявил, что если Израиль не выполнит эти требования, то СССР предпримет необходимые санкции (прямо намекалось на военную акцию). В Вашингтоне поднялся переполох.

10 июня 1967 года Советский Союз разорвал

дипломатические отношения с Израилем. И в этот же день вечером агрессор прекратил боевые действия.

Израилю не удалось свергнуть режим в соседских арабских странах. Последним удалось сохранить свою независимость. Под мощным давлением прогрессивных сил Израиль был вынужден оставить часть захваченной территории. Однако этой агрессией Израиль нанес значительный ущерб и престижу Советского Союза. В связи с поражением, которое потерпели арабские страны, мы обязаны были для себя сделать необходимые выводы. Последствия же этой агрессии сказываются, к сожалению, даже сейчас — Израиль по сей день удерживает значительные территории, незаконно захваченные в ходе войны.

В те тревожные дни в этом районе побывал не только генерал Петр Николаевич Лащенко, но и многие другие военачальники. И, скажу откровенно, мы им завидовали. Что может быть почетнее, чем быть на самых острых и тяжелых участках и во имя справедливости и интересов своего Отечества рисковать своей жизнью! А поддержка арабских стран, их независимости и суверенитета всегда была в числе приоритетов внешней политики СССР. У нас давнишние дружественные связи с этими странами, хотя у Египта и бывали приливы и отливы в наших отношениях, особенно же близок по отношению к СССР Египет был во времена Насера.

Генерал-полковник П. Н. Лащенко, решив все возложенные на него задачи на Ближнем Востоке, был через год назначен первым заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками и получил звание генерала армии. Каждый, кто знал его, был рад такому событию. Петр Николаевич заслуживал даже большего, если учесть, что он оставил после себя большой след в деле строительства и развития наших Вооруженных Сил.

…Через несколько дней после беседы с Гусаковским тех, кто шел на должность командира дивизии, командира корпуса и ему равную, вызывали в административный отдел ЦК КПСС на собеседование. Всех нас нацелили там на активную работу. В ЦК я повстречался с моими товарищами по службе в Северном военном округе — тогда еще полковниками Александром Ивановичем Голяковым и Николаем Андреевичем Терехиным. Они были инспекторами отдела. Состоялась, конечно, и встреча с генералом Иваном Перфильевичем Потаповым — он заведовал сектором Сухопутных войск Вооруженных Сил, то есть непосредственно курировал наше направление.

В 60-е и 70-е годы я часто задумывался — зачем создана такая мощная система контроля над Вооруженными Силами? Ведь только в ЦК КПСС было два отдела, которые занимались

Вооруженными Силами. Административный — чисто для контроля, особенно и в первую очередь, в кадровой политике. Этот отдел никогда никому ни в чем помочь не мог или не ставил перед собой такой задачи. В этом я убедился на собственном опыте, когда в ЦК КПСС анонимным письмам с явным наветом в мой адрес придали необоснованно большое значение. И вот когда в Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС (А. Я. Пельше) встал вопрос, быть мне в партии или не быть, никто из административного отдела, начиная от начальника отдела генерал-полковника Н. И. Савинкина (бюрократа высшей степени) не подал голос в мою защиту. Савинкин более 20 лет просидел безвылазно у руля этого отдела, пустив глубоко свои щупальцы во все поры аппарата ЦК КПСС и в Политбюро в целях личного закрепления, что ему удалось с лихвой. Это была полная противоположность его предшественнику генерал-майору Миронову, который погиб вместе с маршалом Бирюзовым в авиационной катастрофе. Миронов хоть и был непродолжительное время на своем посту, но прослыл среди офицеров как исключительно честный, человечный и близкий к людям начальник. Вот он, хоть и обязан был контролировать Вооруженные Силы, фактически же проявлял об их кадрах должную заботу и внимание.

Держа командный состав от командира дивизии и выше в своем непосредственном ведении, административный отдел в собственных глазах был как идол, которому все и всё поклонялись. Заведующий отделом мог наложить вето при назначении на высшую должность, даже если по этому поводу есть решение министра обороны. Конечно, такие министры, как Жуков или Гречко, своего добивались независимо от административного отдела. А все остальные министры — до и после этих двух — были соглашателями, и за административным отделом всегда оставалось последнее слово.

Хорошо, если бы этот отдел состоял только из таких, как Иван Перфильевич Потапов, который лично в морально-нравственном отношении был стерильно чист. Но таких в отделе было немного. И, начиная от его заведующего, отдел со временем прогнил до основания. А раз так, то и «контроль» был соответствующий.

В подтверждение приведу один пример! Генерал Бурлаков, проходя службу в Забайкальском военном округе вначале командующим армией, а затем начальником штаба округа, схлопотал себе по партийной линии «выговор» с занесением в учетную карточку за грубые нарушения, допущенные им лично в сфере военной торговли (не желаю это грязное дело раскрывать).

Казалось бы, с таким «грузом» о каком дальнейшем выдвижении может идти речь? Ничего подобного! Он, представьте, назначается командующим Южной Группой войск в Венгрии. Когда я поинтересовался у министра обороны СССР маршала Дмитрия Тимофеевича Язова — как же так получилось с назначением в обход Военного совета Сухопутных войск, то последний мне ответил:

— Вы (т. е. я лично) были где-то в отъезде… поэтому так решили. Административный отдел ЦК поддерживает это назначение.

&nbs p; Так что же это за административный отдел?

Через год на станции Чоп пограничники прихватили несколько контейнеров с видеотехникой, которые Южная Группа войск (надо понимать: Бурлаков) переправляла в Советский Союз. Мне об этом становится известно при странных обстоятельствах: звонит министр обороны и говорит: «Южная Группа войск перевозит к нам видеотехнику, но на границе возникли кое-какие сложности. Мы постараемся это уладить. А я вам посылаю заместителя командующего Южной Группы войск по боевой подготовке, который непосредственно этим занимается. Побеседуйте с ним. Я думаю, что у них все в порядке».

Если министр считает, что у них все в порядке, то зачем мне беседовать с этой личностью? Но генерал-лейтенант Оганян все-таки вскоре пришел, и я вынужден был начать разговор.

— Что у вас произошло?

— Товарищ главнокомандующий, ничего существенного не произошло — пограничники не разобрались толком, задержали наши контейнеры и подняли шум.

— Что за контейнеры? С чем они?

— Это видеоаппаратура.

— Откуда она у вас?

— Мы ее приобрели в Венгрии за счет средств, которые появились после реализации металлолома, — уже недовольным тоном пояснил генерал Оганян.

— А что это за металлолом?

— Так на всех полигонах, во всех военных городках полно его валяется, вплоть до корпусов БТР, БМП и даже танков. Не бросать же все это добро венграм?! Тем более Группы войск скоро не будет.

— Резонно. Но вы это все официально, через наши соответствующие органы провели? Через заместителя министра по вооружению, через штаб тыла, который занимается металлоломом?

— Зачем же… Это металлолом Группы войск, вот мы и

решили реализовать его на месте.

— Все принадлежит государству. Если вы сделали какие-то ошибочные шаги, то их надо исправить. А сейчас ближе к делу. В каком состоянии вопрос с контейнерами?

— Министр обороны сказал, что он все уладит.

— А с какой целью вы пришли ко мне с этой проблемой?

— Министр обороны приказал обо всем этом доложить вам.

— Куда предназначена эта видеотехника?

— Окончательного решения еще нет, но она может быть использована в учебных центрах, учебных корпусах.

— Вам известно, кто будет принимать такое решение?

— Очевидно, министр обороны.

— Хорошо. Идите и делайте, что вам приказано.

Генерал ушел. Еще несколько дней дело с видеотехникой муссировалось, а потом потихоньку все затихло. Ни звонков, ни видеотехники. Мне, конечно, было не до нее — мотался по округам в связи с подготовкой районов размещения войск, прибывающих из групп войск. Но через несколько месяцев возвращаюсь как-то из очередной поездки, а мне докладывают: «Бурлаков назначен на Западную Группу войск в Германии».

Звоню министру и говорю, что это выглядит по отношению к Военному совету Сухопутных войск неуважительно. Но Дмитрий Тимофеевич успокаивает меня: ведь фактически Бурлакова переместили с одной группы на другую, вопрос же не стоял о выдвижении! С административным отделом ЦК все оговорено.

Допустим, что Дмитрий Тимофеевич и прав. Но ведь это необычная группа войск. Где был административный отдел ЦК? А где этот же отдел был на протяжении всего времени, когда в бытность Бурлакова вообще грабили Западную Группу войск? Отдел спокойно пребывал на той же Старой площади и созерцал, как творится черное дело. Это полбеды, если только созерцал.

А теперь — о втором отделе ЦК, который тоже непосредственно только и занимался Вооруженными Силами. Это Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, которое было на правах отдела ЦК КПСС.

В ведении Главпура находился многотысячный состав партийно-политических работников, который начинался от роты и охватывал весь личный состав солдат, матросов, сержантов, старшин, прапорщиков, мичманов и особо — весь офицерский корпус. Они имели четыре основные задачи: первая — вместе с командирами воспитывать весь личный состав в духе преданности своему народу, партии и правительству и мобилизовывать его на решение задач; вторая — созданием партийных и комсомольских организаций сплачивать основную

массу воинов и влиять на нее по партийно-комсомольским каналам; третья — контролировать действия командиров и начальников, своевременно подсказывать тем, кто в этом нуждается, а если последний не реагирует — привлечь старшие инстанции; четвертая — постоянно информировать о состоянии дел вышестоящие политорганы до ЦК КПСС включительно.

И вот с учетом этой направленности очень многое зависело от того, кто был во главе. Мне, конечно, не довелось быть лично знакомым с генерал-полковником Александром Сергеевичем Щербаковым. Но я отлично знал, что это была колоссальная фигура в советском партийном и государственном аппарате. В годы войны он был начальником Главного политического управления Красной Армии, одновременно — заместителем наркома обороны СССР и начальником Совинформбюро. Все то, что он сделал во имя Отечества и в особенности в области строительства и развития наших Вооруженных Сил, заслуженно позволяет ставить его рядом с Жуковым, Василевским, Коневым, Рокоссовским и другими полководцами. И плохо то, что мы редко вспоминаем об этом неординарном человеке. Эта недобрая линия повелась от Хрущева — это он из-за личной к нему неприязни потребовал выкорчевать всё, что связано с памятью А. С. Щербакова.

В годы войны А. С. Щербаков как «главный политрук» страны должен был поднимать дух воинов и народа так, чтобы их сутью и убеждением стали лозунги: «Враг будет разбит, победа будет за нами!», «Ни шагу назад!», «Защити Родину!», «Все для фронта, все для победы!» и т. п. И Александр Сергеевич вместе с тысячами политработников зажигал людей волей к победе, стремлением отдать Родине в лихую годину все свои силы. В массовом героизме советских воинов на фронтах Великой Отечественной войны и невиданных трудовых подвигах народа в тылу есть вклад А. С. Щербакова и его соратников из отважного племени политкомиссаров. А. С. Щербаков — удивительная, неповторимая личность. Не по количеству лет пребывания в должности судят о любом человеке, а по тому, что он оставил людям… Можно с уверенностью сказать, что никто из начальников Главного политического управления не мог даже приблизиться к его авторитету. Разве что в какой-то степени генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтов.

Так вот, где же был этот второй важный орган контроля за деятельностью Вооруженных Сил, то есть Главное политическое управление, когда Бурлакова назначали все выше и выше?

А где был еще один контрольный орган государства — Комитет государственной безопасности со своей контрразведкой?

Несомненно, контрразведка располагала информацией о всей системе махинаций, которые были проведены в Южной Группе войск. А открытый грабеж Западной Группы войск — вообще нельзя было не заметить или прикрыть.

Где были эти органы?

Наконец, есть еще один контрольный орган, призванный стоять на страже чистоты Вооруженных Сил — это Главная военная прокуратура. Ее главное предназначение — не допускать нарушения закона. И что же? Она так же, как и административный отдел ЦК, Главпур Советской Армии и Военно-Морского Флота, как и контрразведка КГБ, — все наблюдают. А может быть, все названные органы и сами участвуют в этом грабеже-дележе? Дико, но факт — все молчали, хотя видели, что идет откровенное, открытое разграбление. А ведь молчание — это соучастие в преступлении.

Однако вернемся к вопросу — зачем же все-таки была создана и нужна ли была вообще такая огромная и мощная система контроля за Вооруженными Силами?

На мой взгляд, такая система нужна. Вооруженные Силы — это особый государственный инструмент. В нем сосредоточены такие опасные для людей и общества в целом средства, которые, конечно, должны постоянно находиться под строгим государственным оком. А главное — весь личный состав должен быть гарантированно подконтрольным снизу до верхушки Вооруженных Сил включительно.

Жизнь показала, что, к сожалению, сами эти контрольные органы могут разлагаться, если их не очищать от «накипи». Для этого нужен соответствующий «механизм», как это принято сейчас говорить. Но это уже другая тема.

Итак, я командир 26-го армейского корпуса с несуществующим управлением. Насколько можно было, я решил вопрос с комплектованием уже в Москве, у генерал-лейтенанта Майорова. Кстати, из числа наших выпускников в этот корпус попали: полковник Олейников — начальником штаба корпуса; полковник Пиратов — начальником ракетных войск и артиллерии корпуса; полковник Грачев — начальником тыла корпуса; полковник Ермаков — командиром 69-й мотострелковой дивизии (Вологда).

Прежде чем ехать в Архангельск, съездил в штаб Ленинградского военного округа, представиться командующему войсками округа генерал-полковнику И. Е. Шаврову, который никакого интереса к формированию управления корпуса не проявил. А вот начальник штаба генерал-лейтенант Белецкий и начальник управления кадров округа помогли мне существенно.

Правда, все без исключения офицеры приходили с повышением на одну, а некоторые и на две ступени. В Архангельск никого не тянуло — климатические условия такие же, если не суровее, как и в Мурманской области, а материальные условия, обеспечение — хуже и вдобавок ко всему — никаких льгот.

Решив все московские вопросы, мы отправились в Архангельск. Настроение было не из лучших. Глядя на жену и младшего сына, я понял, что они грустят не только из-за разлуки с Валерием, который остался учиться в Москве. Не дают покоя думы об Архангельске — что ждет нас? Опять на Север.

— Пап, ты же говорил, что мы, наверное, будем жить в Белоруссии или на Украине… — наконец нарушил молчание Владимир.

— Было такое предположение, но обстановка изменилась — и вот мы опять в знакомые края.

— Это совершенно другие края.

— Ну, все-таки ближе к местам, где ты родился: Архангельск на восточном берегу Белого моря, а Кандалакша — на западном. Это же хорошо, когда родные края близко.

— Хорошо, но опять все в снегу да в снегу.

Действительно, моему сыну выпала не лучшая доля. Хотя живут же люди вечно на Севере в снегу. Или вечно в раскаленных песках. Другое дело, что офицерским семьям приходиться вечно кочевать, как цыганам.

Архангельск нас встретил хмурым утром. Тем более приятно было смотреть на улыбающиеся лица командира батальона связи корпуса и адъютанта командира корпуса, которые нас встречали. Было видно, что это уже организовал из Ленинграда генерал Белецкий. Спасибо ему. Каково же было наше изумление, когда мы увидели, что нас ожидают ЗИМ и «газик».

— Откуда у вас ЗИМ? — спросил я.

— Это командирский. Правда, он еле дышит, но вот пока бегает. Подтянули кое-что, — пояснил адъютант.

Мы поехали. Я попросил ехать потихоньку, чтобы можно было все рассмотреть. У привокзального района была начата большая стройка. Мне сказали, что здесь будет большой современный жилой массив. А начинался город с деревянных домиков, дощатых мостовых и таких же тротуаров. Ближе к центру дома уже шли двух- и даже многоэтажные, с колоннами. Центральная улица выглядела современно — асфальтирована, добротные, красивые здания, ходил трамвай. Центр вообще произвел сильное впечатление. Когда я это высказал вслух, водитель не без удовольствия сообщил, что набережная вдоль Северной Двины еще красивее.

Наша квартира находилась в противоположном конце города за площадью Профсоюзов, неподалеку от железнодорожного моста, перекинутого через Северную Двину. Здесь же располагались штаб армии ПВО и жилые дома этого ведомства. Наш контейнер с вещами должен подойти на днях, но в квартире уже было кое-что из мебели, так что жить было можно. До обеда мы устраивали свое гнездо. Познакомились с соседом — им оказался заместитель командующего армии ПВО по боевой подготовке, генерал.

Во второй половине дня за мной заехал адъютант, и мы поехали смотреть здание штаба корпуса. Как я разобрался позже, центром города здесь считается набережная и следующая, параллельная с ней улица. Все остальное — окраина. Вот и наш штаб был не в центре, а ближе к окраине. Массивное Г-образное красивое старинное здание с башенкой и вытянутыми вверх окнами. Неподалеку располагалась церковь. Видно, и то, и другое здание строились одновременно, они составляли единый архитектурный ансамбль. Можно было предположить, что в нашем здании некогда была духовная семинария или нечто подобное. Внутри помещение было крайне запущенным, мебели — никакой. Видно, все было увезено подчистую. Только при входе, в комнате оперативного дежурного, стоял стол с телефоном и один стул. Здесь пока дежурили офицеры батальона связи корпуса.

Через дорогу виднелся военный городок, в казармах которого размещался наш батальон связи и части армии ПВО. Это было очень удобно — все рядом. Я поинтересовался у адъютанта относительно квартир для офицеров управления. Он сказал, что у заместителя командира батальона связи по тылу имеются адреса всех освободившихся квартир, поскольку семьи офицеров 44-го корпуса квартиры сдали и выехали (за Архангельск никто не держался). За остальными он следит. Но уже сейчас, по мере прибытия офицеров можно размещаться. Однако есть опасность, что остальная часть квартир освобождена не будет, потому что там остались взрослые дети или родители уехавших офицеров.

Вооружившись общими сведениями о состоянии дел, я отправился в обком партии. В приемной первого секретаря Бориса Вениаминовича Попова меня встретили как старого знакомого — дежурный по приемной назвал меня по имени-отчеству и сказал, что Попов у себя и может принять. Это было неожиданно и приятно.

В просторном кабинете за большим письменным столом сидел крепкого сложения высокий мужчина с интеллигентным лицом. Он поднялся и пошел мне навстречу. В кабинете я

заметил еще одного человека. Когда мы с Борисом Вениаминовичем познакомились, он представил мне третьего. Им оказался первый секретарь горкома Валит.

— Мне уже несколько раз звонил Иван Ильич Белецкий. Мы с ним в хороших отношениях. Просил, чтобы мы приняли участие в устройстве управления корпуса. Конечно, чем сможем, тем и поможем, — сказал первый секретарь обкома.

Мне понравилась позиция Попова — сразу за дело! Мы сели за стол для заседаний, нам принесли душистый чай, и я кратко рассказал о себе. Борису Вениаминовичу понравилось, что я не покидаю Ленинградский военный округ, хотя я к такому решению имел весьма отдаленное отношение. Я рассказал, что офицеры управления — это выдвиженцы, им необходимо время для адаптации. Подчеркнул, что вижу сегодня главную трудность в обеспечении 50 процентов офицеров квартирами и приобретении хотя бы минимального количества канцелярской мебели для штаба. Попов при мне вызвал хозяйственника и дал задание — утром следующего дня прибыть в здание штаба корпуса и там обговорить все вопросы по мебели и вообще канцелярским принадлежностям.

— У вас, наверное, нет ни карандаша, ни листа чистой бумаги. Так, что ли?

— Конечно, так. И если вы нам поможете и в этом — будем глубоко благодарны.

Потом он сказал хозяйственнику, чтобы тот «подчистил» все резервы обкома, горкома, комбинатов и доложил ему, сколько в целом область сможет выделить квартир штабу.

— Я здесь недавно, но мне Архангельская губерния нравится, — откровенно заметил секретарь обкома. — А вот Валит говорит, что такого райского уголка на земле больше нет. Одна Двина чего стоит. Царю в Питер отсюда возили стерлядь.

— Да не только стерлядочку, еще и многое другое! — оживился Валит.

— В общем, будем работать вместе. А вы нам нравитесь. Верно, Валит?

— Верно, верно.

На этой мажорной ноте мы и расстались.

Дома меня ожидал царский ужин — свежая жареная рыба! Правда, не стерлядь, а треска, но очень вкусная. Наверное, еще и потому, что впечатлений было много, а настроение — хорошее. Ничего, не пропадем!

В управление начали прибывать офицеры. Из Забайкалья вернулись многие служащие. Как всегда в таких случаях, обустройство мы начинали с первого шага — организовывали

делопроизводство (обычное и, отдельно, секретное), приобретали или сами «изобретали» формы различных документов в соответствии со штатами и табелями, решили сложнейшую задачу распределения служебной площади, фактически заново телефонизировали здание и т. д.

Вскоре состоялось первое совещание всего управления. Посвятили мы его организационным вопросам и функционированию нашего управления. Основным «узким» местом было то, что никто в своей новой, теперешней роли никогда еще не выступал и глубоко своих функций не понимал. Была поставлена задача — создать твердую и четкую систему управления подчиненными войсками (так, чтобы не мешать, а помогать им) и на штабных тренировках в короткие сроки сколотить непосредственно само управление корпуса. Тут же приходилось лично заниматься с каждым, разбирая его функции и методы работы в штабе и в войсках.

Постепенно мы набирали силу. Со временем стали даже выезжать в дивизии, организовывать и проводить занятия. Особенно быстро адаптировались к новым условиям артиллеристы. Начальник артиллерии корпуса полковникВ. Пиратов и начальник штаба — подполковник Н. Гнюбкин умело организовали и занятия у себя в отделе, и быстро нашли контакт с подчиненными артиллерийскими и ракетными частями. Быстро набирал силы отдел боевой подготовки корпуса, который возглавлял полковник Калайда. Начальником политотдела корпуса был полковник Н. Г. Филоненко — чудесный человек и прекрасный редкостный политработник. Он очень много сделал и для становления управления корпуса, и для выучки подчиненных войск.

О последнем хотелось бы сказать особо. Это был самоотверженный, до конца преданный делу офицер. Он совершенно не щадил себя, выполняя свой долг. В отличие от многих других политработников этого уровня, он совершенно не претендовал на власть и не стремился командовать. Наоборот, максимально укреплял единоначалие и создавал условия наибольшего благоприятствования для командиров всех рангов, начиная от командира корпуса. Приезжая в ту или иную воинскую часть, разговор с политработниками он обычно начинал так: «Доложите, какие задачи поставил командир на этот месяц и в целом на период обучения!» Если офицеры начинали «плавать», то Николай Григорьевич требовал, чтобы принесли приказ командира полка и вместе с ними начинал изучать и определять, а что должны сделать политработники части, чтобы обеспечить выполнение приказа командира полка. Затем растолковывал, как

это практически делается.

Я уже говорил, что мне не довелось лично знать начальника Главпура Красной Армии генерал-полковника Александра Сергеевича Щербакова. Но мне много рассказывали о его методах работы. А то, что он ушел из жизни в 44 года, означает, что он сгорел на службе.

Так же сгорел и Николай Григорьевич Филоненко.

Такими же были начальник политуправления Северного округа генерал-лейтенант Липораев, начальник полит-управления Ленинградского военного округа Можаев, начальники полиуправления ГСВГ Мальцев и Медников, начальник политотдела 131-й мотострелковой дивизии в Печенге полковник Толочко, заместитель командира 56-го стрелкового полка (которым я командовал) в Мурманске подполковник Сбитнев, генерал-майоры Серебров и Павлов, с которыми я нес службу в Афганистане, последний начальник политуправления Сухопутных войск Николай Андреевич Моисеев. Конечно, из другой категории политработников можно было бы перечислять многих, из числа заместителей по политчасти или членов Военного совета, с которыми мне пришлось служить рядом или на незначительной дистанции и которые далеко не все хотели «гореть» на службе.

Как уже упоминалось выше, начальником отдела боевой подготовки корпуса был полковник Петр Трофимович Калайда. О нем в частях корпуса ходили легенды. Даже придумали такую присказку: «У нас беда — к нам приехал Калайда». Но это говорилось не зло, а по-доброму. Когда он приезжал в полк или дивизию, то состояние боевой подготовки выворачивал «наизнанку». Ничего от его глаза не укрывалось. Но он же и учил, как организовать боевую учебу. Калайда был классный методист и очень настойчивый, трудолюбивый офицер.

Со временем наше Управление корпуса приобрело и знания, и опыт, и желание хорошо работать, и умение отыскивать необходимые каналы, которые, в частности, помогли бы поднять материальную базу частей корпуса. В первую очередь это были местные органы власти. Благодаря сразу налаженным близким деловым отношениям с первым секретарем Архангельского обкома КПССБ. В. Поповым и первым секретарем Вологодского обкома КПСС А. С. Дрыгиным мне уже летом 1967 года удалось добиться получения по одному строящемуся жилому дому и в Архангельске, и в Вологде. Для 77-й Гвардейской мотострелковой дивизии заложили еще один большой жилой дом на Лесной Речке, в 15 километрах от Архангельска. В Грязовце Вологодской области для 69-й мотострелковой дивизии — жилой дом и казарму. Правда, в двух последних случаях по 30 % жилья

отводилось для местных органов, зато 70 % получали офицеры этих дивизий, фактически не затрачивая и рубля из военного бюджета. Кроме того, оба обкома помогали, как могли, различными строительными материалами. Поэтому мы проводили не только ремонт казарменного фонда без участия средств Ленинградского военного округа, но и создали хорошую полевую учебную материальную базу. А самое главное — в дивизиях для каждого полка и отдельно батальона построили в запасных районах деревянные военные городки (кое-где поставили и сборно-щитовые казармы) со всеми удобствами. Они служили для нас районами приема, обработки и подготовки людских ресурсов и автомобильной техники из народного хозяйства на случай развертывания по мобилизационному плану. Однако в летние месяцы (июнь — август) эти военные городки использовались как пионерские лагеря, куда отправлялись ребятишки из Архангельска и Вологды, в том числе и дети офицерского состава. Как говорится, убивали двух зайцев.

Вот это прямая и непосредственная забота местных органов власти о наших военных. Командующий войсками округа Шавров, к сожалению, даже ничего не знал, как и что делается в корпусе. А я умышленно ему обо всем этом не докладывал, опасаясь, что он может поломать все мои планы.

Кстати, надо отметить, что через год во время проведения итогов боевой учебы в сферу проверки центра попала и наша 77-я Гвардейская мотострелковая дивизия. Она отчиталась и вместе с командиром дивизии генерал-майором Юрием Павловичем Максимовым была отмечена в приказе Главнокомандующего Сухопутными войсками в числе лучших. В акте проверки была особо подчеркнута высокая мобилизационная готовность дивизии (она развертывалась до полного штата) и «способность в любое время года принять ресурс в полном объеме, для чего созданы отличные условия». Генерала Максимова вскоре заслуженно выдвинули на повышение. В последующем он хорошо командовал Туркестанским военным округом в период пребывания наших войск в Афганистане, лично проводил ряд боевых операций, руководил Южным стратегическим направлением и, наконец, был назначен на должность Главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения, т. е. одним из пяти видов Вооруженных Сил. И успешно руководил этим ответственным участком.

Но, что интересно отметить, приблизительно за два месяца до этой проверки в корпус приехал командующий войсками Ленинградского военного округа генерал-полковник Иван Егорович Шавров. Вместе с ним — начальник штаба округа

генерал-лейтенант Иван Ильич Белецкий и огромная, так сказать, «группа». Трудно объяснить, чем была вызвана эта поездка. Возможно, тем, что я постоянно надоедал и командующему, и штабу, и службам округа, чтобы они повернулись лицом к корпусу и помогали (особенно материально). А может, командующий «пронюхал» в центре, что одна из дивизий корпуса будет проверена, и решил упреждающим выездом и смотром подтянуть войска. Конечно, любая проверка или смотр встряхивают всех. Но в одних случаях — после таких проверок начинается движение вперед, а в других — не остается никаких следов или даже наоборот.

Шаврову ничего не нравилось. Даже построенные нами без его участия пункты приема (а точнее, лагерные городки) вызывали критические замечания. Хорошо, что с ним был Белецкий, с которым можно было нормально общаться.

Когда командующий Шавров на совещании руководящего состава подводил итоги за год, то, естественно, каждый ожидал, что он услышит и положительные моменты, и недостатки. Во всяком случае, 6-я армия, 30-й армей-ский корпус и наш 26-й армейский корпус, как главные составляющие округа (если речь идет о Сухопутных войсках), должны были такие оценки получить. А мы тем более ожидали их, так как нас проверял центр. Однако когда командующий коснулся 26-го корпуса, то сказал: «Управление округа во главе со мной заблаговременно и хорошо поработало в этом корпусе, устранило имеющиеся там серьезные недостатки, были созданы благоприятные условия, и поэтому они отчитались положительно». Все!

Вот так! Получалось, что лишь благодаря ему, Шаврову, мы отчитались положительно! А если бы не он (а он был в корпусе только одни сутки), то, гляди, и провалились. А как же труд офицеров, хотя бы 77-й Гвардейской дивизии? Ведь дивизия отмечена в приказе Главкома Сухопутных войск! Почему об этом ни слова?

За долголетнюю службу на Севере мне лично приходилось непосредственно контактировать со многими командующими. До 1955 года включительно Северным военным округом командовал генерал-полковник Владимир Яковлевич Колпакчи. Это был высококультурный, тактичный, интеллигентный, всесторонне эрудированный военачальник. Слушать его было одно удовольствие. Мы, как губка, впитывали все, что он говорил. Его наука была посильнее любой академии (особенно мне запомнились сборы командиров полков и дивизий, которые он проводил летом 1955 года в заполярном Луастари).

Его сменил генерал-полковник Андрей Трофимович

Стученко. Это уже генерал другого склада — он брал в основном давлением на подчиненных. Но видел, кто старается, видел результаты и поощрял, а если не тянет — снимал. Однако огульно никого не охаивал.

Затем после расформирования Северного военного округа мы попадаем в Ленинградский военный округ. Командующим войсками был генерал армии Николай Иванович Крылов. Это был настоящий стратег с высокими качествами государственного деятеля, умный, общительный, очень требовательный и решительный военачальник. Фактически он закрепил становление и развил Ракетные войска стратегического назначения (РВСН), которыми прокомандовал почти десять лет (до него были по одному или полтора года Неделин, Москаленко, Бирюзов). Он оставил глубокий след в развитии Вооруженных Сил в целом и особенно Ленинградского и Московского военных округов, а также РВСН страны. Он всегда видел и коллектив в целом, и каждого человека в отдельности.

В Ленинградском военном округе его сменил генерал армии Михаил Ильич Казаков — не очень словоохотливый, но мудрый генерал. Умело подхватив начатую Крыловым линию на развитие базы округа, он добился впечатляющих результатов. Личный состав не обижал. Был заботлив и внимателен.

После генерал-полковника Сергея Леонидовича Соколова, который прокомандовал округом полтора года (период, когда я учился в Военной академии Генштаба), на ЛенВО был назначен генерал-полковник Иван Егорович Шавров. Это был генерал с замедленным мышлением и замедленными действиями. Я поражаюсь, как маршал Виктор Георгиевич Куликов (он был в то время начальником Генштаба) мог назначить его после Ленинградского военного округа начальником Военной академии Генерального штаба. Ведь Шавров всегда работал только на себя. Может, его перевели в академию, чтобы он не мучил войска?

Будучи командующим войсками ЛенВО, он прямо заявил, что все основные силы и материальные средства надо сосредоточить на войсках вблизи Ленинграда, а затем уже на тех, что в Выборге, Петрозаводске и Мурманске. А в Архангельск, в этот «медвежий угол», куда никогда не ступит нога ни одного военачальника, вообще ничего не давать». И не давал до тех пор, пока я не выступил на заседании Военного совета округа, а затем и на партийном активе и не заявил, что «это дискриминация тысяч военнослужащих. Командование округа может оценивать, отдельно командиров, но не обращать внимания на целые соединения — это недопустимо».

Шавров вызвал меня к себе и тягуче-медленно начал

выяснять, «что это генерал разошелся». Я постарался спокойно, с цифрами в руках показать ему, что ни в 1967-м, ни в 1968 годах корпусу фактически никаких средств на развитие не выделялось.

— Но вы же там что-то строите?

— Верно, строим. Но вы, товарищ командующий, за все это время корпусу ничего не выделили. Даже символически. А ведь управление корпуса создано заново. Это было сложно. Тем более когда нет вашей поддержки.

— И все-таки.

— Это длится второй год! Вы официально объявили, о чем говорят ваши генералы, что наш корпус можно со средствами и обойти.

Шавров взорвался:

— Во-первых, я не обязан перед кем бы то ни было отчитываться, как я распределяю средства. А во-вторых, никто никогда и нигде не распылял средства, если хочет что-то получить в лучшем виде.

— Товарищ командующий, мы не претендуем на равные пропорции с теми, кто стоит у вас на главном направлении. Но и не хотели бы, чтобы вообще на нас не обращали внимание. Я же не могу постоянно клянчить у партийных и советских органов.

— Ладно. Разберемся.

Я понял, что Шавров остался при своем мнении. Поэтому вынужден был посетить начальника штаба округа генерала Белецкого и, по совету члена Военного совета округа генерала Можаева, рассказать обстановку более подробно, чем это можно было сделать с трибуны. Передал наш разговор с командующим, из которого следовало, что изменений в лучшую сторону можно и не ждать. Поэтому попросил их повлиять. Они обещали.

Посетив также заместителя командующего войсками округа по строительству, а также начальника финансового управления округа, попросил их подсказать начальству, что нашему корпусу надо выделить как минимум какое-то количество средств. Они тоже со мной согласились и пообещали поддержку.

Видно, у руководства все-таки произошел какой-то разговор, потому что через две недели приехал заместитель командующего войсками округа по строительству с группой помощников и заявил, что при уточнении плана строительства и капитального ремонта на следующий год командующий поставил задачу изучить, в чем нуждается 26-й армейский корпус, и внести конкретные предложения — что можно сделать.

Это меня обрадовало, и я сразу пообещал строителям выделить необходимое количество личного состава для оказания помощи в сложных работах. Но настоял, чтобы объекты, которые

будут строиться в 1969 году, пустили бы свои «корни» уже в текущем, 1968-м.

Со мной согласились. Объехали мы все части в районах Архангельска (в том числе Лесную Речку), Вологды, Грязявца и т. д. Конечно, запросы (и обоснованные) у нас были большие, но выполнили их на 30 %. Да и это хорошо! В таких случаях я всегда вспоминаю пересказанный мне генерал-лейтенантом Иваном Семеновичем Варенниковым (а мы с ним подружились во время моей учебы в Военной академии Генштаба) разговор, который состоялся в 1955 году между маршалами Жуковым и Василевским, с одной стороны, и маршалом Еременко (ему только присвоили это высокое звание) и генералом Варенниковым — с другой. Они вспоминали Сталинградскую битву. Когда было уже совсем плохо и решать задачу без свежих сил было невозможно, Еременко начал просить у представителей Ставки ВГК подкрепление. Разговор был приблизительно следующий. Жуков, обращаясь к Еременко:

— А помнишь, Андрей Иванович, как ты жал на нас, чтобы дали Сталинградскому фронту как минимум три дивизии?

— Было такое.

— Еще грозился позвонить Верховному.

— Ну, это я горячился. На всякий случай.

— Но мы-то тебе сказали: ты же знаешь, для чего мы копим резерв, ну как можно в этих условиях его растаскивать? Вот получай одну дивизию Родимцева, и всё. И ты обошелся. Выполнил задачу — устоял. Так что мы тебя обвели.

— Это верно. Только не совсем ясно, кто кого обвел. Когда я просил три, то думал, что не дадут ни одной. Ведь я же знал, для чего концентрируются силы. А тут вдруг неожиданно для меня отвалили целую полнокровную дивизию. Вот так-то. Иван Семенович помнит эту историю.

«В общем, маршалы смеялись, а в то время им было не до смеха, — заключил свой рассказ Иван Семенович Варенников, — ведь тогда решалась судьба Сталинграда, а это была судьба всей страны».

Вспоминая об этом, я был доволен, что склонил строителей округа к строительству хотя бы части объектов, которые нужны были позарез. Ряд объектов, пункты технического обслуживания, склады, учебно-материальную базу мы стали строить хозяйственным способом, но взяли их под фонды округа. Главное — «выбили» несколько жилых домов, казарм, столовых и клубов.

Из моей «северной» службы особо памятен 1967 год — год 50-летия Великой Октябрьской Социалистической революции. Командование Ленинградского военного округа совместно с

обкомом, горкомом КПСС и Ленсоветом устроило по этому случаю большой прием. В огромном старинном красивом зале за нарядными столами разместились многочисленные участники торжества. Это были труженики заводов и полей, ученые, писатели, художники, педагоги, врачи, военные — представители всех слоев населения. Звучали речи и тосты наших руководителей. На душе было спокойно, торжественно, во всем чувствовалась уверенность. Цифры и факты, о которых говорили выступавшие, соответствовали действительности, а если они касались перспектив, то не вызывали никакого сомнения в том, что все будет выполнено.

Торжество закончилось. Все стали расходиться. Настроение было приподнятое, но не столько от сухого вина, что нам подливали (к рыбе — белое, к мясу — пурпурное), сколько от общей торжественной обстановки, не фальшивых, а верных слов и мыслей, высказанных на встрече. Все постепенно двигались к выходу. Вдруг ко мне подходит молодой человек и говорит: «Валентин Иванович, вас просят задержаться в проходном зале. Не спускайтесь вниз». Я вышел из зала приема и увидел одиноко стоящего недавно назначенного на должность командующего 6-й армией генерал-майора Бахметьева.

— Что вы в такой вечер скучаете?

— Да нет. Мне сказали задержаться.

— Мне — тоже.

К нам подошел командир 30-го армейского корпуса. Публика уже почти растаяла, и нас пригласили в соседний очень нарядный, но небольшой зал. Там стояли небольшие столы, за которыми располагались по 4–6 человек. Кое-где к стенам прислонились диванчики и кресла. Ближе к центру стоял роскошный белый рояль. В стены были вмонтированы разные украшения. Особо блистательно в прямом смысле слова выглядели пол из чудесного паркета, а также люстры и канделябры. Убранство зала дополняли букеты цветов. Нас втроем посадили к столу, за которым уже сидел неизвестный мне, но хорошо знакомый моим коллегам мужчина средних лет. Они тепло пожали друг другу руки. Он, не спрашивая, налил напиток в небольшие игрушечные рюмочки. На столе — фрукты, шоколад. За нашим столом было еще два свободных стула. Я осмотрелся. Все тихо, вполголоса разговаривали, мои соседи по столу — тоже, но я их не слушал, а с интересом рассматривал все вокруг. Среди гражданских почти никаких знакомых лиц. Руководство округа — за одним столом с руководством области и города. Всего в зале было не более 30 человек. Мягкий, слегка приглушенный свет создавал теплую, чуть ли не семейную атмосферу. Я тоже

включился в разговор. Оказывается, за нашим столом был первый заместитель председателя Ленсовета. Он с увлечением рассказывал о перспективах развития Ленинграда. Потом вдруг его лицо засияло улыбкой и он тихо сказал: «А вот и концерт. У нее чудесный голос».

В этот момент совершенно незаметно появилась миловидная, небольшого роста, вся в розовом молодая женщина, встала посреди зала ближе к роялю. Ничего не объявляя, начала петь. Это были романсы — наши, русские, народные. Ее бархатный голос проникал в самые потаенные глубины души. Она начала петь третий романс, когда к нашему столу подсел среднего роста крепкий мужчина с очень привлекательным лицом и ярко-голубыми глазами:

— Мы решили попросить вас, Валентин Иванович, вручить певице от всех присутствующих цветы.

И здесь же появились розы. Естественно, я с удовольствием выполнил эту миссию. Когда я произнес слова благодарности за радость, которую она несет людям, и подал цветы, она прижала их к себе и всем низко поклонилась. Так красиво смотрелись на мягком розовом фоне ее платья темные розы. Дальше она продолжала петь уже с цветами. А «голубые глаза» продолжали сидеть за нашим столом и улыбаться. Мы познакомились поближе. Моим новым открытием стал второй секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Васильевич Романов. Оказалось, что он тоже участник войны. В последние годы окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Тот самый институт, куда я мечтал попасть после средней школы. Такие вот интересные параллели. Во время службы в ЛенВО мне довелось с Романовым встречаться многократно. И каждый раз он чем-то корпусу помогал. А позже нас судьба свела уже при других обстоятельствах.

Вернувшись в Архангельск, выслушал в шумливо-ворчливом тоне упреки Попова: «Что-то командир корпуса отбивается от своих земель. На праздники — в Ленинград, а не с нами. В этот раз простим, поскольку мы тоже выходцы из Ленинграда, но впредь просим быть только с нами». И вдруг перешел на другую тему:

— Слушай, Валентин Иванович, — когда он бывал особо хорошо расположен, то обычно переходил на «ты», — у нас на весь Архангельск есть только два ЗИМа. Один у командира корпуса, а второй — у попа. Поэтому и обком, и горком, и облисполком, и горисполком, да и вообще вся общественность города, когда едет ЗИМ, вечно гадают: то ли это поп и надо снять шапку, встать на колени и перекреститься, или же это командир

корпуса и всем надо вытянуться по стойке «смирно» и молодцевато отдавать честь, пожирая начальство глазами. А так как церковь-то находится рядом со штабом корпуса, вы оба ездите по одним маршрутам, то каждый день люди теряются в догадках. Что-то надо делать.

— Борис Вениаминович, да я готов хоть сегодня его сдать, если будет вместо него приличная «Волга». ЗИМ вечно ломается.

— Так за чем остановка? Согласуйте со своим начальством. Если оно не против, то можно сдать свой ЗИМ в наш гараж и получить хорошую «Волгу» из группы гостевых. Мы ЗИМ отправим в Москву, а там его обменяют на новую «Волгу».

На том и порешили. Через генерала Белецкого я договорился с автослужбой округа, они прислали по этому поводу официальную телеграмму, и мы провели обмен. Все были довольны. Но больше всех я, водитель и адъютант. С этим ЗИМом действительно было много мороки. И Попов понимал, что я испытываю двойное неудобство: во-первых, никто из руководства области машин такого класса не имеет, и, во-вторых, дряхлый ЗИМ всегда может задохнуться, и тогда его надо вместе с генералом доставлять на буксире в штаб.

Позвонил в Вологду Дрыгину — тот тоже ворчит: «Всё вас в Ленинград тянет. Конечно, город хороший. Я сам был много лет секретарем Ленинградского обкома по сельскому хозяйству. Но имейте в виду: к нам скоро приезжает Алексей Николаевич Косыгин на неделю — будет вручать области орден Ленина, а перед этим объедет трудовые коллективы. Только на Череповецкий комбинат отведен весь день. Так что планируйте быть все это время с нами.

У меня навечно осталась в памяти эта встреча с удивительным и редкостным человеком. На мой взгляд, у нас в стране после Ленина и Сталина более сильного государственника, чем Алексей Николаевич Косыгин, не было. В период Хрущева ему, конечно, пришлось немало пережить и испытать на постах руководителя Министерства товаров широкого потребления, затем первого заместителя, а потом и — председателя Госплана СССР. Шестнадцать лет быть председателем Правительства (с 1964 по 1980 гг.), да еще такой страны — это подвиг. Умело проводя линию по нейтрализации или максимальному снижению негативных последствий от вредных течений и позиции лиц, формировавших у генсека неправильные представления по экономическим проблемам, Алексей Николаевич всячески старался объяснить, какими должны быть условия, необходимые для развития объективных законов социализма. И не его вина в том, что во второй половине

70-х темпы роста нашего народного хозяйства стали снижаться. Он знал пути выхода из надвигающегося застоя, предлагал конкретные меры, однако интриганы, сколотившие вокруг доверчивого Л. И. Брежнева непробиваемое кольцо, не позволили ему осуществить свои планы. Это по существу и являлось причиной некоторых теневых моментов в экономике. Но это еще не было даже началом постепенного развала. Однако государственный организм уже был болен, особенно его экономика. Болезнь прогрессировала и была объективно признана де-факто и де-юре во времена Хрущева. Она протекала подспудно. Но даже в этой форме обычные таблетки, массажи, инъекции, капельницы уже не могли помочь — нужен был скальпель. Но Косыгину просто-напросто решать проблемы с помощью Брежнева не дали, а Брежнева кое-кто отговаривал от радикальных шагов. Когда же не стало ни Косыгина, ни Брежнева, ни тем более Андропова, а наверху воцарил Горбачев, болезнь стала быстро прогрессировать.

Об этом еще будет подробный разговор, а сейчас вернемся в Вологду.

Визит А. Н. Косыгина произвел сильнейшее впечатление. Само торжество с вручением ордена и посвященный этому событию прием запланировали на последний день пребывания. А перед этим — многочисленные встречи в коллективах. В отличие от других руководителей, Алексей Николаевич проводил их по-деловому, без парадов и пышных рапортов о достижениях. Разбиралось состояние дел, как оно есть, и на месте принимались решения: об оказании помощи государством (к чему, конечно, каждый раз стремилось областное руководство), о подключении резервов области, о которых Косыгин был прекрасно осведомлен, чем часто и ставил местных руководителей в неловкое положение, или же, наконец, о переустройстве производства с целью обеспечения его рентабельности. Во время встреч А. Н. Косыгин убеждал руководителей предприятий в целесообразности организации производства побочной продукции, которая со временем могла бы стать основной. «Что касается Госплана, то мы все вопросы согласуем», — успокаивал Косыгин тех, кто кивал на центр, что, мол, там это не позволят.

Еще и еще раз вспоминаю я посещение Алексеем Николаевичем Череповецкого металлургического комбината. Одна треть времени была посвящена объезду и обходу основных его производств, после чего состоялось подробное, детальное обсуждение и анализ состояния и перспектив развития комбината. Уже в то время этот гигант имел современную электронику, богатый банк данных по состоянию производства.

Поэтому анализ и расчеты составлялись относительно неплохо. Но председатель правительства часто выдавал им из своей памяти такие цифры, что ставил череповецких корифеев в тупик — перепроверив все через ЭВМ, они убеждались в удивительной точности расчетов Косыгина. Особый акцент был сделан на необходимости увеличения количества коксовых батарей. Было очень наглядно показано, что Воркута способна вдвое увеличить подачу угля, а Череповецкий комбинат мог бы пересмотреть технологию производства кокса на старых батареях и, добавив новые, поднять производство кокса в 1,7–1,8 раза. А это выгодно и комбинату (рабочему классу и инженерно-техническому составу), и стране, и нашей соседке Финляндии, которой кокс поставляем только мы. «Это уже политический вопрос», — заключил Алексей Николаевич.

Вообще 1967 год был знаменателен многими событиями. В общегосударственном масштабе — это 50-летие Великой Октябрьской Социалистической революции. В честь этого юбилея учреждены памятные знамена (решением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совмина СССР), которыми награждались также и лучшие воинские части, и корабли Вооруженных Сил.

8 мая был открыт памятник — Могила Неизвестного Солдата в Москве у Кремлевской стены. Зажжен Вечный огонь в память героев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Принят Закон «О всеобщей воинской обязанности». Хоть ничего нового он и не открывал, но роль и значение защиты Отечества в современных условиях в нем подчеркивалась с новой силой. Это отвечало духу времени. Закон совершенно не нагнетал обстановку, но и не предавал забвению необходимость бдительно стоять на страже нашей независимости. События на Ближнем Востоке — агрессия Израиля и позиция США в этом конфликте наглядно показали, что нам нельзя расслабляться.

Мы гордились крупными достижениями в народном хозяйстве, в том числе сообщениями о принятии в промышленную эксплуатацию Братской ГЭС мощностью более 4-х миллионов киловатт-часов, о сдаче Красноярской ГЭС, которая дала промышленный ток, о принятии в эксплуатацию двух гигантских газопроводов — один на Чехословакию, а второй — из Средней Азии в центр страны и т. д.

Естественно, для нашего 26-го армейского корпуса самым важным было то, что он существовал уже не на бумаге, а состоялся фактически и довольно успешно заявил о себе.

Бывали в нашей жизни и «дни веселые». Как-то в начале 1968 года говорю Б. В. Попову, что в связи с 50-летием создания

Вооруженных Сил надо отметить эту дату достойно, чтобы это прозвучало в народе.

— Иначе и быть не должно, — сказал мне первый секретарь обкома. — Я, кстати, уже поручил идеологическому и орготделу разработать совместно с военными план мероприятий.

— Но я бы хотел согласовать один принципиальный вопрос. Учитывая, что народ проявляет большой интерес к технике и вооружению, позвольте организовать на площади Профсоюзов выставку, которая бы действовала в течение недели — с 17 по 23 февраля.

— Возражений нет. Наоборот, будем приветствовать. Надо привлечь милицию для поддержания порядка.

Решение принято. Машина закрутилась. Политотдел вместе с обкомом и горкомом КПСС занялся подготовкой и проведением массовых мероприятий — торжественных собраний, встреч и т. д., а отдел боевой подготовки корпуса — этой выставкой (кстати, подобную организовали и в Вологде).

Зная, какой это вызовет интерес, мы выставили боевую технику — танки, боевые машины пехоты (только получили), бронетранспортеры, тягачи, в том числе ГТС, артиллерийские и минометные системы, инженерную технику, технику связи и химзащиты — в нескольких экземплярах. Мелкие виды оружия, техники и имущества располагались в огромных освещенных палатках-павильонах. Все это было расставлено по периметру самой большой площади города, которая отлично освещалась. В двух противоположных концах ее развернули пункты питания — по несколько походных кухонь с гречневой кашей и горячим сладким чаем. В центре площади располагались штаб выставки, громкоговорящие средства, диспетчерская с проводниками и экскурсоводами (на каждом учебном месте имелся инструктор, который постоянно давал пояснения).

Выставка работала ежедневно с 8 утра и до 9 вечера. И все это время была буквально «забита» посетителями. Попов звонит мне на третий день:

— Валентин Иванович, ну, ты парализовал город: школы пустые, государственные служащие наполовину отсутствуют, некоторые рабочие умудряются исчезнуть, даже в кинотеатры никто не ходит. Что будем делать?

— Радоваться будем. Радоваться и дотягивать до 23 февраля.

— Это верно. Отступать нельзя.

В общем, наша выставка произвела в окрэге настоящий фурор. Звонили, наводили справки: «Что вы там сделали, что даже здесь не перестают говорить?»

В стране каждый день происходили какие-то знаменательные

события: ввод в строй новых мощностей, празднование 50-летия Советских Вооруженных Сил, проведение в ЛенВО фронтовых командно-штабных учений, в которых в своей роли выступал и наш 26-й армейский корпус. Мне импонировало, что корпус был использован на очень хорошо известном лично мне операционном направлении: наступали из района реки Титовки, в 90–100 километрах западнее Мурманска. Управление корпуса, которому исполнился всего год, справилось со своими задачами в полном объеме, и это был хороший показатель. Отличилась и 77-я Гвардейская мотострелковая дивизия нашего корпуса. Так что в целом мы были на высоте.

Что касается международных событий, то, как я уже говорил, главным из них была «шестидневная» война Израиля с арабскими странами. И хоть она для нас тоже ущербна, но жесткая позиция Советского правительства и лично Косыгина не позволила уронить авторитет СССР.

Однако центральным мировым событием 1968 года стало вступление на территорию Чехословакии воинских частей соседних с ней государств: Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и, естественно, Советского Союза. Цель акции состояла в том, чтобы оказать помощь трудящимся этой страны и отстоять социализм от посягательств внутренних и внешних врагов.

В последние годы много лжи выплеснуто на страницы периодики и телеэкраны по поводу так называемой «пражской весны». Что же было на самом деле? В 60-е годы внешняя и внутренняя реакция, используя демократические институты государства, начала всё больше и больше выступать против существующего в Чехословакии общественного строя. Когда эти силы стали уже представлять реальную угрозу для страны, ее руководство обратилось к государствам Варшавского Договора с просьбой оказать помощь Чехословакии. Правоохранительные органы и армия самой Чехословакии в то время были еще слабыми во всех отношениях, в том числе и в морально-политическом. Поэтому речь шла и о военной помощи.

Внимательно наблюдая за развитием ситуации в этой стране, Советское правительство сделало заявление о том, что силы, накаляющие здесь обстановку, тем самым затрагивают интересы СССР и других стран социалистического содружества, связанных между собой договорными обязательствами. Это угрожает миру в Европе и международной безопасности.

Однако силы реакции должного вывода не сделали. Вот почему Советский Союз, по согласованию с другими странами — соседями Чехословакии, вынужден был ввести свои войска на ее территорию. Сразу же было сказано: как только нормализуется

обстановка и угроза безопасности будет снята, войска будут немедленно выведены.

Разумеется, Советское правительство понимало, что такой шаг встретит негативную реакцию Запада. Тем более что спецслужбы Запада сами являлись первоисточником этого накала и подталкивали контрреволюцию к выступлению. Поэтому наше руководство разъясняло, что эти действия продиктованы именно заботой о мире, что в этих действиях совершенно не затрагиваются интересы других стран и что у Советского правительства была и остается принципиальная линия на укрепление сотрудничества со всеми странами мира.

Несмотря на это средства массовой информации Запада подняли вокруг этого события небывалую шумиху, напирая в основном на два момента: во-первых, войска Варшавского Договора были введены в Чехословакию якобы без ведома руководства страны; а во-вторых — никакой внешней угрозы, а тем более агрессивных намерений какой-либо страны по отношению к Чехословакии не было. Что ж, такую реакцию следовало ожидать. Было бы наивно думать, чтобы Запад отнесся с пониманием к нашему шагу. Им надо было все извратить и выставить нас как захватчиков, оккупантов, как впоследствии сделал это Горбачев, холуйствуя перед Западом. Подталкиваемый, конечно, А. Н. Яковлевым, он заявил, что ввод советских войск был ошибкой, однако ничего не сказал о том, как же на самом деле развивались события. И нынешние российские псевдодемократы продолжают обвинять СССР в том, что он будто бы расправился с пресловутой «пражской весной».

Если же придерживаться исторической истины, то надо признать, что в ходе социалистического строительства в Чехословакии были и достижения и упущения, правильные решения и серьезные ошибки. Такова жизнь. Были допущены ошибочные выводы о достигнутых показателях, переоценивался уровень морально-политического единства общества. Бюрократы слепо копировали то, что делалось у нас. А ведь в ЧССР была совсем иная ситуация. Все просчеты способствовали тому, чтобы реакция подняла голову. Внутри партии стали распространяться ревизионистские взгляды. В связи с этим в 1966 году был созван 13-й съезд КПЧ, который четко определил пути преодоления препятствий, возникших в основном по субъективным причинам. Но реальной работы по выполнению этих решений развернуто не было. В связи с этим кризис в партии и в обществе усугублялся. Правые силы брали верх все больше и больше.

Собранный в начале 1968 года Пленум ЦК КПЧ избрал новое руководство партии, большинство из которых составляли правые

оппортунисты во главе с А. Дубчеком. Страна пошла под уклон. Народ возмущался. Но реакция, морально и материально поддержанная Западом (в первую очередь ЦРУ США), перешла в открытое наступление. Прикрываясь демагогическими лозунгами о демократизации общества, она выдвигала лозунг борьбы за новую модель социализма, а фактически это была борьба против социализма, за реставрацию капитализма (точь-в-точь как у нас — все повторилось). В итоге к концу лета 1968 года чехословацкое общество было на грани гражданской войны. Поэтому огромное количество граждан — патриотов Чехословакии обращались к социалистическим странам с призывом о помощи. Это был зов народа. Видно было, что своими силами безоружный народ с контрреволюцией не справится. Должны ли и могли ли мы стоять в стороне? Нет, конечно. Тем более что и Варшавский Договор обязывал нас протянуть руку помощи чехословацкому народу.

Чехословацкому народу было к кому обратиться за помощью в 1968 году, а советскому народу в 1991 году уже не к кому было обратиться.

К чему приводит безучастное отношение к напряженным социально-политическим ситуациям — уже, надеюсь, всем понятно. Наглядным примером может быть наша страна. Период предательской перестройки, а затем диких реформ ввергли Россию в катастрофу, а мы не смогли этому противостоять. Так произошло в той же Чехословакии и в других странах Восточной Европы, стоявших на пути социалистического развития. Именно Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе — продавшиеся Западу и преданные ему — вначале внесли разброд и шатание во все эти страны (в том числе в Чехословакию, признав наш ввод войск ошибкой — по их понятиям, надо, чтобы еще тогда, в 1968-м, был реставрирован капитализм), а потом, после насильственного развала Варшавского Договора, закрыли глаза и умыли руки, когда там совершались контрреволюционные перевороты. Что касается Чехословакии, то она, как все остальные, не только капитализировалась, но и развалилась на Чехию и Словакию! А ведь 80 лет назад — 30 октября 1918 года — народы Чехии и Словакии приняли Декларацию, в которой было записано решение о создании единого суверенного государства чехов и словаков. И такое государство было создано, и оно процветало. Фактически это было многонациональное государство: около одной трети населения венгры, поляки, немцы, украинцы. Перед Второй мировой войной это было современное европейское единое государство. Его единство сохранилось и после разгрома Советской Армией немецко-фашистских войск, оккупировавших

Чехословакию. Но общая линия Запада, который следовал стратегическим курсом А. Даллеса, направленным на ликвидацию социализма на планете, коснулась в самом полном объеме и Чехословакии. Однако тогда, в 1968 году, все мы гордились тем, что наша страна не осталась в стороне от событий, которые происходили в Чехословакии, и вместе с другими социалистическими странами протянула ей руку помощи. Некоторые политики уже позже высказывали различные версии возможного развития событий. Например, говорилось, что США (и Запад в целом) мог бы вмешаться в эту ситуацию, но им не позволила сделать это находившаяся в то время в самом разгаре война во Вьетнаме.

Даже если представить гипотетически, что США тогда воевали с Вьетнамом, на каком юридическом основании они могли бы вмешаться в события в Чехословакии? У нас, как уже говорилось, существовал Договор о дружбе и взаимопомощи. У США такого договора не было. Мы находились в одном союзе — Варшавском Договоре. Мы просто обязаны были помочь! Да, Дубчек за такой помощью не обращался. Но ведь он же предатель чехословацкого народа! А вот общественные организации, здоровая часть компартии Чехословакии, представители народа звонили во все колокола.

Каковы же последствия ввода войск СССР? Чехословакия, как и ГДР, была в числе самых развитых стран мира. Социально-бытовые условия и уровень благосостояния народа был высокий. Безработица отсутствовала. Бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, бесплатное обеспечение трудящихся жильем — словом, народ страны единой поступью шел вперед, процветал. А после «бархатной революции», точнее, контрреволюции в Чехии и Словакии — вернулись все «прелести» капиталистического «рая»: и сверхбогатые, и бедные, и нищие, и безработные.

Мы вообще гордились и нашей страной, и нашим народом, и нашим руководством. И это не блеф, не вздор человека, обязанного тому времени. Действительно, именно этот дух царил в стране.

1969 год начался для Советской страны нормально. Но потом два события (одно — областного, а второе — союзного масштаба) наложили определенный отпечаток на нашу жизнь. Первое — это несчастье, которое произошло на Архангельском бумажном комбинате: по неизвестным причинам в одном из цехов взорвалась огромная емкость с хлором, и десятки тонн ядовитой жидкости вытекли в развороченную стену. Несколько человек погибли сразу. Многие пострадали от отравления. Силами нашего

корпуса пришлось принимать аварийно-спасательные меры (больше было некому). Обстановка была очень опасной, я лично выезжал к месту аварии и организовывал все работы, а затем наездом проверял ход проводимых работ. Удовлетворен был тем, что все спасатели и ликвидаторы последствий аварии использовали индивидуальные средства защиты. Однако сам я ими, в частности противогазом, не воспользовался, потому что это мешало отдавать распоряжения и управлять действиями наших подразделений. Но в том несчастье судьба над нами смилостивилась — стояли морозы под 40 градусов, а хлор кипит при температуре минус 38 градусов. То есть все находилось на пределе, а ветра почти не было. Небольшое дуновение тихо тянуло хлорное облако в сторону поселка, который был в 10 километрах.

А сам все-таки пострадал — надышался хлора, и у меня образовался отек легких. Состояние было тяжелым, но ложиться в госпиталь мне было нельзя. И все же дело мы довели до конца! А вот с легкими я, хоть и амбулаторно, еще возился несколько месяцев.

Второе событие обрушилось на нас в начале марта: неожиданно для всех произошло кровавое столкновение советских пограничников с китайскими войсками на реке Уссури в районе острова Даманский.

К этому году в связи с курсом, который был взят китайским руководством, Китай впал в глубокий политический и экономический кризис. Он сопровождался фактически и международной изоляцией. Конечно, при определенных условиях обострения между Китаем и Советским Союзом можно было избежать. Но этого не произошло.

В то время наш бывший командарм по Северу Олег Александрович Лосик, будучи генерал-полковником, уже второй год командовал войсками Дальневосточного военного округа. Все очень внимательно следили за ходом столкновений в районе острова Даманский (а позже — в районах Казахстана — Тасты и Жаланашколь). Нерешительность наших пограничников и тягучий характер действий разжигал у китайской стороны агрессивные намерения. В итоге не было ни победителей, ни побежденных. Все затухло. А генерал-полковника О. А. Лосика министр обороны назначил начальником Военной академии бронетанковых войск. Видно, ему действительно больше подходила педагогическая деятельность. На этом поприще в 1975 году Лосик получил звание маршала бронетанковых войск.

А Даманский оставил у нас, у военных, темный след в душе. Есть, к сожалению, в нашей истории и царского, и советского, и

тем более нынешнего периода такие эпизоды боевой жизни, вспоминать о которых не хочется. Но если обстоятельства вынуждают тебя к этому, то ты делаешь это со вздохом и большим сожалением. Вот такой же эпизод и с Даманским.

Конечно, не генеральское это дело разбираться, как ведет боевые действия рота или батальон, но во время войны всегда на самом остром участке у нас в 138-й стрелковой дивизии появлялся Иван Людников — командир дивизии, а в 35-й Гвардейской стрелковой дивизии — Иван Кулагин — тоже командир дивизии и тоже генерал. А вспомните Жукова! Он был вначале войны генералом армии, а в 1943 году уже маршалом, и, когда требовала обстановка лично увидеть события, чтобы принять правильное решение, он часами ползал на животе по переднему краю. Жуков принимал решения и управлял боевыми действиями с глубоким знанием ситуации, а в итоге приводил войска к решительной победе.

Помня об этом, я поступал так же и в Афганистане (да и в других странах), в частности во время организации штурма укрепленного района — крепости Джаварра на границе с Пакистаном (округ Хост).

Был генералом армии, но тоже «лазил» там, где, на первый взгляд, можно было бы обойтись без генерала. Но это на первый взгляд. А фактически обстановка требовала личного изучения ситуации.

Видно, обстановка в районе Даманского тоже требовала личного и решительного вмешательства руководства.

Летом 1969 года меня начали «беспокоить» кадровые органы Ленинграда, а затем и Москвы — какая обстановка, все ли в порядке и т. д. Давали понять, что может быть поднят вопрос о моем передвижении. Но куда, кем, когда — все хранилось в тайне. Наконец, позвонил Иван Перфильевич Потапов — заведующий сектором Сухопутных войск адм-отдела ЦК КПСС:

— Мы получили на вас представление на должность командующего армией в Группу Советских войск в Германии. У нас возражений нет. И, очевидно, вызывать вас в ЦК не будем. Я сегодня доложу руководству. У вас по этому поводу нет возражений?

— Нет, конечно. Спасибо. А как скоро это решится?

— В ближайшее время. Правда, есть некоторые препятствия. Но они устранимы.

Я никаких вопросов больше не задавал. Однако ситуацию анализировал. Меня интересовало, кто явился инициатором моего продвижения. И. Е. Шавров? Он этого никогда не сделает. В. Г. Куликов? Он мог бы такой шаг предпринять, но в то время

он командовал Киевским военным округом и ко мне никакого отношения не имел. С. Л. Соколов? Вполне вероятно, тем более он был на посту первого заместителя министра обороны и меня уже хорошо знал как комдива и, вероятно слышал, как я командую корпусом.

Но, скорее всего, главным инициатором и пробивной силой в вопросах моего назначения могло быть Главное управление кадров.

Долго ждать не пришлось. Вскоре состоялся приказ министра обороны о моем назначении. Мне было определено время для прибытия в Москву и представления, а также получения предписания к новому месту службы. Конечно, я был рад. Во-первых, повышение и, во-вторых, — в Группу войск, где все части развернуты и боевая учеба — главная забота всех командиров и начальников.

К этому времени мой старший сын Валерий, окончив первый курс Бауманского училища в Москве, поступил в 1968 году в Военную академию им. Можайского в Ленинграде. Но приняли его только на первый курс. Поэтому летом 1969-го он перешел всего лишь на второй.

Учитывая, что мы из Архангельска уезжаем, а в Ленинграде учится сын, я обратился к командующему ЛенВО с просьбой выделить мне в Ленинграде квартиру, куда я мог бы перевезти свои вещи. Пояснил, что квартиру в Архангельске сдаю для командира корпуса. И. Е. Шавров вначале мне категорически отказал. Тогда я сказал, что вынужден буду занимать квартиру в Архангельске, и не поверил своим ушам, когда он посоветовал:

— А вы сдайте свои вещи на склад.

— На какой склад? На чей склад? У нас в корпусе нет такого склада. А потом мне просто необходима квартира.

Ни о чем не договорившись по телефону, я попросил его принять меня лично — представиться в связи с убытием. Это было положено по Уставу. Он согласился. Я прилетел в Ленинград и предварительно зашел в квартирно-эксплуатационное управление округа. Там мне сказали, что по приказу командующего мне выделена двухкомнатная малогабаритная квартира в новостройке на окраине города. А по секрету добавили (очевидно, у каждого есть друзья в центральном аппарате), что у командующего войсками в центре Ленинграда есть четыре резервные квартиры, в том числе три — в военном доме № 61 по проспекту Суворова.

Я отправился к Шаврову. Он принял сразу. Я представился в связи с отбытием к новому месту службы. Вместо того чтобы поздравить меня с назначением и пожелать чего-нибудь доброго

хотя бы ради приличия, он опять начал о квартире и даже перешел на «ты»:

— Я не пойму, зачем тебе квартира? Будешь жить за границей. Сын учится, живет в общежитии. Будешь приезжать по делам службы в Москву — полно гостиниц. Только из личного уважения решил отдать последнюю из резерва. Хотя и она уже была предназначена другому. Я дал команду в КЭУ, чтобы тебе выписали ордер.

Понимая, что нет смысла вести с ним разговор на эту тему, я отблагодарил, откланялся и поехал смотреть новостройку. Оказалось, что это не на окраине, а за городом (городская черта была недавно перенесена). Район еще не обжит. Дом, в котором мне на первом этаже выделили двухкомнатную квартиру, был панельный, малогабаритный, одним словом, «хрущевка». Распределен только на 30 процентов, о чем мне поведал сопровождающий из КЭУ округа офицер.

— А остальные 70 процентов?

— Пока еще не заполнены. Этот дом весь наш, но многие не хотят сюда ехать — далеко, а самое главное — место не обжито и плохо обеспечено.

Вернулись в Ленинград. Зашел к начальнику штаба округа попрощаться. Заодно рассказал обстановку с квартирой. Он подумал и говорит:

— С нашим каши не сваришь — очень упрямый до странности человек. Рекомендую обратиться к генерал-лейтенанту Даниилу Павловичу Носареву. Сейчас работает начальником Главного управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области, а у нас на Севере был начальником управления КГБ по округу.

Я прямо из кабинета Белецкого связался с Носаревым, рассказал обо всем, ну и, конечно, высказал просьбу.

— Выделенная мне квартира очень неудобна своим местом расположения. Сын учится в Военной академиим. Можайского. Если можно, помогите обменять: я сдам свою, а вы мне что-то поближе к центру.

— Валентин Иванович, считайте, что вопрос решен. Васильевский остров вас устраивает?

— Конечно. Это было бы прекрасно.

— Называйте фамилию, кто этим будет заниматься, и на следующей неделе можно получить у меня ключи.

Все было решено. Вернулся в Архангельск. Рассчитался по службе. Обошел всех руководителей — распрощался, поблагодарил. Тепло расстался с нашим управлением. Семью — жену и младшего сына Владимира — пока оставлял здесь. По

моей команде они позже выедут ко мне — документы все оформлены. А адъютант отвезет вещи в Ленинград — в квартиру, которую нам дал Носарев.

С 77-й Гвардейской дивизией попрощался лично. А с остальными — по телефону Долго и тепло говорил с Анатолием Семеновичем Дрыгиным. Я напомнил, и ему это особенно понравилось, как он однажды во время очередного приезда в Вологду пригласил меня на заседание бюро Вологодского обкома КПСС:

— Приглашаю. Послушаешь, как мы коллегиально решаем вопросы.

— Да, вроде мое присутствие будет выглядеть не совсем уместно — я же не член обкома.

— Ну, и что? У нас командир дивизии — член бюро обкома, а ты его начальник. Да в конце концов я же тебя приглашаю!

Вопросы исчерпаны.

Должен сказать, что Анатолий Семенович в годы Великой Отечественной войны был командиром артиллерийского полка. Полученные на фронте опыт и навыки руководства стали основной его базой, на которую он опирался, руководя областной партийной организацией. Был он в числе немногих, кто был удостоен звания Героя Социалистического Труда, что действительно заслужил своим трудом.

Так вот — о заседании бюро обкома. Заходим в зал заседания. Все встали, Анатолий Семенович поздоровался с каждым за руку и начал:

— Вот Валентин Иванович напросился (?!) поприсутствовать на заседании нашего бюро. Думаю, что это будет полезно и ему, и нам. Итак, приступаем к работе. Повестка дня у всех на руках. У кого есть какие-нибудь вопросы или дополнения? Нет? Утверждается! По первому вопросу, я думаю, без обсуждения посмотрим проект приложенного постановления и, если дополнений не будет, — примем.

Начали изучать проект постановления. Кто-то неуверенно сказал:

— Так, все ясно. Вопрос-то о повышении роли партийных комитетов на производстве давно назрел.

— Ну, конечно, — согласился Анатолий Семенович. — Кто за принятие постановления? Единогласно. Принимается. По второму вопросу слово предоставляется Василию Ивановичу Другову — секретарю по идеологии.

Тот тоже был краток. Он сказал, что вопрос об активизации идеологической работы партийных организаций с молодежью области — это насущный вопрос, требующий постоянного

внимания и конкретных действий. Приложенный к проекту постановления план мероприятий согласован со всеми заинтересованными органами.

Далее Василий Иванович доложил каждое из мероприятий, сообщив, как и кем оно будет организовано, в какие сроки проведено и кто из обкома за это отвечает. А. С. Дрыгин предложил принять проект постановления и плана за основу, а затем и в целом.

Всего через полтора часа проголосовали все восемь вопросов и бюро закончилось. Дрыгин пригласил меня и Другова к себе. Сидели, пили чай.

— Ну, как наша коллегиальность? — спросил он меня как бы между прочим.

— Все очень организованно, — уклончиво ответил я. А сам подумал: как на совещании у командира полка. Но Анатолий Семенович был мудрый и глубокий человек, хотя внешне казался грубоватым и прямолинейным. Он смекнул, что у меня на уме, и говорит:

— Ну, ты не подумай, что я ворочу всем, как дышлом. Прежде чем проводить заседание, я с каждым из них по два-три раза встретился, обсудил каждый вопрос и, только когда почувствовал, что все созрело, внес в повестку дня. И так каждый раз. Верно я говорю, Василий Иванович?

— Это точно, — подтвердил Другов. — Но точно и другое: за время этих встреч получаешь и капитальную накачку.

— Как у командира полка, — добавил я.

— Ну, уж без этого нельзя, дорогие друзья, — заключил Дрыгин. И всем, конечно, стало весело. А поскольку атмосфера была уже совсем теплой, Василий Иванович рассказал об одном эпизоде из жизни Анатолия Семеновича. В то время Дрыгин был еще секретарем Ленинградского обкома КПСС по сельскому хозяйству. Однажды на расширенном заседании рассматривался вопрос о животноводстве. Отмечалось, что за последние годы совершенно нет прироста крупного рогатого скота, все пущено на самотек, и перспективы для области просто опасные. Естественно, вся критика прямо или косвенно сыпалась на Дрыгина. А он, когда волнуется и переживает, то начинает «наливаться» кровью: вначале — мощная шея, затем — крупное, с рельефно выраженным лбом лицо и, наконец, белки глаз. И на этот раз, дойдя в этом отношении до «кондиции», Анатолий Семенович встает и, упершись кулаками в стол, окинув всех сидящих на заседании бычьим взглядом, громко сказал, как промычал:

— Заверяю обком, что приму лично меры, и ни одной яловой коровы в области не будет.

Его слова внесли веселое оживление в ход работы бюро, однако были приняты всерьез: все знали, если Анатолий Семенович что-то пообещал, то обязательно сделает.

Да, бывали в нашей жизни вот такие небольшие отступления от протокола, прописанного приказами, уставами, указами, решениями, постановлениями, законами да и Конституцией. Жизнь всегда многогранней параграфов.

Прощаясь с Анатолием Семеновичем Дрыгиным, мы поклялись встретиться, но судьба нас так и не свела, хотя по телефону многие годы перезванивались. А вот с Борисом Вениаминовичем Поповым в Москве мы встречались не один раз. Естественно, вспоминали Север.

…В очередной раз заканчивался еще один важный этап моей жизни.

Наконец, я со всеми распрощался, рассчитался и выехал в столицу. Побывал в ЦК — выслушал напутствия: мне оказывается большее доверие, поскольку направляюсь в лучшие войска Вооруженных Сил — наш авангард. Надо это оправдать. Естественно, я все это понимал и соответственно реагировал.

Потом обошел всех начальников, получил предписание. Сел на поезд и уехал в Берлин. Ночью почти не спал — думал. О том, что мне пошел уже 46-й год, за плечами — большая жизнь, думал и о том, что может меня ожидать. Но тревоги в душе не было. Наоборот, какое-то закаменевшее спокойствие. И в ЦК, и в Министерстве обороны мне, разумеется, сказали, что главнокомандующий Группой войск в Германии маршал Советского Союза Петр Кириллович Кошевой категорически противится, чтобы посылали на армию меня — у него были свои предложения, и он требовал, чтобы с его мнением считались. Однако приказ состоялся, и я был назначен вопреки главнокомандующему. Я понимал, чем это для меня чревато. Но мне уже приходилось в жизни встречаться с подобными ситуациями, когда меня не хотели. Однако служба есть служба. А Группа войск — это не чья-то вотчина. Так что мнение главнокомандующего меня хоть и беспокоило, но это было не главное. Я больше думал о другом — в каком состоянии армия, которая, по определению маршала Ивана Игнатьевича Якубовского, «самая большая в мире». Лежал и думал под стук колес. А с наступлением рассвета я весь день стоял у окна и старался припомнить, а что было в Польше в годы войны, какие наиболее яркие эпизоды происходили со мной на подступах к Берлину?

Как странно обернулась судьба и жизнь! Когда в январе 1950 года я уезжал из Германии, точнее, из Группы войск в Германии,

то считал, что это навсегда, что я уже сюда никогда не вернусь. На душе тогда было тоскливо и радостно. Тоскливо — от того, что оставляю края, где сложили головы мои друзья-товарищи, где и сам обливался потом и кровью. Ведь столько сил, жизней вложено в нашу Победу! А как оно будет дальше? Радостно же было потому, что наконец вырвался на Родину. Ведь хоть война и кончилась, но находиться с 1945 по 1950 годы на казарменном положении — далеко не мед. Тогда я вот также стоял у окна вагона, смотрел на проплывающие пейзажи, а во мне все пело и ликовало: домой, домой, домой!

Теперь я всматривался во все, что попадало в поле зрения. Следы войны встречались уже редко. Все же прошло двадцать пять лет, как отгремели последние залпы. Однако военный человек шрамы войны отыщет быстро, даже если они чем-нибудь прикрыты или заросли.

И еще я думал: прошла такая страшная война, мы разгромили столь грозного и опасного врага. Казалось бы, человечеству надо радоваться миру и процветать, отношения между странами должны быть добрыми и теплыми. Но в реальности-то холодно! Почему? Да потому, что силы, которые всегда будут претендовать на мировое господство, уже тогда, в ходе Второй мировой войны, заложили основы «холодной войны», которая продолжила путь войны в целом во второй половине двадцатого столетия.

Фотографии



1949 г.



Военная академия им. М.В. Фрунзе. Выпускники 1954 года.
В центре вверху — начальник академии генерал армии П.А. Курочкин. Слева — начальник курса генерал Макавчук.
Справа — секретарь партийной организации курса подполковник Юденков.
Слушатели (сверху вниз, слева направо):
первый ряд — Глазов, Григорьев, Керимов, Васильев (старшина группы); второй ряд — Козьмин, Бочкарев, Крекотень, Дыбенко, Костылев, Жигулин, Леванов;
третий ряд — Варенников, Ледницкий, Барабадзе, Кабалия



56-й стрелковый полк.
С курсантами полковой школы.
Мурманск, 1956 г.



Это не шахта, а снег!
С начальником штаба полка подполковником Дубиным. Зима 1956/57 г.



Укрытие надежное — сверху еще два метра снега.
Во время тактических учений на КП 56-го стрелкового полка.
Зима 1956/57 г.

Командир 56-го стрелкового полка. Мурманск, 1956 г.





Северный военный округ, город Медвежьегорск, курсы подготовки танкистов. Группа командиров стрелковых полков округа. Второй справа во втором ряду В.И. Варенников. 1956 г.



Полуостров Рыбачий, пос. Озерко. Памятник защитникам полуострова



Во многих гарнизонах имелись вот такие стенды и во времена Хрущева



С группой офицеров штаба 6-й армии.
Полуостров Рыбачий. Июнь 1959 г.



Заместители командира полка. Слева направо: Гринберг — первый заместитель командира полка, Мещеряков — зам. по политчасти, Сологуб — начальник штаба полка, Гривко — начальник тыла, Кавер — зам. командира полка по техчасти. Полуостров Рыбачий, 1959 г.



Полуостров Рыбачий, пос. Озерко, 1959 г.





Полуостров Рыбачий. Возле дома, в котором я жил. Лето 1959 г.



Полуостров Рыбачий. Развод на занятия



Полуостров Рыбачий, пос. Озерко, здание штаба и старая жилая зона. Обратите внимание на грунт — сплошная галька



На танкодроме с командиром дивизии генералом В.Т. Ягленко. 1960 г.



Проверяю готовность танка к подводному вождению. Заполярье, 1960 г.

Учение с форсированием реки. Заполярье, 1960 г.





Заполярье, лето, река Титовка, 1960 г.





На учениях. Слева направо: Бойко, Варенников, Ягленко, Молокоедов, Казаков. Заполярье, лето 1960 г.



Пуск ракеты



Пауза на учении

Пауза на учении





На учениях. Заполярье (Кандалакша), 1963 г.



Генерал армии Крылов Н.И. —
командующий войсками ЛенВО.
1960 г.

С командармом О.А. Лосиком. Мурманск, 1957 г.





Командующий 6-й армии генерал О.А. Лосик ставит задачу на тактических учениях

Сын Владимир





Деревянная церковь Бориса и Глеба
на левом норвежском берегу реки Патса-Йоки



Строевой смотр 113-го мотострелкового полка.
Впереди — командир полка подполковник В. Варенников (старший сын).
Забайкальский военный округ, Даурия, пос. Досатуй



26-й армейский корпус, г. Архангельск. В центре — первый секретарь Архангельского обкома КПСС Б.В. Попов. 1967 г.



С генералом В.Т. Ягленко. 1961 г.



112-й километр под Печенгой. 61-й мотострелковый полк. Офицерские дома. Водоснабжение только таким образом — из колодца



На учении. Справа — командующий войсками Ленинградского военного округа генерал армии М.И. Казаков. Кандалакша, 1963 г.



Генерал-майор Куликов В.Г. —
командующий 6-й армией. 1964 г.



Строевой смотр полка 69-й мотострелковой дивизии.
Грязовец Вологодской области, 1967 г.



Слева — полковник П. Калайда,
один из лучших офицеров корпуса.
1968 г.



Офицеры управления 26-го армейского корпуса. Архангельск, 1967 г.



Главком Сухопутных войск И.Г. Павловский и командующий Ленинградским военным округом И.Е. Шавров проверяют 77-ю Гвардейскую мотострелковую дивизию корпуса. Архангельск, 1968 г.



Слушатель Военной академии Генерального штаба. 1966 г.



Группа выпускников Военной академии Генерального штаба.
Справа налево: Шутов, Прейсман, Аболинс, Ахромеев, Турченко, Новоселецкий, Бесхребтный, Фадеев, Стычинский, Черемных, Варенников.
Москва, 1967 г.



Выпускники Военной академии Генерального штаба.
В центре сидят: маршал И.И. Якубовский, слева от него — генерал армии В.Д. Иванов, справа — генерал армии А.И. Радзиевский.
Москва, 1967 г.



Командир 61-го мотострелкового полка.
Пос. «Спутник», 1969 г.



В снегу не замерзнешь



Сыновья растут. Архангельск, 1968 г.



Памятный снимок. Космонавт В. Терешкова с моим сыном Владимиром. 1970 г.



Вот какие рождались военные городки в Заполярье.
Пос. «Спутник», 1983 г.

Вот какие рождались военные городки в Заполярье.
Пос. «Спутник», 1983 г.

